

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРЕ И СОЦИУМЕ – 8

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

ΨΛ

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРЕ И СОЦИУМЕ – 8

ISBN 978-5-907417-50-2

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук

Российский университет дружбы народов

Международная научная конференция
**«Жизнь языка в культуре
и социуме – 8»**

28 – 29 мая 2021 г.

Москва 2021

УДК
81.23
ББК 81
Ж 71

Печатается по решению Ученого совета
Института языкознания РАН
Рецензент – канд. филол.н., ст.н.сотр. Н.С. Бабенко

Жизнь языка в культуре и социуме – 8. Материалы международной научной конференции. Москва, 28 – 29 мая 2021 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, Е.С. Ощепкова, О.В. Балясникова, Д.В. Маховиков – М., 2021. – 374 с.

Материалы международной научной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме – 8», посвященной анализу функционирования языка в деятельности и общении, показывают сложность, многоаспектность проблемы и необходимость разнообразия подходов к ее решению, основывающихся на идее об их непременно междисциплинарности.

ISBN 978-5-907417-50-2

© Институт языкознания РАН, 2021
© Российский университет дружбы народов, 2021
© Авторы, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Тарасов Е.Ф.

Системный подход к анализу речевых процессов в теории речевой деятельности	22
--	----

Пленарное заседание

Уфимцева Н.В.

Языковое сознание русских: динамика и вариативность	24
---	----

Кирилина А.В.

Глобалистская стандартизация гуманитарного знания как причина полемики в научном дискурсе	25
---	----

Красных В.В.

«Митрофанушки» XXI века (к вопросу о функционально-культурной неграмотности)	27
--	----

Марцинковская Т.Д.

Лингвистическая идентичность в транзитивном мире	30
--	----

Стернин И.А.

Есть ли в языковом сознании носителя языка ложные значения?	32
---	----

Ушакова Т.Н.

Осмысленность действий и общения младенца 1-го года жизни	34
---	----

Шапошникова И.В.

Образ мира человека и упорядочение лексики на модели ассоциативно-вербальной сети	37
---	----

Желтухина М.Р.

Британская и немецкая медиатрансляция образа России: ценностные факторы воздействия	38
---	----

Шаховский В.И.

Дух эпохи в языковой картине мира	40
-----------------------------------	----

Секция
«Языковое и неязыковое сознание:
проблемы онтологии и гносеологии»

Акинина О.Г.	
Язык арабской молодежи в интернете	42
Боргоякова Т.Г., Покоякова К.А.	
Этнорегиональная идентичность в языковом сознании жителей Республики Хакасия	43
Бубнова И.А., Горохова Д.В.	
Образ <i>советского</i> в языковом сознании современной молодежи: специфика доминирующих оценочных смыслов	45
Бутакова Л.О.	
Стратегии актуализации фрагмента языкового сознания носителей русского языка (на примере смысловой области « <i>пожилой человек</i> »)	47
Гилязова Д.Р.	
Поколение зуммеров: клиповое мышление и конфликтность	49
Гуц Е.Н.	
Обыденная семантизация общеупотребительной лексики носителями русского языка: экспериментальное исследование	51
Дьяконова Е.А.	
Семантика наименований «Россия» и «Раша» в языковом сознании носителей русского языка. Сопоставительный анализ	53
Евдокимова С.В.	
Актуальные варианты в речи молодых людей на примере пары (<i>милый человек / няша</i>)	55
Ерастова Д.А.	
Идиоматика: сохранить нельзя уничтожить	57

Журавлев И.В.	
Л.С. Выготский и методология современной психолингвистики	59
Журавлева Ю.В.	
Проблемы психолингвистики депрессий	61
Котова А.В.	
Сравнения в «Аргонавтике» Валерия Флакка и «Ахиллеиде» Стация: особенности структуры	63
Кружилина Т.В.	
Трансформация языковой картины мира функционально неграмотного носителя русского языка	65
Крючкова О.Ю.	
Динамика метаязыкового сознания диалектоносителей	67
Маклакова Е.А.	
Психолингвистический толковый словарь как путь к интегрированному описанию значения слова	69
Михайлова Т.В.	
«Сдвинутое сознание» в блокадных текстах	71
Олейник М.А., Горбатовский А.С.	
К вопросу о языковом моделировании культурного пространства художественного текста	73
Осетрова Е.В.	
<i>Коронавирус</i> в медийном тексте: семантика прогноза	75
Попова Е.А.	
Эволюция измерения времени и ее отражение в испанском и русском языках	76
Рудакова А.В.	
Психолингвистическое описание смантики имен числительных первого десятка	78
Савицкая С.В.	
Представление о доме в сознании молодых русских и якутов	80

Садиева Д.В.	
Отличия в восприятии аббревиатур школьниками старших классов и учителями (по результатам анкетирования)	82
Скребова Е.Г., Митина Г.В.	
Событийность как концепт языкового сознания (на примере структурирования подчинительных отношений)	84
Стороженко Т.И.	
Феминизация и нейтрализация речи: языковая политика носителей русского и испанского языков	85
Ткачук Н.В.	
Нужно ли сохранить родной язык: из опыта социологических исследований среди коренных малочисленных народов Югры	87
Ускова С.В., Горошевский А.Н.	
Рефлексивы-реакции информантов в записях текстов локальной картины мира	89
Учайкина Е.В.	
Сбывшееся и несбывшееся. К вопросу о сходном и различном в образах университета (на материале мемуарных и дневниковых записей)	90
Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И.	
Язык и язык: нерасторжимое единство или...?	92
Цзин Байлян	
Анализ явления трансформации частей речи: психолингвистический подход	94
Цзя Шуюе	
Сопоставительный анализ образа ученого в языковом сознании современных носителей китайского и русского языков	95
Юе Цюй	
Ментальная карта в топонимической ререзентации (на примере годонимов)	97

Секция
«Онтологические и гносеологические аспекты формирования профессионального образа мира»

Афинская З.Н.	
Термин в ракурсе культурного трансфера	100
Владимирова Т.Е.	
Онтология профессионального дискурса в высшей школе	101
Золотова Н.О.	
Становление профессионального сознания студентов медицинского ВУЗа	103
Инь Цзысюань	
Текст в рекламе туристических услуг	105
Кафтанов Р.А.	
Специфика вербальных ассоциаций военных на примере ассоциативного поля «Солдат»	107
Кужевская Е.Б., Смык Е.И.	
О некоторых аспектах психолингвистических исследований юридического дискурса	108
Кузнецова Ю.М.	
Общность когнитивного фонда в контексте прагматики научной коммуникации	110
Малышева Е.В.	
Медийный аспект коммуникативных рассогласований протоколно-этикетных встреч современных политиков	112
Николаева Н.Н., Нуриева Н.С.	
Математическая когниция и формирование профессионального образа мира у студентов-математиков	113
Рахимова А.Р.	
Метафора «температуры» в репрезентации знания о психике человека (на материале научного психологического дискурса и терминосистемы психологии)	115

Секция

«Динамика и вариативность языковой картины мира (обыденного языкового сознания) современных носителей русского языка/культуры»

Алексеева В.Н.	
Восприятие в когнитивных исследованиях	118
Голубенко Е.А.	
Образ <i>войны</i> и <i>мира</i> в языковом сознании современных носителей русского языка	120
Дмитрюк Н.В.	
Устойчивость и вариативность этнокультурных и гендерных стереотипов в языковом сознании современных казахстанцев	121
Козельская Н.А.	
Экспериментальное изучение семантики диминутивов	123
Кузина М.А.	
Лексические заимствования из языков Южной Азии в современном английском языке: закономерности процесса деэкзотизации	125
Марченко Н.И., Дьяконова Е.А.	
Сопоставительный анализ психолингвистических значений топонимов 'РОССИЯ' и ' ГЕРМАНИЯ' (тенденции осмысления явлений обыденным языковым сознанием)	127
Матюшина В.В.	
Американская повседневность в языковом сознании – психолингвистический аспект в фокусе изучения литературного произведения (по книге Дж. Гришама "Skipping Christmas")	129
Мельник О.Ю.	
Образ « <i>безделья</i> » как фрагмент русского трудового сознания (на материале паремий)	132
Миллер В.А.	
Эмоционально-оценочная лексика в лексиконе молодежи	134

Михайлов А.В.	
Аксиогеография локуса: топонимы в картине мира жителя сибирского поселения	136
Плахотная Ю.И.	
Психолингвистические особенности формирования теоретического и обыденного сознания	137
Проскурякова Е.В.	
Пословицы как оценочные высказывания в текстах массмедийного дискурса	139
Селезнева Г.Я.	
Фразеологическое варьирование как способ имплицитного воздействия языка на сознание	141
Сергиева Н.С.	
Языковая судьба личности сквозь призму его научного мировоззрения	143
Столетова Е.К.	
Роль пространственной метафоры в осмыслении событий и состояний (в русской лингвокультуре)	144
Чжу Хуадунь, Янь Кай	
Категоризация концепта <i>осень</i> в русском и китайском языковом сознании: сопоставительный аспект	146
Шапошников В.Н.	
Номинация еды и кулинарии в русской лингвокультуре	149
Шапошникова И.В.	
Русская языковая личность: универсальное в региональном	159

Секция

«Конфликтогенные элементы современной языковой картины мира»

Богатчикова К.С., Востриков С.В.	
Взаимодействие этноязыковых и конфликтогенных факторов в современном мире	162

Власова Е.В.	
Речевое общение британских подростков: недооценка или переоценка?	163
Новоселова О.В.	
«Срежиссированный» страх в контексте предвыборной дискуссии	165
Пешкова Н.П.	
Советизмы и англицизмы в языковом ландшафте города: конфликт или сосуществование?	167
Пробст Н.А.	
Рецептивно-аксиологическая специфика реализации речевого акта угрозы в рамках повседневной конфликтной коммуникации	169
Романов А.А., Романова Л.А.	
Особенности реализации коммуникативных практик «острой силы» и её вариантов в информационном противостоянии	171
Романова Т.В.	
Концепт <i>власть</i> : константы и динамика обыденного русскоязычного сознания	173
Семина Т.А.	
Отрицательная тональность как характеристика конфликтогенности текстов	175
Стародубова О.Ю.	
Лингвокогнитивное моделирование конфликтогенного медийного дискурса	176
Чумаченко И.В.	
Признаки конфликтогенности интернет-отзыва в медицинской коммуникации	178

Секция
«Психолингвистический анализ медиаконтента
в мультимодальном аспекте»

Анненкова А.В.	
К вопросу о поликодовости текста имиджевой рекламы	180
Ахренова Н.А.	
Дискурс пандемии (на материале он-лайн СМИ и социальных сетей)	182
Гавриш А.Д.	
Эмоциональная правота как способ политического воздействия в медиадискурсе	183
Доброниченко Е.В., Спорова И.П.	
Основные признаки ритуальной медиакommunikации (на примере свадебного дискурса)	185
Доронина И.М.	
Условия корректного восприятия телевизионных титров	186
Евграфова Ю.А.	
Особенности репрезентации реальности в экранных текстах сети интернет (на примере Stories Instagram)	188
Киуру К.В.	
Психолингвистический анализ медиаконтента Instagram	190
Парамонова Д.В., Бусыгина М.В.	
Онлайн-образ России в испанских СМИ: вербальные характеристики	192
Пильгун М.А.	
Ассоциативная сеть стимулов «государство» и «власть» в цифровом контенте в период пандемии COVID 19	193
Самсонова Е.А.	
К вопросу об интерпретации топики русской культуры в социально-сетевой картине мира	195
Тамразова И.Г.	
Эристическая интерпретанта как внутренняя форма политического демотиватора	197

Секция
«Речевое общение: проблемы анализа»

Афиногенова В.А.	
Иллокутивный механизм развития диалога: результаты исследования	199
Бай Сюйхаожань	
Межкультурные барьеры в речевом общении	200
Беляков М.В., Максименко О.И.	
Дипломатическая дуэль: психолингвистический анализ	202
Вдовиченко А.В.	
Что дает лингвистической теории категория семиотического (воз)действия?	204
Величко А.В.	
Коммуникативная вариативность фразеологизированных предложений	207
Гасанова У.У.	
Лингвокоммуникативные матрицы речи городской языковой среды (на примере Республики Дагестан)	209
Звягинцева В.В.	
Анализ экономического дискурса в рамках социолингвистического контекста	211
Попова Г.Е.	
Интеракционально-интерактивная интенциональность речевого взаимодействия	212
Смерчинская А.А.	
Инференция имплицатур как способ характеристики языковой личности	214
Сперанская Г.Л.	
Теоретические и эмпирические подходы к исследованию связности речи	216

Секция
«Би-, поли-, транслингвизм:
теоретический анализ и практика»

Акчурина Д.Н.	
Заимствования из русского языка в татарском языке	219
Андрюшкина Ю.С.	
Влияние иноязыковой тревожности на спонтанную речь обучающегося в условиях искусственного билингвизма	220
Бестолкова Г.В.	
Франко-провансальский билингвизм	222
Ваджибов М.Д.	
О специфике применения живого русского языка в современном дагестанском поликультурном социуме	224
Василевич А.П.	
Об одном способе оценки уровня сформированности произносительных навыков	225
Воробьева Е.Ю.	
Психосемантика цвета (на материале французских рекламных текстов товаров повседневного спроса)	227
Воропаев Н.Н.	
Прецедентные феномены как инструменты мониторинга знаний народов друг о друге и укрепления дружбы между народами (на примере России и Китая)	229
Дебрени М.	
Испытание дружбой	231
Каширина О.А.	
Креативность. Исследование на семинарах иностранного языка в период самоизоляции	233
Tali Kigel	
Switching codes in Facebook comments of Russian-speaking Israelis	236

Николаева Е.В.	
Формирование билингвального профессионального образа мира: когнитивный аспект проектной деятельности студентов в нелингвистическом вузе	237
Никуличева Д.Б.	
Языковая структура личности как модель активизации речевых навыков на изучаемом языке	239
Полежаева С.С.	
Об изучении русского языка в школах с молдавским языком обучения	241
Свердлова Н.А.	
О принципах организации языкового знания билингва	242
Свизева К.О.	
Мотивация как фактор усвоения билингвизма	244
Ханова А.Ф.	
Язык и национальное образование	246
Черепанов И.Е.	
Междисциплинарный подход к проблеме изучения билингвизма	249
Шелехов Д.М.	
Проблема безэквивалентности английских фонем в устной речи носителей немецкого языка	251
Юй Минчжу	
Особенности обращения как средства отражения отношений индивида к коллективу в русском и китайском языках	252

Секция
«Текст, претекст, интертекст, гипертекст:
проблемы анализа»

Абакумова О.Б.	
Актуализация смысла пословицы в дискурсе	254

Бушуева Л.А.	
О лингвокогнитивном словаре поступков: к обсуждению микроструктуры	255
Вашунина И.В.	
Обзор экспериментального исследования восприятия креолизованных текстов	257
Жантурина Б.Н., Савельева А.Ю.	
Перцептивный субстрат словесных картин природы	259
Замальдинов В.Е.	
Игровые возможности окказиональных слов в медийном тексте	261
Карих Т.В.	
К проблеме подбора и организации учебного текста	262
Карташкова Ф.И., Беляева Л.Е.	
Особенности оценки произведений живописи персонажами англоязычного художественного текста	265
Литвиненко Т. Е.	
Грамматическая картина мира и ее категории в метатексте, интертексте и гипертексте	266
Масленникова Е.М.	
Интерактивность культурной памяти текста	268
Матвеев М.О.	
Изучение невербальных основ коммуникации на материале поликодовых текстов (экспериментальное исследование)	270
Мягкова Е.Ю.	
Важнейшие условия формирования когнитивных навыков: беглое чтение и понимание текста	271
Никитина Е.С.	
Чтение в деятельностной парадигме	273
Николаева Н.Н.	
Концептуальный блендинг как средство интерпретации стилистической выразительности	275

Панькина Ю.А.	
Концепция интертекстуальности А.А. Леонтьева и её прикладное значение	278
Пиотровская Л.А.	
Стратегии понимания текста: сангвиники и меланхолики (результаты экспериментального исследования)	280
Раренко М.Б.	
Как перевести на язык то, чего в этом языке нет: к вопросу о делакунизации	282
Татаурова Д.М.	
Семантическая вариативность терминов «national» и «гражданин» в британском и русском конституционном интертексте	284
Шипулин А.Г.	
Соотношение языковых и модальных когнитивных систем в процессе перевода	286

Секция «Ценности современной России в психолингвистических исследованиях»

Ильина В.А.	
Хронопсихолингвистический подход к исследованию ценностей	288
Кирюхина Н.В.	
Русские антипословицы с гендерными маркерами как способ репрезентации образа мужчины и женщины	290
Кубрак Т.А.	
Как зрители понимают ценностные направленности российского кинодискурса	291
Кузьмина М.А.	
Междисциплинарный подход к ценностям как культурным универсалиям	293

Кульпина В.Г.	
Ценностное измерение природных реалий России как части языковой картины мира	295
Магомадова Т.Д.	
«Политика» – «война»: метафорическое моделирование в интернет-пространстве	297
Низамутинова Т.М.	
Ассоциативные, эмотивно-чувственные значения семиотической оппозиции хорошо – плохо, как базовый ценностный аспект языкового сознания школьников Красноярска	298
Палкин А.Д.	
Культуры стыда и культуры вины: актуальность концепции	300
Смирнова Л.Г.	
Оценочная амбивалентность как отражение аксиологического конфликта современного общества	302
Ян Цзинь	
Образ героя как показатель ценностей (на примере видеороликов)	304

Круглый стол

«Междисциплинарная парадигма в изучении детской речи: норма и отклонения»

Алмазова А.А.	
Формирование языковой личности в ситуации дизонтогенеза	307
Бабина Г.В.	
Реконструкция текстовой информации учащимися с нарушением чтения: лингвокогнитивный формат изучения	308
Бабина Е.Д.	
Когнитивно-коммуникативный контекст исследования перифраз в речевой деятельности школьников с дислексией	310

Белякова Л.И., Филатова Ю.О.	
Психобиологические основы системной организации речевой функции	312
Иншакова О.Б.	
Модель коррекции устойчивых проявлений дисграфии у младших школьников общеобразовательной школы	313
Новицкая И.В.	
Особенности междисциплинарного дискурса и профессиональный тезаурус как проблема научного перевода в логопедии	315
Саввиди М.И.	
Изучение уровня сформированности метаязыковой деятельности у младших школьников	316
Филатова Ю.О., Аксенова А.О.	
Подходы к оценке нарушений плавности речи в отечественной и зарубежной логопедии	318
Яшина В.И.	
Детская речь в педагогических исследованиях периода Великой Отечественной войны	319

Круглый стол

«Особенности языкового сознания жителей Крыма»

Балясникова О.В.	
Советские символы в ассоциативных реакциях (на примере аббревиатуры КГБ)	321
Гусейнова Р.Н.	
Об этнической самоидентификации молодых крымчан	323
Коновалова Е.А.	
Ассоциативное поле гештальта управлять (на материале региональных ассоциативных словарей)	325
Матив Т.З., Абсемиева Л.С.	
Тюркизмы в современных прозвищах жителей Крыма: функциональный аспект	327

Полянская А.Г.	
Образ мужчины и женщины в языковом сознании жителей Крыма	329
Теркулов В.И.	
Региональная языковая личность: основные характеристики	331
Титаренко Е.Я.	
Семантический гештальт 'свобода' в языковом сознании молодых крымчан	333
Филиппович Ю.Н., Захаркина К.П.	
Информационная технология анализа результатов полиязычных ассоциативных экспериментов с учетом вариативности перевода	335
Филиппович А.Ю., Черкасова Г.А.	
Представлений о государстве и власти в языковом сознании русских в Крыму	337

Круглый стол
«Лингвистическая идентичность:
междисциплинарные исследования»

Блинникова И.В., Рабесон М.Д.	
Кросскультурное сравнение представлений о профессионализме	340
Бусыгина Н.П.	
По ту сторону дискурса: качественные исследования переживания после лингвистического и аффективного поворотов	342
Мельникова О.Т., Кустова У.С.	
Исследование цифровой идентичности пользователей сети Интернет с позиции дискурсивного подхода	344
Ощепкова Е.С.	
Конструирование идентичности через нарративы	346

Савельева И.В.

- Обыденнизация политики в пространстве виртуальных речевых практик (на примере комментариев к интернет-материалам о Джо Байдене) 348

Хорошилов Д.А.

- Работа Л.Я. Гинзбург «О литературном герое» в контексте культурно-исторической психологии 350

Черных О.Ю.

- Социальное конструирование гендера в современном мире: основные тенденции 352

**Круглый стол
«Речь и переработка слуховой информации
в норме и патологии»**

Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю.

- Нейропсихологический анализ переработки слухоречевой информации у детей 355

Величенкова О.А., Гусева В.Г.

- Оценка возможностей фонологической обработки у школьников с трудностями в обучении 358

Гамирова Р.Г., Горобец Е.А., Ахутина Т.В., Есин Р.Г.

- Изменения в речевом статусе у детей с идиопатической генерализованной эпилепсией, получающих противосудорожную терапию 360

Гамирова Р.Г., Горобец Е.А., Бударина Н.О.

- Нарушения импрессивной речи у детей: вопросы дифференциальной диагностики 362

Горобец Е.А., Гамирова Р.Г., Мустакова Т.П.

- Исследование обработки речи у детей 4-12 лет в батарее нейролингвистических тестов BVL_RU 364

Жижина О.Г., Корнеев А.А., Ахутина Т.В.

- Оценка слухоречевых функций у детей 6-9 лет 367

Ощепкова Е.С., Бухаленкова Д.А., Картушина Н.А. Изучение пассивного словарного запаса детей в Москве и Якутске с помощью методики PPVT: предварительные результаты	369
Паникратова Я.Р., Власова Р.М., Лебедева И.С., Тихонов Д.В., Каледа В.Г., Ахутина Т.В. Нейропсихологический и нейровизуализационный анализ речевых функций у пациентов с шизофренией	371

Предисловие

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ РЕЧЕВЫХ ПРОЦЕССОВ В ТЕОРИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Е.Ф. Тарасов (Москва)
Институт языкознания РАН
eft35@mail.ru*

Речевые действия коммуникантов в виде производства и восприятия речи сущностно могут быть поняты только как элементы структуры совместной деятельности (СД) с включенным в нее речевым общением (РО). СД – это первичная форма человеческой интеракции, детерминировавшая появление человеческой речи и сознания.

Речевые действия в системе СД – средство ориентировки в собеседнике при смысловом восприятии его речи и средство ориентирования в себе субъекта речевого воздействия, а также инструмент управления поведением сотрудника по СД.

СД может осуществляться сотрудниками только в случае общности сознаний коммуникантов, присвоивших идентичную этническую культуру и создавших тем самым сходное сознание, описываемое как единый образ мира (А.Н. Леонтьев), т.к. процесс производства и смыслового восприятия речи – это только трансляция тел языковых знаков, субстанция которых не несет никаких знаний и служит лишь для указания на общие фрагменты в сознании коммуникантов.

Участие в СД предполагает умение формировать общую для всех сотрудников цель, умение спланировать и осуществить СД в виде решения запланированных задач и проконтролировать успешность достижения цели.

Структура СД содержит в исходной форме все задачи осуществления человеческой интеракции, которые решаются в уже развитой речевой форме и за пределами собственно СД.

Задачи, решаемые преимущественно в речевой форме:

1) центральная задача, решаемая в социуме при помощи речи – формирование сознания ребенка. Эту задачу целесообразно рассматривать как подготовку к РО и СД, в структуре которых

будет осуществляться жизнь члена социума. По Л.С. Выготскому, сознание и речь ребенка формируются в РО, а по А.Н. Леонтьеву, в СД взрослого и ребенка, включающей в себя РО;

2) речевое ориентирование объекта РО в какой-либо проблеме, обычно осуществляемое в форме инструктивного обучения путем предоставления для смыслового восприятия речевых сообщений в социальных микроструктурах;

3) речевое ориентирование объекта РО в некоторой экзистенциально важной проблеме, в наше время осуществляемое СМИ в социальных структурах, охватывающих все общество;

4) целенаправленная трансляция сообщений объекту РО с целью создания у него предсказуемой готовности реагировать (вербально или невербально) на последующие речевые воздействия (операции в психолого-информационной войне);

5) ориентировочные процессы в поле сознания, предполагающие в СД обязательное *совместное языковое сознание*, фиксируемые в форме речевых сообщений: показательным примером можно считать речевое воздействие психотерапевта на клиента, когда они формируют образ в едином для них сознании, существующем сразу в двух телах;

6) процессы речевого мышления, осуществляемые в философии и науке и фиксируемые в письменной форме, а также речевое оформление результатов неречевого мышления за пределами философии и науки.

Пленарное заседание

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ РУССКИХ: ДИНАМИКА И ВАРИАТИВНОСТЬ

Н.В. Уфимцева (Москва)
Институт языкознания РАН
nufimtseva@yandex.ru

Огромный массив данных ассоциативных экспериментов с носителями русского языка/культуры, который собирается с конца XX века, открывает самые широкие возможности в исследовании образа мира русских, его динамики и вариативности.

Как показывают наши исследования [Уфимцева, 2016] ассоциативно-вербальная сеть, построенная по материалам РАС [Русский ассоциативный словарь, 2002], позволила впервые продемонстрировать именно целостную модель образа мира, которая не строится искусственно, а является простым овнешнением структуры, имплицитно содержащейся в экспериментальном материале, а значит и в сознании респондентов. Организующим для такой модели является принцип значимости, а сама модель имеет системно-целостный характер. Для ее анализа вводится понятие ядра языкового сознания, которое имеет центр и периферию. Ядро языкового сознания демонстрирует устойчивость во времени, хотя отдельные его единицы могут существенно менять свой ранг в системе под влиянием социокультурных факторов.

Имеющиеся в нашем распоряжении ассоциативные базы данных позволяют исследовать значение слова как отражение социокультурной реальности в его временной динамике и, таким образом, изучать содержание сознания наших респондентов, поскольку, по мнению Л.С. Выготского, слово – это микрокосм человеческого сознания.

Региональные ассоциативные словари и базы данных, в свою очередь, позволяют увидеть диаспоральные особенности образа мира русских (Крымский ассоциативный словарь), территориальные особенности, особенности религиозного фрагмента языкового сознания, его гендерные особенности, влияние инокультурного

окружения (ЕВРАС, СИБАС, УРРАС, Электронная база данных по ассоциативному эксперименту в республиках Бурятия, Коми, Татарстан, Саха (Якутия)).

Очень интересной и многообещающей оказалась возможность изучения русской национальной памяти по материалам ассоциативных словарей [Уфимцева, Балясникова, 2021]. В монографии «Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть» Ю.Н. Караулов высказывает предположение, что «изучение русской национальной памяти, ее состояния, ее коллективных воплощений и субъективно-личностных трансформаций» [Караулов, 1999, с.146] возможно на материале ассоциативного тезауруса. Проверка этой гипотезы показала, что маркеры национального самосознания представлены в ассоциативно-вербальной сети в разных ипостасях; они зависят от исторического времени и дискурсивного опыта носителей языка/культуры, а также от региона их проживания.

Многочисленные исследования с использованием материалов ассоциативных словарей подтверждают психолингвистическое представление об ассоциативном значении как о социокультурном феномене (см., например, [Шапошникова, 2020]), о семантическом гештальте как наиболее эффективном методе его анализа (см., например, [Региональное языковое сознание..., 2017]) и о культуре как системе сознания.

ГЛОБАЛИСТСКАЯ СТАНДАРТИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ КАК ПРИЧИНА ПОЛЕМИКИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

*А.В. Кирилина (Москва)
Московская международная академия
alkira@list.ru*

Как и многие другие сферы общества, наука представляет собой социальный институт, то есть набор общественно признанных и формализованных правил и действий, служащих для производства и экспертизы знания. Это выделение круга субъектов научной деятельности, установление форм их организации и взаимодействия;

разработка норм и предписаний, регулирующих поведение людей в рамках социального института; наличие значимых для жизни общества функций науки.

Мы живем в эпоху доминирующего господства в гуманитарном знании конструктивистской методологии, утверждающей примат общественных построений и толкований реальности. Весь XX век, собственно, и прошел в социальной философии под знаком осознания и обоснования различий в изучении природы и изучении общества, под знаком утверждения множественности истины при анализе социальных явлений. Как отмечал еще Мишель Фуко, все понятия предстают перед индивидом не в некоем «естественном» виде, а как результат дискурса: *«Мир – это не сообщник нашего познания, и не существует никакого пре-дискурсивного провидения, которое делало бы его благосклонным к нам. Дискурс, скорее, следует понимать как насилие, которое мы совершаем над вещами, – во всяком случае – как некую практику, которую мы им навязываем; и именно внутри этой практики события дискурса находят принцип своей регулярности»* (Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996, с. 80). И это с неизбежностью заставляет признать чрезвычайную значимость интерпретации в деле создания социального мира. Следствие только одно: гуманитарное знание национально. Оно и необходимо для создания у народа положительного образа себя, своей истории и культуры.

Следующий вопрос – как само научное знание способствует формированию новой картины мира. Рассматривая глобализацию как дискурс, Н. Фэйркло [Fairclough 2006] называет пять ее основных агентов и в их числе – науку, академический дискурс, то есть сферу «производства знания». Роль науки не сводится только лишь к росту определенной тематической области и формированию точек роста, обеспечивающих интенсивное изучение определенной проблематики. Не менее (а наш взгляд, и значительно более) интересен диапазон создаваемых ею интерпретаций социальной реальности и изменение этих интерпретаций, то есть их динамика.

Современное состояние отечественного гуманитарного знания вызывает у социологов и социальных философов определенный

скептицизм: «Отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т. д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» [Юревич 2005, эл. рес]; «наши социогуманитарии как “интеллектуальные посредники” <...> свое традиционное предназначение в качестве производителей нового знания... начинают утрачивать» [там же]. В свете этого необходимо рассматривать вопрос о применимости глобализационных интерпретаций для описания жизни русского языка и отечественных теорий языка.

В докладе обсуждается общая для ряда отечественных научных трудов (Ривлина 2016; Яковенко 2012; Федорова 2020 и др.) позиция – отказ от национальной специфики знания, критика отечественных ученых за якобы несоответствие их концепций и методов «трендам мирового знания».

Показано, что за критикой стоит не отклонение от научности а отклонение от глобалистской философии языка и от принципов формирования научного дискурса как агента глобализации.

В заключение обосновывается вывод о том, что некритический перенос знаний не принесет пользы отечественной лингвистике и философии языка. Необходимо глубже заняться критической стороной социоконструктивизма; неолиберальные идеи следует рассматривать как лишь один из возможных вариантов интерпретации жизни языка и общества при полном понимании политической основы глобализма.

«МИТРОФАНУШКИ» XXI ВЕКА (К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ НЕГРАМОТНОСТИ)

***В.В. Красных (Москва)
МГУ им. М.В. Ломоносова
victoryvk@gmail.com***

1. На каждом этапе развития человечества всегда появляется что-то новое, что, как правило, приветствуется молодым поколением и

порицается / отрицается поколением старшим (ср.: «Кто в молодости не был радикалом [вариант: либералом] – у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором – у того нет ума»; авторство не установлено).

2. Боязнь и неприятие нового, непривычного, не очень неизвестного (как минимум по последствиям) и потому потенциально опасного характерны для человека, вероятно, изначально. Новое – это что-то чужое, непривычное, «неправильное», «плохое», враждебное по отношению к своему, родному, «правильному», понятному, близкому. Отсюда (в том числе) проблема «отцов и детей». Отсюда подчас эсхатологические рассуждения. Отсюда и философские разногласия глубоких мыслителей. Из зафиксированных классических источников в связи с этим вспоминается диалог Платона «Федр» (согласно Сократу, письменность есть «зло», убивающее память, связанную с «правдой о сущем»: «Царь же сказал: “В души научившихся им они [письмена] вселят забывчивость, так будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых”» [Платон, 2007, с. 222]). Но неприятие «нового» в силу его «чуждости» и реальной опасности для существующей культуры подчас бывает вполне оправданным (см., напр., [Кирилина, ЭР, 2013, 2019]).

3. В 1990-е гг. появилось понятие, называющее феномен, который сегодня рассматривается как цивилизационный риск, – **функциональная неграмотность**. Она определяется подавляющим числом источников как неспособность человека читать, писать и считать на уровне, необходимом для решения простейших повседневных задач; в частности, это выражается в неумении находить нужную в деятельности информацию, в неумении правильно понимать прочитанные тексты и написать сложный и связный текст, в неспособности к логическим умозаключениям, в неумении ясно выражать свои мысли и чувства. Функционально неграмотным считается лицо, которое в значительной мере не

приобрело или утратило навыки чтения и письма и неспособно к восприятию короткого и несложного текста, имеющего отношение к повседневной жизни. Сегодня о функциональной неграмотности как об одной из серьезнейших проблем, стоящих перед нашей страной и представляющих определенную угрозу для ее будущего, активно пишут психологи и психолингвисты (см., напр., [Безруких, ЭР; Бубнова, 2008, 2011, 2017-а, 2017-б; Мягкова, 2015, 2016-а, 2016-б]).

4. Еще одно, относительно недавно появившееся понятие – **культурная неграмотность**, которая противостоит культурной грамотности – понятию, предложенному Э.Д. Хиршем [Hirsch, 1987]: “Hirsch argues for American educators to return to a focus on **cultural literacy**, meaning a common body of knowledge that **literate** citizens within a nation possess. Mere literacy, the ability to sound out or read individual words, is not coterminous with cultural literacy, which is a deeper familiarity with a body of concepts shared by one’s compatriots. Cultural literacy is essential to efficient and effective communication” [Cultural_Literacy, ЭР]. В словаре культурной грамотности [Hirsch et al., 2002] говорится, что «культурная грамотность, в отличие от специальных знаний, означает знания, понимаемые всеми. Это та информация, которую наша страна признала полезной и поэтому ее стоит сохранять. Культурная грамотность – это контекст того, что мы говорим и читаем; это часть того, что делает Американца Американцем» [Указ.соч.]. Применительно к нашим условиям – это то, что делает человека представителем русской культуры, русского народа, русской нации.

5. И, наконец, совсем новое понятие – **функционально-культурная неграмотность** (ФКН), своеобразный «конгломерат» функциональной и культурной неграмотности [Красных, 2019-а, 2019-б].

ФКН предполагает отсутствие у индивида культурно-языковой компетенции [Телия, 1996], которая в норме должна быть присуща индивидуальности / личности как члену этно- национально- лингво-культурного сообщества. Более того, ФКН предполагает не только неспособность кодировать и декодировать культуроносные смыслы, стоящие за знаками языка, но и неготовность и неспособность понимать тексты разной направленности, разных жанров и разного объема.

К сожалению, тексты, которые нас окружают, зачастую навязывают нам отсутствие необходимости в знаниях, в памяти и т.д. Например:

Реклама одного из агрегаторов такси: *Помните сколько букв в русском алфавите? // Помните число Р? На этом далеко не уедешь! XXX-taxi. Номер телефона.*

Реклама одного из операторов цифрового ТВ: *XXXпоможет Вам ответить на главные вопросы человечества: Что я пропустил? Можно досмотреть? Можно переключить? Утюг выключила?*

Такого рода тексты стимулируют и поощряют формирование именно ФКН.

6. Представляется, что отечественная психолингвистика, имеющая колоссальный опыт изучения языкового сознания, естественной коммуникации, текста (напр.: [Леонтьев 1974, 1993, 2008; Новиков 1983, 1997, 2007; Психолингвистическая..., 1979; Сорокин, 1985; Тарасов, 1993, 2004; Уфимцева, 2009, 2011, ЭР;]), призвана продолжить изучение феномена ФКН и способов борьбы с ней, поскольку последняя создает реальную серьезную опасность для бытия человека как *Homo sapiens* и способствует его превращению в «кадавра, неудовлетворенного желудочно» (Стругацкие), в Митрофанушку XXI века.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТРАНЗИТИВНОМ МИРЕ

Т.Д. Марцинковская (Москва)

*Российский государственный гуманитарный университет
tdmartsin@gmail.com*

Значимость проблемы лингвистической идентичности в современном изменяющемся и мультикультурном пространстве связана с социальной транзитивностью и с расширением межличностной и межгрупповой коммуникации. Не случайно в последние годы конструирование лингвистической идентичности, прежде всего линг-

вистической идентичности малых народов, становится одним из приоритетных направлений деятельности европейского сообщества. Не меньшее внимание уделяется вопросу о том, каким образом в содержании их лингвистической идентичности сочетаются государственный и миноритарные языки [Марцинковская, 2015]. При этом обращается внимание на желательность приоритетного развития социокультурной, а не этнической идентичности, обеспечивающей более благоприятное взаимодействие людей разных национальностей.

Необходимо подчеркнуть сложную связь языка, культуры и идентичности. Язык оказывает существенное влияние не только на этническую, социокультурную, но и на групповую идентичность. Групповая и социальная идентичность выражается, например, в лингвистических оборотах, синонимах, качестве самоописаний, раскрывающих (и выдающих) социальную принадлежность человека.

Представляется, что при изучении разных видов идентичности продуктивным является использование понятия социального капитала, прежде всего связующего и вспомогательного социального капитала [Бурдье, 2002; Putnam, 2002]. Анализ роли социокультурной и лингвистической идентичности показывает, что они могут рассматриваться и функционировать и как связующий, и как вспомогательный капитал.

Лингвистическая идентичность в контексте связующего капитала предполагает прежде всего возможность адекватной коммуникации между членами одной группы – языковой или социальной. Наличие смысловых доминант и жаргонных слов, наречий, также присутствующих в языке и входящих в лингвистическую идентичность, увеличивает доверительность контактов между членами группы и оптимизирует их взаимодействие.

Особенно значимым для внутригрупповых и для межгрупповых коммуникаций и взаимодействий в современном мире становится функционирование идентичности в контексте вспомогательного капитала. Постоянные изменения групповых и общественных структур предполагают гибкость как социокультурной, так и лингвистической идентичности, особенно при изменении места проживания и/или разносторонних и постоянных контактов с людьми, говорящими на других языках. При этом в рамках вспомогательного капитала не предполагается отказ от родного языка или культуры, как это

подразумевается в классических концепциях идентичности, подразумевающих идентификацию с одной группой, культурой, языком либо маргинализацию человека. Исследование социокультурной и лингвистической идентичности в рамках вспомогательного капитала предполагает хорошее владение новыми знаниями, культурными эталонами и языком и способность к гибкому использованию имеющихся знаний при конструировании новых контактов и совместной деятельности с людьми, принадлежащими к другой культуре.

ЕСТЬ ЛИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА ЛОЖНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ?¹

***И.А. Стернин (Воронеж)
Воронежский государственный университет
sterninia@mail.ru***

Описание значений по результатам психолингвистических экспериментов и составление на основе полученных результатов психолингвистических толковых словарей [Стернин, Рудакова, 2011; Рудакова 2014; Виноградова, Стернин 2016; психолингвистические толковые словари русского языка: <http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/digest.html>] обнаруживают наличие в языковом сознании явления, которое возникает искушение назвать «ложными значениями». Ложными – потому, что лингвистические знания исследователя, его лингвистический опыт свидетельствуют, что такого значения у данного слова быть не может, оно не отражает объективную действительность или языковую норму.

Могут ли быть в языковом сознании носителей языка ложные значения?

Психолингвистическое значение слова (ПЛЗ) включает значения, которые имеют между собой семантическую связь и относят-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации».

ся к стимулу одной части речи. Каждое значение характеризуется совокупным индексом яркости – СИЯ, который высчитывается как сумма индексов яркости всех семантических компонентов, формирующих значение.

Кроме того, в ПЛЗ выявляются контаминированные и рецептивные значения.

Контаминированное значение – это характеристика данного значения по происхождению – как результат контаминации двух материальных оболочек, отражение объективно существующего материального сходства лексем в языковом сознании носителей языка (звуковое или орфографическое). Необходимо только установить и указать реальное слово или словосочетание, с которым контаминирован исследуемая единица.

Если испытуемые на стимул дают значения, восходящие к материально сходным лексемам, значит, они эти лексемы в языковом сознании воспринимают как одну лексему. Такие значения включаются в смысловую структуру психолингвистического значения. Испытуемые считают контаминированные единицы одним словом, в их языковом сознании это одно слово с несколькими значениями.

Ср: **драйв** – мытье (контаминация с *драить*), **вести** – удача (контаминация с *веЗти*) и др. **апломб** – пломба для зубов (контаминация со словом *пломба*) **жеребец** – незрелая лошадь (контаминация с *жеребенок*) и др.

Рецептивное значение – это характеристика значения по содержанию, которое отражает чисто субъективное, индивидуальное понимание слова, притом что у слова нет выраженного материального сходства с каким-либо словом или выражением. Это чисто субъективное индивидуальное понимание слова. Чаще всего индекс яркости таких значений минимален.

Ср.: **глаз** – мировоззрение (нет контаминации с каким-либо словом), **апломб** – проба (нет контаминации с каким-либо словом), **подобный** – полностью совпадающий, идентичный (нет контаминации с каким-либо словом), **корифей** – кофе (нет контаминации с другим словом), **мобильный** – общительный человек (нет контаминации с другим словом) и др.

Контаминированные и рецептивные значения включаются в описание ПЛЗ исследуемого стимула.

Можно ли контаминированные рецептивные значения полнозначных слов назвать ложными? Нам представляется, что нельзя. В данных значениях нет ничего ложного, они отражают реальное языковое сознание носителей языка, в том числе и те его аспекты, которые свидетельствуют о неадекватном отражении действительности сознанием испытуемых, о недостаточном знании ими литературного языка. Но это реальный факт их языкового сознания.

А вот некоторые рецептивные значения собственных имен могут быть охарактеризованы как ложные (например, в антропониме **НЕРОН** – значения *ученый, философ*), как не соответствующие экстралингвистической действительности.

ОСМЫСЛЕННОСТЬ ДЕЙСТВИЙ И ОБЩЕНИЯ МЛАДЕНЦА 1-ГО ГОДА ЖИЗНИ

Т.Н. Ушакова (Москва)
Институт психологии РАН
tn.ushakova@gmail.com

1. Осмысленность действий и общения младенца проявляется в том, что они соответствуют воздействующим на ребенка сигналам. Например, младенец двухмесячного возраста повернет головку в сторону сильного звука; в возрасте четырех-пяти месяцев на вопрос «Где мама?» переведет на нее глаза.

2. Осмысленность составляет корень речевого общения, поскольку передача смыслового содержания является целью общения. Обратим при этом внимание на то, что при исследовании речевого развития используемые в речи слова и выражения могут быть легко воспроизведены и описаны, а смысл говоримого не поддается столь же непосредственной трактовке.

3. Для решения задачи объяснения природы осмысленности нами была проведена специальная работа. Собраны документальные видео-аудио материалы свободного поведения детей возраста от рождения до 12-14 мес. (две девочки и три мальчика). Эти записи (более 1500 эпизодов) подверглись анализу, позволяющему обнаружить паттерны голосовых проявлений и паттерны действий

ребенка, дающие основания для построения линии развития этих функций на протяжении избранного отрезка времени [Ушакова, 2019, с.139-171].

4. Из п.1 следует, что эти данные не дают основания для понимания смыслового поведения младенца. Однако они позволяют выделить своего рода «реперные точки», дающие возможность сопоставить данные теоретического анализа с эмпирическими данными о развитии младенца.

5. Теоретические данные, трактующие путь развития осмысленности в речевом онтогенезе, имеют решающее значение для разработки до сих пор не решенного в науке вопроса о связи мысли и слова у человека.

6. Важным для разработки этого вопроса является учет того обстоятельства, что от рождения младенец снабжен рядом психологических способностей: чувствительности, активности и способности к сохранению полезных реакций, приобретенных в результате активности («оперантное научение», по Б. Скиннеру).

7. С использованием полученных эмпирических данных были получены следующие результаты.

а) В возрасте от рождения до полутора месяцев «субъективный экран» младенца заполняется случайными объектами его восприятия. Малыш различает ласковое прикосновение к своему телу, звук человеческого голоса, тепло и холод. Содержание «субъективного экрана» младенца остается ограниченным.

б) К возрасту полутора-двух месяцев заметно развитие движений младенца. Они становятся более активными, проявляются реакции на окружающих, разнообразятся вокализации. Причина появления данных реакций – в действии прирожденных способностей. Содержание «субъективного экрана» младенца медленно пополняется, но все еще остается ограниченным [Пиаже, 1938, с.133].

в) В возрасте трех-четырех месяцев ребенок осваивает различные поведенческие формы, возникающие в естественных условиях его развития. Так, на основе врожденной активности малыш производит различные движения (пробы) в отношении окружающих предметов (схватить предмет, взять его в рот и т.п.). Если цель действия успешно достигается, то оно закрепляется в обиходе младенца, происходит оперантное научение [Скиннер, 2016].

Таким образом, схема действий ребенка включает ряд последовательных шагов:

- восприятие воздействующего на организм средового впечатления (на основе чувствительности),
- побуждение ответить на это впечатление (на основе активности),
- при получении адаптивно полезного результата – запоминание произведенных действий, что и составляет научение (оперантное научение).

При этом становится понятным формирование у ребенка нового знания, отражающего характер его действий при успешном достижении цели. Происходит формирование адаптивной схемы действий, обеспечивающей адекватность поведения малыша, а тем самым и осмысленность этих действий.

С возрастом происходит распространение схемы осмысливания действий ребенка на ситуации, где окружающие люди используют слова. Схема осмысленного реагирования на слова окружающих во многом повторяет адаптивную схему действий. В эмпирическом исследовании обнаружено, что начиная со второго-третьего месяцев жизни младенческие вокализации естественно развиваются в направлении сближения со звучанием речи окружающих. Схема реагирования на слова формируется в общении с взрослыми. Взрослый обращается к ребенку со словами, обозначающими разные объекты и явления окружения, а малыш отвечает одной из имеющихся в его репертуаре вокализаций, приближающейся по звучанию к слову взрослого. Адекватность реагирования малыша эмоционально поощряется взрослыми людьми и тем самым закрепляется в поведении детей (оперантное научение). Здесь также у ребенка происходит формирование знания об определенной последовательности действий для успешного выполнения операции. По своим проявлениям поведение младенца в это время является осмысленным. Так же воспринимают его и окружающие. Общее заключение по анализу этой проблемы показывает, что осмысленность действий младенца возникает на основании его врожденных психологических способностей: отражения его нервной системой происходящих событий и формирования у него знания об определенной последовательности действий для успешного достижения цели.

ОБРАЗ МИРА ЧЕЛОВЕКА И УПОРЯДОЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ НА МОДЕЛИ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ

*И.В. Шапошникова (Новосибирск)
Институт филологии СО РАН
i.shaposhnickowa@yandex.ru*

Вопросы разработки принципов и методов семантического упорядочения лексики, как правило, носят междисциплинарный характер и используются как методологический инструмент в разных отраслях современной лингвистики, они особенно актуальны при создании лингвистических ресурсов разного типа: словарей, баз данных, корпусов и пр. Междисциплинарность в решении задач упорядочения лексики обусловлена необходимостью выработки подхода к разрешению фундаментальных противоречий в соотношении языковой и концептуальной моделей мира (далее ЯММ и КММ), которые становятся ощутимыми в процессе любой работы с содержательно-смысловым (концептуальным) и вербальным материалом.

В зависимости от постановки проблем и решаемых в их поле задач разные лингвистические отрасли оперируют разными вариантами упорядочения вербального материала. Базисный лексикостатистический список архетипических значений (своего рода генеалогическое ядро), предписывая правила их локализации в современном лексическом материале, дает возможность работать с лексикой в глубинной диахронии для решения задач установления родства, времени расхождения языков, субстанциональной реконструкции протоязыка и протокультуры. Онтолингвистика представляет базисную лексику как психо-когнитивный субстрат для дальнейшего развития речемыслительной деятельности и содержательного наполнения образа мира языковой личности. Компьютерная лингвистика и формальная семантика упорядочивают лексикон на логической основе. В их задачи входит подготовка материала естественных языков для того, чтобы осуществлять опосредованные машинными алгоритмами виды деятельности. Все эти отрасли стремятся построить динамические статистически упорядоченные модели лексикона с разным охватом смысловой воплощенности языковых единиц под

потребности отраслевых задач. Все подходы обнажают в той или иной мере несводимость КММ к ЯММ. Специфика подхода со стороны ассоциативной лексикографии заключается в том, что макроуровневый анализ ассоциативно-вербальной сети дает возможность получить «копию» с внутреннего лексикона усредненной русской языковой личности, в котором *КММ и ЯММ сбалансированы естественным путем*. Статистическая упорядоченность единиц базируется в этой модели на детерминированности смысловой структуры образа мира испытуемых, отражающей интенциональность усредненной русской языковой личности в виде психически актуальных и активных в актуальной диахронии ассоциативных доминант. Комплементарное использование данных об упорядочении лексики в разных отраслях становится необходимостью, например, при построении учебного курса междисциплинарной лингвистики. Такой курс призван дать широкую перспективу закономерностей, которые выявляются при разных ракурсах рассмотрения языка (филогенетическом и онтогенетическом, историко-этносоциокультурном и психо-когнитивном). В контексте современных реалий системы образования все эти аспекты имеют единую мотивационно-прагматическую смысловую основу – это разные грани человекообразования, процесса, воплощающегося в образе мира языковой личности.

БРИТАНСКАЯ И НЕМЕЦКАЯ МЕДИАТРАНСЛЯЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ: ЦЕННОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

М.Р. Желтухина (Волгоград)

*Волгоградский государственный социально-педагогический
университет
zzmr@mail.ru*

Проблема изучения медиаобраза государства, в т.ч. и образа России в массмедиа, чрезвычайно актуальна, о чем свидетельствуют многочисленные междисциплинарные исследования XXI века [Желтухина, Зеленская, 2018; Voeva-Omelechko et al., 2019; Repina

et al., 2018; Zheltukhina et al., 2016 и др.]. Образ страны формируется на основе комплекса объективных, связанных между собой факторов, отражающих характеристики государственной структуры страны, культуры, общества и т.д. Медиатранслируемый образ страны в политическом медиадискурсе стран мира отражает картину мира жителей того или иного государства, проецируемую на другие регионы в передаваемых медиаобразах для оказания воздействия на адресата. Транслируемые медиаобразы государств обычно содержат мощную ценностную составляющую, которая может трансформироваться в процессе восприятия адресатом.

При рассмотрении образа страны предлагается учитывать следующие аксиологические группы факторов как классификационные критерии, лежащие в основе медиформируемых и медиатранслируемых образов государства: 1) условно-статичные (природно-ресурсный потенциал, географическое положение, площадь территории, протяженность границ, историческое и культурное наследие российского общества, менталитет, базовая форма устройства государственной системы и др.); 2) условно-динамичные, корректируемые (социологические: социально-психологические настроения в обществе, морально-нравственные аспекты развития российского общества и др.; институциональные: устойчивость развития экономики, уровень ВВП, инвестиционная привлекательность, правовое пространство и пр.); 3) ожидания (прогнозы, ожидания в будущем, оценки) [Кашлев, Галумов, 2003].

При изучении фактического материала выявлены 37 аксиологических разновидностей образа России, медиатранслируемого в британских и немецких СМИ за 2015-2019 гг.: 1) условно-статичные, 2) условно-динамичные, 3) экспектационные. Наиболее многочисленную аксиологическую группу представляют условно-динамические разновидности образа России, что связано с негативным восприятием процессов, происходящих в России, представителями британской и немецкой медиакультур. Это объясняется негативными установками при медиатрансляции образа России в массмедиа Великобритании и Германии. Условно-статичные аксиологические разновидности образа России передают стереотипное восприятие России, преимущественно навязанное СМИ и сложившееся в течение длительного срока. Особенный интерес представ-

ляет фактор ожидания (каким будет образ России как государства в будущем), влияющий на вариативность медиатрансляции образа России в СМИ разных государств для формирования устойчивых стереотипов восприятия России преимущественно в негативном ключе. В докладе рассмотрим основные экспектационные разновидности образа России в британском и немецком медиадискурсе, выявленные в процессе анализа фактического материала, в основе которых лежит фактор ожидания: образ современной/меняющейся России, образ двоякой России, образ застойной России, образ богатой-бедной России, образ «демонизированной» России, образ неутешительных прогнозов.

ДУХ ЭПОХИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В.И. Шаховский (Волгоград)

***Волгоградский государственный социально-педагогический
университет
shakhovsky2007@yandex.ru***

Лингвистика и философия уже с давних времен используют закономерные аксиомы: о единстве и борьбе противоположностей, об отрицании отрицания, о единстве и взаимосвязи рационального и эмоционального, всеобщего, частного и единичного, о единстве духа народа и языка, языка и культуры. Все чаще лингвисты анализируют действия закона об экономии языка и экономии физических усилий в современном коммуникативном и особенно в интернет-пространствах [Шаховский, 2018, с. 285-293]. Все эти закономерности входят в методологию непреходящей проблемы «язык и общество».

Эта проблема обостряется в связи с неизбежным научно-техническим прогрессом и его достижениями. Примеры этих достижений многочисленны и охватывают все сферы жизни социума: роботы, искусственная нейронная сеть, адронный коллайдер, редактирование генома, космическое рецензирование, цифровые технологии и мн. др.: цифровое ТВ, сенсорные

мобильники, планшеты и др. Общественно-политические события и соответствующие акции пробуждают гражданское коллективное сознание, что также не только отражается в языке, но и комментируется и реинтерпретируется через журналистские креатемы: *консперология, вмешательства в выборы, жизнь по понятиям, симулякры, московское дело*. Процессы в этой сфере жизни страны оцениваются, например, так: *новая реальность, ее разновидности, альтернативная, параллельная и контрреальность* и др. Эти и им подобные номинации являются оценочной реакцией журналистов и блогеров, что делает конгруэнтным жизнь языка с эпохой времени.

На языковую среду влияет также и экологическая ситуация: *глобальное потепление, климатгейт, климат-протесты* и др. Дух эпохи и языковые преобразования фиксируются и в сфере экономической жизни страны: *цифровая экономика, обманутые дольщики/вкладчики, глобальная/глубинная коррупция, коррумпированность, коррупционные скандалы/процессы, антикоррупционные движения, ФБК, фейковая продукция* и др.

Теперь уже никто не отрицает, что язык не только отражает действительность, но и формирует ее, например, язык за счет многочисленных языковых преобразований формирует и новые этико-моральные взаимоотношения: выходят из обихода некоторые общечеловеческие ценности (сострадание, добродетель, уважение, благодарность, совесть, взаимовыручка, дружелюбность). Соответственно, выходят из употребления и обозначающие эти ценности слова.

В дальнейшем функционировании все креатемы будут служить «зеркалом» ушедшего времени и стилистическим средством of the then time в целях коллективной идентификации определенной эпохи, определенного коллективного сознания. Для этого все языковые/речевые инновации должны быть зафиксированы нанолексикографией. Примером такого нанолексикографического словаря может служить веб-словарь Urban Dictionary. Подхватил и развил эту идею сайт «Слово года» (Эпштейн, электронный ресурс), который отслеживается и цитируется в журнале «Сноб» (Туркова, электронный ресурс).

Секция
«Языковое и неязыковое сознание:
проблемы онтологии и гносеологии»

ЯЗЫК АРАБСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТЕ

О.Г. Акинина (Москва)
Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
olgakinina@bk.ru

В конце прошлого века в молодежной среде арабских стран возникло такое явление, как «альтернативный язык» (*lughatun muwāziyatun*) или своего рода «лингва франка». Это особая форма языка – смесь латиницы и арабского (преимущественно диалектов), который использовала и продолжает использовать арабская молодежь в общении через интернет и с помощью мобильной связи. Данный язык можно считать искусственно созданным (*lughatun mukhtara‘atun*), поскольку, кроме английских букв, в нем используются цифры и различные символы, что для непосвященных людей делает практически невозможным понимание и расшифровку этого «языка молодежи» (*lughatu sh-shabābi*), используемого для коммуникации представителей определенного поколения (как правило, в возрасте от 15 до 35 лет), родным языком для которых считается арабский [Al-‘Askari, 2009, p.35].

Многие исследователи этого явления воспринимают молодежный язык как реальную угрозу литературному арабскому языку и как своего рода протест против общественного строя. Другие же полагают, что это не бунт, а, скорее, форма бегства от общества и что взрослые должны уважать этот новый язык или, по крайней мере, считаться с ним, если он не противоречит общественной морали. Что касается молодежи, то она подходит к использованию нового языка прагматично, с точки зрения его удобства и краткости, заменяя арабские харфы на английские и используя цифры в тех случаях, где нет возможности прямой замены. Например, вместо эмфатических харфов *ṭ* и *ṣ* используются соответственно цифры 6 и 9, вместо *ḥ* – 7, харф *kh* заменяется цифрой 5, харф ‘айн – цифрой 3 и т. д.

Приведем некоторые примеры. Распространенная фраза ‘Слава Аллаху!’ выглядит на молодежном языке как *el7amd lellah*.

Пожелание доброго утра *abāh al-khayr* выглядит как *saba7 el5eir*. Вопрос ‘Что ты делаешь?’ принимает диалектную форму *3aml eh*. Слово ‘хорошо’ *ṭayyib* становится совершенно неузнаваемым *byb*, а пожелание терпения ‘крепись!’ *iṣbir* превращается в *o9bor*. Согласитесь, разобраться в этом без предварительной подготовки довольно сложно! [Zaghari, 2019, p.163]

В молодежном языке также широко используются сокращения. Например, приветствие *marḥaban* заменяется на *hi*; ‘увидимся позже’ *narā-ka lāḥiqan* выглядит как *CU (see you)*; слова ‘ты тоже’ *'anta 'ayḍan* превращаются в *U2 (you too)*. Фразы ‘Если пожелает Аллах!’ *'in shā'a 'Allāh* и ‘По воле Аллаха!’ *mā shā'a 'Allāh* выглядят соответственно как *ISA* и *MSA*. Подобных примеров можно привести множество [Zaghari, 2019, p.170].

Поскольку использование молодежного языка в современном арабском обществе получило очень широкое распространение, этой проблеме начали уделять внимание и на академическом уровне. Например, в 2019 г. в Саудовской Аравии было опубликовано исследование о негативном влиянии социальных сетей на арабский язык, которое было проведено среди студентов исламского университета Имама Мухаммада бин Сауда [Zaghari, 2019, p.161-177].

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ¹

*Т.Г. Боргоякова, К.А. Покоякова (Абакан)
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
tamarabee@mail.ru, karina_p.84@mail.ru*

Использование психолингвистических подходов к исследованию этноязыкового взаимодействия и развития контактного билингвизма является перспективным, позволяя выйти на сознание индивида и этноса в системе социальных, межкультурных и межэтнических взаимодействий [Леонтьев А.А.; Тарасов Е.Ф.; Залевская А.А.;

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-012-00426)

2007; Стернин, 2010; Уфимцева, 2011]. Результаты последних психолингвистических исследований на основе этнических стереотипов и представлений о Родине, России и Сибири, выявили дифференциацию в когнитивной структуре и уровне сопряженности этнической, региональной и российской идентичности в языковом сознании сибирских респондентов [Васильев, Васильева, 2015; Боргоякова, 2017; Савицкая, 2017 и др.]. Необходимость дальнейших исследований этнической и региональной идентичностей – составных элементов гражданской идентичности в виде единства российской политической нации – с привлечением валидной экспериментальной психолингвистической базы данных не вызывает сомнений.

Цель доклада – представить результаты анализа данных ассоциативных экспериментов, проведенных в трех республиках Южной Сибири – Алтай, Тыва и Хакасия – в 2021 году с охватом более 1500 респондентов. В фокусе внимания – сравнительный анализ предварительных результатов исследования авто- и гетеростереотипов русских и хакасских респондентов Республики Хакасия, представленных в ассоциативных полях этнонимов *русские, хакасы, тувинцы и алтайцы*.

Количество русских респондентов (далее РР) составляет 280 человек, хакасских респондентов (далее ХР) – 206 человек. Респонденты отличаются по возрасту, месту проживания и уровню образования с превалированием возрастной группы от 17 до 30 лет, представленной студентами Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова: 81% русских респондентов (РР) и 57% хакасских респондентов (ХР).

Общность лидирующей ассоциативной линии связана отнесением указанных этнонимов к категории *народ/нация/этнос* вообще или с уточнением конкретного исторического региона проживания коренных этносов Южной Сибири. Выявленная закономерность связана с бóльшим удельным весом первой группы у РР при существенно более выраженной значимости второй для ХР. Константной остается более позитивная характеристика «своих» этносов в автостереотипах и более высокий уровень негативной стереотипизации титульного этноса соседней республики (28% у РР, 19% у ХР), связанной с социально-политическими событиями начала 90-х годов прошлого столетия и с содержанием информационно-

медийного дискурса, отражающего события в Туве. Максимальная значимость первой ассоциативной линии представлена у обеих групп респондентов в ассоциативных полях *алтайцы* – 55% (РР) и 57% (ХР) при наличии лишь одной негативной характеристики «негостеприимные» в ассоциативном поле РР и ее отсутствии у ХР.

Выявление общих и индивидуальных зон в глубинной позитивно-негативной оценке этноязыковых стереотипов, влияющих на процессы укрепления общероссийской и этнической идентичностей, будет продолжено на материале ассоциативных полей слов-стимулов *Россия, Сибирь, республики Южной Сибири*, а также номинаций языков как коренных народов Южной Сибири, так и мажоритарных этносов российского и международного уровня.

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СПЕЦИФИКА ДОМИНИРУЮЩИХ ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ

И.А. Бубнова (Москва)

*Московский городской педагогический университет
aribubnova@gmail.com*

Д.В. Горихова (Одинцово)

*Одинцовский филиал Московского государственного
института международных отношений (университет)*

МИД РФ

podrezova.dascha@yandex.ru

Фиксируемая в социологических опросах ностальгия по советскому, которая растет в последнее время, объясняется исследователями с двух прямо противоположных позиций: с точки зрения осознания утраты смысла жизни, обусловленной в предыдущем этапе нашей истории существованием особого «советского духа», характеризовавшегося потребностью «в историческом поступке» и предполагавшем «идейную определенность, нравственную ответственность индивида за происходящее вокруг, а также волю к действию» [Булавка, 208, с. 68], либо сохранившимися в латентном состоянии особыми чертами «простого советского человека»,

имеющими «гораздо более длительную предысторию или укорененность в традициях русского политического и социального крепостничества» [Гудков, 2007, с. 25].

Обе эти гипотезы, выдвигаемые философами и социологами, были проверены эмпирически в ходе нашего исследования, проведенного в рамках психолингвистики и направленного на изучение психологически реального значения стимула *советский*. Респондентами являлись студенты вуза, $n=50$, средний возраст – 20 лет. Основной метод – ассоциативный эксперимент, проведенный в два этапа, отличавшихся по параметру времени: на первом этапе был установлен жесткий контроль, на втором (в той же группе) ни количество АР, ни время не ограничивались. Решение о таком формате эксперимента определялось известным в экспериментальной психологии правилом: при отсутствии возможности обдумывания испытуемые реагируют наиболее типичным, культурно и социально обусловленным способом, тогда как повтор эксперимента без контроля времени дает не только более разнообразные, но и часто необычные реакции [Experimental Psychology, 1972].

Анализ полученных результатов показал, что в нашем случае это правило не вполне подтвердилось. На первом этапе из общего количества полученных АР ($n=435$) наиболее типичными являлись 157 АР, которые охватывали темы *войны* (15), *покорения космоса* (6), *автопрома* (5), *руководителей* от Ленина до Горбачева, где лидировал Сталин (40), *достижений в спорте* (12), *кино и музыки* (25), *форм объединения*, обеспечивающих политическое управление и экономическое развитие (53), *репрессий* (13), *распада* (7), *цели государства* (12), *символов* (11), *науки и производства* (6), *отношений между людьми* (14), *продуктов* (5), *дефицита* (14), *отдельных событий истории* (10), *общего отношения* (4), причем в целом доминировала положительная оценка *советского*, эксплицированная в АР, касающихся победы в ВОВ и строительстве государства, направленного на лучшее будущее, на достижение справедливости, на стабильность, развитие различных сфер жизни, где *советское* являлось неким знаком качества. На втором этапе (328 АР) эти сферы конкретизировались и расширялись: появились АР, касающиеся образования и науки (*фундаментальное, хорошее, математические школы, фундаментальная наука, бесплатное образование* и т.д.),

уточнялось качество продуктов и жизни (*натуральные продукты, пенсия 100 рублей, путевка в санаторий*), расширилась сфера общего эмоционального ощущения и оценки (*вера в будущее, радость, родной, родители, сверхдержава, военная мощь, прогресс, народная сила, общественное мнение* и т.д.), однако роста отрицательных АР в числе типичных зафиксировано не было. Более того, и в первом, и во втором случаях отрицательные АР, как правило, отражают стереотипы, сформированные в образовательном процессе в ходе изучения дисциплин гуманитарного цикла, и касаются расстрелов, репрессий, ГУЛАГа, лагерей и дефицита, сопровождаемого очередями.

Таким образом, первоначальный анализ экспериментальных данных не дает оснований согласиться с позицией тех исследователей, которые считают, что ностальгия по СССР связана с привычными советскими клише и мифологемами, реанимированными сегодня на фоне внешнеполитического противостояния с Западом. Скорее, прав оказывается Л. Гудков, объясняющий состояние современного российского социума особенностями национального характера, однако начало эти черты, как можно предполагать, берут не в крепостничестве и покорности, а в чем-то ином, возможно, в том национальном архетипе, о котором пишет К. Касьянова [Касьянова, URL], что и определяет актуальность изучения данной темы и требует дальнейших исследований.

СТРАТЕГИИ АКТУАЛИЗАЦИИ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ СМЫСЛОВОЙ ОБЛАСТИ «ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК»)¹

Л.О. Бутакова (Омск)

*Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского
larisabut@rambler.ru*

Цель статьи — показать типологию актуальных стратегий смыслообразования, заданных в ходе направленного ассоциативного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование».

эксперимента (НАЭ) с пожилыми носителями русского языка. *Материал* – результаты НАЭ, проведенного по методике достраивания языкового знака в феврале – декабре 2019, феврале 2020 гг. в г. Омска. Испытуемые – 100 человек пожилого возраста (от 60 до 82 лет). Стимульный список – 20 незаконченных высказываний, содержащих лексемы с семантикой возраста (*Пожилый человек – это; С пожилым человеком можно* и пр.). Всего было получено 2280 реакций НАЭ. Фрагмент языкового сознания «пожилой человек» квалифицировался как смысловое поле, т. к. высказывания-стимулы задавали способы разного оперирования языковым знаком «пожилой человек», выводя на поверхность определенные смысловые компоненты.

Анализ результатов эксперимента показал следующее. В рамках **дефиниционного сектора**, заданного высказыванием *Пожилый человек – это*, преобладающей оказалась стратегия квалификации по когнитивному, возрастному, физическому состоянию, выраженная оценочными предикатами и сочетаниями с ними: *мудрый* (9); *еще не старый* (7); *опытный* (6); *мудрый, свободный, уверенный* (2) и др. – 52,6%; субъектная стратегия: *пенсионер* (8); *человек* (5) и др. – 24,2%; объектная: *возраст* (2); *мудрость* (2) и др. – 14,7%; образное и оценочное соотнесение: *не люблю это слово; плохо* – 3,2%. В секторе **гипотетических возможностей**, исходящих от других субъектов, заданном высказыванием *С пожилым человеком можно*, значительно преобладают стратегии ведения коммуникации, выраженные предикатами речи и их сочетаниями: *общаться* (12); *поговорить, посоветоваться* (7); *говорить* (6) и др. – 61%, использования речи для достижения цели, выраженная глаголами речевого действия: *посоветоваться* (13); *советоваться* (5); *договориться; обмениваться опытом* и др. – 20%, деятельности, выраженные глаголами физической активности, а также сочетаниями с ними: *оставлять внуков* (2); *дружить* (2); *интересно проводить время* и др. – 18%. Сектор **собственных возможностей и обязанностей**, заданный высказыванием *Пожилый человек может / должен*, содержит актуализацию стратегий заботы, понимания, передачи опыта выраженную глаголами межличностных отношений и сочетаниями с этими глаголами: *понимать других* (8); *понимать всех* (6); *помогать детям* (4); *передать опыт* (2) и

др. (39%); деятельности / отдыха, принесения пользы, переданную глаголами физической активности, целенаправленных действий, а также сочетаниями с этими глаголами: *работать* (6); *трудиться* (4); *быть занятым посильным делом* (2); *еще быть полезным* (2); *путешествовать* (2) и др. – 31%; проявления состояния, репрезентированную сочетаниями с предикатами состояния: *быть стойким* (4); *быть приветливым* (2); *держаться* (2) и др. – 18%; в также актуализацию стратегий витальности, выраженную экзистенциональными глаголами и сочетаниями с ними: *жить* (6); *достойно дожить*; *жить достойно и др.* (10%). Сектор **деятельности**, заданный высказыванием *Пожилый человек делает что*, наполнен актуализациями стратегий активности (работы / отдыха), переданной глаголами физической, речевой, ментальной активности и сочетаниями с этими глаголами: *делится опытом с молодыми*, *работает по силам* (3); *работает* (3); *отдыхает* (3) и пр. (45%); витальности, выраженной соответствующими глаголами и сочетаниями: *доживает* (8); *живет* (4); *живет активно и др.* (19%), заботы о здоровье, реализации возможностей, выраженной глаголами эмоциональной деятельности и сочетаний с ними: *следит за своим здоровьем* (4); *хочет* (6); *может* (4) – 21%, объектов: *в его силах*, *ему интересно*, *ему по силам*, *на что хватает денег* и др. – 13%.

ПОКОЛЕНИЕ ЗУММЕРОВ: КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И КОНФЛИКТНОСТЬ

Гилязова Д.Р. (Уфа)
Башкирский государственный университет
dika_ya@rambler.ru

Во взрослую жизнь вступают молодые люди поколения «зет», или, как их называют, «зуммеры», чьи интересы и жизненные ценности во многом отличаются от ценностей, присущих представителям старшего поколения. «Зуммерами» называют тех, кто родился с 1996–2003 г. по 2010 годы. Данное поколение формировалось под влиянием гаджетов и соцсетей.

По утверждению заведующего Лабораторией когнитивных исследований, профессора Т.В. Черниговской, у современных детей наблюдается «разорванное» восприятие информации. По мнению профессора, необходимо воспитывать у них способность к постоянным переменам, а также формировать навыки верификации информации. «Очень важно обучение способности учиться и противостоять стрессу, а также формирование способности жить в цифровом мире и сохранять человечность» [Черниговская, ЭР].

Новое поколение, как считают исследователи, имеет как свои преимущества, так и недостатки. Главные преимущества этих молодых людей – их технологичность, многозадачность, стремление к саморазвитию и разнообразию. Главные же недостатки состоят в клиповости мышления, неспособности концентрироваться на чём-то долго, отсутствие навыка живого общения и нетерпимость к критике, подверженность манипуляции, порождающие конфликтность [Люди с клиповым мышлением..., ЭР], [Абраам, 2008], [Тоффлер, 2004].

Людям с клиповым мышлением сложно обучаться в традиционных школах и вузах, работать в команде, они предпочитают индивидуальный формат – видео-уроки, онлайн-курсы, вебинары. Ориентированные на интересное и нужное сейчас, они не хотят получать фундаментальные знания и расширять кругозор на долгосрочную перспективу. В интервью под заголовком «Люди с клиповым мышлением элитой не станут» психолог Рада Грановская, опираясь на ряд исследований, утверждает: «Люди с клиповым мышлением не могут проводить глубокий логический анализ и не могут решать достаточно сложные задачи» [Люди с клиповым мышлением..., ЭР]. При этом социальные сети и виртуальное пространство даёт возможности как для открытого, так и для анонимного выражения критики и несогласия в интернет-пространстве с любыми воззрениями и теориями, что приводит к закреплению паттернов конфронтационной стратегии и в личном общении.

По наблюдениям социологов, представители поколения “Z” практически не могут выполнять монотонную работу, а также не воспринимают указаний и наставлений, что зачастую приводит к ошибкам и сбоям в работе [Рубченко, ЭР]. При этом они болезненно реагируют на критику и склонны к обидчивости. Именно поэтому многие из них все чаще выбирают работу вне офиса и начинают жаловаться на выгорание и одиночество в 20–25 лет.

Неприятие любых иерархий, отсутствие каких-либо авторитетов, неспособность подчиняться, по мнению некоторых исследователей, ведут к конфликтам и, в конечном счете, могут привести общество к социальному взрыву [там же].

Во время анкетирования мы выяснили, что темы, которые сегодня волнуют молодежь, не способствуют ни поддержанию связей между поколениями, ни передаче и закреплению ценностных установок [Гилязова, 2019, с. 252–253]. Молодежную аудиторию привлекают маленькие по размеру заметки, клиповая подача материала и свобода самовыражения блогосферы. Опрос, проведенный в молодежной студенческой среде, выявил, что молодые люди предпочитают не только получать всю информацию из онлайн-источников, но и доверяют всему, что исходит из Интернета, без попыток какого-либо критического восприятия и осмысления. Сознание людей, постоянно воспринимающих информацию в таком ключе, также становится фрагментарным, «рваным».

Клиповое восприятие порождает клиповое мышление. Опасность тенденции доминирования этого способа восприятия в снижении когнитивных, аналитических способностей человека, концентрации внимания, его способности анализировать, решать сложные многоходовые задачи и сопереживать. К тому же люди с преобладанием клипового мышления имеют высокие шансы стать объектом манипуляций. Сегодня мы видим, что клиповое восприятие препятствует формированию логического мышления и последовательности восприятия информации, а также сужает возможности усвоения информации и знаний человеком.

ОБЫДЕННАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Е.Н. Гуц (Омск)

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
egoots@yandex.ru*

Цель данного исследования – выявить особенности стратегий семантизации общеупотребительной лексики носителями русского

языка в условиях психолингвистического эксперимента. Методы исследования: семантический эксперимент, моделирование семантических полей, метод «семантического гештальта», сравнительно-сопоставительный метод. Экспериментальный материал: 10 слов-стимулов: **слово, жизнь, лицо, город, вода, друг, день, голова, дом, дело.**

Испытуемые: учащиеся средних общеобразовательных школ (1 и 2 этапы исследования; возраст испытуемых: 10–12 лет и 16–17 лет); студенты Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (3 этап исследования; возраст испытуемых: 17–25 лет). На каждом этапе исследования приняли участие 100 человек, всего 300 испытуемых.

Процедура проведения эксперимента. Испытуемым предлагалось определить значение слов – стимулов. На выполнение письменного задания отводилось 25–30 минут

Процедура обработки данных. Для моделирования семантического поля использовалась методика, разработанная на кафедре русского языка, славянского и классического языкознания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского Е.Н. Гуц и Л.О. Бутаковой. Основными единицами этой модели стали «семантические множители»: «полнозначные слова, использованные в правой части толкового словаря» [Караулов, 1980, с. 6], в нашем случае – в дефинициях, полученных от испытуемых в семантическом эксперименте.

Кроме семантических множителей, в словарной статье представлены конкретизаторы. Наличие, разнообразие и частотность использования конкретизаторов зависит как от стратегий толкования, выбранных испытуемыми, так и от семантики стимула. Для определения стратегий семантизации слова использовалась классификация, разработанная А.Н. Ростовской и дополненная Т.Ю. Кузнецовой: идентифицирующая, иллюстрирующая, классифицирующая, ассоциативная и оценочная стратегии.

Проведенное комплексное исследование позволило выявить особенности реагирования респондентов на данные слова-стимулы.

Ведущая стратегия, объединяющая все этапы эксперимента, а значит, все возрастные группы испытуемых, – ассоциативная стратегия. В смоделированных семантических полях имеются константы – то общее, постоянное, что не меняется с возрастом

испытуемых. Наличие «констант сознания» (Н.В. Уфимцева) в семантических полях позволяет представить неизменность и общность в реагировании респондентов на общеупотребительную лексику, вербализирующую образы сознания **слово, жизнь, лицо, город, вода, друг, день, голова, дом, дело**, то есть перцептивно-когнитивно-аффективно обусловленные образования, вырабатываемые по законам психической деятельности (А.А. Залевская). Помимо констант в «семантических гештальтах» анализируемых семантических полей выделены переменные зоны. Каждое из изменений, даже самое малое с точки зрения психолингвистики, касающееся переменных семантических зон в каждом из анализируемых гештальтов, может оказаться значительным при исследовании образов сознания, детерминированных «внешним миром, внутренним миром (мотивами человека, его потребностями, ценностями и т. д.), культурой, в которой он живет и, наконец, языком» [Василюк, 1993, с. 8].

СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ «РОССИЯ» И «РАША» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

*Е.А. Дьяконова (Москва)
Воронежский государственный университет
happybusiness@yandex.ru*

В 2019 нами были проведены свободный и направленный психолингвистические эксперименты с целью описания семантики наименований «Россия» и «Раша». В экспериментах приняло участие 200 человек, лица мужского и женского пола в возрасте от 15 до 79 лет, жители Москвы, Челябинска, Чехова, Томска, Воронежа, Таганрога, Воскресенска.

Сравним представленность данных слов в сознании носителей русского языка на основании полученных экспериментальным путем данных.

Лексемы «Россия» – «Раша»: интегральные семы и их индексы яркости

Большая 0,60 – 0,07, родная 0,40 – 0,10, сильная 0,23 – 0,03, добрая 0,20 – 0,08, великая 0,19 – 0,01, красивая 0,18 – 0,04, бедная 0,09 – 0,07, многонациональная 0,08 – 0,02, многострадальная 0,08 – 0,04, единая 0,07 – 0,01, со своеобразной природой 0,07 – 0,02, страна 0,07 – 0,02, ассоциируется с Путиным 0,04 – 0,02, богатая природными ресурсами 0,04 – 0,01, грязная 0,04 – 0,02, любимая 0,04 – 0,02, отсталая 0,04 – 0,10, разнообразная 0,04 – 0,01, богатая 0,03 – 0,01, загадочная 0,03 – 0,05, криминальная 0,03 – 0,03, умная 0,03 – 0,1, щедрая 0,03 – Раша 0,01, гостеприимная 0,02 – 0,03, дружелюбная 0,02 – 0,01, культурная 0,02 – 0,01, никакая 0,02 – 0,05, развивающаяся 0,02 – 0,01, свободная 0,02 – 0,01, веселая 0,01 – 0,13, глупая 0,01 – 0,06, зависимая 0,01 – 0,02, Москва 0,01 – 0,01, народная 0,01 – 0,01, нет порядка 0,01 – 0,02, простая 0,01 – 0,04, пьющая 0,01 – 0,09, с холодным климатом 0,01 – 0,02, смелая 0,01 – 0,04, советская 0,01 – 0,02, спортивная 0,01 – 0,02, хорошая 0,01 – 0,02.

При сравнении индексов яркости можно увидеть следующие наиболее яркие различия. В лексеме «Россия» существенно преобладает яркость сем *большая, великая, добрая, многонациональная, страдающая, сильная, родная*.

В лексеме «Раша» существенно преобладает яркость сем *отсталая, пьющая*.

Дифференциальные семы лексемы «Россия»

и их индексы яркости

Политическая – 0,04, православная – 0,03, приходящая в упадок – 0,03, независимая – 0,02, старая – 0,02, миролюбивая – 0,01.

Дифференциальные семы лексемы «Раша»

и их индексы яркости

Наша – 0,5, нерусская – 0,09, пренебрежительное название – 0,07, «экспортный вариант России» – 0,07, ассоциируется с сериалом – 0,05, некультурная – 0,05, деревенская – 0,04, ненастоящая – 0,04, параша – 0,02.

Проанализировав дифференциальные семы лексемы «Раша», можно сделать вывод, что они обусловлены англоязычным происхождением слова и сатирико-юмористической спецификой сериала, благодаря которому это наименование закрепилось не только в речи, но и в языке. Реакция многих испытуемых на наименование «Раша» является в значительной степени негативной,

о чем свидетельствует количество отказов и индекс яркости 0,07 дифференциальной семы *пренебрежительное название*.

Интересно отметить, что положительно окрашенные семы, такие как *великая, добрая, красивая, родная, сильная* имеют гораздо более высокий ИЯ у наименования «Россия», тогда как негативно окрашенные семы, такие как *глупая, отсталая* имеют гораздо более высокий ИЯ у наименования «Раша». Заметим, что семы *криминальная Москва, народная* имеют одинаковый индекс яркости у обоих наименований. Представляется также вероятным, что высокий индекс яркости семы *веселая* связан с юмористической спецификой сериала.

Итак, можно сделать вывод о том, что наименования «Россия» и «Раша» по-разному представлены в сознании носителей русского языка и выявляется тенденция к преобладанию в слове «Раша» негативной оценочности и развитие пренебрежительной стилистической характеристики.

АКТУАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ В РЕЧИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ НА ПРИМЕРЕ ПАРЫ (МИЛЫЙ ЧЕЛОВЕК / НЯША)¹

С.В. Евдокимова (Новосибирск)
ИФЛ СО РАН
evd.sofya@gmail.com

Мы полагаем, что изучение языковой вариативности на материале ассоциативно-вербальной сети позволяет ученым извлекать актуальные варианты, отраженные в сознании носителей языка, поскольку исследователи работают с материалом, на который не оказывает влияние контекст. Обновляя СИБАС [1], мы находим вероятные языковые варианты, выявленные на основе реакций, полученных от студентов вузов Сибири. Наши наблюдения

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

позволяют выделить в качестве одного из возможных вариантов пару (*милый человек / няша*), а также другие варианты, в которых второй компонент является производным от лексемы *няша*: (*мило / няшно*), (*милый / няшный*).

Из обработанных вручную 600 анкет второго этапа ассоциативного эксперимента в рамках СИБАС мы отобрали две пары стимул-реакция, соответствующие рассматриваемым вариантам, то есть такие, в которых встречается реакция *няша* или ее производные. Таких случаев обнаружилось два: *всплеск – няшно* и *чудовище – няшное*. Таким образом, мы понимаем, что респонденты знакомы с лексемой *няша* (либо ее дериватами) и создают или воспроизводят какие-либо контексты с ее участием, причем не получая направленного импульса. В уже доступном основном подкорпусе СИБАС, который был сформирован на основе эксперимента 2008–2013 гг., находим еще две пары: *милый – няша* и *стеснительный – няша*. Опираясь на эти данные, мы можем предположить, что сибирская молодежь, которая до этого просто идентифицировала лексему *няша* с милым, стеснительным человеком, в настоящий момент употребляет эту единицу и однокоренные ей слова в своей речи.

Для подтверждения того факта, что лексема *няша* действительно может заменять лексему *милый* в некоторых контекстах, мы обратились к Национальному корпусу русского языка. Воспользовавшись поиском по различным подкорпусам (основной, газетный, акцентологический), мы выявили 31 случай (все вхождения — тексты 2010–2017 гг.) употребления лексем *няша*, *няшка*, *няшечка*, *няняшка*, *няшки-няшки*, *няшный*, в лексическом значении которых имеется сема ‘милый’.

Во всех найденных контекстах указывается разговорный характер рассматриваемых лексем, в некоторых — находим рассуждения о происхождении этих слов и их популярности среди молодежи. Наиболее показательным примером употребления, на наш взгляд, оказался ник *Няшка Айс* на форуме, который демонстрирует, что использование этого слова не всегда возникает в связи с прецедентным текстом, как, например, в случаях упоминания «няшного прокурора».

Итак, мы полагаем, что достаточно крупная деривативная сеть, двадцатилетнее неединичное употребление единиц этой сети, а

также динамика, которую нам удалось выявить в рамках двух этапов эксперимента, могут являться показателями функционирования вариантной пары (*милый человек / няша*) в речи молодых людей.

ИДИОМАТИКА: СОХРАНИТЬ НЕЛЬЗЯ УНИЧТОЖИТЬ

Д.А. Ерастова (Москва)

*Московский государственный областной университет /
Российский университет транспорта
di.91@list.ru*

На протяжении многих веков культура поколений отражается и передается с помощью выразительных языковых средств, в частности, идиоматикой. Однако в XXI веке, в эпоху активного развития высоких технологий, можем ли мы утверждать, что состояние идиоматического пласта носит тот же значимый характер, что и 100, или хотя бы 50 лет назад?

Одним из основных аспектов изучения взаимодействия языка и культуры является рассмотрение соотношения языковой и культурной картин мира, которые зачастую находят свое отражение в идиоматических единицах. Для выявления связи между образным языком поколений исследование проводилось в два этапа. На первом этапе был проведен опрос взрослого населения Москвы и Московской области в возрасте от 16 до 75 лет, в котором приняли участие 115 человек. Материалом исследования послужили 100 идиоматических выражений, отобранных методом случайной выборки из лексико-фразеологического словаря русского языка под редакцией А.В. Жукова. Респондентам следовало ответить на вопрос: «Как часто вы слышите от окружающих/употребляете в своей речи следующие выражения?». К каждой предложенной фразе можно было выбрать один из трех вариантов ответов: «Часто слышу/употребляю», «Редко слышу/употребляю», «Не слышу/не употребляю».

Лидерами по частоте употребления стали следующие выражения: *с минуты на минуту* – 81,7 %, *валять дурака* – 80,9 %, *русским языком* – 77,4 %, *ломать голову* – 77,4 %, *входить в положение* –

73,9 % от общего числа ответов респондентов. Более 50 % набрали выражения *делать из мухи слона, два сапога пара, держать язык за зубами, в голове каша, видеть насквозь, как за каменной стеной, море по колено, тянуть кота за хвост* и др. Всего 20 идиом, переваливших 50%-ый барьер от общего количества предложенных выражений, получили ответ «Часто употребляю/слышу в речи».

Наименее частотными по мнению респондентов оказались идиомы: *играть первую скрипку, бить через край, брать за горло, баловень судьбы, как собака на сене, ничего не попишешь, птица низкого полёта, собачья радость, строить воздушные замки* и др.

На втором этапе исследования был проведен аналогичный опрос среди подростков 12–16 лет. Общее количество участников данной возрастной категории составило 101 человек. Наиболее частотными по употреблению подростками оказались следующие выражения: *с минуты на минуты* – 81,2 %, *валять дурака* – 74,3 %, *ломать голову* – 72,3 %, *от греха подальше* – 70,3 %. Ещё 13 идиоматических выражений набрали более 50 % ответов опрошенных о частоте их употребления в речи: *русским языком, держать язык за зубами, браться/взяться за ум, сводить с ума, делать из мухи слона* и др.

Наибольший интерес второго этапа исследования вызывают выражения, попавшие в список наименее употребительных с точки зрения тинейджеров: *баловень судьбы* – 88,1 %, *играть первую скрипку* – 87,1 %, *как черт от ладана* – 86,1%, *накатать телегу* – 80,2 %, *как собака на сене* – 79,2 %, *брать за горло* – 73,3 %, и др. В данной категории оказались 26 выражений, что в два раза больше, чем у взрослых.

Примечательно, что и взрослые, и подростки отнесли практически одни и те же лексические единицы к максимально и минимально частотным. Данное исследование подтверждает гипотезу автора о том, что множество идиом в лексиконе взрослых и подростков совпадают, однако большая часть из них у подростков находится в пассивном лексиконе. Для описания полной языковой ситуации с точки зрения образного языка необходимо исследовать то, как выражена идиоматика в лексиконе детей младшего школьного и дошкольного возрастов.

Л.С. ВЫГОТСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

И.В. Журавлев (Москва)
Институт языкознания РАН
semiotik@yandex.ru

Современная психолингвистика может быть представлена как совокупность теорий, имеющих принципиально различные методологические основания. Наиболее глубокими являются различия в онтологии, связанные с тем, реализуется ли в психолингвистической теории принцип монизма или, напротив, принцип дуализма. Монистическая онтология наиболее строго выстраивается в линии «Спиноза — Гегель — Маркс — Выготский — Леонтьев», т.е. реализуется в деятельностном подходе к анализу речевых процессов, а дуалистическая — в картезианской традиции, к которой может быть отнесена и лингвистика Н. Хомского, и вся современная когнитивистика.

Отсутствие в психолингвистике единой онтологии оборачивается формированием принципиально различных подходов к решению проблемы отношения между мыслью и речью. Единственно верный путь решения этой проблемы — это путь, ясно очерченный Л.С. Выготским.

Принцип монизма требует рассмотрения человеческой психики не как «бестелесной» субстанции, противопоставленной миру физических объектов, а как функции коллектива. Вместо картезианского противопоставления психики и тела Выготский ориентируется на диалектическое противопоставление индивида и коллектива.

Любая высшая психическая функция, говорит Л.С. Выготский, в ходе развития выступает на сцену дважды: сначала — как отношение *между людьми* (интерпсихическое), а потом — как отношение *внутри психики* (интрапсихическое). Однако недостаточно сказать, что интерпсихические отношения «становятся» интрапсихическими. Надо указать *средство*, при помощи которого форма отношения между людьми становится формой интрапсихического отношения. В этом средстве должны соединяться *общение* и *обобщение*: с

одной стороны, оно должно служить воздействию одного человека на другого, но с другой стороны, оно должно быть средством, при помощи которого человек станет самим собой, обретет способность посмотреть на себя со стороны и управлять собственным поведением. Наконец, это средство само должно быть объектом эволюции, быть частью «неорганического тела человека», т.е. системы объектов, в которых воплощаются и фиксируются формы человеческой деятельности: раз высшие формы поведения становятся возможными благодаря культурному, а не биологическому развитию человека, то и в строении этих форм поведения «определяющим целым» должны быть единицы, имеющие не природное, а культурное происхождение. Таким критериям отвечает только знак: все высшие психические функции опосредуются знаками. В структуре высшей функции примитивная связь между стимулом и реакцией не просто устраняется или, наоборот, усложняется за счет введения этого опосредующего звена: высшая структура вбирает в себя низшую, сохраняя («снимая») ее и подчиняя ее себе. При этом *происхождение* высших психических функций рассматривается как их *природа*, а это значит, что система социальных отношений не противопоставляется индивиду как внешняя среда, а трактуется как существо его психики.

Описываемое Выготским «вращивание» знаков нельзя трактовать как перевод внешнего средства вовнутрь, физического — в психическое. Интериоризация — это формирование структуры психических операций за счет опосредования их формами коллективной деятельности. Знак как носитель такой формы — это *объект особой плотности*, всегда столь же «внешний», сколь и «внутренний»; это «полупрозрачный» объект, который в одних случаях стремится к полнейшему «испарению» (и тогда его не позволяет нам увидеть даже самая изощренная интроспекция), а в других — неожиданно обретает свою «плотность», обращает наше внимание на свои объектные характеристики (и в этих случаях его функциональное бытие отходит для нас на задний план). Только такие «полупрозрачные» объекты обладают для нас наибольшим семиотическим потенциалом. Судьба слова, опосредующего мысль, — это стремление к такой «полупрозрачности».

Опосредование мысли словом — это не оречевление изначально бессловесной мысли (вообще неясно, как можно «оречевить»

бессловесную мысль), это именно *формирование* мысли. В психике (вопреки мнению сторонников теории модулярности) нет отдельных комнат для мыслей и слов. Есть процесс и форма (образ) этого процесса. Анализ отношения «образ — процесс», как показал ученик Выготского А.Н. Леонтьев, и является адекватным способом решения психофизической проблемы, а значит, и проблемы отношения мысли и слова.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ ДЕПРЕССИЙ

Ю.В. Журавлева (Москва)
Институт языкознания РАН
jv.clinic@yandex.ru

Интерес к эмоциям в лингвистике и психолингвистике возник уже достаточно давно (работы А. Вежбицкой, В.И. Шаховского и мн. др.). Изучаются эмотивная лексика, коммуникация эмоций, национально-культурная специфика выражения и репрезентации эмоций, влияние эмоций на процессы категоризации и др. Отношение между эмоцией, с одной стороны, и речевыми процессами и языком, с другой, часто ошибочно трактуется как отношение односторонней зависимости. В одних случаях за первичную данность принимается эмоция, и исследователя интересует, как эмоции выражаются в вербальных и паравербальных формах, влияют на ассоциативные процессы, структуру семантического или ассоциативного поля, репрезентируются в языке и т.п. Опосредование эмоций речью, зависимость их от языка не принимается при этом в расчет. В других случаях, напротив, первичным считается именно язык, и эмоции (в традиции неогумбольдтианства) рассматриваются как производное от языка.

В основе культурно-исторического и деятельностного подхода к пониманию эмоций лежат представления о предметности психики и знаковом опосредовании психической деятельности. Как подчеркивал А.Н. Леонтьев, эмоции отражают отношение между мотивами (потребностями) и возможностью либо невозможностью успешной реализации деятельности, побуждаемой

данными мотивами, или, иначе говоря, эмоции «сигнализируют о личностном смысле», т.е. об отношении мотива к цели [Леонтьев, 2001]. Развивая эту идею, можно говорить о регуляции эмоций как об изменении соотношения между диапазоном возможностей удовлетворения актуальной потребности, с одной стороны, и предметом потребности, с другой стороны. Отсюда основные способы регуляции эмоциональных состояний: изменение диапазона возможностей достижения цели, смена предмета, переозначивание. Расстройства эмоций с этой точки зрения можно рассматривать как нарушение динамики процесса регуляции; депрессия, в частности, будет отражением «заторможенности» регуляторных процессов (трудность «переключения» с предмета на предмет, невозможность расширения диапазона возможностей достижения цели, невозможность переозначивания предмета и ситуации) [Журавлев, 2014].

Двумя отличительными чертами стойких аномальных аффективных явлений являются утрата произвольности и нарушение связи с предметным содержанием [Тхостов, Колымба, 1999]. Здесь и проявляется связь между эмоциями и знаковой деятельностью, прежде всего — с речью. И произвольность эмоции, и ее связь с предметным содержанием обеспечиваются знаковым опосредованием эмоции.

Как известно, при депрессии речь больного замедляется, становится бедной, возрастает объем «депрессивной» лексики (включая слова, репрезентирующие негативную эмоцию, и слова, косвенным образом ее выражающие). Такие нарушения речи обычно рассматриваются как вторичные по отношению к депрессивному состоянию. Однако связь между депрессией и речью может быть более сложной. С точки зрения культурно-исторической психологии, речь и символическая деятельность служат для управления внутренними процессами и собственным поведением, для структурирования реальности, для осознания себя во времени и планирования будущего. В случае депрессии страдает именно эта функция речи: человек неспособен управлять своим поведением, структурировать свою жизнь, планировать будущее; затруднена способность построения цепочки событий во времени. В результате человек застревает в прошлом, которое становится

для него вечным настоящим; он не чувствует возможности что-то изменить; соответственно, он утрачивает связь с предметным миром или даже со своими собственными чувствами (феномены психической анестезии, деперсонализации, алекситимии). Таким образом, речевая заторможенность может быть не следствием депрессивного состояния, а в каком-то смысле даже его причиной или его механизмом. Если эмоции как высшая психическая функция опосредуются речью, то в этом опосредовании и нужно искать механизм их нарушения.

СРАВНЕНИЯ В «АРГОНАВТИКЕ» ВАЛЕРИЯ ФЛАККА И «АХИЛЛЕИДЕ» СТАЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ

*А.В. Котова (Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный
университет ветеринарной медицины
anastakot@gmail.com*

Сравнения являются важным стилистическим элементом античного эпоса. Анализируя его использование в разных текстах, можно проследить развитие приема в конкретный исторический период. В данной статье представлены результаты исследования структур сравнений в «Ахиллеиде» Стация в сопоставлении с «Аргонавтикой» Валерия Флакка. Данные тексты объединены жанром (эпос), языком (латинский), временем создания (последняя треть I в. н. э.).

Анализ структур сравнительных конструкций в текстах поэм «Аргонавтика» и «Ахиллеида» позволяет выделить такие их типы, как одиночные, двойные, парные сравнения, группы сравнений, сравнения с разрывом объекта и образа.

Одиночные сравнения – самый частый тип, в них одному объекту соответствует один образ сравнения. Примерами этой структуры являются сравнение Ясона с конем (Arg. 2, 384-389), Медеи с вакханкой (Arg. 6, 755-760), Фетиды с птицей (Ach. 1, 198-216), Ахилла со львом (Ach. 1, 852-863).

Двойные сравнения содержат один объект и два образа сравнения. Примером этой техники является сравнение тела убитого Амика с рухнувшей частью Эрика или всем Афоном (Arg. 4, 320-322), румянца на щеках Ахилла – с кровью и пурпуром (Ach. 1, 307-310), греков – с птицами и пчелами (Ach. 1, 554-557).

Парные сравнения состоят из двух логически связанных сравнений, которые могут располагаться в тексте на различном удалении друг от друга. Например, сравнения *Медея – Прозерпина* (Arg. 5, 341-349) и *Ясон – Сириус* (Arg. 5, 366-372), *Ахилл – Аполлон* (Ach. 1, 159-166) и *Деидамия с Ахиллом в образе девушки – Диана, Минерва и Прозерпина* (Ach. 1, 823-826).

Группы сравнений представляют собой последовательность отдельных сравнений, расположенных друг за другом без разрыва в тексте. Примером такого приема можно назвать пассаж из «Аргонавтики», где в первом сравнении Поллукс сопоставляется с быком, который идет впереди, аргонавты – со стадом, а Амик – с бушующими водами (4, 193-198), во втором – Амик сравнивается со скалой (4, 199-203). В «Ахиллеиде» примером такого приема являются стихи, где Деидамия сравнивается сначала с Венерой и Дианой (1, 293-296), а затем – с Афиной (1, 297-300).

Сравнения с разрывом объекта и образа представляют собой структуру, где между частями, связанными с объектом и образом сравнения, располагаются стихи, не имеющие прямого отношения к сравнению. Впервые этот тип структуры появляется в римской эпической традиции у Стация. Примером является пассаж, где Агамемнон и воины сравниваются с Юпитером и богами (Ach. 1, 467-476, 484-490).

Подводя итог, отметим, что сопоставление стиля «Аргонавтики» и «Ахиллеиды», с одной стороны, приводит к выводу о сходстве манеры авторов в конструировании сравнений, а с другой стороны, указывает на новаторство Стация в работе со структурами. В поэме Валерия Флакка встречаются одиночные, двойные, парные сравнения и группы сравнений; Стаций же использует все эти типы сравнений и вводит в употребление новый – сравнения с разрывом объекта и образа. Выбор сравнительных конструкций определяется логикой творческого метода автора и его стилистической интерпретацией изображаемого.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ФУНКЦИОНАЛЬНО НЕГРАМОТНОГО НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

*Т.В. Кружилина (Курск)
Юго-Западный государственный университет
t.kruzhilina@yandex.ru*

Поводом поразмышлять о языковой картине мира функционально неграмотного индивида послужило исследование Literacy in the Adult Client Population, где приводились рекомендации, как писать тексты для целевой аудитории [Bastable, Myers; URL]. Преследуемая цель вполне прозрачна – получить от аудитории обратную связь и финансовую выгоду в конечном итоге. Основная задача при написании текста согласно этой инструкции – писать доступно и понятно, использовать для этого необходимый арсенал языковых средств и методов презентации текстовой информации. Кратко перечислим психолингвистические «находки» авторов. Отмечается, что читатели плохо воспринимают обезличенные сообщения, поэтому необходимо апеллировать лично к читающему, адресно и персонализированно. Используемые слова не должны содержать больше трех-четырех слогов; не следует употреблять сложносоставные слова, слова, допускающие разночтение, наукообразную лексику, техническую и медицинскую терминологию, аббревиатуры, вводные слова. Информацию следует подавать в виде красивых блоков, с большим количеством визуального подкрепления (картинок), без диаграмм и графов с цифрами. Никакой социальной рекламы, способной переключить и без того недолгое внимание читающего. Картинки и фотографии отбираются очень тщательно, с прицелом на желаемый результат обратной связи. Заголовки – короткие и емкие, предложения – не длинные. Никаких синонимических рядов. Важная информация сообщается в самом начале.

На первый взгляд может показаться, что целевая аудитория – люди с умственной недостаточностью или, как минимум, с отклонениями в умственном развитии. Абсолютно очевидно, что это люди, испытывающие трудности с чтением длинного текста, представляющего собой сплошной поток информации, текста, не

содержащего визуального подкрепления для лучшего понимания прочитанного. Такой читатель усваивает информацию лишь в начале процесса чтения, затем теряет интерес и либо не понимает прочитанного, либо прекращает читать вовсе. Чтение является непомерно сложным. Самое интересное, что сегмент аудитории, для которого предназначены тексты в соответствии с этой инструкцией, не имеет особых диагнозов и отклонений, это **вся массовая аудитория пользователей социальных сетей**, основной контингент которой – молодые люди и люди среднего возраста, большинство которых, как оказывается, являются функционально неграмотными.

Что из себя представляет языковая картина мира такого потребителя? Она бедна и примитивна. Лексический запас скуден, содержит лишь самые часто употребляемые слова (их набор выявляется специалистами экспериментальным путем). Синтаксические конструкции просты и немногосложны (адекватно понимается лишь первая предикативная связь в предложении). Метафоричность и образность табуированы, языковые средства, требующие для понимания развитого воображения и апеллирующие к богатому жизненному опыту и обширной базе знаний, использоваться не должны.

Языковая картина мира как набор представлений о мире, выраженных средствами языка, есть продукт мышления индивида, которое развивается в сфере активной деятельности, в мире образов и слов, с помощью которых можно выразить эти образы, обозначив их языковыми средствами. У функционально неграмотного носителя языка нарушены все звенья этой цепи. В общем виде эти нарушения можно охарактеризовать следующим образом: навыки оперирования понятиями в ходе предметной деятельности в раннем детстве и навыки чтения и письма в школьный период, не отработанные до автоматизма на каждом этапе, приводят к формированию дефектного навыка, что связано впоследствии с трудностями в обучении [Мягкова, 2016]. Специалисты по возрастной психологии отмечают, что многие нарушения когнитивного развития в сензитивные периоды не могут быть декомпенсированы, и функциональные искажения «развиваются» вместе с индивидом, изменяя его образ мира, как в кривом зеркале [Корнев, 2006]. У таких людей он довольно

примитивен и состоит из визуально полученной информации, набора программ из детства и обрывочных школьных и обыденных знаний, которые часто не взаимодействуют синергетически в силу неспособности носителя к анализу и синтезу информации. Именно поэтому возникают сложности в коммуникации, в обучении, в профессиональной деятельности... Люди слушают, но не слышат, слышат, но не понимают, понимают, но по-своему, в силу степени искаженности своего образа мира.

Эта проблема требует самого пристального внимания, рассмотрения и поиска путей... нет, не решения, а взаимодействия. Функциональная неграмотность быстро прогрессирует и находит отражение во всех сферах жизни общества, и исследование данного феномена во всех его проявлениях есть приоритетная задача всего мирового ученого сообщества.

ДИНАМИКА МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ

***О.Ю. Крючкова (Саратов)
Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского
vpks@rambler.ru***

Характерным для бесписьменной традиционной культуры является слабое осознание речи. Закономерно поэтому, что в XIX веке речь крестьянина и его отношение к речи (при общей высокой оценке народного слова русскими деятелями культуры) могли представляться такими, какими, например, рисует их Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» (ср., напр., речевые портреты няни Прасковьи Савишны, крестьянина Платона Каратаева, см. [Гольдин, Крючкова, 2017, с. 263–265]).

Диалектологи-русисты первой половины и середины XX века, когда еще встречались полностью неграмотные носители диалекта, постоянно сталкивались с различными проявлениями слабого осознания речи, с трудностями сосредоточения диалектоносителями внимания на слове как таковом, на его форме

и содержании отдельно от предметов или ситуаций, которые этими словами обозначаются.

Во второй половине XX – начале XXI вв. языковое сознание носителей диалекта претерпевает заметные изменения в связи с распространением грамотности внутри диалектного языкового сообщества. Вместе с умением читать и писать носителю языка открывается возможность останавливать речь, анализировать ее, делать слово самостоятельным предметом мысли. Не случайно, образцы развитой метаязыковой рефлексии отмечаются в речи диалектоносителей-старообрядцев, значимой чертой культуры которых является ее книжно-письменный характер. Русская диалектная речь конца XX – начала XXI в. обслуживает людей, в определенной степени грамотных, и в этом ее существенное отличие от диалектной речи предшествующих периодов.

Однако сложности, связанные с метаязыковой коммуникацией, сразу не исчезают с освоением чтения и письма и могут наблюдаться также и у лиц, владеющих грамотой. Между почти полной неспособностью сосредоточиться на слове и, в противоположность этому, хорошо развитым вниманием к языку и речи лежит ряд форм, различающихся степенью осознания речи. К переходным случаям можно отнести затрудненный переход на метаязыковую тему, «соскальзывание» с метаязыковой темы на рассуждение о денотате, появление метаязыковой рефлексии в нетипичных для носителей литературного языка случаях. Трудности сосредоточения внимания диалектоносителей на слове, абстрагирования слова от связанной с ним ситуации обнаружились в ходе проведения ассоциативных экспериментов с носителями диалекта в конце XX в. (см.: [Медведева 2000]).

Шкала степеней метаязыковой рефлексии, выявляемая в диалектной речи середины XX – нач. XXI вв., – результат и свидетельство изменений языкового сознания у носителей диалекта, развивающихся в связи с переходом русскими диалектоносителями цивилизационной границы, отделявшей бесписьменную культуру диалектной коммуникации от культуры, включающей элементарную грамотность.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ КАК ПУТЬ К ИНТЕГРИРОВАННОМУ ОПИСАНИЮ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

*Е.А. Маклакова (Воронеж)
Воронежский государственный лесотехнический
университет им. Г.Ф. Морозова
elena.maklakova5@mail.ru*

Антропоцентрический подход к проблемам и задачам, направленным на их решение, в современной лингвистической науке предопределил накопление значительного корпуса полученных от носителей различных языков психолингвистических данных, которые на следующем этапе их исследования нуждаются в систематизации и обработке для более полного отражения и фиксации в словарях. Изучение ассоциативных полей, полученных опытно-экспериментальным путем, в соотношении со словами-стимулами позволяет реконструировать семантическую структурную модель того или иного слова на разных уровнях его описания и судить о степени его актуальности для носителей языка.

Общеизвестно, что такие реакции на слово-стимул, опирающиеся на семиотическую, в том числе и языковую систему, разделяются на референтные ассоциации, которые отражают возможность лексем соотноситься с определенными реалиями окружающего мира; когнитивные ассоциации, возникающие на логической основе с опорой на общность информационного тезауруса коммуникантов; языковые ассоциации, которые основаны на знании информантами языковой системы, и др.

Бесспорно, психолингвистический уровень описания и толкования значения слова позволяет обеспечить интегрированный подход к данному процессу, поскольку дает понимание того, как работает единая (по терминологии А.А. Залевской) «информационная база человека», как она обеспечивает успешную или ошибочную референцию, принимая во внимание тот факт, что онтология значения для носителя языка двойственна: оно содержит и общепринятое в социуме, и личностный опыт индивида.

Как направление психолингвистическая лексикография только формируется, однако все возрастающий интерес к этой области

знаний в работах Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова и др. говорит о несомненной ее актуальности. Например, ученые Воронежской лингвистической школы (И.А. Стернин, М.А. Стернина, А.В. Рудакова, М.С. Саломатина и др.) на протяжении уже ряда лет работают над созданием тематических психолингвистических ассоциативных и толковых словарей. Психолингвистические словари подобного типа весьма позитивно оцениваются в современном языкознании, поскольку являются источником уникальной экстралингвистической и лингвистической информации. Согласно мнению одного из авторов «Французского ассоциативного словаря», «российская лингвистическая парадигма включает в себя наиболее приемлемый понятийный аппарат, помогающий проанализировать национальное языковое сознание, концептуальную и языковую картину мира, что дает возможность, используя метатеоретический анализ и экспериментальные процедуры, вскрыть и зафиксировать знания, вступающие в ассоциативную связь с языковыми и неязыковыми знаками» [Дебрэнн, 2010, с. 9].

При этом весьма интересен опыт создания психолингвистического толкового словаря, работа над которым близится к завершению, в словник которого включены лексические единицы, входящие, по данным «Частотного словаря современного русского языка» С.А. Шарова, О.Н. Ляшевской (2009г.), в частотное ядро русского языка. В предлагаемом участникам конференции докладе на заданную тему приводятся примеры словарных статей таких лексем как 'имя', 'интерес', 'информация', 'использовать', 'история', 'квартира', 'лежать', 'лучший', 'мама', 'материал', 'мать', 'мера', 'месяц', 'минута', 'момент', 'московский', 'муж'. Словарные дефиниции словаря зафиксированы на семемном уровне с кратким толкованием отдельных значений, составленном на основе семной интерпретации ассоциаций на упомянутые слова-стимулы. Все выявленные в результате семантические признаки значений располагаются в порядке убывания их яркости, а отдельные семемы – в порядке убывания их суммарного индекса яркости (отношения конкретного для данного значения количества реакций к общему количеству реакций на слово-стимул). Особый интерес представляют так называемые культурологические ассоциации, построенные на

основе прецедентных знаний, также интерпретированные и зафиксированные в словарных статьях.

При сопоставлении полученных на экспериментальной основе толкований слов и словарных статей из классических лексикографических источников (С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, под ред. С.А. Кузнецова) наглядно показано, что несовпадение количества значений одного и того же слова (как в сторону их увеличения, так и в сторону их уменьшения) свойственно всем словарным дефинициям вне зависимости от типа словаря. Тем более важно интегрировать все имеющиеся типы описания значения слова, а также разноаспектные семантические характеристики последнего, выявленные и зафиксированные в различных словарях в виде функциональных и коннотативных признаков, нормативной сочетаемости, лингвокультурологических особенностей и т. п. в целях расширения границ научного понимания и освоения семантического пространства изучаемых лингвистических явлений.

«СДВИНУТОЕ СОЗНАНИЕ» В БЛОКАДНЫХ ТЕКСТАХ

Т.В. Михайлова (Красноярск)

*Сибирский государственный университет науки
и технологий им. академика М.Ф. Решетнева
ta.rada@mail.ru*

В докладе описывается «сдвинутое сознание» (так можно определить сознание человека, находящегося в чрезвычайной ситуации) людей во время блокады г. Ленинграда. Известно много публикаций о блокаде Ленинграда во время Великой Отечественной войны. В данном случае рассматриваются записи Л.Я. Гинзбург «Записки блокадного человека. Воспоминания», «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина, «Блокадная хроника Тани Савичевой», воспоминания О. Берггольц «Ольга. Запретный дневник», «Воспоминания» Д.С. Лихачева, «Упрямый город. Блокада 1941–1944». Кроме документальных свидетельств, подобным ситуациям посвящены и большие художественные произведения, часть из которых носит смешанный характер «дневниковости»

и обобщающего художественного вымысла: «Житие» протопопа Аввакума, «Обитель» З. Прилепина, произведения А.И. Солженицына, «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова и мн. др.

Экстремальные и чрезвычайные ситуации за пределами человеческих возможностей интересовали многих ученых, ср. труды Р.О. Якобсона, В. Франкла, Е.Ф. Тарасова и др.

Мемуарная литература ориентируется на некую «пограничность» между обычной жизнью и ситуациями и необычными чрезвычайными обстоятельствами. Авторы воспоминаний и дневников подчеркивают, что внешние и внутренние миры человека в обычной жизни имеют свои «формы и пределы» существования, отличные от «пограничных»: *Тянется, до отказа натягивается резиновая ткань жизни; но вот ослабел нажим, её отпустили, и резина мгновенно устремилась обратно, к исконным своим пределам и формам. То, что человеку открывается в пограничных ситуациях, — закрывается опять* (Л.Я. Гинзбург).

Мы выделяем при описании ситуации экспликации «сдвинутой» части сознания личности следующие ее [ситуации] элементы:

- Рефлексию ее над «переходом» (от обычной жизни к «сдвинутой»);
- Констатацию наступления «внешнего» мира;
- Фиксацию изменения обычных значений «внешнего» пространства;
- Вхождение в сферу внимания человека предметов-символов борьбы порядка и хаоса;
- Слежение за «странным» поведением тела.

Кроме того, происходит вытеснение страдания другим страданием, когда голод перестает восприниматься как страдание, а дорога к столовой — становится более тяжелой, невыносимой, нежели голод сам (Л.Я. Гинзбург).

Авторов дневников и воспоминаний характеризует повышенное внимание к деталям, т. е. изменение пространственной точки зрения, укрупнение масштаба.

Анализируются также лексемы с семами *контроль / потеря контроля*, с семантикой ритуальности (исполнение и неисполнение ритуалов) как приверженности «мирному» порядку вещей и его соблюдения. Для человека оказалась важной строгая социальная

организованность. Обыденные вещи или ситуации наделяются новыми смыслами на грани жизни и смерти.

Идея о присутствии некоего «центра», который незримо управляет в осажденном городе, стала спасительной для психики людей в голодном безумии. Так же точно становится важным признание некоей высшей осмысленности жертв, мучений и страданий.

Таким образом, восприятие мира человеком, оказавшимся в экстремальных обстоятельствах, за пределами, которые не всегда выдерживает психика, опирается на семантику странности, кажимости и удивления, преодоления, стремления к порядку и организованности, целенаправленности и финальной осмысленности.

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ МОДЕЛИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

М.А. Олейник (Краснодар)

*Кубанский государственный университет
kubstunigerdep2@mail.ru*

А.С. Горбатовский (Краснодар)

*Кубанский государственный университет
alexgorbatovsky@mail.ru*

Полипарадигмальность современных лингвистических исследований создает предпосылки для новых перспектив в изучении вопросов взаимодействия языка и культуры, которые, в свою очередь, опираются на междисциплинарность методологических подходов [Кубрякова, 1999]. Именно благодаря этому, многие из интересующих лингвистов концептов становятся в определенном смысле универсальными, оказываясь в центре социолингвистических, лингвокультурологических, когнитивных, психолингвистических либо философских исследований корреляции языка и культуры. Одним из таких концептов является «культурное пространство».

В центре нашего исследования – возможности языкового моделирования культурного пространства художественного текста.

Под культурным пространством в широком смысле принято понимать результат отражения культуры в сознании ее представителей [Красных, 2003]. Под культурным пространством художественного текста понимается результат «... трансформирования художественной картины мира эпохи в уникальную картину мира конкретного Художника» [Ивлева, 2009, с. 4]. Эта картина мира эксплицируется в тексте специфической совокупностью языковых единиц и определенным образом интерпретируется адресатом.

В качестве материала для исследования выбран роман современного немецкого писателя Даниеля Кельмана «Tyll» [Kehlmann, 2017]. Яркий представитель постмодернизма, Д. Кельман раскрывает в произведении панораму жизни XVII века. Языковая игра, художественный вымысел, хронологичное изображение событий, специфическая интертекстуальность погружают читателя в другую эпоху. Но писатель, как представляется, не ставит перед собой задачу написать исторический роман, который бы воссоздал достаточно правдиво события Тридцатилетней войны. Для Д. Кельмана важен читатель, который сможет разобраться в сложных перспективах повествования, «расшифровать» те или иные аллюзии, цитаты и ощутить образ отдаленной эпохи.

Лингвистический анализ способов воссоздания эпохи (в контексте нашего исследования – культурного пространства) направлен на выявление языковых единиц, репрезентирующих культурное пространство. Эти единицы рассматриваются нами как элементы «модели культурного пространства» по аналогии с тем, как структурируется внетекстовое культурное пространство в гуманитарных исследованиях [см., например, Кармин, 2010].

Анализ эмпирического материала опирается на следующие релевантные для нашего исследования положения:

1. Текст представляет собой сложный знак, образованный из более простых знаков, со своим конкретным содержанием и формой.
2. Текст является символом культурного контекста определенного культурно-исторического периода.
3. Специфическая особенность художественного текста состоит в том, что он, как никакой другой, вступает в сложные отношения с культурным контекстом прошлого, настоящего и будущего.
4. В структуре модели культурного пространства художественного

текста важным является соотнесенность языковых единиц с семантическим, лингвокультурологическим и стилистическим уровнями его воссоздания.

КОРОНАВИРУС В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ: СЕМАНТИКА ПРОГНОЗА

Е.В. Осетрова (Красноярск)

***Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева
osetrova@yandex.ru***

Среди множества медиатекстов, посвященных коронавирусу, выделяются публикации-прогнозы, авторы которых рисуют картины будущего и ориентированы на обсуждение его моделей и разного рода последствий.

Методология и понятийный аппарат языковой семантики, развитые в трудах российских лингвистов (в частности [Арутюнова, 1998; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005; Логический анализ языка..., 2019; Языковая картина мира..., 2006; Яковлева, 1994]), дают возможность рассмотреть устройство соответствующих текстов с целью выявления их содержательных особенностей. Материалом для анализа в данном случае стало интервью писателя-прогностика С. Переслегина «Каким будет мир после коронавируса» (Комсомольская правда, 24.03.2020). Результаты данного анализа сводятся к следующему.

1. Актантный состав прогноза сформирован языковыми участниками четырех типов; определим их как а) «группа коронавируса» (*коронавирус, ковид, вирус, болезнь, эпидемия, пандемия*), б) «субъекты влияния» (*промышленный капитал, банки, фонды, власть*), в) «страны и регионы» (*Россия, Китай, США, Европа*), г) «сообщества» (*мигранты, мелкие производители, программисты, преподавательское и экспертное сообщество, богатейшие люди*). Участники, отнесенные к первым двум типам исполняют в языковом сценарии «активные» роли агенса или инструмента, а участники третьей и четвертой групп – «зависимые» роли бенефициенса или пациенса.

2. Пропозиции с участием вышеперечисленных актантов в основном представляют ситуации социального ущерба (*понесут потери, потеряют, будут разорены, падение будет болезненным, упадут*), ситуации социальной деструкции (*идет борьба; будет нанесен удар; выдержит удар; понесет наибольшие потери*), а кроме того, акты контроля либо воздействия / манипуляции (*контролировать; влиять; прикрывать*).

3. Событийный контекст прогноза усилен показателями интенсификации, которая вводится в семантику лексемы, а в ряде случаев занимает позиции квалификативов, создавая семантическое поле напряженности в выражениях *бешеные суммы, очень сильный удар, невероятное ограбление мира, жестко контролировать*. Маркеры интенсификации — *конечно, совершенно точно, бесполезно*, — проникают и в модусную рамку прогноза, обслуживая установку автора на категоричность.

В итоге, все вышеперечисленные элементы работают на создание двух семантических сценариев «будущего»: 1) из пропозиций социального ущерба монтируется сценарий глобального кризиса, вызванного коронавирусом / пандемией, 2) пропозиции социальной деструкции развивают его до метафоры военных действий. Очевидно, что подобного рода языковым трактовкам противостоят оптимистичные варианты прогностической картины мира, представленные в медийных публикациях 2021 г.

ЭВОЛЮЦИЯ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Е.А. Попова (Москва)

*Московский государственный лингвистический университет
o-genia@yandex.ru*

Стремление «взять на учет» время как таковое, разделив его на все более малые отрезки, прослеживается в культурах европейских стран с начала XVI в., а в России – с начала XVIII в. Человек начинает по-новому осмыслять время, в котором живет, в связи с чем в обоих языках находит все большее отражение модель

исторического времени. На протяжении существования западной модели цивилизации основной единицей измерения времени был час – *la hora*, который у римлян обозначал часть дня. Позже для испанского общества стало характерным деление дня на 12 часов. Для обозначения 1/24 части суток час стал использоваться с Нового времени, однако клише *la hora de la verdad* (букв. ‘час истины’), *la hora de de la muerte* (‘смертный час’) и употребление слова *hora* в значениях ‘время’, ‘пора’, (не)своевременности существуют с романской эпохи как отголоски его «центральной» позиции в темпоральной картине мира.

Похожая ситуация наблюдается и в русском языке, где слово *час* относится к глубинному слою языка и наряду с современным количественным значением, имеет качественные характеристики. В парах *час – минута / мгновение / пора / день* семантика слова *час* несет в себе такие отличительные черты, как способность обозначать переломное время в судьбе человека (*час расплаты*), неотвратимость (*час пробил*), (не)своевременность (*урочный / неурочный час*), рождение и смерть, имея те же характеристики, что и *la hora*.

Деление дня на все более мелкие части привело к пониманию времени как чего-то ускользающего. Современный человек живет дольше, он более мобилен, и в окружающей его действительности ранее незначительные события получают статус важных. В ходе стремления как можно точнее определить время, «подчинив» его себе, все большую роль играют приборы для его измерения, в первую очередь – часы как символ «объективного» времени. Из-за сложности механизма и стоимости их распространение шло долго, но, постепенно уменьшаясь в размерах, часы становятся доступнее, внося изменения в экономические отношения: *un minuto antes de la hora no es la hora, un minuto después de la hora tampoco es la hora* – ‘час без минуты или минута после часа – это не назначенный час’. В XIX в. карманные часы – символ буржуазного комфорта, а в XX в. наручные часы – товар массового потребления.

Сегодня время можно узнать с помощью мобильного телефона, компьютера, во многих общественных местах, так что наручные часы превращаются в аксессуар. В нашем сознании, однако, часы продолжают представлять идеал точности: и в русском, и в испанском

языках клише *как часы* (исп. *como un reloj*), означает прекрасную работу организма или прибора (а в русском также подчеркивает пунктуальность), а о человеке, у которого проблемы со здоровьем, испанец скажет: *se le ha parado el reloj* ('его часы остановились'). В испанской культуре к понятию точности примыкает образ сложности часового механизма: *aquí el más tonto hace relojes* ('здесь даже глупец делает часы') – говорят о находчивости жителей какой-либо местности.

И в русском, и в испанском языковом сознании XX-XXI вв. на первый план выходит осмысление времени как ресурса, которым необходимо правильно распоряжаться, поэтому в языке отчетливо видна тенденция к осмыслению протяженности принципиально малых отрезков времени: например, из спорта, где значение имеют мельчайшие частицы времени хроны, пришло понятие *хронометра* (*cronómetro*). Исчислением минут определяется использование телефонов и паркометров (*стоимость минуты, цена за минуту / el precio por un minuto*), а время разговора по мобильному телефону измеряется секундами. С новыми технологиями интернет-общения многие процессы происходят *в реальном времени* (исп. *en directo, en tiempo real*). Подобные выражения соответствуют современным попыткам сделать жизнь более рациональной и управлять нехваткой времени в обеих культурах.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СМАНТИКИ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ПЕРВОГО ДЕСЯТКА¹

А.В. Рудакова (Воронеж)
Воронежский государственный университет
a-rudakova@list.ru

Предлагаемое исследование семантики имен числительных первого десятка осуществлялось на материале свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации».

г. Воронежа в 2018-2019 гг., а также использовались ассоциативные поля РАС (2002). В качестве стимулов выступили 10 имен числительных первого десятка (*один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять*) и числительное *ноль*. Была осуществлена семантическая интерпретация ассоциативных полей. Описание психолингвистического значения слов осуществлялось по базовой трафаретной модели [Стернин 2011].

В ходе психолингвистического исследования семантики имен числительных русского языка были сделаны следующие предварительные выводы:

1. Разработанная методика позволяет описать психолингвистическое значение не только имен существительных, имен прилагательных и глаголов, но и «работает» при исследовании иных частей речи русского языка (имен числительных, местоимений, служебных частей речи).

2. Все исследуемые единицы относятся к многозначным. В состав семантем всех имен числительных (кроме слова *НОЛЬ*) входят три «количественных» значения («количество предметов, единиц», «цифра», «число»). В ядре значения всех числительных – семема «количество единиц», значения «число» и «цифра» относятся к периферийной части значения. Наибольшее количество семем отмечено у слова *ОДИН* (12 семем), по пять значений – у слов *НОЛЬ* и *ШЕСТЬ*.

3. Языковое сознание современных носителей языка не различает терминологических понятий «число» и «цифра» (это было выявлено при сравнении лексикографического и психолингвистического значений): у слова *ДЕСЯТЬ* значение «цифра» с научной точки зрения является ложным, так как это число состоит из цифр «один» и «ноль», однако в языковом сознании носителей языка значение «цифра» также представлено (*Запишите цифру десять*).

4. Наблюдаются отличия в лексикографических и психолингвистических значениях исследуемых единиц (как качественно, так и количественно).

5. Анализ семантического параметра «Фразы», который включает прецедентные тексты и примеры сочетаемости имен числительных, показывает, что наибольшая наполняемость отмечена у стимулов *СЕМЬ* (0,63) и *ТРИ* (0,58): *СЕМЬ* – *сеть магазинов «Семь дней»*

0,26; сказка братьев Гримм «Белоснежка и семь гномов» 0,11 и др.; ТРИ – сказка «Три богатыря» 0,16; сказка «Три поросёнка» 0,11; роман Э.М. Ремарк «Три товарища» 0,07 и др. Наименьшее количество ассоциатов, вербализующих прецедентные тексты, – у числительных ШЕСТЬ и ДЕСЯТЬ.

Результаты проведенного исследования позволяют скорректировать содержание словарных статей соответствующих лексем в соответствии с реальными представлениями о семантике имен числительных русского языка. Полученные данные будут также интересны при преподавании РКИ.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДОМЕ В СОЗНАНИИ МОЛОДЫХ РУССКИХ И ЯКУТОВ¹

***С.В. Савицкая (Новосибирск)
Институт филологии СО РАН
sardana_sav@rambler.ru***

В работе представлен сопоставительный анализ фрагмента картины мира русских и якутов – понятия **дом/дьиэ** – на материале локального ассоциативного эксперимента, проведенного в г. Новосибирск и г. Мирный Республики Саха (Якутия) в 2018-2019 гг. Испытуемыми выступили 191 студент Новосибирского государственного университета – носители русского языка, и 248 студентов Мирнинского политехнического института (филиала) СВФУ – носители якутского языка.

Понятие дома является одним из базовых в каждой культуре. Являясь в этом смысле универсалией, оно, вместе с тем, не может быть лишено специфических черт, поскольку знания, стоящие в той или иной культуре за значимым понятием, являются этнически и культурно маркированными.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Лексема **дьиэ** (русск. *дом*) не является исконно якутской; по данным Э.К. Пекарского, заимствована из тунгусского языка [Пекарский, 1958, с. 817]. Лексема **дом** – общеславянского происхождения, имеет индоевропейский корень, родственна греч. *domos*, лат. *domus* [Крылов, 2005, с. 117].

Сравнительный анализ ассоциативных полей позволяет выявить не только универсальные черты, но и этнокультурный компонент в значении стимульных лексем **дом** и **дьиэ**. Ассоциативные поля поделены нами на ядерную и периферийную зоны (см. таблицу): в первую включены ассоциаты с частотностью 2 и выше, во вторую – единичные реакции, которые не совпадают у обоих этносов и несут в себе этническую и культурную специфику.

Анализ ассоциативных полей **дом** и **дьиэ** показал, что этнокультурная специфика проявляется на обоих уровнях структуры ассоциативного поля: на более устойчивом ядерном и менее устойчивом периферийном.

Ассоциативные данные, получаемые от разных этносов, представляют интересный и ценный материал для сопоставительных исследований. Они позволяют выявить общее и специфическое в картинах мира представителей разных лингвокультур и дают возможность понять, что их объединяет и разъединяет, что особенно актуально, если эти этносы проживают на территории одного государства.

Ассоциативное поле стимула дом	Ассоциативное поле стимула дьиэ
Ядерная зона <i>семья 57; уют 18; родители 10; очаг; тепло 9; мама 7; родной 6; крыша 4; здание; мой 3; безопасность; забота; защита; квартира; коттедж; кошка; крепость; любовь; окно; спокойствие; стены; счастье; участок 2;</i>	Ядерная зона <i>кэргэн ‘супруг/-а’ 32; уот ‘огонь’ 31; дьиэ кэргэн ‘семья’ 17; сылаас ‘теплый’ 15; семья 13; дом 9; ийэ ‘мама’ 7; дьол ‘счастье’; ийэ, аҕа ‘мама, папа’ 6; уют; ыал ‘семья, соседи’ 5; аймах ‘родня’; оһох ‘печь’ 4; баай ‘богатый’ 3; дойду ‘родина’; дойдум ‘моя родина’; дьиэ ‘дом’; дьиэ кэргэним ‘моя семья’; крепость; мама; оһорор сир ‘место, где живу’; тизэргэн ‘двор’; төрөөбүт дойдум ‘место, где родился’; төрөппүттэрим ‘родители’; туннук ‘окно’; улахан ‘большой’; үлэ ‘работа’ 2;</i>
Периферийная зона <i>загородный; камин; кирпичный; ключ; озеро; собака 1;</i>	Периферийная зона <i>ас ‘еда’; балаҕан ‘якутская юрта’; куортам ‘аренда, арендный’; общага; оҕо ‘ребенок’; сэргэ ‘коновязь (столб)’ 1;</i>

ОТЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ АББРЕВИАТУР ШКОЛЬНИКАМИ СТАРШИХ КЛАССОВ И УЧИТЕЛЯМИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТИРОВАНИЯ)

Д.В. Садиева (Омск)
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
dina_sadieva@mail.ru

Восприятие аббревиатуры зависит от лингвистических и экстралингвистических факторов, в том числе и от возраста носителей языка.

Как отмечает в своей работе «Лексические сокращения в современном английском языке: структурный и прагматический аспекты» О.Н. Костерина, при изучении семантической составляющей в лексической единице «необходимо принять во внимание особенности когнитивных процессов, которые происходят в нашем сознании в процессе номинации».

Цель статьи – выявить отличия в интерпретации семантики аббревиатур школьниками старших классов и учителями общеобразовательных средних школ. **Объект исследования** – аббревиатуры и сложные наименования, функционирующие в русском языке.

В рамках данного исследования было проведено анкетирование среди учащихся старших классов (16–18 лет) и среди учителей (40–50 лет). Объем выборки: соответственно по 100 человек в каждой группе.

В анкете напротив каждого слова-стимула были даны четыре варианта ответа: ЗУ (*знаю и употребляю*); ЗН (*знаю, но не употребляю*); НН (*не знаю и не употребляю*); НУ (*не знаю, но употребляю*). Если респондент указывал ЗУ или ЗН, он должен был написать значение аббревиатуры, то есть расшифровать ее. Среди аббревиатур, предложенных участникам анкетирования, были представлены лексические единицы как на латинице, так и на кириллице, некоторые из них имеют несколько значений.

Анализ полученного материала позволил выявить главное отличие анкет респондентов-школьников от анкет респондентов-

учителей: оно заключается в способах толкования неизвестных элементов аббревиатуры.

Когда респонденты знают аббревиатуру, они расшифровывают все ее компоненты. Под компонентами понимаются буквы, которые входят в состав аббревиатуры. Трудности при расшифровке и различные способы интерпретации аббревиатуры возникают тогда, когда перед респондентами появляются компоненты, значения которых они не знают.

Учащимся для восприятия аббревиатуры необходимо знать хотя бы один ее компонент, значение второго или третьего устанавливается с помощью синонимического способа определения неизвестного компонента аббревиатуры, при котором респондент подбирает характеристику уже известному компоненту. Например, при расшифровке аббревиатуры **ПК** (*Персональный компьютер*) некоторые учащиеся не могут вспомнить слово *персональный*. В таком случае одни респонденты заменяют его другим словом с компонентом **П**: *программный, продуктивный, перспективный*, другие указывают только один компонент аббревиатуры, в правильности которого они уверены: *компьютер*.

Учителя при расшифровке этой же аббревиатуры используют описательный способ определения, характерной чертой которого в данном случае является включение в описание аббревиатуры другого, уже известного номинативного компонента аббревиатуры. Например, *мой компьютер, компьютер, которым я пользуюсь во время работы, компьютер, который стоит на рабочем столе*.

Таким образом, в случае возникновения трудностей с расшифровкой учителя стараются сохранить значение аббревиатуры, поэтому описывают ее с помощью других лексических единиц. Учащиеся, наоборот, при расшифровке аббревиатуры пытаются сохранить внешнюю форму, при необходимости заменяя один компонент другим, тем самым изменяя значение аббревиатуры. Учитывая возрастные особенности респондентов, можно сделать вывод о том, что респонденты-учителя, имея большой набор фоновых знаний, воспринимают аббревиатуру не только с учетом ее внешней формы, но акцентируют внимание на ее содержании.

СОБЫТИЙНОСТЬ КАК КОНЦЕПТ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ)

*Е.Г. Скребова, Г.В. Митина (Воронеж)
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и
Ю.А. Гагарина»
dolgorukaja1@rambler.ru*

Внутренняя программа речевого высказывания находится в непосредственной зависимости от т. н. «событийного» осмысления объективной реальности. В понятии «объективная реальность» содержится отсылка к одному из ключевых моментов становления языковой личности – к моменту первичного переживания мира (иначе – внеантропологическому онтологическому событию/ВОС).

ВОС как основа речевого высказывания характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, ВОС запускает процесс генезиса языковой личности, поскольку в нем и посредством него формируется образ целостной картины мира. Событие приобретает смысл только при его включении в знаковую систему языка. Таким образом ВОС становится уникальным, что закрепляется в понятии «сингулярной точки» [Делез, 2011, с. 153–154].

Во-вторых, ВОС обладает свойством пролиферации (от лат. *proles* – потомство, *ferre* – приносить), что на поверхностном уровне бытия фиксируется как невозможность его обособленного существования от остальных событий. Проллиферация реализовывает связь ВОС друг с другом посредством образования из них серий. Связь ВОС может развиваться в двух направлениях: сочинения или подчинения. Необходимость в подчинительной связи возникает только тогда, когда на довербальном этапе порождения речевого высказывания концепт **детерминизм** требует синтаксического выражения.

Довербальным аналогом подчинения служит такая единица уровня представлений, как «общая картина» подчинительной конструкции. Она осуществляет глубинно-панорамное развертывание концепта **детерминизм**, демонстрируя когнитивные основания его качественной и количественной сформированности,

и создает перспективу его синтаксической категоризации в форме временных, пространственных, причинно-следственных, условных и др. отношений:

И все посмотрели туда, куда он показывал (К. Симонов); Но так как город стоял при море, то с первых же дней войны в нем стали ожидать вражеские десантные отряды (С. Сергеев-Ценский); Купцы побежали к лошадям, чтобы отодвинуть свои сани с проезжего пути (А. Иванов).

В-третьих, интерпретация ВОС как генезиса языковой личности с необходимостью предполагает, что оно может быть репрезентировано исключительно признаковым элементом (иначе – глаголом) [Ахутина, 2008, с. 46]. Например:

*Когда головы заговорщиков **отсекали**, кровь **стекала** на гроб Милославского ... (Д. Гранин); И везде, где я его сегодня видел, он «тревожил немцев» (Л. Соболев).*

Подводя итоги, нужно подчеркнуть, что именно на довербальном этапе порождения речевого высказывания обеспечивается неконфронтрованное сосуществование онтологических оппозиций единичного – множественного, реального – идеального. Это связано как с особенностями восприятия языковой личностью объективной реальности, так и с характеристиками ВОС, лежащего в основе речевого высказывания.

ФЕМИНИЗАЦИЯ И НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ РЕЧИ: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ

Т.И. Стороженко (Москва)
Институт языкознания РАН
literaturen@ya.ru

Русский и испанский языки схожи тем, что в них присутствует грамматическая категория рода. Однако если в русском существует три рода, то в испанском только два, мужской и женский.

В данном докладе мы рассматриваем языковые процессы, происходящие в русском и испанском на фоне борьбы за права

женщин и ЛГБТ-сообщества, на материале русскоязычного и испаноязычного пространства Twitter.

Прежде всего обратимся к русскому языку. В последние годы спор об употреблении феминитивов вышел за пределы интернет-сообщества, где изначально возник. Слова *авторка*, *режиссерка*, *психологиня* и другие не просто стали употребляться в устной речи, но просочились также и в СМИ и игровое кино. Основная их функция – повышение видимости женщин в профессиональной среде.

В испанском же языке существительные, обозначающие профессию, обычно имеют парную лексему, что позволяет четко обозначить пол человека, о котором говорится: *el actor* – *la actriz* ‘актер – актриса’, *el traductor* – *la traductora* ‘переводчик – переводчица’. В большинстве случаев парная лексема отличается конечной морфемой (в примере со словом «переводчик» добавляется морфема *-a*, типичная для существительных женского рода, но в ряде случаев происходит замена морфемы *-o*, типичной для мужского рода, например, *el médico* – *la médica* ‘врач – врачиня’). Однако в ряде слов морфема не изменяется, ставится лишь другой артикль для обозначения рода и происходит соответствующее согласование определений: *el presidente* – *la presidente* ‘президент – президентка’, *el periodista* – *la periodista* ‘журналист – журналистка’. Связано это либо с тем, что слово является заимствованием, либо с особенностями его этимологии. Так, *presidente* образовано от глагола *presidir* ‘управлять, руководить’ при помощи морфемы *-ente*, которая несет значение ‘человек, который [...]’, соответственно, *presidente* – это ‘человек, который руководит’. Поскольку *-ente* – цельная, неделимая морфема, правила испанского не позволяют изменить *presidente* на форму *presidenta*. Подобные попытки, тем не менее, имели место, особенно в странах Латинской Америки.

Поскольку проблема репрезентации женщин в испанском языке не стоит так остро, как в русском, на первый план выходит вопрос подбора и/или образования нейтральных слов для репрезентации небинарных персон и людей, которые предпочитают не сообщать свой гендер. Достигается это заменой морфем *-o* и *-a* на морфемы *-e*, *-x*, например *traductore* вместо *traductor/traductora* или *médicx* вместо *médico/médica*.

В докладе рассматриваются и анализируются материалы постов в социальной сети твиттер русскоязычных пользователей,

употребляющих феминитивы, и испаноязычных пользователей, употребляющих гендерно-нейтральные неологизмы. Особое внимание уделено постам, в которых авторы объясняют употребление тех или иных слов.

На основании изложенного выше и проведенного анализа материалов мы формируем вывод о том, что русский и испанский языки находятся на разных этапах решения проблемы употребления гендерно-окрашенной и гендерно-нейтральной лексики. Мы предполагаем, что это связано с различием и языковой системы, и культуры.

НУЖНО ЛИ СОХРАНИТЬ РОДНОЙ ЯЗЫК: ИЗ ОПЫТА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЮГРЫ

***Н.В. Ткачук (Ханты-Мансийск)
Обско-угорский институт прикладных исследований и
разработок
Naksik1@yandex.ru***

В материале представлен социологический опыт в рамках мониторинга «Состояние родных языков и социально-экономические проблемы коренных малочисленных народов Севера». Современная ситуация по языкам обских угров находится в фокусе внимания ученых социологов. Исследователями указано его коммуникативное пространство в настоящее время: отмечается тенденция снижения среди коренных народов Севера количества людей признающих родным язык своего народа; национальный язык как отличительный признак данного этноса утрачивает свою функциональную роль, поскольку вытесняется не только из производственной сферы, но и из бытового общения [Хакназаров, 2012, с. 25]. Локальные социологические исследования показали, что всего 1% опрошенных используют языки коренных малочисленных народов в семейной коммуникации с той или иной интенсивностью, кроме того, абсолютное большинство опрошенных считают родным языком русский и используют его во всех коммуникативных сферах, родные

языки обских угров практически вытеснены из естественной среды бытования – семьи, в деловой коммуникации их роль также незначительна. [Исламова, 2017, с. 147].

Выделим некоторые вопросы анкеты, отражающие состояние родных языков КМНС Югры: Какие меры нужны, чтобы сохранить родной язык; изучают ли ваши дети родной язык в школе; на каком языке вы общаетесь в семье? На вопрос анкеты «Как Вы считаете, нужно ли сохранить родной язык?» из 90 опрошенных 81 чел. бесспорно убежден в том, что язык нужно сохранить. По мнению же опрошенных, мерами для сохранения их языков должны быть обучение в школе и детском саду, а также необходимость говорить на родных языках в семье.

Результаты основаны на анкетных сборах в местах компактного расселения коренных народов (Сургутский район). Компактные территории представляют из себя небольшие поселения, родовые угодья на которых сохранились еще традиционные виды хозяйствования (рыболовство, охота, оленеводство). Как известно, традиционное хозяйство КМНС на родовых угодьях выступает не только как способ жизнедеятельности коренных жителей, но еще является естественной средой для сохранения языков. Парадоксально, но общеобразовательной программой предусмотрено лишь факультативное обучение родным языкам, допустимо отметить, что уровень владения снижается у детей ханты, манси на этапе общеобразовательного обучения, так как приоритет и потребность в стандартных школьных предметах отодвигают на второстепенный план изучение родных языков КМНС. Ограниченность сферы использования языка сужает возможности его дальнейшего перспективного развития и сохранения. Семейно-бытовая коммуникация происходит частично на родных языках, а для профессионального и рабочего взаимодействия используется другой язык (русский), и очевидно, что подрастающему поколению югорчан не потребуются глубокое самостоятельное знание родного языка.

РЕФЛЕКСИВЫ-РЕАКЦИИ ИНФОРМАНТОВ В ЗАПИСЯХ ТЕКСТОВ ЛОКАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА¹

*С.В. Ускова, А.Н. Горошевский (Красноярск)
Сибирский государственный университет науки и
технологий им. академика М.Ф. Решетнева
s_us78@mail.ru
angoroshevskiy@gmail.com*

Территориальная изолированность, удаленность населенных пунктов, интенсивное взаимодействие на протяжении веков русской культуры с культурами северных коренных народов послужили предпосылкой для развития инвариантной локальной языковой картины мира Енисейской Сибири.

В данной работе представлены наблюдения за реакцией жителей Енисейской Сибири на вербальные стимулы. Сбор материала основан на включенном наблюдении за речевым поведением информантов в ситуациях спонтанного общения. Информантам предъявлялись стимулы, которые обладают эмоциональными коннотациями, в ситуации непрямого опроса. Единицей описания в данной работе является рефлексив [см., напр., Вепрева, 2020; Казкенова, 2006]. В данном исследовании рефлексив – реакция информанта на вербальные стимулы, которые эксплицируется в текстах с типичными представлениями носителя локальной картины мира.

В ходе полевых исследований были получены тексты-рефлексивы на стимулы: топонимы (населенный пункт, значимые места, места отдыха, места промысла и др.); антропонимы (известные люди, основатели, простые жители); хозяйственная деятельность (чем занимаетесь, держите скотину, ловите рыбу, где люди работают); условия жизни (например, по типу «там / здесь – у нас; «раньше / сейчас» и пр.) идеологически значимые ситуации (оценка событий, социальные установки) и т.д.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00492 «Изучение самосознания жителей территории в самоописаниях и реакциях на вербальные стимулы».

Приведем пример. В небольшом отрывке из разговора с информантом наблюдаются рефлексивы: **условия жизни** (раньше / сейчас) – *раньше вот в лодке причалил / все осталось на берегу / а сейчас вот около дома стоят / много шакалов по Енисею / идет судно / стоит что-нибудь без присмотра / подцепят и утащат сразу / красноярские все //* [с чем Вы связываете такой вот упадок? – *стим.*] **идеологически значимые ситуации** с развалом Советского Союза / по моим мыслям тогда и пошли первые откаты / *раньше вот в антропоним – Старой Курейке было от Норильского никеля / условия жизни / хозяйственная деятельность – сажалась картошка / морковка / турнепс/ все росло / кроме кукурузы / когда Хрущев был / не успевала поспевать / мы вот когда школьниками были / помогали картошку вот копать / собирали / идеологически значимые ситуации – а потом оказалось с Запада выгоднее картошку везти / от Дудинки / покупать выгоднее оказалось / чем здесь содержать / тогда сколько деревень-то закрылось //* (А.М., пос. Курейка)

На примере данного текста-рефлексии мы можем видеть реакцию на вербальные стимулы (места, условия жизни, перспективы жизни, значимые события и др.), когда процесс размышления сопровождает и процесс создания текста.

СБЫВШЕЕСЯ И НЕСБЫВШЕЕСЯ. К ВОПРОСУ О СХОДНОМ И РАЗЛИЧНОМ В ОБРАЗАХ УНИВЕРСИТЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРНЫХ И ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ)

Е.В. Учайкина (Москва)
Московский государственный областной университет
elenauchaykina@gmail.com

В статье рассматривается вопрос о сходствах и различиях в структуре образа университета на материале дневниковых записей вологодского гимназиста К.А. Березкина и воспоминаний бывшего студента Московского университета Н.Д. Дмитриева. Почти ровесники, Березкин и Дмитриев, будучи сыновьями провинциаль-

ных помещиков, в широком смысле принадлежали к одной социальной страте и могли обладать схожим мировоззренческим и концептуальным рядом. Так, в картине мира гимназиста Березкина и бывшего студента Дмитриева университет занимает значимое место. Березкин связывает университет с истинным путем к образованию молодого человека [Березкин, 1849], в воспоминаниях Дмитриева университет сияет серьезной важностью [Дмитриев, 1858, с. 82]. Элементы концептуальной системы, связанной с концептом Университет, в ее аксиологическом аспекте у авторов совпадают (согласно М.В. Пименовой, концептуальная система – это основа языковой картины мира, в том числе авторской [Пименова, 2005, с. 212]). Недоступность как существенный признак университета, отраженный в дневниковых записях Березкина, упоминается и в воспоминаниях Дмитриева, но лишь в той их части, где описывается время до «личного знакомства» с университетом: «<...> университет в воображении моем стоял в таком недоступном величии, что я считал почти невозможным попасть туда» [Дмитриев, 1858, с. 81].

Дмитриев и Березкин размышляют об университете с разных событийных позиций: для бывшего студента университет – реальное и счастливое прошлое, для гимназиста – маловероятное будущее, символ чужого успеха:

«Три лишних года сижу в гимназии, товарищи мои давно в университете, не совсем счастливо я учусь в гимназии, да и ленивее-то меня уже, кажется, что нет никого, ах!» [Березкин, 1849]. И хотя гимназист ругает собственную лень и хвалит трудолюбие товарищей, для него поступление в университет – это не только закономерный итог прилежания, но и удача: «хорошо тому жить, кому бабушка ворожит», «его звезда горит ярче моей» – так говорит Березкин о своих знакомых, учащихся в университете.

В записках Березкина и воспоминаниях Дмитриева есть общий шаблон, реализующий образ мудрого наставника, советующего скромному воспитаннику поверить в себя и попытаться поступить в университет. Однако если в воспоминаниях Дмитриева наставления дают свои плоды, то в дневнике Березкина они не приносят результатов: «Жаль, что я ничего не знаю – поехал бы» [Березкин, 1849].

Сочетаемость лексемы *университет* и метафоричность связанного с ней образа *богаче* в воспоминаниях Дмитриева можно объяснить реальностью его контактов с университетом. Нахождение же университета в области условного, воображаемого в дневнике Березкина – причина аморфности образа, а его сопряжение с тягостной рефлексией автора создает пасмурный фон для развития университетской темы. Прослеживается образная парадигма: университет – крепость (загражден для лентяев экзаменом [Березкин, 1849]), университет-храм (университет – святилище [Березкин, 1849]). Образная парадигма университет – храм характерна и для Дмитриева, однако акцентной становится не сема закрытости, а сема научного аскетизма и духовных начал науки.

ЯЗЫК И ЯЗЫК: НЕРАСТОРЖИМОЕ ЕДИНСТВО ИЛИ...?

Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева (Мытищи)
Московский государственный областной университет
khukhuni@mail.ru
irinaiv-v@yandex.ru

Тот факт, что церковнославянская лексема **ЯЗЫКЪ** обозначала как ‘способность говорить, выражать свою мысль словом’, так и ‘народ, племя’ [Свирелин, 2013, с. 253], неоднократно приводился как одно из подтверждений неразрывной связи этнического / национального самосознания коллектива с присущим ему языком. Такое восприятие свойственно «по умолчанию» подавляющему большинству людей на всем протяжении человеческой истории. Со времен В. фон Гумбольдта положение «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» [Гумбольдт, 1968, с. 68] неоднократно воспроизводилось и воспроизводится (с изменяющимся терминологическим аппаратом) и в научной литературе. На этот постулат опирается и часто используемое понятие *этноязыкового* сознания.

Однако при рассмотрении данной проблемы высказываются – причем на весьма авторитетном уровне – и отрицающие данное положение идеи.

Если понимать постулат о связи языка и этноса буквально, то логично сделать вывод, что в случае «смерти языка» (эта проблема не входит в задачи данного сообщения) соответствующий коллектив перестает существовать в качестве самостоятельной этнической общности. Но по этому поводу высказывается и принципиально иное мнение: «Добровольная языковая ассимиляция (то есть переход с этнического языка на общеупотребимый) является нормой, неотъемлемым правом человека, как и право сохранять язык своей местности. Надо признать эти права. <...> Утрата языка трактуется как исчезновение народа. Это <...> заблуждение. <...> сотни народов перешли на другой язык, но сохранили свою идентичность и самосознание. <...> Индейские языки почти исчезли. Но народы остаются. То же самое и в нашей стране. Российские немцы, украинцы, армяне почти все русскоязычные. Из евреев мало кто знает идиш или иврит. Но от этого они не перестали быть армянами или евреями» [Тишков, 2019].

Хотя процитированная точка зрения, несомненно, заслуживает внимания и обсуждения, нам представляется, что при анализе содержащихся в ней аргументов необходимо принять во внимание следующее. Во-первых, применительно к коренным народам Америки о добровольности языкового сдвига, действительно происшедшего со многими из них, говорить явно не приходится. На том, что случилось в 30-40-е гг. XX века с большинством носителей идиша, останавливаться, вероятно, нет необходимости. Во-вторых, отметим, что армянский, немецкий и украинский языки продолжают благополучно функционировать на территории соответствующих государств. Это в немалой степени способствует сохранению этнического самосознания представителей названных диаспор, а следовательно, от того, знают они свои этнические языки или нет, существование данных идиом не зависит ни в малейшей степени. В-третьих, сохранение этнического самосознания очень часто стимулирует и процессы возрождения языков, казалось бы, практически переставших быть живыми, как показывает опыт послевоенных десятилетий. Не говоря уже о «воскрешении» иврита, назовем такие языки Европы как баскский, каталонский, ирландский, корнский, мэнский и др., хотя достигнутые в каждом конкретном случае результаты могут различаться.

АНАЛИЗ ЯВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

***Цзин Байлян (Китай, Дацин)
Южно-Уральский Государственный Университет
bailyanczzin@yandex.ru***

Грамматика, как основная составляющая часть языка, всегда была одним из важных объектов лингвистических исследований. Части речи находятся в центре грамматики, и работа по их выделению в разных языках продолжается. Спорные вопросы, как правило, возникают при определении критериев выделения частей речи в разнотипных языках. Однако есть проблемы, связанные с определением частеречной принадлежности слов, подвергшихся трансформации. По словам Т.В. Жеребило, трансформация частей речи – это «процесс изменения признаков слова, который приводит к перемещению слова из одной части речи в другую» [Жеребило, 2010, с. 419]. Изучение этого явления в традиционной лингвистике в основном сфокусировано на типологии, морфологической структуре слов или их лингвистическом уровне. В основном рассматривается трансформация частей речи как способ деривации слов и не дается достаточное объяснение этого перехода, не объясняется глубинный смысл.

Рассмотрим это с точки зрения психолингвистики на основе теории «логогенов» Дж. Мортонма. Мы полагаем, что трансформация частей речи основана на стимуляции психологической лексики человека внешней информацией, что тем самым активизирует определенные лексические значения в человеческом мозге для завершения коммуникации и передачи информации. Как объяснял А.И. Назаров, «при превышении порога выходной Л. формирует сигнал, соответствующий определенному классу ответов; этот сигнал посылается в буферную систему, формирующую ответную реакцию на предъявленное слово» [Мещеряков, 2003, с. 238]. Известно, что у исследуемого предмета обычно есть несколько сторон. В процессе общения, чтобы четко выразить тему или рему, люди подчеркнут некую (или определенную) сторону предмета. Мы считаем, что то же самое относится и к словам, люди будут выбрать некое значение

данного слова в соответствии с потребностями общения, чтобы активировать определенное значение. Но референт объекта или слова не меняется в процессе. Именно из-за вышеупомянутого человеческого познавательного процесса и потребностей коммуникации выявлен феномен трансформации частей речи. Например, 1) *столовая ложка* и 2) *столовая открыта*. В первой ситуации главный референт – **ложка, столовая** – ее характеристика. Второе словосочетание обозначает, что это место для приема пищи. В данном случае слово **столовая** утратило своё атрибутивное значение, и люди определяют его как существительное со значением места. В обоих случаях они управляются общим смыслом «столоваться». Таким образом, феномен трансформации частей речи можно понимать как феномен психической деятельности человека, как проявление внешней информации о процессах лексического стимулирования в мозге человека, то есть, процесс существования и человеческого познания. Одним словом, в процессе трансформации частей речи проявляется связь между объективным существованием и способом познания в человеческом языке.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА УЧЕНОГО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

*Цзя Шуюе (Москва)
Институт языкознания РАН
1041487637@qq.com*

В статье рассматриваются знания, связанные с названием профессии ученого в языковом сознании современных носителей китайского и русского языков. Нами были проведены свободные ассоциативные эксперименты с носителями китайского языка в 2018 г. в Китае и с носителями русского языка в 2020 г. в России. Респонденты – 823 носителя китайского языка и 344 носителя русского языка.

На основе данных об ассоциативных полях можно составить представление об ассоциативных профилях, характерных для

данной культуры, а также о характерных стереотипах мышления. Для анализа ассоциативного поля нами был использован метод семантического гештальта Ю.Н. Караулова [Караулов, 2000]. Выделяются семь основных семантических зон ассоциативного гештальта: субъект, объект, характеристика, действие, состояние, локус и прочие. В зоне субъект выделялись две субзоны: лицо, ассоциируемое с ученым, и синонимы. В зоне объект – конкретные предметы, абстрактные предметы, ценности и эмоции. В зоне характеристика – положительная, нейтральная и отрицательная.

При сравнении ассоциативных полей слов-стимулов 学者 ‘**ученый**’ у китайских и русских испытуемых мы отметили, что в них существуют 9 тождественных слов-реакций, в том числе: 教授 ‘профессор’ (9, 3), 眼镜 ‘очки’ (42, 14), 书/书本/书籍 ‘книга’ (27/6/6, 2), 知识 ‘знание’ (43, 31), 学术 ‘наука’ (31, 9), 智慧 ‘ум’ (9, 9), 聪明 ‘умный’ (6, 16), 研究 ‘исследование’ (53, 3), 学校 ‘университет’ (2, 2). Эти слова-реакции указывают на то, что в языковом сознании носителей китайского и русского языков имеется сходство в образе ученого.

Большая часть реакции у китайских испытуемых относится к субзонам «положительная характеристика» (25.6%), «действие, состояние» (21.6%) и «конкретные предметы» (18.8%). У русских испытуемых – «ценности и эмоции» (36.2%), «конкретные предметы» (24.1%) и «лицо, ассоциируемое с ученым» (14.2%).

В ассоциативном поле слова-стимула 学者 ‘**ученый**’ первые пять высокочастотных слов-реакций у китайских испытуемых встречаются всего 201 раз (33.4% от общего числа реакций). В том числе слово-реакция 研究 ‘исследование’ 53, 知识 ‘знание’ 43, 眼镜 ‘очки’ 42, 学习 ‘учеба’ 32, 学术 ‘наука’ 31. У русских – наука 31, умный 16, очки 14, открытие 13, знания 9 – всего 83 раза (35.8% от общего числа реакций).

Анализ показывает, что китайские испытуемые обращают внимание на положительную характеристику ученого и профессиональную деятельность, а русские испытуемые уделяют внимание людям, предметам и ценностям, связанными с ученым. Китайцы в первую очередь рассматривают ученого как человека, который носит очки и занимается гуманитарными исследованиями; как человека, обладающего большими знаниями. Для русских ученых – прежде

всего тот, кто изучает естественные науки и носит очки. Интересно, что в китайском языковом сознании ученый – это 老人 ‘старик’ 4, 老头 ‘старик’ 3, а также является 老学究 ‘старым педантом’ 8, 学究 ‘педантом’ 3 с отрицательным оттенком. А в русском языковом сознании ученый является *гением* 2 с положительной оценкой.

Необходимо отметить, что в языковом сознании китайцев и русских образ ученого в целом положительно окрашен. В русском языковом сознании ученый прежде всего является *умным* 16, в китайском языковом сознании – *эрудированным* 26. Также для китайцев ученый 死板 ‘педантичный’ 3 и старый 2, для русских – *бедный* 2.

Для китайцев рабочее место ученого в первую очередь ассоциируется с 学校 ‘университетом’ 2, а для русских – с *лабораторией* 8.

МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ РЕРЕЗЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОДОНИМОВ)

Юе Цюй (Москва)
Институт языкознания РАН
yequ0726@yandex.com

Понятие ментальной карты как способа фиксации пространственных представлений получило в настоящее время широкое использование в различных областях знания и практической деятельности – от психологии до культурной и гуманитарной географии, ср. [Jacobson, 2006], [Митин, 2018]. В этой связи интерес представляет рассмотрение годонимов (названий улиц) как объекта ментального картирования. В современных топонимических исследованиях подчеркивается связь топонима с познавательной деятельностью субъекта номинации, с языковой картиной мира, ср. [Березович, 2009]. Когнитивно-дискурсивный подход обращается к языковому сознанию топонимической личности, рассматривая годоним как отражение познавательной деятельности горожан. В урбанонимических исследованиях ментальная карта

города соотнесена с понятием топонимической картиной мира, отражающей совокупность пространственных мироощущений. Репрезентация ментальной карты города, связанной с субъективными представлениями городского пространства (образами пространства) может реализоваться на основе топонимического анализа внутригородских объектов.

Годоним служит вербально-семиотическим средством выражения и идентификации своего геокультурного пространства. Он обладает мощным информационным полем, семантический потенциал которого наполняется разнообразными языковыми, лингвокогнитивными и геокультурными параметрами. Описание информационной насыщенности годонимов и их лингвокультурных доминант при топонимическом нейминге позволяет развертывать уникальную историко-культурную биографию города. В проведенных нами урбанонимических исследованиях, направленных на создание обучающей топонимической базы данных на материале московских годонимов, отмечается, что ментальная карта Москвы, пусть не целостная, но по крайней мере приоритетная для фиксации приоритетных образов о городе, репрезентируется следующим образом:

1) Москва – это сердца страны; москвоцентричный образ находит свидетельство в системе уличных наименований с импликацией центробежной направленности ориентации [Березович, 2009, с. 147];

2) Москва – это памятник идеологической концепции советской власти, которая проявляется в рядах годонимов с коммунистической и советской тематикой;

3) Москва – это национальный, культурный и духовный центр России, ср. топонимические ряды с отображением образа жизни населения и духовной ценностей;

4) Москва – это образ города в красном цвете. Красные годонимы представляют типичную модель номинации в Москве, в которой зафиксированы не только свидетельства о революционных событиях в городе, но и запечатлен статус главного города страны.

Языковое сознание является сложным многослойным образованием, актуализированным в речемыслительной деятельности человека и связанным с отражением этнического

менталитета. Благодаря информационной лингвокультурной насыщенности топонима, в котором имплицированы мировоззрение и миропонимание местных жителей об окружающем мире, топонимическая репрезентация ментальной карты города в коммуникативно-дискурсивном контексте может рассматриваться как один из новых критериев извлечения разноплановых фоновых знаний и опыта человека о мире в виде образа сознания и идентификации собственного геокультурного пространства.

Секция
«Онтологические и гносеологические аспекты формирования
профессионального образа мира»

ТЕРМИН В РАКУРСЕ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

З.Н. Афинская (Москва)
afin-zn@mail.ru

Наука и язык, с помощью которого она «изъясняется», многогранное взаимодействие этих общественных феноменов относится к актуальным проблемам гносеологии. Экономическая наука, возможно, наиболее открыто и ярко иллюстрирует связь своей терминологии и литературного языка в ракурсе междисциплинарной методологии, так как «междисциплинарное знание сегодня – это знание, которое связывает научные дисциплины и объединяет науку и общество в целом» [Зыкова, 2018, с. 80]. Описать основополагающие понятия и концепты, предложить общественному мнению их дефиницию в качестве терминов, быстро обретающих статус широко распространенных слов и понятий, – таков традиционный путь экономического знания. Как полагают, не без иронии, экономисты, экономическая «теория выглядит как язык, на котором всё может быть сказано, лишь бы соблюдать правила грамматики» («La théorie apparaît comme un langage dans lequel tout peut être dit pour autant qu'on en respecte la grammaire») [Grefe, 1990, Т. 1, p. 57].

Промышленный переворот конца XVIII в. обеспечил возникновение новых отраслей промышленности и науки, а просветительская идеология утверждала необходимость распространения научных знаний [Философский словарь, 1986, с. 390]. Личность, ответственная в своих поступках перед семьей и государством, – идеал воспитания человека в эпоху Просвещения. Такой идеальной экономической категорией становится предприниматель (*un entrepreneur*). Впервые социально-экономическая роль предпринимателя была сформулирована банкиром Р.Кантильоном (Richard Cantillon (1630-1734)) в его трактате «*Essai sur la nature du commerce en général*» (1755). Предприниматели являются главными действующими лицами экономического

прогресса; они обладают от природы способностью мужественно преодолевать рискованные ситуации («gens à gages incertains»). Предприниматель умеет воспользоваться благоприятным случаем, чтобы реализовать прибыль, но он должен при этом осознавать возможные риски [Facchini, 2007]. Хотя, по Кантьйону, предприниматель – это, в первую очередь, особый характер, некая врожденная способность, однако этой экономической функции возможно и необходимо обучаться. Предприниматель должен овладеть искусством убеждения – слово и правила экономической деятельности в своем единстве обеспечивают эффективность его действий. Опираясь на идеи Кантьйона, современные теоретики экономики полагают, что предприниматель относится к категории лидеров и инноваторов, предлагая новые способы организации предприятий и новые рынки.

ОНТОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Т.Е. Владимирова (Москва)
Московский государственный университет им.
М.В. Ломоносова
Российский университет дружбы народов
yusvlad@rambler.ru

В центре внимания настоящей работы рассмотрение онтологии вузовского образования с целью раскрытия заложенного в нем психолого-педагогического, экзистенциально-онтологического и синергетического потенциалов. Предпринятое исследование базируется на понимании онтологии как философского учения о бытии и его сущностных основаниях, в которых получают выражение унаследованные культурные ценности и представления о смысле жизни. Что же касается синергетики как науки о саморазвитии и самоорганизации, то данная парадигма активизирует поиск инновационных путей совместного, коэволюционного развития такой сложной взаимодействующей системы, как образовательный дискурс преподавателя и студентов.

Чтобы проанализировать онтологию учебно-профессиональной деятельности преподавателя и студентов и представить ее как процесс с позиции обучаемых, воспользуемся холистической процессуальной триадой Аристотеля. При таком подходе образовательный дискурс может рассматриваться как целостное единство интенционального плана (*dynamis*) и собственно учебно-профессиональной деятельности (*energeia*), которые развиваются под воздействием искомого энтелехийного прообраза (*entelecheia*) [Аристотель, с. 232–233] обучения в высшей школе.

Если присутствующие в сознании студентов идеальные представления и личностный «проект» саморазвития (С.Л. Рубинштейн) не совпадают с предлагаемой вузом обучающей технологией, то возникают экзистенциальные переживания. В этой связи заметим, что личностная включенность студентов в образовательный дискурс актуализирует в них эпистемологическую позицию наблюдателя, свойственную каждому мыслящему человеку. Поэтому обучение оценивается студентами через призму характерных для них культурных ценностей и смыслов, включая собственный план профессионального роста.

В этой ситуации внимание к личностной профессиональной самореализации студентов становится рычагом, который качественно преобразовывает вузовскую «онтологическую реальность» (Г.П. Щедровицкий). Особая роль при этом принадлежит учебно-профессиональному взаимодействию, благодаря которому возникает сонастроенность индивидуальных черт преподавателя и студентов. Как следствие, образовательный дискурс превращается в общее «смысловое поле» (Л.С. Выготский), которое не только объединяет свободно, самостоятельно и ответственно мыслящие личности, но и сообщает им чувство экзистенциальной исполненности» (В. Франкл) личностного бытия.

Поэтому одной из первостепенных задач, стоящих перед преподавателями, является создание такой учебно-профессиональной среды, которая способствует активизации резервных возможностей обучаемых и создает благоприятные условия для субъектно-субъектного личностного взаимодействия всех участников образовательного процесса. Тем самым не только исключается автономность обучающей деятельности

преподавателя и учебной деятельности студентов, но и преодолевается «усредненность» учебного процесса, которая превращает студентов в объект и препятствует раскрытию их личностного потенциала.

В целом, обращение к онтологии профессионального образования в высшей школе открывает перспективы его качественного преобразования при внимании к личностному «проекту» саморазвития студентов и свойственным им ценностным смыслам образовательной деятельности. Ведь, как писал Л.С. Выготский, «наша психология – вершинная психология (определяет не “глубины”, а “вершины” личности)» [Выготский, 1982, с. 166].

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Н.О. Золотова (Тверь)

***Тверской государственный университет
saporovskaya@mail.ru***

Проблема становления профессионального сознания студентов медицинского вуза связана с трудностями социально-психологического и компетентностного характера, к которым можно отнести влияние социального окружения, СМИ, Интернета, собственного социального опыта будущих медицинских работников, а также усложнение характера заболеваний, требующих высококвалифицированных диагностических и лечебно-профилактических мероприятий, что подразумевает овладение способами непрерывного приобретения новых знаний и умения учиться самостоятельно.

Интерес широких слоев населения к проблемам здоровья, здорового образа жизни выражается в активном обсуждении медицинских проблем в виртуальном пространстве, что дает толчок к популяризации медицинских знаний и распространению медицинской лексики среди непрофессионалов – носителей языка и культуры, далеких от медицины. Все эти факты современной жизни не могут не влиять на самосознание студентов-медиков.

В обучении (в том числе и медицинским профессиям) как одном из видов социальной практики наиболее четко проявляется «направленная трансляция смыслов» [Леонтьев Д.А., 2007]. С другой стороны, обучающая деятельность может рассматриваться и как процесс, связанный с «присвоением смыслов» [Артемьева, 1999]. Такое понимание обучения, разделяемое нами, неизбежно приводит к мысли о динамике строящегося профессионального сознания, которая выражается в том числе и в «подвижности» ассоциативной структуры медицинских терминов в сознании студентов-медиков на разных этапах формирования их профессиональных компетенций.

Анализ вербальных ассоциаций, полученных от будущих медицинских специалистов в ходе психолингвистического эксперимента на предъявленные им стимулы – термины, обозначающие названия болезней, позволяет утверждать, что основной «сдвиг» в ассоциативном окружении одного и того же медицинского термина происходит в направлении от обыденных представлений, стоящих за терминологической единицей в сознании испытуемых – студентов младших курсов, к усилению профессиональной составляющей в ассоциативной выборке ответов испытуемых – студентов старших курсов. Это подтверждается характерными реакциями в виде названий симптомов, факторов, провоцирующих развитие того или иного заболевания, возможных осложнений и нетипичных проявлений течения болезни и т. п. При этом аффективный компонент структуры ассоциативного поля терминоединицы в восприятии старшекурсников также увеличивается за счет преобладания эмоционально-оценочных реакций, по сравнению с начинающими студентами-медиками, где таких реакций оказалось меньше.

Последнюю тенденцию можно связать с постижением гуманистической сущности медицины как науки, в которой объектом изучения являются законы жизнедеятельности человека, по мере обогащения субъективного опыта студента в ситуации непосредственного общения с пациентами во время профессиональных практик. Предполагается, что продолжение исследования на более обширном материале обучения студентов медицинского вуза основным научным дисциплинам современной

медицины позволит связать его результаты не только с закономерностями формирования профессионального сознания будущих медиков, но и выявит основные стратегии становления профессионального видения мира в целом.

ТЕКСТ В РЕКЛАМЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ

Инь Цзысюань (Хэ Ган, КНР)
Южно-Уральский государственный университет
Yin151122@gmail.com

Туризм как организованная деятельность в настоящее время представляет собой динамичную сферу, целью которой является перемещение туристов, в связи с чем реклама как вспомогательная туристическая продукция должна отражать информацию, необходимую для удовлетворения запросов потребителей. В связи с этим необходимо изучить текст рекламы туристических услуг и выделить его характерные особенности.

Как средство популяризации туризма, реклама выполняет воздействующую функцию, которая характеризуется укороченным дескриптивным содержанием, направленным на продвижение объекта, а не на его продажу. Именно поэтому текст представлен, прежде всего, слоганами, такими как «Яркий отпуск для себя или в компании друзей!» [Tutu.ru, 2020], что побуждает покупателя задуматься о покупке тура в какую-либо страну.

Известно, что одна из задач текста рекламы туристических услуг – это вскрыть «боль», то есть указать на усталость от будней, постоянной рутины и т. д. Необходимо сделать так, чтобы человек буквально ощущал прилив Черного моря или бодрящий горный ветер гор Сочи.

Примечательно, что для достижения целей рекламы в тексте туристических услуг большой популярностью пользуются различные прагматические установки, направленные на эксплуатацию мотивов и потребностей адресата путем подсознательного стимулирования с помощью различных представлений о красоте, престиже, удовольствии, сохранении

здоровья и т. д. В пример можно привести рекламу тура в Каппадокию (регион Турции). В тексте указывается, что «Каппадокия – полупустынный регион в центральной части Турции. Он известен своими волшебными дымоходами – высокими конусообразными скальными образованиями, которых особенно много в Пашабаге (Долина монахов) и долине Гёреме» [Путеводитель Google, 2020]. Из данного текста становится понятно, что основное воздействие направлено на описание достопримечательностей, таких как «волшебные дымоходы», «конусообразные скальные образования» путем эпитетов. Далее следует вспомогательный текст относительно времени посещения данного места: «В июле и августе в Каппадокии очень жарко, а зимой (ноябрь – февраль) холодно и выпадает снег. Большинство туристов посещают регион в мае, июне, сентябре и октябре, когда стоит теплая погода. Самое популярное мероприятие Каппадокии – праздник сбора винограда в городе Угрюп (начало октября)» [Путеводитель Google, 2020]. Цель текста – «заманить» туриста в самый прибыльный сезон путем описания главных событий туристического сезона (праздник сбора винограда), а также путем описания климатических условий, что создает определенную картину в сознании потребителя.

В тексте рекламы туристических услуг используется конкретная группа базовых понятий, которое является семантическим основанием концептуализированного пространства:

1. Новизна (приключение, незабываемый опыт);
2. Активация (активный отдых, эмоции);
3. Эстетика (красота, привлекательность определенного места);
4. Реконструкция опыта (описание «будущего» опыта);
5. Релаксация (восстановление эмоциональных и физических сил);
6. Открытия (расширение кругозора, культурный обмен).

Таким образом, текст в рекламе туристической деятельности направлен на воздействие на человека путем описания места отдыха, концептуализацию отпуска как важной части жизни, реализацию прагматических установок.

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ ВОЕННЫХ НА ПРИМЕРЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «СОЛДАТ»

*Р.А. Кафтанов (Новосибирск)
Новосибирский военный институт войск
национальной гвардии
rk76@ngs.ru*

В конце 2015 года в одном из высших военных учебных заведений Сибири нами проводился массовый ассоциативный эксперимент с целью определения системообразующих акцентов ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации у курсантов. Данные эксперимента легли в основу подкорпуса военных ассоциаций СИБАС (далее по тексту – ПВАС).

Реакции на стимул **солдат** должны были, по нашему замыслу, раскрыть образы, которые возникают в сознании курсантов в связи со словом, имеющим двоякую природу во фрейме профессиональной деятельности офицера:

- солдат как объект деятельности (офицеры командуют солдатами);
- солдат как субъект деятельности (в русском языке словом *солдат* часто называют военного человека в любом звании).

При выделении компонентов деятельности мы опирались на работы [Леонтьев А.А., 1997; Леонтьев А.Н., 2001].

Полученное в результате эксперимента ассоциативное поле **солдат** (824 ассоциата) сравнивалось с аналогичными полями в РАС, ЕВРАС и СИБАС.

В результате выяснилось, что в сознании испытуемых – курсантов и студентов гражданских вузов в наибольшей степени актуализируются одни и те же смысловые грани слова *солдат*. Набор частотных реакций примерно одинаков: *армия; война; военный; воин; защитник*.

С другой стороны, сравнительно-сопоставительный анализ показал, что образ солдата за последние двадцать лет приобрел больше положительных черт. Если в РАС 24,5% ассоциатов, выражающих характеристики солдата, определены нами как положительные, то в ЕВРАС, СИБАС и ПВАС положительные реакции составляют 54%, 44,8% и 50,4% соответственно. При этом

солдат перестал ассоциироваться с Советской армией и шинелью (частотные ассоциаты в РАС).

Особенности ассоциатов ПВАС, рассматриваемые нами как маркеры профессиональной идентификации, состоят в следующем:

1) Частотность ассоциатов самоидентифицирующего характера, в которых испытуемые относят слово *солдат* к самим себе: *курсант* 25; я 10.

2) Частотность ассоциата *матрос* 24 под влиянием текстов военных уставов, где слова *солдат* и *матрос* часто стоят вместе. В качестве примера можно привести статьи 160, 161 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации [ОУ ВС РФ, 2018, с. 90–91], традиционно заучиваемые российскими военнослужащими наизусть.

3) Частотность ассоциатов, выражающих этические нормы: *честь* 7, *мужество*, *отвага* 4, *гордость*, *долг*, *сила* 3.

4) Низкая (по сравнению с другими словарями) частотность негативно-оценочных ассоциатов. Если в РАС, ЕВРАС и СИБАС среди ассоциатов, выражающих характеристики солдата, негативный смысл несут 33,8%, 30% и 32,7% соответственно, то в ПВАС подобные реакции составляют 19%. Можно предположить, что на снижение негативных образов в значительной мере повлияла самоидентифицирующая природа слова *солдат* для испытуемых-курсантов.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Е.Б. Кужевская, Е.И. Смык (Москва)

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

kougevskaya@gmail.com

ekaterina.smyk.91@mail.ru

Юриспруденция представляет собой сферу человеческой деятельности, которая, с одной стороны, характеризуется высокой точностью и однозначностью понятий и, как следствие, большим вниманием к каждому слову и его значению; а, с другой стороны,

казуистический подход - не редкость в делах и вопросах, решаемых в этой области.

Проводимые в настоящее время исследования юридического дискурса [Кужевская, Смык, 2019, с. 1022–1035] основываются на современных достижениях прагматики и психолингвистики [Brown, Levinson, 1987; Grice, 1975, p.41-58; Stivers, Enfield, Brown, Englert,and Levinson, 2009]. В рамках такого подхода был проведен анализ юридического дискурса на примере изучения протоколов допросов свидетелей по уголовным делам, возбужденным по ст. 156 УК РФ [Кужевская, Смык, 2019, с. 1022–1035]. Речевые стратегии теории вежливости Браун-Левинсона рассматривались с точки зрения слушающего (from Hearer to Speaker). Выводы, сделанные по результатам исследования, указывают на возможность повышения таким образом достоверности показаний.

Здесь необходимо отметить особенность юридического дискурса по сравнению с другими видами речевой деятельности человека, и влияние этой особенности на анализ самого дискурса и, как следствие, на практическое применение исследований. Общение в юридической практике не всегда является неформальным. При виде человека в форме люди, как правило, чувствуют некоторое напряжение и будут относиться к своим словам внимательнее. А что уж говорить о человеке, которому есть что скрывать. Для прагматического анализа речи необходимо понимать насколько беседу можно считать неформальной. Работа С.Левинсона и др.[Stivers, Enfield, Brown, Englert,and Levinson, 2009] обосновывает тот факт, что в неформальном разговоре реакция собеседника (или собеседников) происходит достаточно быстро, а именно, через доли секунды. Рассматривая это с точки зрения слушающего (from Hearer to Speaker), *мы предлагаем использовать данный факт, как критерий оценки степени неформальности общения.*

Но и здесь в юридической практике нельзя однозначно и достоверно утверждать, что при быстрой реакции отвечающего общение можно считать неформальным и ответ, не продуманным заранее. Поэтому до настоящего времени упомянутое выше исследование касалось только показаний свидетелей, то есть лиц менее других заинтересованных в сокрытии информации.

ОБЩНОСТЬ КОГНИТИВНОГО ФОНДА В КОНТЕКСТЕ ПРАГМАТИКИ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

***Ю.М. Кузнецова (Москва)
Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» РАН
kuzjum@yandex.ru***

В исследовании, поддержанном грантом РФФИ 17-29-07049-офи_м, научный текст рассматривается как речевая проекция системы ментальных действий, совершенных автором в процессе получения описываемого научного результата [Девяткин, Кузнецова, Чудова, 2018]; такая проекция образует «дорожную карту» собственных ментальных усилий читателя, следование которой обеспечивает ему понимание излагаемого материала и определяет те изменения в его представлениях об исследуемом предмете, которые являются базовой целью научной коммуникации.

В духе предложенной метафоры «дорожной карты» в рамках системного подхода к научному тексту говорится о наличии в нем особых явно обращенных к реципиенту сигналов или маркеров – метатекстовых единиц, призванных «прояснять «лабиринты» научной мысли ученого и обеспечить ориентацию читателя на текстовом пространстве» [Баженова, 2007, с. 221]. В других терминах речь идет о смысловом акцентировании, с помощью которого автор в соответствии со своими представлениями о важности и актуальности семантических элементов «приподнимает» ментальные «предметы» над «фоном». Предметно-фоновый рельеф научного текста обеспечивает автору активный контроль («режиссуру») восприятия текста читателем, способствует однозначному его пониманию и эффективному продвижению по всем смысловым уровням [Климовская, 1986]. При этом, подчеркнуто заботясь о правильности восприятия «предмета», в позицию фонового автор отодвигает такое содержание, разворачивание которого противоречило бы принципу «минимального толкования», требующему экспликации в научном тексте только основополагающих признаков без

перечисления других, восполняемых фоновыми знаниями человека [Извольская, 2008]. По Л.П. Якубинскому, такое восполнение может быть обеспечено общностью имеющихся у коммуникантов «апперцепирующих масс», то есть содержания психики каждого из них, позволяющего «ассимилировать речевое раздражение» и определяемого внутренним и внешним опытом индивида. При оптимальной общности понимание требует меньшего количества слов и «гораздо меньшей отчетливости в словоупотреблении»; в противном случае возникает необходимость актуальной конкретизации значений слов, более полного и сложного изложения [Якубинский, 1986]. В современных исследованиях дискурса в близком смысле используются понятия когнитивного фонда [Быстрых, 2007] или когнитивной базы – структурно оформленных знаний и представлений, которыми обладает человек как индивид и как типичный представитель определенной лингвокультуры [Кушнерук, 2013, с. 79]. Выделение специфической формы – профессиональной лингвокультуры [Малюга, 2011; Мирошникова, 2016] – дает основание для постановки вопроса о существовании компонентов или уровней когнитивного фонда, в которых фиксируются специальные, в том числе научные знания.

Из изложенного следует, что к факторам успешности научной коммуникации следует отнести способность автора принимать во внимание степень общности своего когнитивного фонда и когнитивного фонда предполагаемого читателя, и прежде всего в плане специальных знаний. Это позволяет, например, строить в научном тексте ситуативно адекватные дефиниции, в которых неизвестное(читателю)определяемоеоткрываетсячерезизвестное (читателю же) определяющее; так, дефиниция: *квадрат – это прямоугольник с равными сторонами* будет понята реципиентом, если он знает, что такое прямоугольник, сторона и равенство [Евланникова, 2012]. По нашим наблюдениям, выраженная неконгруэнтность когнитивных фондов автора и по крайней мере части его читателей (характерная, скажем, для публикаций научно-популярного, учебного или междисциплинарного характера) порождает высокие риски коммуникативных сбоев.

МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАТИВНЫХ РАССОГЛАСОВАНИЙ ПРОТОКОЛЬНО-ЭТИКЕТНЫХ ВСТРЕЧ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКОВ

Е.В. Малышева (Тверь)

*Тверская государственная сельскохозяйственная академия
ekkmal@bk.ru*

В современном обществе в результате доступности различных видео-порталов в сети Интернет формирование образа политика, с точки зрения ожиданий аудитории и политической конъюнктуры, позволяющей обнаружить некоторые особенности массмедийного портрета личности политика [Романов, 2002, с. 32–37; Романов, 2002а, с. 23; Романов, Малышева, 2013; Малышева, 2019], во многом определяется воздействием средств массовой информации, которые не только формируют «направленное представление об объекте, совокупные речевые практики (дискурсии) политика / политиков в виде отдельного готового продукта – дискурса» [Романов, Черепанова, 1998], но и «обладают определенным механизмом создания такого представления с учетом их целевого (функционального, прагматического и манипуляционного) применения или воздействия» [там же]. На формирование образа политика часто оказывают влияние различные «конфузные» видео, которые, как правило, активно распространяются в сети Интернет аудиторией-адресатом. Стоит отметить, что подобные видео вызывают широкий отклик у аудитории: видео, фотофрагменты «казусов» поведения политика быстро распространяются в сети Интернет, а комментаторы часто оставляют негативные отзывы о политическом деятеле. С точки зрения медийного освещения информации, казусные случаи протольно-этикетных встреч также могут рассматриваться аудиторией сети Интернет как нарушение протольного взаимодействия политиков. Таким образом, именно изучение сценариев типовых образцов протольно-этикетных встреч (с точки зрения исследований коммуникативных рассогласований [Романов, 2008]), обусловленных специфическим набором типовых каузальных цепочек диалогических действий-практик партнеров по политическому взаимодействию, позволяет исследователю выявить

и описать «критические точки» взаимодействия, а также предложить пути и способы для решения возможных конфликтных ситуаций на пути продвижения партнеров к результирующему эффекту.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ КОГНИЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА МИРА У СТУДЕНТОВ- МАТЕМАТИКОВ

*Н.Н. Николаева, Н.С. Нуриева (Москва)
Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана
nnn55n73@mail.ru, nurieva-n@yandex.ru*

Формирование профессионального образа мира будущих специалистов-математиков в современных условиях открытого многоязычного информационного пространства невозможно без развития иноязычной, в частности англоязычной, коммуникативной компетенции, что в целом осуществляется на занятиях по английскому языку под руководством преподавателя-лингвиста. В связи с этим на последнем лежит особая ответственность за лингвистическую социализацию российских студентов-математиков в англоязычном математическом дискурсе, а также необходимость выстраивания учебного процесса с учетом когнитивных особенностей математических и лингвистических знаний. При этом необходимо учитывать, что развитие профессиональных и лингвистических умений и навыков происходит параллельно.

Вслед за О.М. Краснорядцевой под профессиональным образом мира мы понимаем «интегрированную характеристику системной организации, включающую в себя человека, его жизненный мир и сам образ жизни, преобразованный профессией» [Краснорядцева, 2003, с. 80]. Как отмечает И.В. Сергеева, «успешность формирования профессионального образа мира у студентов определяется необходимостью включения в профессиональный образ мира мотивационно-потребностного, ценностного, когнитивного и рефлексивного компонентов» [Сергеева, 2010, с. 120]. В данной работе мы сосредоточиваем внимание на когнитивном компоненте

как на «совокупности знаний, умений, представлений студента, связанных с будущей профессией, включающей познавательные операции, процессы и результаты этих процессов, в том числе общекультурный кругозор студента» [Там же], поскольку именно язык является основным фактором, формирующим когнитивные способности человека, в том числе в профессиональной сфере. Создание соответствующих психолого-педагогических условий наряду с эффективными методическими приемами обучения профессиональному (математическому) английскому языку позволяют, на наш взгляд, сориентировать траекторию развития математической когниции студентов, расширяя ее общегуманитарный, универсальный и глобальный аспекты. Для этого необходимо определить, что представляет собой математическая когниция и каковы когнитивные основания математических знаний, а также как и каким образом изучение специализированного английского языка способствует становлению профессионала.

В своей работе мы рассматриваем математическую когницию с двух позиций. Во-первых, как осознание количества, пространства и структурных закономерностей, присущих определенным понятиям, которое может быть врожденным и характерным не только для человека [Alexander, 2012, p. 5]. Во-вторых, как осознание природы символического обозначения понятий и их ментального кодирования, которое встроено в контекст, в символические практики обучения и воспитания человека и непосредственно связано с развитием знаково-символического (логико-вербального) мышления [Radford, 2010, p. 1]. Мышление обеспечивает информационный контроль за окружающей средой, адаптацию и выживание человека. Математика рассматривается нами как «наука об идеальных математических структурах, специальных формальных структурах нашего (неречевого) знаково-символического мышления, свойства которых она описывает с помощью аксиоматических теорий» [Меркулов, 2007, с. 131].

Наше исследование, проведенное в группах студентов-математиков 1-го, 2-го и 3-го курсов в МГТУ им. Н.Э. Баумана, показало, что к возможностям англоязычного обучения, способствующим формированию профессионального образа мира, можно отнести: углубление знаний о природе математических ментальных

процессов за счет выявления новых контекстуальных и смысловых связей между различными элементами когнитивных репрезентаций (образами, представлениями, понятиями) и продуцирования многозначного контекста с множественными связями на английском языке; расширение профессионального кругозора и понимания роли иноязычной профессиональной компетенции в международном сотрудничестве; выработка гибкости и вариативности оценок происходящего; осознание и развитие толерантного отношения к разнообразию ценностей и смыслов мирового профессионального пространства и др.

Наиболее эффективными условиями для реализации поставленных выше задач можно назвать интерактивность и коммуникативность взаимодействия участников образовательного процесса в англоязычном математическом дискурсе, ситуационность и проблемность обучения, создание и развитие англоязычного математического дискурса с использованием математической символики (формул, уравнений, чисел, знаков), визуализации (графиков, таблиц, матриц), вербальных устных и письменных описаний и объяснений математических значений, дискурсное аналитическое и критическое чтение мультимодальных специализированных текстов. Несомненно, активная и самостоятельная деятельность самих студентов играет ведущую роль.

МЕТАФОРА «ТЕМПЕРАТУРЫ» В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЯ О ПСИХИКЕ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИИ)

*А.Р. Рахимова (Томск)
Томский политехнический университет
nastena.rahimova@mail.ru*

Исследование гносеологической значимости метафоры в представлении научного знания является актуальным направлением в лингвистике XX–XXI веков. Особый интерес вызывает

метафорическое моделирование абстрактных сущностей, к числу которых относится психика человека, ставшая объектом изучения психологии и психотерапии. Метафорические модели в репрезентации знания о внутреннем мире человека на основе представлений о различной температуре объекта и окружающей среды широко представлены на материале языковой картины мира (Н.Д. Арутюнова, Дж. Лакофф и М. Джонсон, Е.В. Рахилина, А.Н. Шрамм и др.). Аналогии, выявленные в рамках научного психологического дискурса и терминосистемы психологии, с одной стороны, расширяют уже имеющиеся представления, а с другой – обнаруживают специфику в передаче информации о психической деятельности человека и возможности ее изменения на основе аналогии процессам повышения и понижения температуры. Последнее связано с репрезентацией следующих сфер-мишеней:

1. психические состояния и психофизиологические процессы

Аналогия изменения температуры содержится в представлении знания о динамике развития психических состояний, температуру которых можно повысить *вспышки агрессии* [Головин, 1998, с. 400] или понизить *угашение страха* [Корсини, 2006, с. 313]. Психосоматические болезненные ощущения, возникающие в области грудной клетки, уподобляются процессу *жжения* [Курпатов, 2019, с. 34]. Возможность уменьшить проявление симптомов невроза или полностью избавиться от них моделируется в виде разрушения объекта под воздействием высокой температуры: *на каждом занятии разработана серия сцен для последовательного их внушения: «Сжечь симптомы на костре»* (см. психотерапевтическая система больных неврозами по Кратохвилу) [Карвасарский, 1999, с. 386].

2. динамика психической активности

Аналогия разрушения объекта также структурирует знание о профессиональной деформации, в результате которой человек теряет интерес и мотивацию выполнять должностные обязанности: *выгорание характеризуется как специфическая дисфункция у представителей помогающих профессий* [Корсини, 2006, с. 164–165]. Когнитивная деятельность, направленная на самопознание и создание нового, номинируется в виде процесса *творческого горения* [Карвасарский, 1999, с. 276].

3. психосоциальные процессы

В соответствии с нормой представление о социальных отношениях связано с ощущением средней, наиболее комфортной для человека температуры, *теплоты в отношениях* [Ялом, 2000, с. 48]. Эмоциональная недостаточность моделируется на основе ощущения низкой температуры, *эмоциональной холодности* [Головин, 1998, с. 46]. Психологические методики, применяемые для гармонизации взаимоотношений человека с окружающими, уподобляются представлению о том, каким образом можно повысить температуру объекта до оптимального предела: объект можно *разогреть* (см. «направленная динамическая групповая психотерапия Хёка» [Карвасарский, 1999, с. 242] или *согреть*: *улыбка может согреть своим теплом, показать дружелюбие и улучшить настроение* (см. психологическая игра «поделись улыбкой») [Истратова, 2011, с. 323].

Таким образом, метафорические модели, выявленные в рамках научного психологического дискурса и терминосистемы психологии, отражают представления об активности психической деятельности человека и возможности ее изменения на основе аналогии с процессами, связанными с изменением температуры.

Секция

«Динамика и вариативность языковой картины мира (обыденного языкового сознания) современных носителей русского языка/культуры»

ВОСПРИЯТИЕ В КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*В.Н. Алексеева (Ярославль)
Ярославский Государственный университет
им. П.Г. Демидова
aka_vscorio@mail.ru*

Когнитивные исследования обращаются «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова, 2004, с. 11]. Когнитивная лингвистика исследует процессы, происходящие в сознании при восприятии, осмыслении и познании действительности, а также формы ментальных репрезентаций. Её основной задачей является «получение данных о деятельности разума» [Там же. С. 13].

Немаловажное значение в становлении когнитивной лингвистики сыграла психолингвистика. Именно с её помощью удалось установить связь между языком и мышлением. Она изучает язык как систему знаков, хранящуюся в сознании человека, а затем воспроизводимую в речи и воспринимаемую другими людьми.

Когнитивная лингвистика находится в неразрывной связи с восприятием, так как главным предметом её изучения является когниция, а когниция – это и есть система восприятия, осознания и воспроизведения информации в слове.

Воспринимаемая информация воплощается в картине мира. Под картиной мира подразумевают упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании [Попова, 2007, с. 51].

Выделяют непосредственную и опосредованную картины мира.

Непосредственная картина мира – картина, получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности. Человек воспринимает и осмысляет всё, что

видит вокруг, с помощью органов чувств и абстрактного мышления. Непосредственная картина мира, которая возникает в национальном сознании и включает содержательное знание о действительности и набор стереотипов, существующих в сознании, называется когнитивной. Согласно Н.М. Лебедевой, «наша собственная культура задаёт нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую “картину мира”» [Лебедева, 1999, с. 21]. Можно сказать, что данная картина мира довольно субъективна, но имеет непосредственное влияние на последующее восприятие действительности.

Опосредованная картина мира фиксируется вторичными знаковыми системами, которые овеществляют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира. К этой категории относятся языковая и художественная картины мира.

Что такое языковая картина мира? З.Д. Попова и И.А. Стернин дают следующее определение: «Совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определённом этапе развития народа, представление о действительности, отражённое в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, 2007, с. 54].

М.В. Пименова понимает под языковой картиной мира «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [Пименова, 2004, с. 5]. В.В. Красных понимает под ней «мир в зеркале языка», а картину мира (образ мира) как «отображение в психике человека предметной окружающей действительности» [Красных, 1997, с. 18].

Выделяют также ещё одну картину мира – художественную. Она возникает в сознании реципиента при восприятии им произведений искусства. Художественная картина мира создаётся языковыми средствами и реализуется в отборе элементов содержания художественного произведения и языковых средств. Художественная картина мира является опосредованной – языком и индивидуально-авторской картиной мира. Именно это обстоятельство играет важную роль в процессе восприятия иностранных реалий.

ОБРАЗ ВОЙНЫ И МИРА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е.А. Голубенко (Москва)

*21 Научно-исследовательский испытательный институт
военной автомобильной техники Министерства обороны
Российской Федерации
selenagol@rambler.ru*

В плане истории лингвистики и мировой культуры в языковых картинах мира русского, английского и японского языков *война* и *мир* среди других универсальных оппозиций занимает особое место: *верность* — *предательство* / *faithfulness* — *treachery* / 忠誠心 — 裏切り; *добро* — *зло* / *good* — *evil* / 善 — 惡; *жизнь* — *смерть* / *life* — *death* / 人生 — 死; *любовь* — *ненависть* / *love* — *hatred* / 愛 — 憎しみ.

Война и мир в мировоззрении русского народа представляют собой совокупность социально-культурных условий, существующих и функционирующих по собственным правилам и занимающих исключительное место в жизни социума и индивидуума. Тема пацифизма и конфликтов всегда играла важную роль в языковом сознании любого этноса.

Другой важный момент — это взаимодополнение обеих оппозиционных частей в дихотомии «война — мир», или иначе говоря, это «проявление феномена взаимной «диффузии» мира и войны в их социокультурных репрезентациях <<...>> Не случайно начиная с античных и средневековых аллегорий с их двойной образностью эти сущностные состояния общества дефинируются друг через друга, составляя в своей неразрывной связке один из «проклятых вопросов» мировой истории и культуры» [Ермаченко, 2005, с. 12].

Опираясь на результаты проведенного нами психолингвистического эксперимента методом свободного ассоциативного эксперимента, направленного ассоциативного эксперимента и методом субъективной дефиниции, мы постарались на основе исследуемых образов *войны* и *мира* «проникнуть» в языковое сознание носителей русского языка и выделить их этнические автостереотипы. Как справедливо отметила Н.В. Уфимцева, изучение автостереотипов, выявленных в результате ассоциативного

эксперимента, можно считать «в качестве исследования фрагмента языковой картины мира носителя того или иного языка/культуры. Во-первых, эта модель описывает весь предыдущий речевой и неречевой опыт носителя языка как создателя и потребителя текстов. Во-вторых, модель имеет системно-целостный характер, для анализа которого вводятся понятия «ядро» и «периферия». В-третьих, она отражает структуру, объективно присущую образу мира наивного носителя языка, а значит и «культуре как системе сознания, поскольку мир презентован отдельному человеку через систему предметных значений, как бы «наложенных» на восприятие этого мира» [Уфимцева, 2017, с. 13].

По результатам психолингвистического исследования образов *войны и мира* в языковом сознании русских респондентов можно сделать следующий вывод. В автостереотипах русских нами были отмечены как недостатки последних, так и достоинства. Самой яркой чертой этнической специфики русских оказался патриотизм. Центральное место в системе ценностей занимает семья. Среди недостатков можно отметить фатализм и поляризацию.

УСТОЙЧИВОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ КАЗАХСТАНЦЕВ

***Н.В. Дмитрюк (Шымкент)
Южно-Казахстанский государственный педагогический
университет
nvdmitr@yandex.ru***

Поскольку гендер является компонентом коллективного и индивидуального сознания, его необходимо изучать как *феномен языкового сознания*, проявляющийся как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении индивидов, осознающих себя, с одной стороны, лицами определенного пола, а с другой, – испытывающих определенное давление этнокультурных факторов, отражающих коллективное мировоззрение этноса, к которому эта личность принадлежит.

Наше исследование проходило на территории Южного Казахстана, основным материалом послужили данные массового анкетирования (268 студентов, юношей и девушек, казахов и русских), причем, представилась возможность диахронического сопоставления содержания анкет с исследованиями 20-летней давности по аналогичным анкетам. Из анкетных данных для интерпретационного анализа полученных нами ответов (были отобраны первые пять наиболее часто повторяющихся) внимание было обращено на два основных фактора – на гендерную и этническую принадлежность.

Исходя из содержания экспериментального материала, были выделены основные направления в стратегиях анкетирования, отражающие приоритетные, этнически маркированные представления современных казахстанцев – гендерные стереотипы. К примеру, наиболее востребованной во всех четырех группах участников (казашки 108 и казахи 66, русские девушки 63 и юноши 31) оказалась рубрика *ум*: это качество предпочтительно на первом месте почти во всех группах респондентов – у русских мужчин и женщин и у мужчин-казахов, и только для женщин-казашек в автохарактеристиках на первом месте зафиксирована *женственность*. Для мужчин наиболее востребованными характеристиками маскулинных качеств являются совпавшие характеристики *ум* (12,3%), *мужественность* (8,1%) и *честность* (7,6%), а различия состоят в том, что для русских мужчин предпочтительнее *мужество* (9,3%) и *физическая сила* (6,6%), а для казахов – *самоуверенность/уверенность в себе* (9,1%) и *ответственность* (5,4%). Для женщин также наиболее востребованными характеристиками мужских качеств являются *ум* (11,7%) и *мужественность* (10,2%), но помимо них появляется такая рубрика, как *доброта*, ни разу не упомянутая в ответах мужчин. Русские женщины среди типичных маскулинных качеств называют также *надежность* (7,5%) и *честность* (5,2%), а казашки – *верность* (9,2%) и *физическую силу* (7,2%).

Материалы анкетирования показали, что при наличии безусловно ожидаемых этнических различий в стереотипах представлений казахских и русских информантов об основных типичных гендерных качествах мужчин и женщин преобладают общие черты и характеристики: мужчины (и казахи, и русские) представляются *сильными, умными, мужественными, ответственными*,

немногословными, а женщины (и казашки, и русские) *красивыми, добрыми, нежными, эмоциональными, болтливыми*. То есть, фактор этнической принадлежности играет заметно меньшую роль в формировании типичных/ образцовых/ предпочитаемых гендерных качеств мужчин и женщин.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мужчины и женщины Южного Казахстана гораздо больше отличаются по гендерному фактору, чем по этнической принадлежности: единодушие мнений мужчин о типичных феминных и маскулинных чертах (и русских, и казахов) более противопоставлено единодушию женщин (и русских, и казашек). Возможно, эта единодушие противопоставления типичных гендерных стереотипов отчасти обусловлена единством проживания в одном регионе, общностью социальных, гражданских, общекультурных профессиональных и прочих интересов и взглядов, сформированных в одном культурном ареале, но материалы нашего анкетирования зафиксировали именно такой факт: гендерные отличия проявляются заметно сильнее, чем этнические.

Одним из основных результатов проделанной нами экспериментальной работы стал вывод о том, из двух видов стереотипов – *гендерных* и *этнических* – более устойчивыми оказались именно гендерные различия. Фактор принадлежности к разным этническим культурам (казахской и русской) в нашем исследовании обнаружил менее выраженный характер.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕМАНТИКИ ДИМИНУТИВОВ

***Н.А. Козельская (Воронеж)
Воронежский государственный университет
kozelskayan@mail.ru***

Категория диминутивности принадлежит к числу сложных и недостаточно исследованных вопросов языкознания. Существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами или существительные с субъективно-оценочными значениями

(Русская грамматика) представляют собой специфический класс образований. В отечественной лингвистике они рассматриваются по-разному: как формы слов (М.В. Ломоносов, Ф.И. Буслаев, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба и другие); как разные слова (А.А. Потенция и другие), как нечто промежуточное между собственно словами и грамматическими формами слова (В.В. Виноградов).

В аспекте проблемы выявления возможностей разграничения объективной уменьшительности и субъективно-оценочного значения нас заинтересовало, как отражается это разграничение в обыденном сознании носителей языка. С этой целью был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), в котором приняло участие 100 человек в возрасте от 25 до 35 лет. Для эксперимента в результате сплошной выборки из словаря Кузнецова были отобраны примеры из 4-х групп слов: 1) слова, в которых словари отмечают уменьшительно-ласкательное (**березонька, глазенки, дощечка, дурачок, косячок, куколка, лисичка, мышка, носик**); 2) уменьшительное (**бесенок, образец, родничок, чашечка, черточка**); 3) экспрессивно-оценочное значение (**волосенки, головушка, работничек, хлебушек**); 4) слова с другими значениями, кроме диминутивного (**ноготок, носик, черточка, чашечка, родничок, лисичка, мышка, куколка, косячок**) и соответствующие группы исходных слов. Предполагалось, что совпадения или различия в ассоциатах исходных слов и их уменьшительных форм позволят выявить факт наличия и степень самостоятельности семантики слов с уменьшительно-экспрессивными суффиксами. Для полученных ассоциатов был вычислен индекс яркости (ИЯ) по методике И.А. Стернина (как отношение числа выделивших значение общему числу участников).

В 1-ой группе слов ярче всего выражена уменьшительность в реакции на слово **глазенки** ИЯ0,38 (*узкие 16, щелочки 12, маленькие 10*). В остальных ассоциатах значение уменьшительности представлено единичными примерами: **мышка** (*маленький 1*), **носик** (*маленький 1*) или отсутствует. Сопоставление реакций на исходные слова и диминутивы показало, что есть пары слов, дающие очень сходные ассоциаты, напр., **береза-березонька, доска-дощечка, мышья-мышка, кукла-куколка**. У данной группы слов в эксперименте не выявлено значения ласкательности. Отдельные диминутивы

вызывают ассоциаты, дающие качественные характеристики объекта **глазенки** (*хитрые 8, подозрительные 6, выпученные 5, бесстыжие 3, веселые 1*) с преобладанием отрицательно оценочных слов. Во 2-ой группе слов уменьшительность также не является ярким признаком, вызывая единичные ассоциаты в словах, исключение слово *бесенок* – значение маленький имеет ИЯ 0,2. В 3-ей группе верифицировалось значение ласкательности – его дают ассоциаты к слову **головушка, волосенки** (в одном из значений). Сtimул **работничек** вызывает только отрицательно-оценочные ассоциаты. Сtimул **хлебушек**, в отличие от исходной формы, вызывает много ассоциатов, дающих чувственную характеристику объекта : *мягонький 14, мягкий 13, теплый 8, вкусный 7, пахнет 5, корочка 3*.

В 4-ой группе САЭ позволил выявить степень яркости самостоятельного, не уменьшительно-экспресивного значения у слов: **косячок** ‘сигарета с марихуаной’ ИЯ 0,5; **черточка** ‘орфографический знак’ ИЯ 0,47; **куколка** ‘кокон бабочки’ 0,43; **лисичка** ‘гриб’ ИЯ 0, 38; **родничок** (у младенца) 0,3; **мышка** (компьютерная) ИЯ 0, 28; **носик** (чайника) ИЯ 0,22; **чашечка** (коленная) ИЯ 0,2; **ноготок** ‘цветок’ ИЯ 0,18; **чашечка** (цветка) ИЯ 0,06.

Таким образом, САЭ позволяет конкретизировать различия в семантике диминутивов и их производящих.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯЗЫКОВ ЮЖНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОЦЕССА ДЕЭКЗОТИЗАЦИИ

М.А. Кузина (Москва)

*Московский педагогический государственный университет
kouzina-marina@yandex.ru*

В современном английском языке функции экзотической лексики – слов иноязычного происхождения, обозначающих реалии языка-донора – не ограничиваются созданием образа инациональной речевой среды в художественной литературе [Маринова, 2013, с. 202]. В частности, для лексических единиц, возводимых к словам-прототипам в языках Южной Азии, характерна высокая частотность

употребления в современной «качественной» прессе на английском языке.

Процесс деэкзотизации экзотизмов обычно приводит к «стиранию» национально-культурного компонента: результатом может быть появление моносемантических деэкзотизированных лексем или полисемантических лексических единиц с культурно-маркированными и деэкзотизированными значениями. К первой группе отнесём однозначные заимствованные единицы, единственное значение которых деэкзотизировалось: *bandanna/bandana, bangle, calico, cashmere, catamaran, cheetah, cheroot, chintz, chutney, coir, cot, cummerbund, cushy, dinghy, dungarees, ginger, gunnysack, gymkhana, hookah, indigo, jodhpurs, jungle, jute, khaki, loot, mango, pepper, punch, pundit, puttee, rice, sapphire, shampoo, shawl, sugar, thug, toddy, verandah/veranda*. И в современных учебных словарях издательства Пирсон-Лонгман (1995, 2015 гг.), и на страницах современных британских СМИ данные лексемы употребляются в культурно немаркированных значениях. Так, при описании образа Тимоти Шаламе в костюме от Хайдера Аккермана (приталенного пиджака, подпоясанного сверху камербандом, и брюк-бананов) на премьере драмы «Король» на Венецианском фестивале заимствование *cummerbund* используется не в первоначальном значении «кушак, заменявший жилет, для офицеров в Индии», а в деэкзотизированном значении «пояс-кушак, дополняющий смокинг и галстук-бабочку»: *He regularly reinvents the menswear wheel by pulling off outre high-fashion looks on the red carpet (think of his Louis Vuitton harness, the all-white Berluti Oscars suit and his recent shiny and spacey Haider Ackermann number, featuring an external cummerbund) with adorable effortlessness* [The Guardian, [http](http://)].

Вторая группа представлена многозначными заимствованиями, некоторые значения которых регистрируются учебными словарями как культурно немаркированные: *avatar, guru, karma, mandarin, mantra, nirvana, pariah, pajamas/pyjamas, teak*. Относящиеся к этой группе заимствованные единицы активно употребляются на страницах современной англоязычной прессы: онлайн-архив британской газеты *The Guardian* позволяет обнаружить более 22.000 употреблений лексемы *mandarin*, более 55.000 – *mantra*, около 22.000 – *nirvana*, более 67.000 – *pariah*, более 21.000 – *pyjamas* и т.д. При этом

преобладает число употреблений в деэкзотизированных значениях, например: *mandarin* в следующих заголовках употребляется в значении ‘чиновник’ (часто с пейоративной коннотацией): *Brown names his most senior mandarins* [The Guardian, [http](#)]; *Equality bypasses Whitehall mandarins* [Там же, [http](#)]; *Ministers, mandarins and spads: who is most likely to speak the truth?* [Там же, [http](#)]; *Ex-Treasury mandarin warns Labour over its RBS lending proposal* [Там же, [http](#)].

Проведённый анализ позволяет утверждать, что процесс деэкзотизации зависит не от слова-прототипа в языке-доноре, не от времени заимствования, а от семантики и сочетаемости лексемы и от частотности её употребления в языке-реципиенте.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ТОПОНИМОВ ‘РОССИЯ’ И ‘ГЕРМАНИЯ’ (тенденции осмысления явлений обыденным языковым сознанием)

*Н.И. Марченко (Воронеж)
Воронежский государственный университет
natalya.ivanovna.marchenko@gmail.com
Е.А. Дьяконова (Москва)
Центр иностранных языков COSHCO
happybusiness@yandex.ru*

В статье анализируются сопоставительные результаты свободного ассоциативного эксперимента со значениями-стимулами ‘РОССИЯ’ и ‘ГЕРМАНИЯ’, проведенного в 2019 году. В эксперименте приняли участие респонденты в возрасте 15 – 79 лет, проживающие в Москве, МО, Челябинске, Чехове, Томске, Воронеже, Таганроге, Воскресенске (99 респондентов по стимулу ‘Германия’ и 161 респондент – по стимулу ‘РОССИЯ’).

Его цель – сформулировать по результатам речевых реакций участников (ответ на вопрос ‘Какое первое слово приходит в голову при слове ‘Россия’/’Германия’?’) психолингвистические значения данных топонимов в обыденном языковом сознании и

выявить тенденции осмысления данных топонимов современными носителями русского языка.

Психолингвистические значения формулируются на базе ассоциативных полей по методике, изложенной в работах (Стернин, Рудакова 2011, Рудакова 2014, Виноградова, Стернин 2016).

По полученным результатам искомые ассоциативные поля выглядят следующим образом.

Ассоциативное поле ‘РОССИЯ’ (161 ии)

РОССИЯ 161 – Родина 24, великая 12, матушка 8, Путин 6, страна , огромная 5, большая, держава, могучая 4, Кремль, моя, сильная 3, гордость, красивая, мать, матрешка, непобедимая, просторы, природа, православная, родная 2, богатая, бескрайняя, безграничная, бедность, бедная, береза, великая родина, дно, дружба, дружная, жалкая, златоглавая, империя, красный, Красная площадь, Крым , лес, мир, многонациональная, «нищая Россия», Москва, моя страна, мощь, необъятная, орел, песня, печаль, поле, полезные ископаемые, плохо, Победа, Россия, своя, священная, серый, слабая, стойкая, умная, футбол, холодно, щедрая 1. Отказ – 1.

Ассоциативное поле ‘Германия’ (99 ии)

ГЕРМАНИЯ 99 - пиво 10, Гитлер 7, немцы 6, красивая 5, война порядок 4, пунктуальность 3, автомобили 3, ВОВ, Европа, жесткая, немецкая, педантичная, проиграла, развитая, фашисты, флаг – 2, «Ауди», автомобильная, аристократичная, Берлин, воинственная, враг, вторая мировая война, высокоразвитая, далекая, добрая, дорогая, дороги, древняя, европейский партнер, завоеватель, законная, иммигранты, интересная. ирис, капиталистическая, кирха, колбаски, культура, механичная, мужчины, новый, Нюрнберг, оккупант, она, орднунг, партнер, победа, побежденная, прогрессивность, проигравшая, промышленная, рейхстаг, симпатия, слабая, сосиски, строгая. суровая, театральная, толерантность, точная, трактор, уровень, футбольная, хоккей, чопорная, шнапс – 1. Отказов – нет.

Далее определить психолингвистические значения исследуемых топонимов-стимулов и выдел их сходства и различия:

Сходства: участниками названы столицы, церкви, характеризуется национальный состав (многонациональная, иммигранты).

Различия: обе страны связываются с именем лидера (Россия

– современный Путин, Германия – исторически имевший место Гитлер).

Среди отличительных дифференциальных признаков стимула ‘Россия’ нужно отметить категории ‘великая’ и ‘огромная’, яркую эмоциональную составляющую ‘наша родина’, наличие символов ‘матрешка’ и ‘орел’.

‘Германию’ же характеризуют такие признаки, как ‘пьют пиво, там порядок; при Гитлере был фашизм, развязала войну, проиграла в войне’. Яркая историческая составляющая связана с фашизмом, Гитлером и войной. Нет описания и оценки природы, оценки размера страны.

Выделив оценочные одобрительные и неодобрительные значения стимулов ‘Германия’ и ‘Россия’ и определив их индексы оценочности, мы получаем следующие результаты:

	Россия	Германия
Оценочные реакции	37%	34%
Одобрительные реакции	31%	22%
Неодобрительные реакции	6%	12%

Таким образом, ‘Россия’ оценивается более одобрительно, чем ‘Германия’. При этом ‘Россия’ оценивается одобрительно в основном эмоционально, по признакам ‘великая’, ‘могучая’, ‘матушка’ и др. Неодобрительная оценка ‘России’ в основном связана с характеристикой ‘бедность’.

‘Германия’ в основном оценивается неодобрительно по признакам, характеризующим фашистский режим, а одобрительно – по современному состоянию страны.

АМЕРИКАНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ – ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ФОКУСЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (ПО КНИГЕ ДЖ. ГРИШАМА “SKIPPING CHRISTMAS”)

В.В. Матюшина (Москва)

**Московский Государственный Институт международных
отношений**

vas-matyushina@yandex.ru

Настоящее исследование представляет собой пример научного психолингвистического описания так называемой нарративности повседневной жизни, также известного в науке как *case studies*. Подобный тип исследования основан на анализе текстов, в том числе, художественных текстов, понимаемых как «профанные» тексты.

В центре изучения всех антропологических наук, к которым, безусловно, относятся психолингвистика и культурология, всегда был и остается обычный человек, его обыденное сознание и повседневные привычные занятия. Такой человек обитает в определенной национальной культуре и говорит на определенном национальном языке, следовательно, и привычные рутинные занятия и особенно сознание и речь индивида содержат в себе признаки и особенности, присущие и характерные для определенной национальной культуры.

Подобная сложность и объемность объекта исследования требует междисциплинарного подхода, в рамках психолингвокультурологии. Указанная междисциплинарная совокупность представляет собой описание обыденной картины мира в том виде, как она представлена, в различных текстах культуры, к которым, безусловно, относятся тексты художественной литературы.

Объектом исследования в данной работе является мир американской повседневности, практический интерес к которой объясним задачами преподавания английского языка, где одной из целей является параллельное изучение языка и культуры страны изучаемого языка. Никакие знания, а особенно, знания языка, не могут быть получены вне контекста культуры, языка, традиции.

Подлинные реалии и ситуации американской повседневности, их внимательное изучение и описание, их отражение в наивной языковой картине мира и, следовательно, в обыденном языковом сознании американцев, составили цель исследования.

Повседневность рассматривается нами как «целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности» [Новая... , 2000–2001]. Повседневность понимается как процесс жизнедеятельности обычного человека, при этом рутинность жизни разворачивается в привычных ситуациях, где все участники жизненных ситуаций

проявляют признаки повседневного переживания, вступая в межличностное взаимодействие.

Бытовая повседневность при этом рассматривается как концепт культуры и даже как особая семиотическая система с собственным языком культуры повседневности.

Предметом исследования выступили концепты, отражающие реалии мира американской повседневности.

Исследование имеет своей целью реконструировать и описать фрагмент обыденного языкового сознания среднего американца как он представлен в художественном произведении – романе Дж. Гришама «*Skipping Christmas*».

Реконструкция концептосферы повседневности с точки зрения обыденного языкового сознания среднего американца проводилась с использованием анализа языковых единиц романа, проведенного при помощи компонентно-дефиниционного анализа.

Для идентификации концептосферы повседневности были отобраны 4 ядерных концепта, именующих эту сферу (**дом, семья, работа/учеба, досуг/развлечения**). Ядерные концепты, в свою очередь, состоят из базовых концептов, которые отражают важнейшие аспекты американской повседневности.

Ядерные + базовые концепты

Дом ('house')	Семья ('family')	Работа/учеба ('job/studies')	Досуг / развлечения ('leisure/entertainment')
kitchen	daughter	college	shopping
bedroom	mother-wife	company	holiday celebrations
basement office	father-husband	volunteer institutions	vacation

Ассоциативно-семантические ряды базовых концептов

kitchen	<i>Breakfast; coffee; oatmeal; herbal tea; newspaper</i>
bedroom	<i>Bed; night table; television</i>
basement office	<i>Files; computer; printer</i>
daughter	<i>Pretty; living a sheltered life</i>
mother-wife	<i>Frustrated wife; depressed without a daughter; giving to charity</i>
father-husband	<i>Unable to do housework; thrifty with money – tallying everything</i>
college	<i>With a handsome degree but not ready for a career; anxious to begin a new assignment</i>
company	<i>Workload</i>

volunteer institutions	<i>Grinding volunteer schedule</i>	
shopping	<i>Outrages prices;</i>	
holiday celebrations	<i>What a waste; meaningless gifts; damaging; down the drain</i>	
vacation	<i>Take a break; go hide; go escape; indulge ourselves; fabulous (luxurious) days; saving the money</i>	

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что, как следует из таблицы, повседневность – это и правда обыденная жизнь людей, с вовлеченностью последних в межиндивидуальную реальность совместной деятельности и общения. Нельзя, в то же время, не подчеркнуть, что анализ содержательной стороны повседневности, представленный через анализ отдельных лексических единиц литературного произведения, четко показывает, что базовые концепты повседневности (**дом, семья, работа, досуг**) обнаруживают множество национально-маркированных смыслов, что, в свою очередь, подтверждает характеристику повседневности как «специфической области социальной реальности, определяющей человеческое поведение и мировосприятие» [Новая... , 2000–2001].

ОБРАЗ БЕЗДЕЛЬЯ КАК ФРАГМЕНТ РУССКОГО ТРУДОВОГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)

О.Ю. Мельник (Москва)

*Всероссийская академия внешней торговли
oymelnik@ya.ru*

В нашем исследовании анализируется национальная специфика выражения образа труда в русском языке на материале паремий.

Проанализировав 250 паремий, мы выделили следующие наиболее частотные микрополя фрагмента русского языкового сознания **ТРУД**: *состояние бездеятельности* (14,8%); *труд – всему голова, без труда нет плода* (12,8%); *небрежное исполнение, без старания, плохое качество исполнения работы* (10,4%). Далее в процентном отношении следуют: *высокое качество исполнения* (6,8%); *начальный или конечный этап исполнения* (6,4 %); *интенсивность выполнения, затрата сил, трудная работа* (6,4 %); *характеристика человека*

по поступкам (5,6%); мастерство в работе (4,4 %); работа на себя, для собственного благополучия (4 %); эксплуатировать кого-либо, использовать чужой труд (4 %); напрасная работа (4 %). И, наконец, наименее частотные: период исполнения работы (3,6 %); работать с охотой, упорством, относиться деятельно к работе (3,2 %); большая по объему работа (2,4 %); много работы – во вред (2 %); физический и сельский труд (2 %); пожелание в работе (1,6 %); отсутствие свободного времени (1,6 %); отсутствие умения, новичок (1,2 %).

Любопытно, что наиболее частотным является образ безделья. Для паремий, относящихся к фрагменту языковой картины мира **БЕЗДЕЛЬЕ**, базовой метафорой является *бездельничать* – *заниматься бессмысленным делом*, которая выступает антиподом культурных установок, закрепленных в виде библейских изречений, мировоззренческих суждений. Данные паремии можно сгруппировать вокруг двух центров: активное и пассивное.

Безделье осуждается и противопоставляется тяжелому физическому труду, как норме, выработанной в обществе (*без дела жить – только небо коптить*). «Активный» бездельник проявляет себя в русском материале в легкой, пустой, бессмысленной, бесцельной и порой абсурдной деятельности (*гонять собак*).

Очевидно, в русской культуре духовная, умственная деятельность по отношению к тяжелому физическому труду крестьянина не считалась истинно трудовым занятием (*кто ленив с сохой, тому все год плохой*). В русской культуре также часто проходит пересечение понятий **БЕЗДЕЛЬЕ** и **ОТДЫХ, ПРАЗДНОСТЬ**, обусловленных их опосредованностью в культурном знании (*кто спит весною — плачет зимою*). В русском языке «отдыхать» часто ассоциируется с пассивным времяпрепровождением и является в некоторых узусах синонимом глагола *спать*.

Описание «пассивного» типа происходит через описание позы, принимаемой субъектом с целью ничего не делать, осуждаемой в контексте праздности как нарушение установленных этических норм (*без дела сидит, да в пустой угол глядит*). Чаще всего это статическое состояние (*сидеть сложа руки*). К пространству «пассивного» безделья в русском языке можно отнести паремии с ярко выраженным отказом от деятельности, с отрицанием или

которые обозначают незначительное, требующее минимальных усилий действие (*ленивому что ни день, то праздник*). Подобный характер выражения повышает экспрессивный и эмоционально-оценочный потенциал данных паремий.

Русские паремии содержат предостережения об опасности безделья и отражают презрительное отношение к нему (*лодырь да бездельник — им праздник и в понедельник*). Таким образом, труд является не только фактором, определяющим социальные отношения, но и важнейшей культурной ценностью, что находит свое отражение в народной мудрости — в фольклоре, паремиях, фразеологии, афоризмах, крылатых выражениях.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ЛЕКСИКОНЕ МОЛОДЕЖИ

В.А. Миллер (Омск)

*Омский автобронетанковый инженерный институт
meller555@mail.ru*

Цель нашего исследования – выявление частотных слов, которые молодежь считает наиболее употребительными и адекватными для оценки человека, его физических, психологических и моральных качеств; определение особенностей, связанных с профессиональной и гендерной принадлежностью информантов.

Метод сбора материала – направленный цепочечный ассоциативный эксперимент. Участниками эксперимента стали курсанты первого и второго курсов Омского автобронетанкового инженерного института (100 юношей 18–19 лет); студенты второго и третьего курсов Омского колледжа транспортного строительства (50 юношей и 50 девушек 18–19 лет). Информанты получили следующее задание: «Постарайтесь как можно быстрее записать слова, которые вы используете для отрицательной и/или положительной оценки человека». Запись слов производилась в течение 2–3 минут, количество слов не ограничивалось. В результате эксперимента был получен список из 346 разных слов, используемых информантами для характеристики человека. Наиболее частотные слова, записанные

курсантами, – *осел, придурок, лох, олень, предатель/ мужик, молодчик, молодец, умница*; записанные студентами, – *чмошник, чмо, дурак, придурок, олень/ мужик, молодец, красавчик, братан, красавца*. Проанализировав полученный материал, мы получили следующие результаты:

1. Разница в наборе слов, используемых курсантами и студентами, минимальна и составляет 12%, т.е. для людей одной возрастной категории характерна одна и та же эмоционально-оценочная лексика (ЭОЛ), социальный фактор в данном случае нерепрезентативен;

2. Однако прослеживается прямая зависимость лексического набора от профессиональной составляющей, т.к. курсанты записывали слова, указывающие на качества, одобряемые/ осуждаемые в среде военных (*отличник, мастер/ предатель, трус, нарушитель*), что подтверждает выводы исследователей корпоративной культуры;

3. Анализ полученных записей показал также наличие гендерных различий: а) у девушек превалирует лексика с положительной оценкой (53% от общего количества записанных слов), у юношей преобладает лексика с негативной оценкой (85%); б) для девушек характерно использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Среди лексики с негативной оценкой данные слова занимают 12% от общего количества всех слов (*дурочка, жабка, козлявочка*), среди лексики с положительной оценкой – 79% (*няшка, няшечка, симпатулечка, симпатюлька, амазонушка, котик*). У юношей слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами составляют незначительный процент (0,1% от всех слов); в) для юношей характерно использование слов мужского рода, выражающих и положительную, и отрицательную оценку (98%), у девушек превалируют слова женского рода (79% в лексике с негативной оценкой, 87% – в положительной).

В целом анализ, полученной в ходе эксперимента ЭОЛ, позволяет сделать выводы о том, что а) количество пейоративной и мелиоративной лексики составляет 83% и 17% от общего объема лексики соответственно; б) ЭОЛ, функционирующая в активном лексиконе молодежи, разнообразна, представлена разговорными и жаргонно-просторечными лексемами (79% от общего количества

всех слов); в) в активном лексиконе молодежи отражены особенности, связанные с профессиональной и гендерной принадлежностью информантов. Верифицировать же наши предварительные выводы могут семантический и свободный ассоциативный эксперименты.

АКСИОГЕОГРАФИЯ ЛОКУСА: ТОПОНИМЫ В КАРТИНЕ МИРА ЖИТЕЛЯ СИБИРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

А.В. Михайлов (Красноярск)

*Сибирский государственный университет науки
и технологий им. академика М.Ф. Решетнева
avm_2006_64@mail.ru*

Автор выявляет черты локального сознания жителей восточносибирских населенных пунктов на основе анализа ценностных функций топонимов в текстах и в реакциях ассоциативного характера на стимулы-топонимы.

Формирование образа обжитого места у его жителей (*эндокартина* локального мира, часть *локального миропредставления*) происходит под действием разнородных факторов. Среди них: топонимия и микротопонимия локуса, часто в составном виде с именами лиц, как-либо связанных с номинируемыми местами; история рода или личная история (обстоятельства появления в этом месте прародителя рода/семьи); представления совокупности жителей о месте своего обитания, включая легендарные или исторические сведения о прародителе/основателе, рассказы о важнейших лицах топоса с их моральными оценками, совокупность оцениваемых данных о физико-географических чертах местности, выдающихся топонимах; внешний взгляд на данное место и его внешние характеристики (*экзокартина* мира) и др.

Эти факторы находятся в корреляции, которую отследить непросто. Автор считает важными исследования микротопонимики в индивидуальной и коллективной картине мира, ее роли в ней, осознанно или неосознанно определяющей жизненную стратегию обитателя территории (прежде всего относительно выбора вектора *жить / не жить здесь, в данном месте*).

Территория изучения черт локального сознания в проекте,

поддержанном РФФИ, — традиционные поселения Восточной Сибири по Среднему и Нижнему Енисею, Ангаре.

Ценностная микрогеография насыщена антропонимами, объекты микротопонимики имеют статус ценностного обладания. Итоговый образ локуса составляется из комплекса переживаний (не всегда эксплицируемых) и выражается в формулах со смыслами ‘пригодно / удобно / идеально (для проживания)’ vs ‘невозможно / неудобно / неприемлемо (для проживания)’. Эти формулы в текстовом виде достаточно просты, ср. *удобье, гиблое место, дыра, место как место, Божье место* и т.п.

Наблюдается относительное забвение системной организации топонимии и антропонимии локуса в динамике поколенческого восприятия, «затухание» внутренних форм и мотиваций номинаций. По мнению исследователя, «изменения семантической структуры имени собственного могут привести к барьерам в общении между представителями разных поколений» [Врублевская, 2019, с. 103], что и наблюдается в реальной ситуации динамики локального дискурса и в Восточной Сибири.

Данные, полученные на сибирском материале С.П. Васильевой, Л.М. Городиловой, Л.М. Дмитриевой, Л.А. Инютиной, И.А. Астафьевой, А.А. Юнаковской и др., на севернорусском материале М.Н. Мелютиной, Н.М. Теребихиным, В.Н. Матониным, на арктическом и северо-восточном – А.А. Бурыкиным и др., интересно коррелируют с результатами полевых работ по Енисею и Ангаре.

Как один из выводов: положительно оцениваемый образ *своей* территории в локально значимых топонимах, возможно, есть основная причина непрерывного оседлого проживания русского населения на некогда освоенных землях.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Ю.И. Плахотная (Санкт-Петербург)
Российский государственный гидрометеорологический
университет
pl-julia@mail.ru

Обыденная картина мира как эмпирическое отражение действительности является результатом психического процесса формирования обыденного сознания. В отличие от теоретического сознания, которое обслуживает «внутреннюю» сторону действительности и требует теоретического обоснования для ее образования, обыденное сознание формируется с раннего детского возраста и становится базой для развития теоретического сознания.

Чтобы изучить особенности формирования теоретического сознания на базе обыденного, в нашем исследовании мы провели ряд психолингвистических экспериментов. Одной из задач исследования было выявление активации памяти и воображения на определенные слова-стимулы, которые связаны с интересом детей и молодых людей к компьютерным технологиям. Компьютер и интернет стали объектами обыденной картины мира, в то время как они считаются сложными объектами теоретического и научного познания. Для определения особенностей запоминания слов повседневной (обычной) лексики и терминов или компьютерной лексики были проведены эксперименты на кратковременную память, а также был проведен свободный ассоциативный эксперимент на определение особенностей восприятия слов-стимулов компьютерной и обыденной лексики. Информантами в данных экспериментах были учащиеся школы в возрасте от 10 до 12 лет и учащиеся вуза в возрасте от 18 до 21 года. Всего было опрошено 80 человек.

Интересно отметить, что школьники показали больший объем кратковременной памяти (до 8 слов) по сравнению с учащимися вуза, которые запомнили до 6 слов компьютерной лексики, в то время как из обыденной лексики учащиеся школы и вуза запоминают одинаково (до 6 из предъявленных 15 слов). Этот эксперимент показывает, что интерес к объекту окружающей действительности как в младшем, так и в старшем возрасте влияет на запоминание слов, принадлежащих к профессиональной лексике. В то время как слова обычной лексики, отражающие обыденную картину мира, запоминаются одинаково независимо от возраста в связи с частым их использованием. Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного с теми же группами учащихся, интересны для анализа особенностей воображения детей (учащихся школ) сравнительно с воображением молодых людей (учащихся вуза). Для эксперимента были предъявлены слова-стимулы, связанные с тематикой интернета,

компьютерных игр и технологий: «телефон», «интернет», «Youtube», «компьютерные игры».

Эксперименты показали, что при формировании обыденной картины мира в сознании уже существуют определенные категории данного объекта или явления, которое отражается в сознании в виде сложной категориальной структуры. У детей насчитывается от 8 до 10 таких категорий на каждое слово-стимул, в то время как у студентов вузов таких категорий от 11 до 13 на то же самое слово-стимул. Это может свидетельствовать о развитии функции категоризации в процессе развития от возраста 9-10 лет до 21 года.

Таким образом, формирование теоретического сознания происходит параллельно с развитием обыденного сознания, что отражается в обыденной картине мира ребенка. Способность к обширной категоризации образа объекта обыденной действительности проявляется уже в младшем школьном возрасте. Образное мышление ребенка формируется не только посредством действий с данным объектом, но и посредством особого интереса к данному объекту, который является стимулом к развитию абстрактного мышления.

ПОСЛОВИЦЫ КАК ОЦЕНОЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ТЕКСТАХ МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Е.В. Проскурякова (Орел)

*Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
alionaorel@gmail.com*

Пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью любого языка. Они отражают его богатство, через пословицы мы можем понять культуру и ценности того или иного народа, а также сопоставить разные картины мира народов. Мы придерживаемся определения пословицы, предложенного О.Б. Абакумовой, в котором пословица понимается как «фразеологизм со структурой предложения, являющийся оценочным суждением и служащий средством достижения коммуникативной стратегии» [Абакумова, 2013, с. 225]. В своей работе мы анализируем пословицы,

реализованные в текстах массмедийного дискурса, который, согласно Т.А. ван Дейку, «является результатом когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со СМИ» [Ван Дейк, 1989, с. 116].

Категория оценки имеет большую значимость в организации пословицы. С помощью оценки человек выражает то, что считает значимым, хорошим или плохим. Пословица по своей природе обладает характеристиками оценочного высказывания, т.к. несет в себе назидательный смысл и в сжатом виде передает накопленный целыми поколениями опыт. Пословица не просто выражает определенное отношение к тому или иному явлению, а показывает отношение субъекта, выражающего оценку, к объекту высказывания и опирается на эталон, базирующийся на понимании общества о том, что является пользой или вредом. В текстах массмедийного дискурса пословица помогает автором статей выразить их отношение к тем или иным событиям с целью правильного восприятия этой информации читателями. Пословица и выраженная в ней оценка помогает подать информацию таким образом, чтобы у адресата сложилась наиболее близкая к авторской оценка коммуникативной ситуации, что также достигается посредством правильно выбранной автором коммуникативной стратегии.

Для нашего исследования мы отобрали русские пословицы, реализованные в текстах массмедийного дискурса. Было отобрано 165 примеров употребления 48 пословиц. Пословичная оценка определялась на основе классификации Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988, с. 75–76]. Мы пришли к выводу о том, что эксплицитная оценка встречается в 73 примерах, а имплицитная оценка наблюдается наиболее часто – в 92 примерах. Эксплицитные формы выражения оценки в пословице выражаются через компаративные и некомпаративные термины оценки, мелиоративные и пейоративные квалификаторы. Имплицитные способы выражения оценки выражаются через коды культуры и фокус интереса говорящего. Общая оценка (положительная или отрицательная) встречается в 49 примерах, частная оценка встречается наиболее часто – в 116 примерах. В частной оценке наиболее употребительны

пословицы, выражающие в контексте этические, утилитарные, нормативные и телеологические смыслы.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ИМПЛИЦИТНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА НА СОЗНАНИЕ

Г.Я. Селезнева (Воронеж)
Воронежский государственный университет
gali-selezneva@rambler.ru

Варьирование как «изменчивость чего-либо при сохранении его некоторых сущностных свойств» [Солнцев, 1984, с. 32] наблюдается в рамках экспрессивно-вариативных узлов (ЭВУ), т.е. объединений фразеологизмов (ФЕ) с общей семантикой и структурой, входящих в вариативный ряд. Единицы ЭВУ с положительной пресуппозицией позволяют адресанту осуществлять имплицитное положительное или отрицательное воздействие на адресата. Это чрезвычайно важно во многих дискурсах, например, в политической сфере.

В качестве примера рассмотрим ЭВУ с общим значением 'ненасильственная революция': ЭВУ 1: *цветная (цветочная), бархатная (нежная), оранжевая, каштановая, тюльпановая, дынная, жасминовая, кедровая революция*. Образ, лежащий в основе переменных этих ФЕ, разный: *апельсин, каштан, бархат*, но в К1 их объединяет общая сема 'нечто приятное', 'неопасное'. ЭВУ 1 строится по модели «прил.+ сущ. ед. ч. в Им. п.», где основным является существительное в Д1 – *революция*, т.е. коренное преобразование общества, а переменные во ФЕ используются в К1 и, сохраняя первоначальный образ, приобретают сему 'приятный, неопасный'. ЭВУ 2: *революция гвоздик, роз, тюльпанов, кедров*. Общее значение единиц ЭВУ 1 и ЭВУ 2 совпадает, но строится второй узел по другой модели: «сущ. в ед.ч. Им. п. + сущ. во мн.ч. Р. п.», где вместо прилагательного со значением 'свойственный растению' называется само растение.

Некоторые компоненты этих ЭВУ входят в два узла одновременно: *тюльпановая революция и революция тюльпанов*. Другие

переменные ЭВУ 2 не используются в качестве прилагательных из-за омонимии и неблагозвучия (*розовая, гвоздичная революция*).

Как первый, так и второй ЭВУ – открытые. Набрав определенное количество компонентов, они приобретают центростремительную силу и притягивают в свою сферу новые аналогичные единицы. Их влияние так сильно, что в отдельных случаях в реальности революция только предполагается, а название для нее уже фигурирует в печати. Таковы несостоявшиеся *орхидеевая революция* в Венесуэле, *васильковая* в Белоруссии, *березовая* в России, *пурпурная* в Ираке.

Переменные во ФЕ называют нечто характерное для страны, красивое, воспринимаемое положительно, что придает положительную коннотацию всему наименованию. А вместе с положительным восприятием названия естественно положительное восприятие и самого события. Особняком стоят названия *бульдозерная революция* и *революция розеток*. Первая названа по ключевому эпизоду: в ходе переворота в Югославии на бульдозере была протаранена ограда телецентра. Революция розеток – это протесты в Армении в связи с повышением тарифов на электроэнергию. В названии ощущается «электрическая тематика» и соответствие: *розы – розетки*. Эти единицы отличаются от единиц ЭВУ1 и ЭВУ2 по образу и отсутствию в К1 семы ‘приятная, неопасная’. Но связь между ними прослеживается. В К1 у семемы ‘бульдозерная’ есть антонимичная сема ‘грубый, опасный’, а фонетическая близость второй переменной (*розы – розетки*) также несомненна. Выделенные ЭВУ – уникальный ряд вариантов, новые единицы которого возникают по существующей модели. Переменные и общее значение несут положительную коннотацию, что влияет на имплицитное восприятие события адресатом, а это и есть цель нового наименования. В реальности революция – это насилие, кровь, боль и ужас, а эта, ненасильственная, – «розы», «тюльпаны» и «бархат». Новое наименование, входя в существующий ЭВУ, позволяет выделять обозначаемое явление как особый фрагмент действительности, одновременно отождествляя его с аналогичными названиями и явлениями и формируя картину мира адресата.

ЯЗЫКОВАЯ СУДЬБА ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕГО НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

***Н.С. Сергиева (Сыктывкар)
Сыктывкарский государственный университет им.
Питирима Сорокина
nsergieva@yandex.ru***

Вяч. Вс. Иванов рассматривал языковую биографию личности как языковые периоды, отличающие разные времена жизни человека, оставившего по себе словесные свидетельства и отдельные трагические повороты языковой судьбы [Иванов, 125-126]. Понятие языковой судьбы сводится Вяч. Вс. Ивановым к судьбе писателей, подтвержденной материалом художественных текстов, но может быть расширено применительно к судьбе исторически значимой личности в других сферах творчества, не только художественного. Исследователи творчества выдающегося российско-американского социолога XX в. Питирима Сорокина указывали на тесную связь его жизненного опыта и научного мировоззрения, отмечая, что «его надо анализировать, как анализируют писателей, – у них биография всегда теснейшим образом связана с творчеством. [Зюзов, 2019, с. 11].

На понятие языковой судьбы опирается У.М. Бахтикиреева, определяя языковую биографию как онтологию языкового бытия или иноязыкового бытия (транслингвизм) [Бахтикиреева, 2016 с. 77]. Как научное понятие языковая биография тесно связана с изучением языковых контактов, следствием которых, в частности, является би-, поли- и транслингвизм. В языковой биография личности отражаются разные периоды жизни человека от его рождения и до конца жизни, периоды персонального взаимодействия с языком/языками.

В докладе представлено отражение особенностей языковой биографии Питирима Сорокина через призму его научных взглядов, представленных в его книге «Популярные очерки социальной педагогики и политики» [Ужгород, 1923; Сыктывкар, 2019]. Несмотря на малую известность, труд этот имеет особую значимость применительно к биографии ученого, как языковой так и научной.

Предполагается, что это последняя книга Питирима Сорокина, опубликованная на русском языке. Она представляет собой цикл лекций, прочитанных для «карпатороссов» в Ужгороде летом 1923 г. В этих лекциях Питирим Сорокин изложил свои взгляды на социальную педагогику и идеальное устройство общества. Книга отражает не только научные взгляды ученого на момент написания, но и его личные настроения накануне отъезда в США.

Питирим Сорокин выделяет три необходимых условия, необходимых для процветания общества: хорошая наследственность, благоприятная географическая среда, надлежащая социальная среда (семья, религия, государство, профессия). В результате каждый индивид в общественном организме должен попадать на место, соответствующее его талантам и способностям. Все перечисленные факторы оказали своеобразное влияние на языковую судьбу самого Питирима Сорокина в тесной связи с развитием его научного мировоззрения и жизненного пути. Он обладал хорошей наследственностью, вырос естественным билингом в краю, любовь к которому сохранил до конца жизни. Он в кратчайшее время расширил свои лингвистический кругозор, что позволило ему еще до эмиграции стать значимым и перспективным исследователем, профессором Петроградского университета. После переезда в США он сформировался как транслингвальная личность, ученый-социолог с мировым именем.

РОЛЬ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МЕТАФОРЫ В ОСМЫСЛЕНИИ СОБЫТИЙ И СОСТОЯНИЙ (В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ)

Е.К. Столетова (Москва)

*Московский государственный лингвистический университет
ekstoletova@yandex.ru*

Понятие времени в различных языках структурируется при помощи пространственной метафоры: категория пространства участвует в моделировании темпоральной картины мира. Е.С. Яковлева пишет о возможности «описания времени <...> с помощью

исконно пространственных наречий *далеко* / *близко* и *вперед* / *позади*» [Яковлева, 1994, с. 72]. Категория времени неразрывно связана с идеей событийности. Действительно, по словам Е.С. Яковлевой, «осознание <...> времени происходит по событиям, его заполняющим» [Там же, с. 86].

В русском языке фразеологизмы (содержащие существительные пропозитивной семантики — названия событий, состояний, явлений), в которых событийность актуализируется при помощи пространственной метафоры, могут строиться по одной из следующих моделей.

1) **КТО (находится, стоит, оказался и т. п.) ГДЕ** (где *X* — человек / люди, а *P* — событие, ситуация): *X в шаге / в двух шагах от P, X на шаг от P, X на волосок от P, X на пороге P, X на грани P, X на краю P*. Ср.: *Мы стоим на пороге смены картины мира* (Эксперт, 2014).

2) **ЧТО ГДЕ** (где *P* — событие): *P на пороге, P у дверей, P не за горами, P на носу, P маячит / появилось / возникло на горизонте, P за плечами, P за спиной*. Ср.: *Весна уже не за горами*.

В первом случае в фокусе внимания находится человек, который переживает / может / мог бы пережить определенное событие, а во втором — собственно событие. Семантика данных единиц раскрывается при их сопоставительном анализе по ряду параметров: 1) что находится в фокусе внимания (человек или событие); 2) *P* — желательное или нежелательное событие; 3) *P* — обычное, регулярное или необычное, экстраординарное событие; 4) *P* относится к плану будущего / к плану прошедшего / временная отнесенность отсутствует.

Например, фразеологизмы *быть в шаге (в двух шагах) от чего-либо*, с одной стороны, и *быть на шаг от чего-либо* — с другой, имеют противоположное значение. Первый актуализирует метафору пути, который проделывает человек для достижения желанной цели (*X в шаге (в двух шагах) от цели, от победы*), а второй используется в контекстах, в которых идет речь о наличии опасности (*X на шаг от гибели, от могилы*).

Фразеологизм *быть на пороге чего-либо* указывает на близость значимого события (о символичности образа порога в русской культуре см. [Николаев, 2011, с. 157]), *быть на грани чего-либо* — на близость неблагоприятной ситуации, *быть на краю чего-либо*

— на близость опасности (ср.: *Х на пороге новой эпохи, серьезных перемен; Х на грани кризиса, вымирания; Х на краю пропасти, депрессии*).

Языковое выражение *быть на носу* (выборы, экзамены на носу) указывает на ожидание наступления события в ближайшее время, а *быть не за горами* описывает событие, которое произойдет достаточно скоро, до которого осталось не так много времени, как может показаться (*зима, Рождество не за горами*). Фразеологизм *быть за плечами* относится к прошедшему событию, к пережитому опыту (*треть жизни, много неудач за плечами*).

Семантическая интерпретация единиц данной группы и их сопоставительный анализ представляют интерес как с точки зрения когнитивного описания языка, так и в лингвометодическом аспекте, в целях преподавания русского языка как иностранного.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *ОСЕНЬ* В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Чжу Хуадунь (Гуанчжоу)
904273321@qq.com
Янь Кай (Гуанчжоу)
ky_710@126.com

Познавательная деятельность человека говорящего направлена на освоение окружающего мира, что связано с необходимостью выделения и классификации объектов окружающей действительности при помощи процессов концептуализации и категоризации. Категоризация, по мнению Н.Н. Болдырева, «является одним из фундаментальных когнитивных механизмов, для каждой категории объектов или предметов мира можно определить более или менее репрезентативные члены» [Болдырев, 2002, 66–67]. При этом процесс категоризации – это результат структурирования мира, акт классификации объектов или предметов, отнесения их к той или иной группе, способ установления иерархических отношений типа «класс – член класса» [Там же].

Для выявления когнитивных категорий концепта *осень*/秋天 в русском и китайском языковом сознании были привлечены данные Русского ассоциативного словаря [РАС, <http>] и свободных ассоциативных экспериментов (для носителей китайского языка). На основе статистических данных о количестве стимулов-реакций с учетом их частоты и частотности мы распределили ассоциации на стимул *осень* в русском языковом сознании по следующим когнитивным категориям:

1. *цвет (или оттенок цвета)*: 33 ($\approx 29,73\%$); [Реакции на стимул *осень*: *золотая* 20 ($\approx 18,02\%$); *золото* 2 ($\approx 1,80\%$); *красная* 2 ($\approx 1,80\%$); *желтая*: 2 ($\approx 1,80\%$); *желтая листва* 1 ($\approx 0,90\%$); *желтизна* 1 ($\approx 0,90\%$); *желтые листья* 1 ($\approx 0,90\%$); *золотистая* 1 ($\approx 0,90\%$); *красный* 1 ($\approx 0,90\%$); *свет* 1 ($\approx 0,90\%$); *синяя* 1 ($\approx 0,90\%$)];

2. *природное явление*: 20 ($\approx 18,02\%$); [Реакции на стимул *осень*: *дождь* 6 ($\approx 5,41\%$); *листопад* 5 ($\approx 4,50\%$); *листья* 4 ($\approx 3,60\%$); *грязь* 3 ($\approx 2,70\%$); *дождливая* 2 ($\approx 1,80\%$)];

3. *время* 20 ($\approx 18,02\%$); [Реакции на стимул *осень*: *поздняя* 5 ($\approx 4,50\%$); *весна* 3 ($\approx 2,70\%$); *зима* 3 ($\approx 2,70\%$); *ранняя* 3 ($\approx 2,70\%$); *время года* 2 ($\approx 1,80\%$); *последняя* 2 ($\approx 1,80\%$); *день* 1 ($\approx 0,90\%$); *лета* 1 ($\approx 0,90\%$)];

4. *эмоциональное отношение*: 10 ($\approx 9,01\%$); [Реакции на стимул *осень*: *красивая* 2 ($\approx 1,80\%$); *грусть* 2 ($\approx 1,80\%$); любимая пора: 1 ($\approx 0,90\%$); полет души: 1 ($\approx 0,90\%$); скука: 1 ($\approx 0,90\%$); *хороша*: 1 ($\approx 0,90\%$); *хорошо*: 1 ($\approx 0,90\%$); *печальная* 1 ($\approx 0,90\%$)];

5. *действие*: 9 ($\approx 8,11\%$); [Реакции на стимул *осень*: *наступила* 3 ($\approx 2,70\%$); *настала* 2 ($\approx 1,80\%$); *пришла* 2 ($\approx 1,80\%$); *прилетела* 1 ($\approx 0,90\%$); *прошла* 1 ($\approx 0,90\%$)];

6. *температура*: 7 ($\approx 6,31\%$); [Реакции на стимул *осень*: *теплая* 4 ($\approx 3,60\%$); *холодно* 1 ($\approx 0,90\%$); *холодная* 1 ($\approx 0,90\%$); *с прохладцей* 1 ($\approx 0,90\%$)];

7. *предмет*: 5 ($\approx 4,50\%$); [Реакции на стимул *осень*: *небо* 1 ($\approx 0,90\%$); *умница* 1 ($\approx 0,90\%$); *сапоги* 1 ($\approx 0,90\%$); *хурма* 1 ($\approx 0,90\%$); *Шопен* 1 ($\approx 0,90\%$)];

8. *состояние*: 3 ($\approx 2,70\%$); [Реакции на стимул *осень*: *мокро* 1 ($\approx 0,90\%$); *промоглая* 1 ($\approx 0,90\%$); *сырость* 1 ($\approx 0,90\%$)];

9. *другие*: 4 ($\approx 3,60\%$); [Реакции на стимул *осень*: *ДДТ* 2 ($\approx 1,80\%$); *отдых* 1 ($\approx 0,90\%$); 1 ($\approx 0,90\%$)].

С опорой на данные проведенного анализа были определены следующие когнитивные категории концепта **ОСЕНЬ** в русском языковом сознании: 1) *цвет* (или *оттенок цвета*); 2) *природное явление*; 3) *время*; 4) *эмоциональное отношение*; 5) *действие*; 6) *температура*; 7) *предмет*; 8) *состояние* и 9) *другие*.

На основе статистических данных о количестве стимул-реакций с учетом их частоты и частотности мы распределили ассоциации на стимул 秋天 в китайском языковом сознании по следующим когнитивным категориям:

1. **предмет**: 81 ($\approx 49,69\%$); [Реакции на стимул 秋天: 落叶 35 ($\approx 21,47\%$); 枫叶 16 ($\approx 9,82\%$); 黄金 4 ($\approx 2,45\%$); 叶 3 ($\approx 1,84\%$); 叶子 3 ($\approx 1,84\%$); 树叶 2 ($\approx 1,23\%$); 一叶知秋 2 ($\approx 1,23\%$); 风 2 ($\approx 1,23\%$); 卫衣 1 ($\approx 0,61\%$); 毛衣 1 ($\approx 0,61\%$); 刀鱼 1 ($\approx 0,61\%$); 枫 1 ($\approx 0,61\%$); 果实 1 ($\approx 0,61\%$); 红豆 1 ($\approx 0,61\%$); 黄色的枫叶 1 ($\approx 0,61\%$); 黄叶 1 ($\approx 0,61\%$); 秋老虎 1 ($\approx 0,61\%$); 秋雨 1 ($\approx 0,61\%$); 霜叶 1 ($\approx 0,61\%$); 硕果 1 ($\approx 0,61\%$); 银杏叶 1 ($\approx 0,61\%$); 黄金 1 ($\approx 0,61\%$)];

2. **природное явление**: 23 ($\approx 14,11\%$); [Реакции на стимул 秋天: 秋高气爽 18 ($\approx 11,04\%$); 秋风瑟瑟 2 ($\approx 1,23\%$); 晴空万里 1 ($\approx 0,61\%$); 秋风送爽 1 ($\approx 0,61\%$); 秋风萧瑟 1 ($\approx 0,61\%$)];

3. **температура**: 18 ($\approx 11,04\%$); [Реакции на стимул 秋天: 凉 6 ($\approx 3,68\%$); 冷 5 ($\approx 3,07\%$); 凉爽 5 ($\approx 3,07\%$); 降温 1 ($\approx 0,61\%$); 温暖 1 ($\approx 0,61\%$)];

4. **эмоциональное отношение**: 18 ($\approx 11,04\%$); [Реакции на стимул 秋天: 萧瑟 6 ($\approx 3,68\%$); 悲 2 ($\approx 1,23\%$); 孤 1 ($\approx 0,61\%$); 荒 1 ($\approx 0,61\%$); 秋乏 1 ($\approx 0,61\%$); 温婉 1 ($\approx 0,61\%$); 思 1 ($\approx 0,61\%$); 愁 1 ($\approx 0,61\%$); 肃杀 1 ($\approx 0,61\%$); 爽 1 ($\approx 0,61\%$); 浪漫 1 ($\approx 0,61\%$); 落 1 ($\approx 0,61\%$)];

5. **цвет** (или **оттенок цвета**): 13 ($\approx 7,96\%$); [Реакции на стимул 秋天: 金色 5 ($\approx 3,07\%$); 黄 3 ($\approx 1,84\%$); 黄色 3 ($\approx 1,84\%$); 金 1 ($\approx 0,61\%$); 金秋 1 ($\approx 0,61\%$)];

6. **время**: 4 ($\approx 2,45\%$); [Реакции на стимул 秋天: 秋 3 ($\approx 1,84\%$); 秋分 1 ($\approx 0,61\%$)];

7. **действие**: 4 ($\approx 2,45\%$); [Реакции на стимул 秋天: 收获 2 ($\approx 1,23\%$); 秋收 1 ($\approx 0,61\%$); 贴秋膘 1 ($\approx 0,61\%$)];

8. **другие**: 2 ($\approx 1,23\%$); [Реакции на стимул 秋天: 依 1 ($\approx 0,61\%$); 浓 1 ($\approx 0,61\%$)].

С опорой на данные проведенного эксперимента были определены следующие когнитивные категории концепта 秋天 в китайском языковом сознании: 1) *предмет*; 2) *природное явление*; 3) *температура*; 4) *эмоциональное отношение*; 5) *цвет (или оттенок цвета)*; 6) *время*; 7) *действие* и 8) *другие*.

Итак, концепт *осень* в русском и китайском языковом сознании имеет общие когнитивные категории: *цвет (или оттенок цвета)*, *природное явление*, *температура*, *эмоциональное отношение*, *предмет*, *время* и *действие*. Однако в русском языковом сознании наиболее частотной когнитивной категорией является категория *цвет (или оттенок цвета)*, частотность которой составляет 29,73%, а в китайском языковом сознании – категория *предмет*, частотность которой составляет 49,69%.

НОМИНАЦИЯ ЕДЫ И КУЛИНАРИИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В.Н. Шапошников (Москва)

Московский государственный лингвистический университет

vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

Посредством языка накапливается и хранится информация, являющаяся результатом социально-исторического опыта народа и личного опыта индивида. Данной культуре присущи своеобразные, излюбленные блюда, традиции приготовления пищи и соответствующие языковые формы их обозначения. Кулинарная культура целесообразна, исторически обусловлена и соответствует национальным вкусам, климату и образу жизни.

Язык пластично обозначает предметную область кулинарии. Происходит изменение словарного состава языка и значений слов. Изменение осуществляется разными путями и способами. Происходит устранение ряда слов данной предметной области в русском языке. Причины этого различны. Отмечаются слова с широкими родовыми значениями, ушедшие по причине исчезновения понятий. Так же ушли из лексикона некоторые конкретные видовые названия блюд.

Отыскиваются слова, ушедшие из речи в результате

переименования кулинарной реальности. Существовавшее кулинарное наименование заменяется другим: *упол* → *бульон*, *тельное* → *фарш*. Функция обозначения определенного смысла перехватывается значением другого знака.

Ряд слов кулинарной сферы выходит из активного употребления. Это обусловлено смещением обозначавшихся реалий. При этом слово в течение некоторого времени может оставаться в тезаурусе. Оставаясь более или менее памятными, такие слова не вполне понятны и могут неверно интерпретироваться. Обозначавшиеся реалии устраняются и референты знаков отсутствуют, так как эти кушанья не представляют собой объект постоянного потребления: *каравай*, *калач*, *ситник*, *кулеш*, *сальник*, *коврижка*, *ботвинья*. Некоторые слова могут лишь извлекаться методом реконструкции.

В целом выделяется, консолидируется и совместно функционирует состав традиционной лексики русской кухни. Эта лексика обусловлена системой русского языка и сама представляет собой микросистему как организованную совокупность лексико-семантического материала. Данная лексика постоянна и устойчива. Эти слова употребительны. Эти слова включены в разнообразные связи и отношения языковой системы.

Некоторые из кулинарных названий столь прочно встроены в стандарт поведения и национального менталитета, что включаются в русские фразеологические обороты. В этом включении создаются обобщенные образы: *щи*, *каша*, *блины*, *пироги*, *пряник*, *калач*, *хлеб*, *квас*. Названия кушаний стали основой образования большого ряда русских фамилий. Ономастика свидетельствует об органичности и имманентности кулинарных явлений русской культуре. У некоторых лексем кулинарии развиваются метафорические значения.

Происходит пополнение словарного состава предметной области. Отмечаются слова кулинарии, появившиеся в русском языковом обиходе в XIX–XX вв. Новые слова приходят с появлением новых предметов, понятий, которые входят в жизнь народа. Обозначаемые кулинарные реалии соответствуют изменениям образа жизни и климатических условий. Они обуславливаются реализацией новых потребностей и способов питания. С другой стороны, пополнение кулинарного лексикона вызвано образовавшимися семантическими

лакунами в данной предметной области. Пополнение составляет заимствованная из определенных языков лексика. Обозначаемые кушанья стали постоянной принадлежностью русского обихода. Эти слова стали сигнификативно и прагматически освоенным материалом русского языка. Их освоение состоялось на предметном уровне – сходства привносимых реалий с исконными блюдами – либо на лексическом уровне – отождествления лексико-семантических отношений знаков.

Некоторые из новационных слов – обозначений кушаний переосмысливаются. У некоторых слов содержание конкретизируется и специфицируется.

За пределами собственно терминологического массива русской кухни стоит продовольственная лексика современного бизнеса – публично предлагаемого питания. Здесь много экзотических заимствований: суши, ролл, хот-дог, чизбургер, пицца, хачапури, лазанья, равиоли, латте, шаурма, чебурепи, наггетсы, чиабатта и т.п. Это слова с четко закрепленной принадлежностью к той или иной стране, национальности и культуре. Они не входят органически в лексико-семантическую систему 'русская кулинария' как ее конструктивные элементы. Лексическая сочетаемость таких названий в русском языке весьма ограничена. Они не включены в лексико-семантические связи и отношения системы русского языка и не полностью встроены в грамматическую систему. Обозначаемые изделия питания являются инородными по отношению к денотативному уровню – кулинарным рецептурам русского языка. Их фиксация обусловлена не собственными параметрами системы языка, но носит случайный предметный характер. Их функционирование обособлено и ограничено сферой публичного сервиса питания. Самое их появление нередко обусловлено аттрактивными целями, а не целесообразностью и необходимостью питания. По направленности и мотивации процесса это сходно с туризмом и его бурным современным развитием и представляет параллельное ему явление. Этот собираемый массив подвижен и неустойчив, постоянно пополняясь новыми названиями и исключая некоторые использованные названия блюд.

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ¹

*И.В. Шапошникова (Новосибирск)
Институт филологии СО РАН
i.shaposhnickowa@yandex.ru*

Проблема соотношения универсального и регионального ставится в аспекте разработки динамических моделей к рассмотрению объектов культуры. Границы понятия универсалий вербальной культуры, методологический принцип и условия, при которых возможно их получение на динамической модели ассоциативно-вербальной сети (далее: АВС), устанавливаются на основе применения двух видов толкований (узкое и расширенное). Универсальное не воплощается в культуре само по себе, вне специфичного наличного культурного материала (живых объектов культуры). Специфичное представляет собой способ и форму существования универсального. Как две ипостаси культуры эти два понятия служат операторами для интерпретации и сопоставления разных культур друг с другом.

Универсальное в узком смысле выявляется как видоспецифичная характеристика человека и проверяется данными смежных наук о человеке. Универсалией такого рода, по-видимому, следует считать многомерную сетевую модель языка в человеке (системы внутреннего лексикона, самого способа организации языкового сознания). Универсальное в широком смысле относится к предметно-содержательному полю культуры и может быть представлено как более-менее общее, в аспектах воплощения и перевоплощения, тождества культуры самой себе в разных её модусах, формах и ликах. К универсалиям в широком смысле

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-152019-1884).

можно причислить полученные в эксперименте на модели ABC ассоциативные доминанты, отражающие актуальные социо-коммуникативные установки (смысловые акцентуации, интенциональность) русской языковой личности. Анализ ABC на основном корпусе и подкорпусах СИБАС [Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток (2008 – 2020). Авторы-составители И.В.Шапошникова, А.А.Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru>] в сопоставлении с иными региональными и общерусскими данными, позволяет вести речь о наличии статистических универсалий, длительное время (как минимум в пределах актуальной диахронии трех-четырех поколений) представляющих опорные смысловые узлы, кластеры интенциональности русской языковой личности. Актуальность исследования динамических процессов смыслообразования на модели ABC связана с оценкой последствий (для тождества культуры у населения азиатских регионов РФ и сопредельных территорий) явлений «смутного времени» (функционального внутриэтнического конфликта 1990- х гг.).

Имеющиеся на сегодняшний день экспериментальные факты дают основания утверждать, что, полученные на основе формализации смысловых акцентуаций РЯЛ в их стихийно сложившейся системной организации статистические универсалии, смогут, наряду с сопутствующими филологическими фактами, дать материал для оценки устойчивости и содержания актуальной динамики смыслового поля российской культуры, возможно, и для управления институционализацией смысловых доминант как одним из культурно обусловленных факторов устойчивого развития регионов.

Секция
«Речевое общение: проблемы анализа»

**ИЛЛОКУТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА:
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

В.А. Афиногенова (Москва)
ФГБУН Институт психологии РАН
viktoriyamail87@mail.ru

Фундаментальная проблема речевого взаимодействия неизменно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей (Б. Ф. Ломов, А. В. Брушлинский, М. М. Бахтин, Н. Sacks, G. Psathas, R. Wooffitt и мн. др.). В последние годы большой интерес к теме обнаруживают когнитивная лингвистика и психолингвистика (А. А. Кибрик, А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин и др.). В центре внимания – вопрос о психологических механизмах, которые объединяют реплики партнеров в единое целое и обеспечивают последовательное развертывание диалога. В изучении таких механизмов перспективным представляется подход интен-анализа [Павлова, Гребенщикова, 2017]. В проведенном нами диссертационном исследовании [Афиногенова, 2015] показано, что согласование реплик имеет интенциональные основания и отличается гибкостью. Полученные результаты побуждают к изучению иллокутивного механизма развития диалога, что и является целью настоящего исследования.

Материалом исследования послужили диалоги в ситуации повседневного детского общения. Было транскрибировано 10 разговоров (371 реплика), количество собеседников – 2-9. В разговорах приняли участие 15 детей в возрасте 4-5 лет, хорошо знакомые друг с другом.

Обнаружено, что в диалогах детей иллокутивно вынужденные реплики ($n=289$) преобладают над иллокутивно независимыми ($n=82$). Реализуется иллокутивный механизм развития диалога, который определяет необходимость высказывания определенного типа в ответ на реплику собеседника. Большинство иллокутивно вынужденных откликов безотлагательны (84%). Случаи отсроченного отклика немногочисленны (2,8%). Случаи множественного отклика более

частотны (9,2%). В отдельных случаях обнаруживается невербальный отклик на выраженную интенцию, что проявляется в предметных действиях партнера (4%).

Иллокутивно независимые реплики нарушают иллокутивный механизм развития диалога. Оказывается, что ситуация отсутствия отклика неоднородна [Афиногенова, 2015]. Роль конвенциональных факторов невелика (6%). Преобладающими являются факторы коммуникативного плана (94%). В повседневном детском дискурсе доминируют ситуации коммуникативного саботажа. В одних случаях это сопряжено с началом новой линии разговора (36,6%), в других – с возвратом к прежней линии (33%), в третьих – с включением в разговор нового партнера (23,1%). Случаи неверного понимания интенций немногочисленны (1,3%).

Иллокутивный механизм развития диалога обеспечивает последовательное согласование реплик. Его нарушение при появлении иллокутивно независимых реплик приводит к изменению структуры речевого взаимодействия. Она становится прерывистой, сохраняя при этом линейный характер. В ней обнаруживаются перебивания и постоянные смены текущей линии взаимодействия.

Перспективы исследования связаны с обогащением эмпирического материала, что предоставит возможность обнаружить специфику функционирования иллокутивного механизма развития диалога в разных видах дискурса.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Бай Суйхаожань (Дацин)

Южно-Уральский государственный университет

baisujxaozhan@yandex.ru

Конечной целью изучения любого иностранного языка является коммуникация с носителями данного языка. Долгое время считалось, что для этого необходимо выучить язык, то есть лексику, грамматику, фонетику, стилистику и т.д. Однако для эффективного взаимодействия только знания языка недостаточно, необходимо знать культурную составляющую: традиции, религию, историю,

географию, обычаи и привычки, поскольку все это так или иначе отражается в образе мира народа. Эта этнокультурная специфика закрепляется в этикете и устойчивых выражениях, идиомах. Незнание культурных составляющих может стать серьезным барьером на пути к пониманию носителей разных культур и даже привести к конфликту из-за разницы в трактовке. В.Л. Бернштейн считает языковой барьер «трудными ситуациями общения, возникающими как следствие незнания основных правил и норм межличностного общения; незнания особенностей культуры страны изучаемого языка; неумения неподготовленного речепорождения на иностранном языке; неподготовленности к самому факту существования трудностей межкультурного общения» [Бернштейн, 2005, с. 49].

Китайская культура считается одной из самых древних культур в мире и относится к высококонтекстуальным (по классификации Р.Д. Льюиса), поскольку большое значение придается контексту при общении. Изучающие китайский язык сталкиваются с серьезными трудностями при понимании речи китайцев. Затруднение связано не столько с фонетикой или ограниченным словарным запасом, сколько с тем, что в речи китайцев очень большое количество устойчивых выражений, которые для носителей культуры являются понятными, а для иностранцев нет. Китайская идиома – это выражение, которое имеет глубокий смысл в национальной культуре, выраженный с помощью нескольких кратких иероглифов. Самая типичная ошибка – попытка понять китайскую идиому с опорой на свою культуру. Приведем классический пример: «三人成虎» («Три человека становятся тигром»). Значение отдельных слов и дословный перевод никак не соотносятся со смыслом этого выражения: «Сплетня, повторенная многократно, может заставить людей поверить, что это правда». Источником данной идиомы является легенда, которая гласит, что в эпоху Борющихся царств Пан Цун, министр царства Вэй, сказал правителю: «Кто-то сказал, что сейчас на улице разгуливают тигры. Вы этому верите?». Правитель ответил: «Не верю». Пан Цун снова спросил: «Теперь уже двое говорят, что на улице тигры. Вы верите?». Правитель царства Вэй высказал некоторое сомнение. Пан Цун вновь заметил: «Уже трое говорят, что на улице тигры. Вы верите?». Правитель сказал: «Я верю». Пан Цун сказал: «На улице нет тигров. Это очевидно, одна-

ко три человека сказали, что есть, и вы поверили. Нужно быть бдительным, ибо сплетня может превратиться в правду!» [И Биньюн, 2007, с. 111].

Таким образом, мы видим, что для понимания речи носителей другой культуры недостаточно знать только язык, необходимо изучать традиции и культуру. Устойчивые выражения, как правило, опираются на прецедентные тексты и не могут быть поняты из значений составляющих их слов. Незнание культуры может быть серьезным барьером в межкультурной коммуникации.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДУЭЛЬ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

***М.В. Беляков (Москва)
Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД РФ
belmax007@hotmail.com***

***О.И. Максименко (Москва)
Московский государственный областной университет
maxbel7@yandex.ru***

Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса за последние два десятилетия претерпел заметные изменения. Устойчиво вошли в языковой оборот такие понятия как публичная дипломатия, параллельная дипломатия, парадипломатия, общественная дипломатия [Сологубова, 2019], твиттер-дипломатия, цифровая дипломатия, мультимодальная дипломатия, открытая дипломатия и др. Эту ситуацию объясняет изменившееся соотношение между дипломатической и внешнеполитической коммуникацией.

Цель исследования – описание и анализ функционирования лингвистических средств, в первую очередь эмотивных, при коммуникации в особой дипломатической среде – на заседаниях Совета Безопасности ООН (СБ ООН).

Задачи – определить особенности дипломатической коммуникации в условиях диалога конфронтирующих сторон на открытом заседании СБ ООН.

Языковая личность дипломата как *homo loquens* представляет особый интерес для исследования, т.к. для дипломата, в отличие от политика, именно язык является основным (мирным) оружием, причем использование всех доступных языковых средств, включая ранее недопустимые, такие как повышенная эмотивность, ирония и даже сарказм, характеризует выступления дипломатов на таких серьезных площадках, как заседания СБ ООН [Беляков, Максименко, 2019, с. 128]. Даная площадка может рассматриваться как пример открытой дипломатии, т.к. тексты выступлений находятся в открытом доступе в электронной библиотеке СБ ООН.

Результаты и выводы. В истории дипломатии и ранее существовало понятие симметричного ответа, но этот термин соотносился, в первую очередь, с ответными мерами как какое-либо событие (например, высылка дипломатов, изъятие дипсобственности и пр.). На вербальном (письменном) уровне это был прежде всего обмен нотами. Сейчас благодаря оцифровке выступлений у исследователей есть возможность изучать «дипломатическую дуэль», происходящую в режиме реального времени, где оппонентами реализуются все допустимые коммуникативные стратегии и тактики с целью убеждения своего рода «жюри», в качестве которого выступают члены СБ ООН. Объектом нашего исследования стали речи в форме вербального противостояния министра иностранных дел Украины П. Климкина и Постоянного представителя РФ в СБ ООН В.А. Небензи от 29.05.2018 г. по болезненным вопросам – положению дел на Украине и расследованию сбитого самолета рейса МН-17. Речи анализировались средствами автоматической обработки текста – Joshicoder-0.6.5.0 и SEO-анализа advego, что позволило получить предварительную лингвостатистическую характеристику речей.

Подведенный психолингвистический анализ на основе лексико-семантического и синтаксического анализа показал, что выступление П. Климкина формируется по модели построения пресуппозиции на использовании «запрограммированного мнения» (ракеты «Бук» доставили из-под Курска, чтобы сбить гражданский самолет; Россия финансирует международный терроризм; из-за России пенсионеры Донбасса не могут получать украинские пенсии и т.п.), а также нагнетания негативной информации, истинность которой не важна (предъявление фото погибшей пятнадцатилетней девушки,

объявление бессрочной голодовки задержанным, репрессии крымских татар и т.п.).

Постпред России В.А. Небензя выступал после П. Климкина и фактически должен был отвечать (едва ли не оправдываться) на предъявленные России обвинения и признать свою вину буквально за всё (за сбитый самолет, гибель украинских военнослужащих и пр.), хотя подобная коммуникативная стратегия не принята в СБ. В такой коммуникативной ситуации была выбрана наиболее удачная стратегия: с одной стороны, резкость заявлений с использованием нетипичной для дипломатического дискурса лексики (*дурные методы, ведра помоев, злобой пышут, уровень шизофрении на Украине зашкаливает* и пр.), а с другой стороны – приведение доказательств и жесткие формулировки (*С Россией на языке ультиматумов разговаривать никому не позволено*).

Исследование речей на заседаниях СБ ООН средствами как качественного, так и количественного анализа позволяет оценить мотивационно-прагматический уровень языковой личности дипломата в ситуации дипломатических и информационных войн, необходимый для задач дипломатической вербальной защиты страны; яркость личности дипломата позволяет реализовать эти интенции.

ЧТО ДАЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАТЕГОРИЯ СЕМИОТИЧЕСКОГО (ВОЗ)ДЕЙСТВИЯ?

*А.В. Вдовиченко (Москва)
Институт языкознания РАН
anlvdo@mail.ru*

Коммуникативная модель описания семиотических процессов вводит **условную номенклатуру действий**, совершаемых обладателем сознания. За исходный пункт рассуждений, приводящих к созданию эффективного перечня разновидностей действий, можно принять положение, согласно которому неэксплицированные не проявленные вовне действия не могут быть верифицированы и обсуждаемы. О них нельзя судить как о некоем факте на основании каких-то признаков и симптомов. Как в психологии и психиатрии,

о состоянии пациента можно судить только по поведению. Если поведения нет, или поведение не имеет достаточно определенные формы, то невозможно заключить что-то о когнитивном состоянии и внутренних целенаправленных изменениях, производимых сознанием, – то есть о внутренних действиях обладателя сознания. К таким действиям можно отнести размышление, воспоминание, оценку, составление планов, внутренние реакции, переживания и пр., для которых при этом не нашлось никаких внешних для обладателя сознания проявлений. Соответственно, такие действия (неэксплицированные, только-мыслимые) вынужденно выносятся за скобки рассуждения, считаются неопределенными. Возможность их существования нельзя отрицать, но они не могут быть наблюдаемыми. Это черный ящик, в котором сидит «кот Шредингера».

(Здесь, правда, возникает интересная коллизия. Если признать внутреннее действие, то есть способность целенаправленно совершать когнитивные операции, то необходимо признать, что «некто» совершает целенаправленные изменения своего же состояния, например, кто-то что-то обдумывает, вспоминает, пытается прийти к решению, сопоставить с ценностной схемой и пр. Этого «некто» можно технически обозначать как стоическое «владычествующее», «личность», «индивид», «субъект» и пр. Если же признавать, что в сознании протекают автономные процессы, вызванные автономными факторами, тогда действие в сознании придется признать несуществующим, деятеля – безынициативным пациентом, и само сознание – лишенным сознающей способности, возможности выбирать, оценивать, сопоставлять и пр.).

Итак, если «черный ящик» на время вынести за скобки (признавая, тем не менее, его существование), то остаются **эксплицированные (воз)действия** – перелистывание страниц, нарезание хлеба, открывание двери, привлечение внимания к объекту, демонстрация визуального образа, исполнение музыкального произведения, задавание вопроса или отдавание приказа, высказывание просьбы или утверждения и пр. и пр.

С точки зрения коммуникативной модели, представляется эффективным:

1) разделение **эксплицированных действий** на **семиотические** и **несемиотические** – по признаку попытки целенаправленного воз-

действия либо на какое-то когнитивное состояние, **«когнитивную призму»**, либо на объект, не обладающий «когнитивной призмой»;

2) разделение **семиотических** действий на **осознанные и неосознанные**. Неосознанные являются **квази-действиями**, поскольку они не входят в компетенцию сознания, независимы от источника смыслообразования (рефлекторные, ошибочные, непреднамеренные, физиологические и пр.). Там, где нет работы сознания, нет принятого решения, выбора, цели, ценности и пр., только пассивность, а не активность (деятельность).

3) разделение **семиотических действий** на **словосодержащие и не-словосодержащие** (уступка лингвистической теории, поскольку любое семиотическое действие – осознанное, многоканальное и комплексное, направленное на когнитивную призму, которую можно видеть как объект воздействия только сознанием).

Роль сознания как смыслообразователя во всех случаях действий обязательна. Сознание остается в «черном ящике», но для констатации смысла (значения) необходимо установить **какое-то когнитивное состояние** – единственное возможное основание смысла (значения). Для интерпретатора внешние параметры действия (в том числе так называемые знаки в семиотическом действии) могут быть только «намекami» на когнитивные состояния, в поисках доступа к скрытому «смыслообразователю», сознанию. Ввиду наличия «когнитивной призмы» в любом семиотическом акте прямых тождественных свидетельств состояния «черного ящика» сознания нет и не может быть (в том числе, в так называемых «знаках» – словах, жестах, картинках и пр.).

Понимание вербального высказывания как несамостоятельной части семиотического действия иллюстрируется на примере снятия **«парадокса лжеца»**: апория возникает только в случае неправомерного рассмотрения парадокса как самозначных (всеобщих) вербальных знаков, и снимается при условии, что парадокс рассматривается как комплексное семиотическое действие (с вовлечением слов).

Секция
«Конфликтогенные элементы современной языковой
картины мира»

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ И
КОНФЛИКТОГЕННЫХ ФАКТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

К.С. Богатчикова (Смоленск)
Центр профессиональной подготовки УМВД России по
Смоленской области
bogi12@rambler.ru

С.В. Востриков (Смоленск)
Смоленский государственный университет
termenvoxpopuli@gmail.com

Изучение языковых взаимодействий через призму межкультурных и межэтнических коммуникаций дает возможность более глубокого проникновения в генезис и специфику изменений разных цивилизаций, их взаимосвязи с конфликтными процессами в современном мире. Огромная сила воздействия слова объясняется тем, что наш наследственный аппарат высоковосприимчив к информации, содержащейся в словах (как звучащих, так и осмысленных). Слово, представляющее собой квантово-волновое поле, способно влиять на сознание, психику, поведение не только индивидов, но и народов [Мягкова, 2016]. Одним из катализаторов кризиса на Украине стала именно «языковая проблема»; аналогичная ситуация наблюдается сегодня в Латвии, Молдове, Эстонии, Грузии. Позиция Киева, который публично заявляет о «стремлении стать европейской страной», игнорируя в то же самое время общепринятую в ЕС практику билингвизма (Бельгия, Ватикан, Финляндия), и полилингвизма (Швейцария, Андорра, Испания), является откровенно лживой. Во многих регионах мира язык стал сферой острой политической борьбы.

Есть ли формула цивилизованного регулирования языковых отношений? Да. Так, в Финляндии, имеющей компактное этноязыковое шведское меньшинство (около 10%), это – вариант национально-территориальной автономии Аландских островов (признан одним из

лучших в мире). В Беларуси иная модель: принятый в 1998 г. закон «О языках», закрепил принцип двуязычия. Россия онтогенетически, исторически представляет собой уникальное этноязыковое пространство [Williams, 1997]. Тут столетиями формировалась мозаика, в которую органично вписывался «всяк сущий в ней язык». В РФ регулирование языковых отношений осуществляется в рамках гибкой системы: в большинстве российских республик используется двуязычие; в некоторых – модель полилингвизма (Дагестан, Крым, Мордовия, Марий Эл, Алтай). В условиях социоэкономических коллизий языковые взаимодействия подверглись серьезным испытаниям, но они не смогли взломать общекультурного кода России. Интенсификация трансграничных миграционных процессов, возможностей мультимедийных сетей в XXI в. ведет к вытеснению ряда «традиционных» языков; актуализируются проблемы «языковой экспансии», «этнолингвистической конфликтности». Проблема обретения «совместного будущего в разобщенном мире» трудноразрешима [Востриков, 2019]. Но шанс пока еще есть [Snyder, 1980]. Для РФ представляется важным осуществлять укрепление «языкового суверенитета», расширять сферу своего лингвокультурного присутствия, используя многосторонние обмены, возможности межгосударственного, научного сотрудничества, опираясь на кадры, прошедшие обучение в нашей стране. Решение этой общегосударственной задачи, требующей четкой организации и привлечения интеллектуальных, информационных и материальных ресурсов, будет происходить в условиях острой конкуренции и соперничества.

РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ БРИТАНСКИХ ПОДРОСТКОВ: НЕДООЦЕНКА ИЛИ ПЕРЕОЦЕНКА?

Е.В. Власова (Одинцово)

*Одинцовский филиал Московского государственного
института международных отношений МИД России
e.vlasova@odin.mgimo.ru*

Недооценка и переоценка (understatement и overstatement) – это социолингвистические категории речи, отражающие особенности

национального британского характера и играющие особую роль в ситуациях межкультурной коммуникации. Данные речевые категории являются непрямым способом общения, направленного на поддержание дружелюбных отношений. **Недооценка** – это речевая категория, которая нарочито занижает оценочную реакцию на ситуацию, людей и предметы с определенной целью [Власова, 2005, с. 13]. **Переоценка** представляет завышенную реакцию на происходящее, направленную на сближение с собеседником [Там же, с. 46]. Недооценка и переоценка свойственны речи современных **британских подростков** мужского и женского пола.

Содержанием данных категорий является система речевых стратегий, позволяющих выявить не только стратегические намерения подростков, но и тонкий механизм межличностного общения в британской культуре. Наиболее типичные **стратегии недооценки в речи подростков**, а именно стратегии смягчения отрицательных эмоций, нацелены на снятие категоричности и неприятных чувств, на создание более вежливых форм отказа или сообщения не очень приятной для собеседника информации. **Стратегия критического отношения к себе или собеседнику** имеет место, когда подросток выражает свое недовольство, неодобрение, несогласие, так или иначе, проявляя свое критическое отношение: *Just so you can visualize me, I'm fairly skinny, fairly nondescript, wearing a black vest-top and skinny jeans. And I wear dark glasses all the time, even in the house. It's ... Well. A thing. My thing, I suppose* [Kinsella, 2015, p. 13]. **Стратегия умолчания по этическим соображениям**: *'Well. I expect she will. You know...'* *And again, the unspoken hangs in the air: When you get better* [Ibid, p. 127] демонстрирует стремление подростков скрыть тревогу, смущение, а недооценка рассматривается как защитный механизм против воздействия отрицательных эмоций.

Наиболее типичные **стратегии переоценки в речи подростков направлены на сближение с собеседником**: *'Your mum's really like...'* *Ollie blinks nervously. 'She's like Goddess Warrior Enhanced Level Seven'* [Ibid, p. 7]. Данная стратегия комплимента иллюстрирует внимание, преувеличенный интерес, выражение восхищения подростка. Стратегия оптимизма при реакции на ситуацию: *'Why has everything become horrible?'* *'It'll be fine, I say, like the world's best*

liar [Ibid, p. 27] является проявлением поддержки и дружелюбия подростков в негативных обстоятельствах общения.

Речевое общение британских подростков включает в себя реализацию стратегий недооценки, заключающихся в смягчении отрицательных эмоций и проявлении критического отношения к себе, и переоценки, направленной на сближение и сохранение дружелюбных отношений.

«СРЕЖИССИРОВАННЫЙ» СТРАХ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ ДИСКУССИИ

О.В. Новоселова (Тверь)

***Тверская государственная сельскохозяйственная академия
olynov@mail.ru***

«Страх – это мощный и незаменимый политический рычаг»
[Х.А. Марина]

Не вызывает сомнений, что страх находится в фокусе внимания исследователей с античных времен и изучается в настоящее время психологами, философами, политологами и социологами. В русле современной антропоцентрической парадигмы лингвистики также наметился интерес к страху, к его дискурсивному проявлению и влиянию на результативность диалогического общения. В этой связи особую актуальность приобретает выявление и описание архива языковых средств, речевых образцов и дискурсивных практик, обладающих воздействующим потенциалом для формирования состояния страха у языковой личности, а также изучение коммуникативных тактик запугивания и механизмов использования страха в процессе общения.

В условиях социальной интеракции следует различать страх, спонтанно вызываемый репликами собеседников в ситуации конфликтного общения, и страх, спланированный, заранее «срежиссированный», «специально организованный по определенному фреймовому сценарию» [Романов, Романова, Морозова, 2017] для воздействия на массовую аудиторию и, вероятно, управляемый инициатором такого воздействия. Ярким примером

вербального запугивания является агональная предвыборная дискурсия, в которой страх выступает в качестве «немаловажного инструмента, используемого властью, политическими партиями и различными союзами и объединениями» [Свендсен, 2010: 30] с целью оказания запланированного воздействия на массовое сознание и эмоциональное состояние избирателей. В условиях предвыборной дискурсии одним из прагматических типов высказываний, целенаправленно употребляемых политическими деятелями для формирования страха, являются *высказывания-угрозы* (*менасивные высказывания* или *менасивы*), которые реализуются политиками с целью побудить избирателей проголосовать за свою кандидатуру, запугав их возможными негативными последствиями [подробнее см.: Романов, Новоселова, 2012].

Менасивные высказывания зафиксированы в предвыборной программе каждого из претендентов на пост Президента Российской Федерации в 2018 году. Важно отметить, что речь идет не о менасивах, реализованных на дебатах с участием того или иного кандидата, а об осознанном и спланированном употреблении менасивов в программных материалах политика. Вполне очевидно, что основной целью реализации предвыборного высказывания-угрозы является не введение и удержание избирателя в состоянии страха (крайнего дискомфорта), в котором избиратель не сможет принять уверенное решение о предпочтении того или иного кандидата, а оказание определенного воздействия на избирателя, которое будет способствовать тому, что избиратель окажется в состоянии страха, но будет уверен в том, что с легкостью сможет вернуться к комфортному состоянию, приняв решение отдать свой голос за политика. В том случае, если предвыборные менасивы направлены на введение избирателя в состояние страха и удержание в нем, то политику придется приложить больше усилий – реализовать внушительное количество высказываний со значением обещания или гарантии, чтобы вернуть избирателя к эмоциональному состоянию комфорта.

Широкое использование менасивных высказываний в программных материалах политиков свидетельствует об особой роли таких высказываний в формировании воздействующего потенциала программы. Для исследования коммуникативных тактик запугивания и механизмов использования страха в политической дискурсии

целесообразно обратиться к рассмотрению феномена *менасивного конструкта предвыборной дискурсии* [Романов, Новоселова, 2012], который отражает иерархический характер диспозиций политика и избирателя (например, испуг – страх – фобия) и представляет собой функционально-семантическое пространство высказываний-угроз, связанных с введением избирателей в состояние страха.

СОВЕТИЗМЫ И АНГЛИЦИЗМЫ В ЯЗЫКОВОМ ЛАНДШАФТЕ ГОРОДА: КОНФЛИКТ ИЛИ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ?

Н.П. Пешкова (Уфа)
Башкирский государственный университет
peshkovanp@rambler.ru

Проблемы выявления и изучения зон потенциального конфликта в языковом ландшафте полиэтнического города являются для нас предметом научного интереса в последние пять лет, что позволяет проследить динамику исследуемых процессов [Пешкова, 2016; 2017; 2019]. В настоящей работе объект исследования составляют советизмы и англицизмы как неотъемлемые составляющие лингвистического ландшафта многих российских городов и, в том числе, столицы Республики Башкортостан, г. Уфы. Общие особенности ее городского текста мы достаточно подробно описали ранее [Пешкова, 2017].

Данные, полученные путем экспериментального изучения, свидетельствуют о том, что лингвистический ландшафт Уфы как отражение языковой картины мира полиэтнического социума, безусловно, содержит определенные элементы конфликтогенного характера. К таким элементам можно отнести внешние структурные особенности организации текста города, например, порядок следования нескольких языков, используемый в городских вывесках с названиями улиц, учреждений, офисов. Конфликтогенность присуща и содержательно-смысловой структуре городского текста, обусловленной различными факторами, начиная с выбора языка, например, английского, предпочтение которого само по себе

вызывает у разных групп адресатов прямо противоположные оценки: от активной поддержки до агрессивного неприятия; и заканчивая выбором информации, содержащей отсылки к дореволюционному губернскому прошлому Уфы или к советскому периоду ее истории.

Отметим некоторые теоретические посылки, из которых мы исходим в исследовании, формулируя гипотезу о потенциальном конфликте восприятия и интерпретации языкового ландшафта представителями городского социума разных поколений. Прежде всего, мы разделяем позицию исследователей, в соответствии с которой любой текст, в том числе и текст города, независимо от интенций его автора, в принципе, конфликтогенен. По нашему мнению, конфликтогенностью могут обладать любые используемые в тексте средства языка, составляющие его внешнюю форму, а также смысловые доминанты текста, заложенные автором и извлекаемые или приписываемые адресатом при понимании и интерпретации содержания. Как имманентное свойство вербальной коммуникации, конфликт интерпретаций, таким образом, может развиваться или затухать, в зависимости от внутренних склонностей коммуникантов, способствующих или препятствующих реализации конфликтогенности текста.

Советизмы и англицизмы лингвистического ландшафта являются составляющими его элементами с имплицитной конфликтогенностью, что позволяет им сосуществовать как в городском языковом пространстве, так и вербальном сознании жителей города до момента запуска конфликта.

Отметим, что к советизмам в нашем исследовании мы относим слова и словосочетания, появившиеся в советскую эпоху и обозначающие реалии, относящиеся к жизни СССР. *Советская площадь, улица Коммунистическая и улица Ленина, проспект Октября и 50 лет СССР* – наиболее типичные примеры советского наследия лингвистического ландшафта Уфы. В языковой среде города они, казалось бы, вполне мирно уживаются не только на одной уличной вывеске с *Lenin St.* и *Zaki Validi Street*, но и в одном пространстве с *Jagger Bar, Mc Highlander, Hilton Garden Inn Ufa* и *Big Bro Barbershop*. Такое кооперирование, отражает, одновременно, особенности разных исторических периодов жизни города и специфику языкового сознания его современных обитателей.

Однако полученные в наших исследованиях вербальные реакции разновозрастных испытуемых демонстрируют широкий диапазон противоположных и противоречивых ассоциаций, мнений и оценок использования советизмов и англицизмов в языковом ландшафте Уфы. Это сигнализирует о наличии в вербальном сознании языковой личности потенциальных механизмов конфликта, варианты запуска которых может прогнозировать исследователь с опорой на экспериментальную базу данных.

РЕЦЕПТИВНО-АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ В РАМКАХ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Н.А. Пробст (Калининград)
Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта
NProbst@kantiana.ru*

Проблема речевой агрессии, ее места в национальном языковом сознании, как известно, находится в фокусе пристального внимания современных ученых-лингвистов [см., например: Седов, 2005; Ашуркова, 2009; Мистюк, 2015 и др.]. В этой связи закономерен их устойчивый интерес к комплексу ее ключевых экспликаторов, в число которых, наряду с оскорблением, злопожеланием и т.д., входит и речевой акт угрозы (далее – РАУ) [Седов, 2005, с. 89]. Последний является частью стратегии подчинения [Levine & Wheeless, 1997; Иссерс, 2008 и др.] и является одним из наиболее распространенных и ярких атрибутов конфликтной коммуникации. Основой его воздействия является порождение чувства страха у слушающего [см.: Чесноков, 2015; Плотникова, 2017 и др.].

Несмотря на целый корпус работ, посвященных самым разнообразным аспектам РАУ, остается сравнительно малоосвещенным ряд проблем – в том числе и крайне интересный, на наш взгляд, вопрос об аксиологической специфике восприятия данного репрезентанта речевой агрессии самими носителями языка.

Проведенное нами исследование показывает, что в русском коммуникативном сознании (по крайней мере, на уровне бытового

конфликтного общения) РАУ – прием, очевидно нарушающий общепринятые нормы и принципы коммуникации, – не воспринимается как табуированное коммуникативное действие. Хотя по своей коммуникативной сути угроза является деструктивным речевым инструментом, способствующим эскалации конфликта и затрудняющим организацию конструктивного диалога в дальнейшем, в ряде случаев его применение может быть обусловлено такими факторами, как стремление защитить себя и своих близких, необходимость предотвратить асоциальные действия отдельных лиц и т.д. В подобных случаях применение РАУ может восприниматься рядовым носителем русского языка как коммуникативно оправданное действие [см. подробнее: Пробст, 2020].

Подтверждение сказанному, по нашему мнению, представляют собой результаты разработанного нами опроса [<https://docs.google.com/forms/d/1dHMS19maMieE3OvRlEq-3dgdYASK1Yns8cVQqbZVmWU/>]. Последний продемонстрировал достаточно утилитарное отношение современных носителей русского языка к использованию рассматриваемого репрезентанта речевой агрессии. Большинство респондентов учитывает его неинституциональный характер, однако число тех, кто стремится вовсе исключить данный акт из повседневного речевого пространства, относительно невелико (чуть больше трети опрошенных). Интересно, на наш взгляд, то, что главными причинами отказа от использования РАУ являются факторы социально-коммуникативного характера – желание следовать традиционным нормам культурного общения и, в меньшей мере, избежать обострения конфликта и ухудшения отношений с собеседником.

Данные опроса также показывают, что в применении рассматриваемого акта современный носитель русского языка не видит ничего предосудительного, если соответствующее речевое действие служит инструментом разрешения кризисных ситуаций (связанных, например, с риском для здоровья, благополучия, карьеры и т.д.), возникающих в процессе конфликтной коммуникации. При этом наиболее релевантными для применения актов угрозы указанный носитель считает конфликтные ситуации, связанные отстаиванием своих чести и достоинства, а также с защитой общественного порядка.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК «ОСТРОЙ СИЛЫ» И ЕЁ ВАРИАНТОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ

*А.А. Романов, Л.А. Романова (Тверь)
Тверская государственная сельскохозяйственная академия,
Тверской государственный университет
romanov_tgsha@mail.ru*

Последние десятилетия XXI века характеризуются в глобальном мире ожесточенной борьбой всех его субъектов не только за доминирующее влияние в нём, но также и за «ресурсно-репутационный (бенефициарный) капитал» самих участников этой борьбы. Нередко такая борьба сопровождается в публичной медийной сфере различными конфликтами и противостояниями, которые приобретают формы «война без войны» в виде разновидностей «демографических войн», «экономических войн», «войн смыслов», «войн связности» (“connectivity wars”), «финансовых войн» (“financial warfare”) или разрушительных информационных атак на «инфраструктурные альянсы» (“infrastructure alliances”) атакованного общества. В информационных противостояниях, принимающих форму «войны без войны» (т.е. форму ведения агрессивных действий, наносящих атакованной стороне ущерб без применения кинетического оружия), любой из её невоенных ресурсов вполне может оказаться не только объектом, но и эффективным инструментом жёсткого воздействия и давления на соперника: на страну, регион, корпорацию, компанию, фирм и их лидеров. Особая – *доминирующая* – роль в информационной «войне без войны» между противоборствующими сторонами отводится *двум разновидностям* дискурсивного массива, в котором стороны-участники выдвигают друг против друга противоположные обвинения в виде оценочных практик-утверждений, практик-угроз и практик-пост-правды.

Обвинительные утверждения, а также утверждения, «удаленные от правды» (т.е. специально созданные творчеством политтехнологов и спин-докторов) и выдвигаемые друг против друга каждой из сторон-участниц противоборства, могут затрагивать причастность

субъектов противоборства к *фактуальным* (реальным, достоверным, проверяемым или референтным) областям действительности / событийности) или к *выдуманным* в угоду конкретного бенефициара (заинтересованной, выгодополучаемой от противоборства третьей стороны) псевдособытиям, псевдофактам, псевдосвидетельствам, именуемыми *фейковыми* практиками или практиками-фейками). Фейковые практики суть «враждебные», «недружественные», «подрывные» или «дезруптивные» (в широком смысле этого термина) информационные акции, призванные наносить атакованной стороне репутационный и экономический ущерб.

Наиболее продуктивным инструментарием в плане эффективного влияния на противника признается коммуникативно-интегративная технология «силового давления» в её вариативных проявлениях – от «острой силы» (“sharp force”) до её дезруптивных вариантов – «мягкая сила», «жесткая сила» и «умная сила» в терминологии Дж. Ная. Интегративная технология реализуется в виде «**функциональной модели**», которая используется доминирующей стороной противостояния с применением *разностороннего* и *полифункционального* коммуникативного ресурса эмотивно-агрессивных практик с целью бенефициарного смыслопорождения и последующего **меметического инжиниринга** – разработки, распространения, внедрения и последующего закрепления – этих смыслов в ментальном сознании (консциентальной сфере) масс атакованной стороны.

Вербально-коммуникативными репрезентантами воздействующего инструментария в функциональной модели «острой силы» (также – ОС) выступают **дискурсивно-демонстративные, эмотивно-агрессивные** практики политического «троллинга», «флейминга», «моббинга» и, частично, «буллинга», которые в силу особенностей организации и осуществления политико-экономического давления и своей полифункциональной специфики играют важную роль в создании и распространении «срежиссированного образа» атакованной страны, её руководителей и политиков.

КОНЦЕПТ *ВЛАСТЬ*: КОНСТАНТЫ И ДИНАМИКА ОБЫДЕННОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО СОЗНАНИЯ

Т.В. Романова (Нижний Новгород)

*Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики»
tvromanova@mail.ru*

Концепт как ментальное образование отражает не только логически выделяемые признаки какого-либо объекта действительности, но и ассоциации, оценки, идеологические и аксиологические, дополнительные знания об объекте, обусловленные культурным и языковым опытом отдельного человека и общества в целом. Таким образом, идеологемы и аксиологемы имеют прямое отношение к оценочной интерпретации концептуальных смыслов.

Обыденная картина мира характеризуется такими признаками, как прагматичность, т.е. ориентированность на получение и структурирование знаний, непосредственно связанных с повседневным опытом человека, и целостность, т.е. стремление сформировать универсальную модель мира, дать ответы на все вопросы, интересующие членов данного общества.

Для анализа концептов *ВЛАСТЬ* и *ОБЩЕСТВО* на основе обыденного знания нами был выбран корпус, основанный на русскоязычных текстах из веб-пространства Araneum Russicum Minus. Объем корпуса – 120 миллионов словоформ. Слова-репрезентанты концепта *ВЛАСТЬ* *власть* и *властный* встречаются в корпусе 55,710 и 1,372 раз соответственно. Лексемы *народ*, *народный*, *общество* и *общественный* с частотностью 47,878, 16,048, 36,061 и 23,211 соответственно. С целью выявления сочетаемостных возможностей лексемы *власть* были рассмотрены ее коллокаты, которые можно разделить на несколько семантических групп: ‘территориальные признаки’, ‘ветви власти’, ‘глубинные признаки власти’ и ‘интенсивные признаки власти’. Среди коллокатов первой группы используются в основном относительные прилагательные с интегральной семой ‘территория’: *региональный*, *областной*, *государственный*. Кроме концептуального признака ‘ограничения полномочий определенной территорией’, концепт *ВЛАСТЬ*

содержит такие признаки, как ‘сфера реализации’ (*исполнительная, законодательная власть*), ‘сфера/степень влияния’ (*верховная, высшая власть*), ‘степень интенсивности’, ‘полнота/неполнота’ (*абсолютная, реальная, неограниченная*). Семантический профиль слова *власть* тесно связан с политической историей и современностью России, это следует из частотности коллокатов, относящихся к семантическим полям «Россия», «история России» (*советский, российский, московский, Россия, Москва, большевик*). В ассоциативное поле концепта ВЛАСТЬ попадают названия государств (*США, Украина*), относительные прилагательные, образованные от топонимов: *киевский* (34), *французский* (35), *сирийский* (30), *иранский* (20), но их частотность незначительна. Слово *власть* в основном фиксируется в словосочетаниях с атрибутивными отношениями, где существительное употребляется в форме множественного числа, а определяющее имя существительное входит в семантическое поле «страна», «территория» и стоит в форме единственного числа родительного падежа (*власти Москвы, РФ, субъекта РФ, региона, республики*). Можно сделать вывод, что в основе современного образа власти лежит не признак ‘сила’, ‘могущество’, а концептуальный признак ‘наличие определённой структуры, иерархии, органов управления’ (*органы власти, представитель власти, вертикаль власти*). В таких словосочетаниях главным словом выступают лексемы, входящие в семантическое поле «система власти». На метафорическом уровне власть представляется как живой организм, для жизнедеятельности которого необходима слаженная работа всех *органов*, каждый из которых выполняет свою функцию. Концепт ВЛАСТЬ также реализуется и через оппозицию *власть – народ*. О данном взаимоотношении говорит уже то, что слова *народ* и *общество* – одни из самых частотных в одном контексте со словом *власть* (415 контекстов, в которых преобладает представление власти и общества как разных полюсов одной модели).

Таким образом, ядро концепта ВЛАСТЬ составляют следующие признаки: ‘аппарат управления, обладающий структурой, иерархией’; ‘распространяется на определённую территорию’; ‘взаимодействие с народом’. Ядро концепта сопровождается оценочными компонентами, ассоциациями, метафорическими образами и представлениями.

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ТЕКСТОВ

Т.А. Семина (Москва)

*Московский государственный областной университет
taniasemina@gmail.com*

Тональность – языковая категория, включающая в себя оценку, позицию и действия, положительно или отрицательно влияющие на объект. Первые годы после возникновения интереса к данной категории исследователи всецело были сосредоточены на оценке в текстах рецензий на кинофильмы и отзывов о товарах, поскольку сеть Интернет была и остается основным источником материала для проведения анализа тональности [Семина, 2020, с. 49–51]. Стоит отметить, что анализ тональности является в первую очередь прикладным направлением, подразумевающим автоматическую обработку текстов. Целью системы анализа тональности является выделение тональности всего текста, отдельных предложений или отношений между сущностями или объектами внутри текста, примерами сущностей могут быть люди или государства [Там же. С. 51–53]. При анализе выражения тональных отношений между сущностями можно заметить, что превалирует неоценочная лексика, обозначающая действие или событие, положительно или отрицательно повлиявшее на сущность.

Тональная лексика представлена в тональных лексиконах – списках лексем с указанием вида тональности (часто только положительная и отрицательная). Кроме того, может быть указана грамматическая информация или тип лексемы (оценка, факт, чувство и т.д.), единого стандарта оформления тональных лексиконов нет.

Оценочность рассматривалась как компонент конфликтogenности текста [Махина, 2016], но тональность является более широкой категорией, включающей в себя не оценочные лексические единицы, которые являются тональными.

Были рассмотрены конфликтогенные лексемы *агрессия, бой, борьба, война, восстание, вражда, конфликт, мятеж, защита, кампания, коллизия, нападение, нарушение, насилие, оружие, отстаивание, переворот, противоборство, раздор, разногласие,*

свержение, сила, смена власти, сопротивление, спор, столкновение, баланс [Максименко, Хроменков, 2016, с. 9–13] Сопоставление списка с тональным лексиконом для русского языка Русентилекс показало, что 20 из 27 слов имеют зафиксированную отрицательную тональность. Для лексики *баланс* нет указания тональности, но словосочетание *достигать баланс* является положительным. Подобное встретилось и для лексики *оружие, переворот, сила* – они имели отрицательную тональность в словосочетаниях. Лексемы *спор* не было и в словосочетаниях, но присутствовало слово *спорный*, тем не менее, оно не было учтено из-за изменения части речи.

Проведенное исследование показывает, что частотные конфликтогенные лексемы входят в число тональных единиц, что ожидалось при проведении исследования. Можно предположить и обратную связь, что большое число лексики с отрицательной тональностью в тексте или фрагменте текста может быть потенциальным указателем на конфликтогенность.

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОГЕННОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

О.Ю. Стародубова (Москва)

*Московский государственный лингвистический университет
oystarodubova@mail.ru*

Очевидный в эпоху цифровизации факт взаимовлияния лингвокогнитивного моделирования (ЛКМ) в медийном дискурсе как вторичной действительности (текста) и первичного текста, т.е. собственно реальности, на фоне **медиацентричности** эпохи Постмодерна следует уточнить: единственной реальностью для реципиента новостного сегмента становится не объективный факт, а его интерпретация, которая в зависимости от интенции автора (от конкретного субъекта до государства как генерализованного автора) задает через ЛКМ необходимый вектор, формируя нужный тип конфликтности – национальный, религиозный, гендерный, социальный и т.п., конструируя би- или многополярное мировое

сообщество, а также новую когнитивную и нравственную парадигму.

Смыслообразующим фактором медийного поликодового эксплицитного и имплицитного пространства становится **категория субъекта** с набором идентичностей, образующих иерархическую картину мира, необходимая составляющая которой проецируется в соответствующее событийное поле при помощи различных **лингвистических ресурсов** и, обладая **перлокутивной силой** на фоне медиacentричности современной эпохи, формирует модель восприятия реальности. В конце XX века американский психолингвист Д. Слобин указывал на манипулятивный аспект медийного слова: «очень опасно людям забывать о том, что языки могут действительно влиять на то, во что они верят, и что они будут делать» [Слобин, Грин, 1976, с. 115].

Затекстовое (невербальное) моделирование событийности (конструирование или **глобальная когеренция**) сопряжено со следующими **этапами**: 1) выборка фрагментов события, формирующих нужный ракурс восприятия целого – акцентация события одной из конфликтных сторон без детерминированности конфликта с другой стороны (например, освещение событий с участием мигрантов в Германии только с позиции интересов местного населения без указания причин, приведших к массовым беспорядкам и трагедии); 2) поддержание необходимого восприятия факта рядом аналогичных (параллельные события в других странах и/или другое время), закрепляющих соответствующую оценку через формирование **стереотипных** представлений в рамках этноспецифичного культурно-идеологического контекста [Добросклонская, 2016].

Собственно **языковое моделирование конфликтогенности** представляет собой вербализацию интенции: 1) **номинация** конфликтных субъектов с актуализацией различных идентичностей, формирующих противостояние *своего и чужого* в виде уточняющего приложения в сочетании с личными местоимениями (*мы, молодые женщины Германии и они, мигранты, чужие, пришельцы и т.д.; мы, мусульмане; мы, партия народа и они, представители власти*); 2) **интертекстуальность** (прецедентность), которая становится формой оценки события (*наш Борька – бабник, о деятельности британского политика; что ищет он в краю далеком –*

о судьбах мигрантов; *он улетел, но обещал вернуться* – о решении высокопоставленного чиновника и т.д.).

Таким образом, прагматика медийного дискурса в сочетании с лингвистическими факторами способствует формированию его конфликтогенности.

ПРИЗНАКИ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВА В МЕДИЦИНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

***И.В. Чумаченко (Москва)
Первый Московский государственный
медицинский университет имени И.М. Сеченова
dear-irina@yandex.ru***

Сегодня в связи с освоением новых информационных технологий и повсеместным внедрением сети Интернет важное место занимает интернет-коммуникация. Открываются возможности онлайн-общения практически в любой сфере, и медицинская деятельность не является исключением. С развитием телемедицины все больше коммуникативных практик переходит в веб-пространство; общение между врачами и пациентами может происходить в формате онлайн-консультаций, путем переписки в чатах или форумах, а также может представлять собой асинхронную переписку в форме электронных писем, отзывов и комментариев на сайте медицинского учреждения [Бергельсон, 2002].

Частная система здравоохранения занимает исключительную нишу в социально ориентированной экономике [Акопян, 2004], однако количество конфликтных ситуаций в медицинской сфере увеличивается с каждым годом, и в секторе частной медицины это нередко связано с финансовой составляющей и изменением социально-экономических условий в целом [Чернышева и др., 2014]. Нарастающие требования к медицинским организациям, несовпадение ожиданий пациентов с реальностью или недостаточная информированность формируют в обществе некоторую эмоционально-психическую напряженность [Глушанко, Герберг, 2017]. Отражение этой тенденции можно наблюдать в

увеличении количества конфликтогенных жанров речи: жалоб, претензий, негативных отзывов и комментариев в адрес той или иной медицинской организации в связи с неудовлетворенностью результатами оказания медицинской услуги. Данные жанры формируют отрицательное поле коммуникации и обладают яркими языковыми маркерами конфликтогенности [Третьякова, 2009].

Нами выполнен анализ интернет-отзывов о работе коммерческой организации (URL: <https://prodoctorov.ru/>; URL: <https://irecommend.ru/>). Критерием отбора послужила негативная оценочная лексика заголовка, отражающая явный конфликтогенный потенциал сообщений: *ужасно, плохо, разочарована, слишком плохое обслуживание, отвратительная работа* и т.д. В большинстве сообщений конфликтогенными маркерами являются инвективы (*ВОРЫ И ОБМАНЩИКИ, Убийцы, Хамки*) и жаргонизмы (*пофигизм, развод, лохотрон*). Метафоричность языка свидетельствует об эмоциональной наполненности отзывов: *руки из одного места, кормит завтраками*. Добавляют экспрессивности элементы невербального общения (отмечаются в 45% из всех отзывов) – эмодзи и эмотиконы – графические средства интернет языка, усиливающие или дополняющие негативные эмоции. Слова и выражения, написанные заглавными буквами, знаки препинания (например восклицательный и вопросительный знаки, многоточие, кавычки и др.) также являются эмотивными маркерами. В некоторых случаях контекстный анализ позволяет выявить негативный потенциал слов, не имеющих такового вне данного сообщения. Например, слово *мадам* во фразе *Мадам начинает листать мой паспорт, со скоростью черепахи...* обладает отрицательно заряженным эмотивным полем. Негативный интернет-отзыв рассматривается как один из способов взаимодействия пациента с врачом или медицинской организацией и является индикатором качества оказания медицинских услуг.

Секция
«Психолингвистический анализ медиаконтента
в мультимодальном аспекте»

К ВОПРОСУ О ПОЛИКОДОВОСТИ ТЕКСТА ИМИДЖЕВОЙ
РЕКЛАМЫ

А.В. Анненкова (Курск)
Юго-Западный государственный университет
Antonina-1984@yandex.ru

Современный мир переживает постоянную трансформацию и модернизацию, стремясь органично подстраиваться под изменяющиеся реалии информационного общества. Результатом таких метаморфоз стали переосмысление структуры и функций информационного пространства и, в итоге, переход мирового сообщества на новый уровень взаимоотношений, когда важна уже не столько сама информация, сколько специфика её подачи.

Анализ примеров функционирующей в обществе рекламы позволил нам прийти к заключению о существовании двух совершенно разных видов – информационной рекламы и имиджевой рекламы. Важно понимать, что цели и способы создания таких рекламных сообщений кардинально различаются [Анненкова, 2019]. Имиджевая реклама считается принципиально новым феноменом, и с позиции теории языка может рассматриваться как текст, составленный из взаимосвязанных и взаимовлияющих компонентов разных знаковых систем, представляющий собой особую форму коммуникативной ситуации, в рамках которой осуществляется трансляция закодированной информации с целью трансформации образа мыслей адресата, его отношения к рекламе и, в итоге, модели его потребительского поведения.

Информация в рекламном сообщении, представленная в разном исполнении (вербальный текст, изображение, графическое сопровождение, аудиодорожка, видеоряд), будет восприниматься и толковаться реципиентом по-разному, следовательно, можно сказать, что текст имиджевой рекламы характеризуется наличием смысловой значимости, иными словами, в нём содержится

информация, которую, по желанию и задумке адресанта, необходимо передать адресату таргетированной группы [Зубкова, Анненкова, 2017].

Исследование феномена текста имиджевой рекламы с учётом его поликодовости необходимо начинать с разложения сообщения на его основные компоненты – невербальную и вербальную части. Фундамент композиционно-структурного оформления рекламного текста образует невербальная (иконическая) компонента. Так, наглядность и красочность предмета рекламы (носитель имиджа) непосредственно определяют её образность, благодаря чему у адресата формируется осознание текущей действительности с позиций эстетического эталона. Второй по важности компонентой структурной композиции рекламного текста является вербальная часть, которая дополняет невербальную часть и наряду с ней участвует в формировании внутреннего образа объекта имиджа в индивидуальном лексиконе реципиента. Мы считаем, что метафорический образ создаётся посредством корреляции вербальной и невербальной компонентов поликодового текста рекламы, а применяемые языковые средства выступают триггером процесса вербализации наглядной составляющей. Для усиления восприятия рекламного образа в имиджевую рекламу добавляют музыкальное сопровождение, поддерживающее языковую составляющую: фоновая музыка придаёт убедительность и выразительность изображению, создаёт необходимую звуковую обстановку, добавляет значимые динамические контрасты и ощущение движения.

Таким образом, одной из составляющих процесса формирования внутреннего образа объекта имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе адресата является взаимосвязь всех образующих поликодовый рекламный текст элементов, на основе которых индивид определяет сходство, подобие или аналогию предъявляемого сообщения и имеющихся у него представлений. Следовательно, можно сделать вывод, что образ выстраивается не по языковой составляющей сообщения, а по образам, создаваемым в результате корреляции элементов системы «вербальная-невербальная», которые актуальны «лично для индивида» в ситуации «здесь-и-сейчас».

ДИСКУРС ПАНДЕМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОН-ЛАЙН СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)

Н.А. Ахренова (Коломна)

*Государственный социально-гуманитарный университет
nakhrenova@mail.ru*

В условиях глобализированного открытого информационного общества и прозрачных границ мгновенно распространяется не только передовой опыт, знания, но и смертельно опасные вирусы, фейковая информация, происходит манипуляция сознанием не только отдельных людей, но и целых государств. Все эти изменения не могут не находить отражение в языке, т.к. сегодня главным орудием на всех уровнях является слово. Сегодня человечество столкнулось с глобальной угрозой быть инфицированным страшным вирусом-мутантом, который меняет не только экономики, наши условия жизни и мир вокруг нас, но и нашу речь, наш язык.

Мы убеждены, что говорить об изменениях, произошедших в языке и обществе под влиянием постоянно меняющейся ситуации с пандемией коронавируса, как о многогранном феномене, необходимо в рамках дискурса, не сужая рассмотрение влияния пандемии коронавируса на язык только до уровня лексики. Это связано с тем, что дискурс представляется понятием более широким, связанным не только с лингвистическими характеристиками текстов, но, скорее, с целым спектром экстралингвистических параметров, которые участвуют в создании особого дискурса, который зародился в планетарном масштабе, по причине пандемии коронавируса. Проводя описание дискурса пандемии коронавируса, необходимо учитывать все составляющие его влияния на язык и общество: цветовое оформление текста, элементы его креолизации; изменения, происходящие под влиянием пандемии коронавируса, в различных культурах; ключевые символы пандемии и их лингвистические характеристики в рекламе, дизайне потребительских товаров. Также должны быть описаны герои и антигерои периода борьбы с пандемией. Заслуживают безусловного внимания лингвистические и стилистические средства, которые определяют этот уникальный мир.

При описании дискурса пандемии ключевыми лингвистическими характеристиками мы считаем переход медицинской терминологии в язык обывателей, ее выход за пределы терминологических словарей и переход в словари общеупотребительной лексики; использование в текстах он-лайн СМИ и постах в социальных сетях лексем, принадлежащих таким лексико-семантическим полям, как *война, дистанционное взаимодействие, изоляция* и т.д.; изменение значений слов (мелиорация и пейорация, расширение и сужение значений); большое количество афоризмов, основанных на языковой игре; уже сложилась собственная метафорика пандемии и т.д.

Наши предположения основываются на определении дискурса, данного в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «... связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте..., речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [ЛЭС, 2002]. Во вступительной статье к русскоязычному изданию работы Т. ван Дейка Ю.Н. Караулов и В.В. Петров аккумулировали его воззрения: «Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста [Караулов, Петров, 1989, с. 8].

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПРАВОТА КАК СПОСОБ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

***А.Д. Гавриш (Волгоград)
Московский городской педагогический университет
prostozachem@mail.ru***

В современной массовой коммуникации политическая тематика занимает одно из ведущих мест. Политический дискурс становится всё более ориентированным на массовое воздействие

при использовании неочевидных манипулятивных или близких к манипулятивным технологий. М.Р. Желтухина отмечает, что медиадискурс в XXI веке раскрывает широкий диапазон целей и задач убеждающего и внушающего воздействия. Политические деятели для воздействия на аудиторию нередко прибегают к методам апелляции к разуму и благородству, к разжиганию страстей, а также механизмам логического убеждения [Желтухина, 2020, с. 66].

Одним из способов политического воздействия мы считаем формирование у аудитории чувства эмоциональной правоты, которое зачастую является необходимой базой для большинства когнитивно-обоснованных внушающих воздействий. На наш взгляд, чувство эмоциональной правоты – чувство индивидуально переживаемой правоты, возникающее в результате практически исключительно эмоциональных воздействий. Оно повышает невосприимчивость аудитории к альтернативной информации, так как индивидуальный эмоциональный выбор был уже сделан.

В современном политическом дискурсе эмоциям, провоцирующим появление «эмоциональной правоты» уделяется особенное внимание со стороны политиков. Достаточно типичным примером цепочки рассуждений в речах В.В. Жириновского является цепочка «кто-то не прав, а мы правы». Сложные суждения благодаря традиционной научной методологии представляются в виде цепи связанных простых суждений, хотя в рамках некоторых видов дискурса это не так. Когнитивно-эмоциональный строй этих явлений достаточно сложен и не подлежит разложению на простейшие составляющие. Поэтому, В. Жириновский зачастую в речах использует сложные суждения-шутки, анекдоты, поговорки, которые в силу своей нечленимости оставляют значимый эмоциональный след. К примеру, на заседании президентского совета по культуре он в шутиливой форме предложил театрам «осовременить» для молодёжи пьесу А.С. Грибоедова «Горе от ума» [Жириновский, [http](http://)].

Сложное суждение такого типа не членится, связь его частей друг с другом не доказывается, однако, эмоциональное реагирование на такое суждение может ничем не отличаться от последовательно когнитивно обоснованного суждения. Эмоциональная правота требует минимального когнитивного оформления, которое, однако, ни в коем случае не должно оказаться недостаточным. Считаем,

что минимальное количество информации лежит в пределах 280 символов, так как это число – максимальный объём публикуемого сообщения в самой «краткой», но при этом популярной среди политиков социальной сети «Твиттер».

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ РИТУАЛЬНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СВАДЕБНОГО ДИСКУРСА)

*Е.В. Доброниченко (Санкт-Петербург)
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина
evd-dobro@yandex.ru*

*И.П. Спорова (Волгоград)
Волгоградский государственный социально-педагогический
университет
i.sporova@yandex.ru*

Публичная свадебная медиакommunikация реализует вербальное, невербальное и перформансное воздействие на адресата, основным средством которого является способ расположения сообщения в пространстве [Почепцов, 2001; Желтухина, Доброниченко, 2012; Доброниченко и др., 2012 и др.]. Ритуализованность и динамичность развития свадебного события раскрывают его процессуальность. Интенцией ритуализации свадебной медиакommunikации выступает развлечение адресанта при достижении желаемого результата и развлечение адресата, участвующего в театрализованном свадебном ритуале в т.ч. и в массмедиа [Желтухина, Доброниченко, 2012]. Ментальные операции анализа и синтеза позволяют вычленять в свадебном медиасобытии яркие образы, привлекательные фрагменты, вызывающие положительные эмоции у адресата, способствующие в дальнейшем успешному их распознаванию адресатом в моделируемом медианарративе. Ритуальное общение характеризуется *символической нагруженностью, содержательной рекурсивностью и жесткой формальной фиксацией* [Карасик, 2002, с. 297]. В данной работе рассмотрим, как реализуются выделенные признаки в свадебной ритуальной коммуникации в СМИ.

Символическая нагруженность свадебной ритуальной медиакommunikации осуществляется в медиасoобщении о невербальных (визуальных, графических) средствах, которые благодаря символизму предлагают вариативность лиц и предметов, относящихся к свадебному ритуалу (одежда, обувь, украшения, аксессуары, татуировки и др.). В качестве яркой иллюстрации графических средств свадебного ритуала в современном медиадискурсе можно привести **свадебные кольца**, круглая форма которых олицетворяет вечность, вечную любовь, традиция обмениваться которыми идет из Древнего Египта. В диахронии брак был не столько союзом двух любящих сердец, сколько союзом по расчету, так как он основывался на выгоде как отражении материального и статусного аспектов. Предшествовавшие бракосочетанию помолвка и обручение как одарение невесты кольцом представляли собой залог сделки, демонстрацию твердого намерения жениха заключить брак.

Жесткая формальная фиксация и содержательная рекурсивность (повторяемость) свадебных событий в массмедиа приводит к их ритуализации, к формированию свадебного ритуала в разных его формах. Чтобы стать ритуалом, свадебное событие проходит несколько этапов развития, в т.ч. и в массмедиа, и характеризуется параметрами, играющими роль эмотивных аттракторов для адресата для провоцируемости повторяемости события [Метелица, 2002, с. 53]. Жизненно важное событие позволяет возвращать его после его завершения, повторять, делать цикличным.

УСЛОВИЯ КОРРЕКТНОГО ВОСПРИЯТИЯ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ТИТРОВ

И.М. Доронина (Москва)
Московский городской педагогический университет
doronina.im@gmail.com

Для устной речи интонация является естественным выражением мысли. На бытовом уровне использование человеком фонетических

средств в большинстве случаев правильно маркирует смысловый вес того или иного элемента фразы [Макарова, 2019, с. 172]. В письменной речи интонация зависит от индивидуального восприятия читающего [Рыжова, 1981], от смысловых связей между отдельными предложениями, а также между синтагмами, образующими одну фразу, что способствует точному и полному осмыслению целого сообщения, высказывания [Артемов, 1956, с. 79]. Это правило особенно актуально при чтении титров – текстовых вербальных элементов на экране (телевизора, монитора), содержащих в себе информацию, идущую от создателя видеоконтента (автора) к потребителю (зрителю) или от потребителя к создателю видеоконтента и/или другим потребителям [Доронина, 2018, с. 448], и субтитров – непрерывной текстовой трансляции слов, произнесенных в эфире. Для текстовых элементов, которые фиксируются на экране непродолжительное время и сменяются без возможности возврата к предыдущей части, правильное членение на синтагмы играет ключевую роль для понимания контента адресатом. В 2019 – 2020 гг. в процессе редактирования рекламно-просветительских роликов благотворительного фонда «Память поколений» было зафиксировано многократное нарушение целостности синтагмы в титрах с последующим эффектом отложенного осознания смысла при уже прошедшем видеоряде. Например, в видеоролике про благотворительное протезирование со звуковым рядом, выраженным музыкальным фоном, были предложены следующие титры (с сохранением орфографии и пунктуации):

Говорят, что мои возможности ограничены. (2,5 плана)

Поскольку я перенёс ампутацию правой ноги (1,5 плана)

Но это не так. (1,5 плана)

Завершив прочтение этого текста на экране и исправив на последнем «Но это не так» интонацию (по прошествии 5,5 планов видео), адресат понимает, что перед ним должны были быть синтагмы двух предложений: *«Говорят + что мои возможности ограничены + поскольку я перенёс ампутацию правой ноги. + Но это не так.»*. Однако, фактически, мы получили первую фразу завершённую: титр закончился точкой; во втором – мысль не завершена, а перед третьим – не оказалось смыслового знака (запятой). То есть, та часть

визуальной информации, которая сопровождалась вышеуказанными титрами, адресатом воспринята не была: он занимался членением текста на синтагмы, о которой должен был позаботиться редактор в процессе монтажа. Кроме того, адресант не предусмотрел синхронизацию видеопланов и смысловой интонации в титрах (в том числе из-за нарушения им языковой нормы), что также не позволило титру справиться со своей транслирующей функцией. Из приведенного примера видно, что целостность синтагмы нарушается из-за неправильной постановки знаков препинания и несоответствия длины плана и ошибочной синхронизации. В результате анализа видеоматериалов с текстовыми элементами установлено, что синтагма и интонация – это те опорные точки, на которые должен опираться редактор при расстановке сформированного текста для титров в процессе монтажа. Отсутствие понимания редактором сути данного процесса приводит к тому, что в программах часто появляются текстовые элементы, вызывающие зрительскую реакцию некорректной трактовки текста по ходу его появления на экране, а также его вольное интерпретирование после завершения просмотра, что способствует дезориентированию адресата в медиaprостранстве.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ В ЭКРАННЫХ ТЕКСТАХ СЕТИ ИНТЕРНЕТ (НА ПРИМЕРЕ STORIES INSTAGRAM)

***Ю.А. Евграфова (Москва)
Московский государственный областной университет
212.155.04@mail.ru***

На сегодняшний день объективно истинная реальность находит своё отражение в разнообразных экранных текстах: кино, телевидении и, в том числе, в сети Интернет.

Рассмотрение в качестве примера экранной «речи» Stories Instagram таких популярных пользователей, как Самойлова Оксана, – жена рэпера Джигана (@samoylovaokhana, 9,7 млн подписчиков) [Samoylovaokhana, 23.01.2020, [http](http://)], Шакира – певица (@shakira,

60,9 млн подписчиков) [Shakira, 22.01.2020, [http](#)], Грейс Беве́рли – фитнес-инфлюенсер (@gracebaverly, 1 млн подписчиков) [Gracebaverly, 23.01.2020, [http](#)], Кайли Дженнер – американская модель, предприниматель, одна из сестёр Кардашьян (@kyliejenner, 159 млн подписчиков) [Kyliejenner, 24.01.2020, [http](#)] показало следующее.

В рамках жанра Stories он-лайн платформы Instagram реальность запечатлевается здесь и сейчас, как, например, в ситуациях «обед с семьей» (@samoylovaohana), «дружеская беседа» (@shakira, @kyliejenner), «прогулка с собакой» (@gracebaverly), особенность структурирования которых заключается в том, что предметный мир запечатлевается с определенной физической точки, совокупность которых моделирует действительность в ее реальной протяженности. Значение конструируется пространственными базисными элементами «языка» экранности, воплощаемыми в изобразительных единицах экранной «речи» текста – локации проводимых съемок, графической формы слов, и временных – совершаемых участниками съёмки – действий, а также произносимыми словами, ключевыми для понимания происходящего. Зрительные единицы не привносят дополнительных значений в аудио-визуальное сообщение и являются развлекательным элементом – основной смыслообразующей единицей является вербальный компонент текста, который может быть представлен не только в устной, но и в письменной форме в виде подписи, дублирующей то, что произносит действующее лицо, что несёт утилитарную функцию, поскольку Stories не всегда просматривают со звуком, а текст-подпись на изображении помогает понять, что происходит.

Отличие экранного текста жанра прямой трансляции, предназначенного для воспроизведения в сети Интернет, от экранного текста прямого телевизионного эфира, заключается в возможностях передачи смысла через дополнительную визуализацию: анимированные маски (на изображение «надевается» маска – уши разных зверят, очки/корона, которые «двигаются» вместе с объектом и т.п.) или визуальные эффекты, фильтры, текст-подпись, которые накладываются на видео в режиме реального времени, что «оживляет» картинку и приносит разнообразие в демонстрируемое на экране, либо дублируя значение, передаваемое вербально, либо привнося в него дополнительные смыслы. Использование

данных возможностей интерфейса он-лайн платформы Instagram и других, подобных ей (SnapChat, Periscope, Facebook YouTube) при моделировании реальности в жанре прямой трансляции отличает экранные тексты сети Интернет от подобных телетекстов, поскольку расширение вербально транслируемого смысла через дополненную визуализацию возможно только в сети Интернет в силу технического оснащения и рамок, заданных экраном для актуализации.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕДИАКОНТЕНТА INSTAGRAM

*К.В. Киуру (Челябинск)
Челябинский государственный университет
kkiuru@mail.ru*

Сегодня особую актуальность приобретает вопрос осмысления развития жанров текстов массовой коммуникации в процессе дигитализации (перевода информации в цифровую форму) и интернетизации информационного пространства. Мы рассмотрим Insta как новый жанр медиатекста в интернет-коммуникации [Киуру, 2015, с. 796] и его дискурсивные характеристики.

Первой характеристикой является гипертекстуальность. Гипертекст представляет собой связь между отдельными текстами, которая осуществляется в единой среде.

Второй дискурсивной характеристикой Insta является интертекстуальность — общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут разными способами явно или неявно ссылаться друг на друга.

Третья дискурсивная характеристика Insta — креолизованность: соединение двух негомогенных частей (вербальной и невербальной).

Как пишет В.В. Красных, «текст рассматривается именно как «креолизированный» продукт, выраженный как вербальными, так и невербальными — паралингвистическими, визуальными и т.д. — средствами» [Красных, 1998, с. 111].

Для анализа медиаконтента Instagram мы будем использовать методику, предложенную В.В. Красных [Красных, 1998, с. 112–114]. Рассмотрим следующие параметры Insta:

1) конситуация (экстралингвистическая реальность, в которой имеет место коммуникативный акт): в Insta конситуация остается практически неизменной в процессе коммуникативного акта;

2) время: в Insta это паузы между публикацией поста и комментариями (лайками, репостами) коммуникантов;

3) последовательность реплик коммуникантов: в Insta — последовательность поста и комментариев к нему (лайков, репостов);

4) конкретный субъект — коммуникант, автор, порождающий конкретный речемыслительный продукт: коммуникант Insta очень часто является автором селфи (разновидность жанра Insta). Субъектом, запечатлевшим себя на селфи, выступает индивид как публичная персона, так и как обычный человек. Опираясь на типологию субъектов современных публичных коммуникаций [Кривоносов, 2014, с. 110], мы можем говорить о селфи как о базисном и смежном (в терминологии А.Д. Кривоносова) имиджевом тексте [Кривоносов, 2002];

5) стимул к речевому действию и интенция порождения речи: в Insta — иллюстративно-информативная и экспрессивная (аттрактивная и эмоционально-оценочная) функции его невербальных компонентов;

6) вербальная форма продукта речемыслительной деятельности: в Insta вербальная часть (хэштег) выполняет следующие функции: включение в общий контекст (тренды), актуализация и выражение экспрессии, самопрезентация и продвижение;

7) реакция на конкретное речевое действие: в Insta — комментарии, лайки, репосты;

8) структура текста: в Insta в макротексте разворачивается макроконцепт одного коммуниканта, при этом второй коммуникант активно принимает участие в коммуникации и способствует порождению единого макротекста;

9) конкретное речевое действие (иллокутивное значение): в Insta — иллюстративно-информативная и экспрессивная (аттрактивная и эмоционально-оценочная) функции его вербальных и невербальных компонентов;

10) связи между речевыми действиями: в Insta — связи между (а) речевыми действиями одного коммуниканта и (б) речевыми действиями разных коммуникантов.

ОНЛАЙН-ОБРАЗ РОССИИ В ИСПАНСКИХ СМИ: ВЕРБАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Д.В. Парамонова (Москва)

Московский международный университет

paramonovvalera@yandex.ru

М.В. Бусыгина (Волгоград)

Волгоградский государственный социально-педагогический

университет

busygina_maryana@mail.ru

Актуальность изучения медиатрансляции образа России в испанском медиадискурсе определяется огромным влиянием испанских СМИ на массовое сознание, постоянным возрастанием популярности и глобализации массмедиа, а также неизученностью средств создания и передачи образа России в испанском онлайн-пространстве [Zheltukhina et al., 2016; Желтухина, Зеленская, 2018; Repina et al., 2018; Boeva-Omelechko et al., 2019, etc.]. Образ России в современном медиадискурсе Испании – это часть национальной и языковой картины мира не только испанской медиакультуры, но и российской медиакультуры. Целью данной работы является выявление вербальных характеристик медиатрансляции онлайн-образа России в современных испанских СМИ. Проведенный лексико-семантический, лексико-грамматический, стилистический анализ испанских онлайн-статей, содержащих медиатранслируемый образ России за 2017–2019 гг., позволил выявить основные вербальные (лексические, грамматические и стилистические) характеристики медиатрансляции образа России в испанских массмедиа.

1. *Лексические средства* как маркеры авторского отношения к событиям, происходящим в России: превалирование иностранных слов, терминов, ярлыков (*sospechoso* ‘подозреваемый’, *oligarca* ‘олигарх’), неологизмов (*proruso* ‘пророссийский’), жаргонной и просторечной лексики (*estar enganchado* (исп.) ‘подсесть, сидеть на игле’, *ajuste de cuentas* ‘разборка’), качественно-оценочных прилагательных и существительных (*aguado* ‘острый’, *obsoleto* ‘устаревший’, *beneficioso* ‘благоприятный’, *garrafal* ‘чудовищный’, *inestimable* ‘бесценный’, *desacuerdo* ‘несогласие, несовпадение’).

2. *Грамматические (морфологические) средства* как маркеры

установления линии автор-читатель с целью формирования авторской точки зрения и недвусмысленного ее донесения до адресата. Медиаадресант часто использует местоимение *nosotros* ‘мы’ для установления связи с читателем как с единомышленником, что усиливает воздействие на адресата, создает доверительные отношения для коммуникации. 3. *Стилистические средства* как маркеры высокой степени диалогичности медиадискурса в результате взаимодействия информативности и экспрессивности: доминирование метафор (...*ha dejado la puerta abierta a unos negociaciones* ‘...оставил открытую дверь для переговоров’), фразеологизмов (...*no se quedarán con los brazos cruzados* ‘... не будут сидеть сложа руки’; ...*el hombre del bigote* ‘влиятельный человек’), эпитетов (*una experiencia inestimable* ‘бесценный опыт’, *las extrañas relaciones* ‘странные отношения’), эмфатических конструкций (*Que a Rusia no le interesa lo que sucede en Venezuela* ‘Что России не интересно то, что происходит в Венесуэле...’) и др. Итак, в результате проведенного исследования выявлены основные вербальные характеристики медиатрансляции онлайн-образа России в испанских массмедиа: лексические, грамматические и стилистические, которые способствуют формированию определенных представлений о России у представителей испанской лингвокультуры.

АССОЦИАТИВНАЯ СЕТЬ СТИМУЛОВ «ГОСУДАРСТВО» И «ВЛАСТЬ» В ЦИФРОВОМ КОНТЕНТЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID 19¹

**М.А. Пильгун (Москва)
Институт языкознания РАН,
mpilgun@iling-ran.ru**

Последствия пандемии коронавируса вызвали значительные изменения восприятия, потребовали проведения новых исследований, как люди в экстраординарной ситуации воспринимают и оценивают

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)» (19-012-00295 А).

свои реакции, реагируют на окружающую среду, взаимодействуют друг с другом (WHO, 2020; Horesh et al., 2020 и др.).

Анализ ассоциативных сетей стимулов «государство» и «власть», построенных на вербальных цифровых данных акторов с геолокацией в московском регионе в период пандемии Covid 19, проводился в контексте исследования трансформации восприятия речи. Данные позволили сделать некоторые выводы о восприятии жителями г. Москвы и Подмосковья действий властей при проведении антиковидных мероприятий (март – июнь 2020 г.).

Акторы с геолокацией в Подмосковье при обсуждении действий власти для предотвращения распространения коронавирусной инфекции предпочитали использовать ресурсы ВКонтакте, Твиттер, Инстаграм, а московские – Твиттер, Однокласники, Вконтакте (Рис. 1, 2).

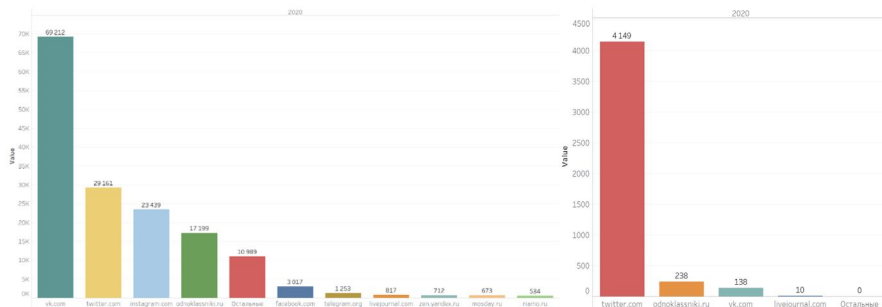

Рис. 1. Топ-10 цифровых платформ с сообщениями, генерированными подмосковными акторами

Рис. 2. Топ-10 цифровых платформ с сообщениями, генерированными московских акторов

Анализ данных показал, что восприятие действий властей московских и подмосковных пользователей значительно различается (Рис. 3-6).

Рис. 3. Ассоциативная сеть стимула государство (10/24 393, подмосковные акторы)

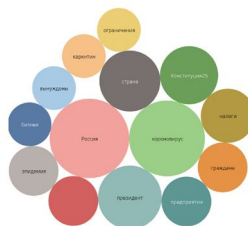

Рис. 4. Ассоциативная сеть стимула государство (10/2 510, московские акторы)

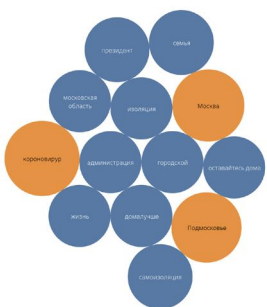

Рис. 5. Ассоциативная сеть стимула *власть*
(10/10 946, подмосковные акторы)

Рис. 6. Ассоциативная сеть стимула *власть*
(10/24393, московские акторы)

Реакции московских акторов характеризуются негативным восприятием, скептицизмом, подмосковные акторы более лояльны, проявляли в большей степени поддержку и одобрение при оценке действий государственных структур в период первой волны пандемии.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТОПИКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Е.А. Самсонова (Москва)
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
elena.girl@inbox.ru

Национальная топика представляет большой интерес при изучении трансформации картины мира, которая отражается в языковом сознании как отдельного человека, так и общества в целом. Под понятием «топос культуры» мы понимаем «отражение оценочно-сопоставительного познания, этико-нравственной парадигмы народа, которая ложится в основу коммуникативных принципов этого народа» [Анненкова, 2011, с. 88]. По мнению А.М. Панченко, для национальной топики характерен процесс развития, поскольку сама культура не может пребывать в застывшем состоянии [Панченко, 2000, с. 262–263].

Именно изменения в топосфере «наиболее гибко отражают сдвиги в общественном сознании» [Хазагеров, 2009]. В современном медиадискурсе, представленном в средствах массовой информации, происходит трансформация таких традиционных топосов русской культуры, как топос жизни и смерти, слова и дела, героизма и одоления, подвига и жертвы, самооценки и других. На примере медиадискурса (и, как следствие, медиакартины мира, которую СМИ формируют в сознании массовой аудитории) можно заметить, что изменения в интерпретации топосов свидетельствуют о культурной и духовной деградации общества [Анненкова, 2011].

Социально-сетевую картину мира мы рассматриваем как принципиально новый тип медиакартины мира, представленный в новых медиа, в частности, в социальных сетях. Он значительно отличается от традиционной медиакартины мира, формируемой средствами массовой информации, в связи с чем целью данного исследования стало изучение особенностей интерпретации национальной топики пользователями социальных сетей.

Исследование проводилось на материале молодежной социальной сети Ask.fm, поскольку именно молодежь представляет для нас наибольший интерес. Базовым методом исследования стал лексико-семантический анализ, позволивший выделить основные тенденции в интерпретации топики молодыми людьми. Кроме того, был проведен сопоставительный анализ интерпретаций наиболее частотных топосов, представленных в данной соцсети, таких как топос жизни и смерти, слова и дела, топос самооценки.

Проведенное исследование показало, что интерпретация названных нами топосов русской культуры молодыми людьми во многом схожа с интерпретациями, которые навязывают средства массовой информации. Это свидетельствует о подверженности данной социальной группы влиянию СМИ.

В интерпретации топоса слова и дела прослеживается прагматическая составляющая, чаще всего (но не только) обусловленная спецификой коммуникации и связанная со стремлением пользователей стать более популярными, получить vip-статус и т. д. (проявляется в просьбах подписаться на аккаунт, «пролайкать» вопросы: *Кстати, подпишитесь на даму @Polina_Maximova12 и обязательно поставьте ей лайков*).

В качестве иллюстрации трансформации топоса жизни и смерти можно привести следующую вопросно-ответную пару: – *Что мешает тебе спать спокойно? – Мысли о бренности человеческой жизни. Всякая х**ня в голову лезет когда настроился выспаться* (смерть оценивается негативно). Здесь наблюдается некоторая связь с топосом самооценки (телесное (земное) преобладает над духовным (вечным)). Однако можно встретить интерпретации-исключения, в которых превалирует внутренняя (духовная) составляющая: *<...> я склонна себя критиковать, и всегда найду за что. Для меня это подстёгивание и стимул для движения дальше вперёд <...>.* Более того, интерпретации всех трех топосов часто оказываются взаимосвязанными.

ЭРИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАНТА КАК ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕМОТИВАТОРА

*И.Г. Тамразова (Москва)
Московский политехнический университет
ilona999@mail.ru*

Под *эристичностью* дискурса нами понимается расширенный смысловой диапазон *эристики* – не только как риторической стратегии, направленной на достижение победы в споре (Аристотель и др.), но и пропозиционально-коммуникативной ситуации, когда речь идет не о прямой агрессивной агональности дискурса, спора, полемики, а о «вызове», провокации, иронии и насмешке. Эристичность дискурса несомненно связана с агрессивностью агональности. Однако эристика стремится к агрессии как к своему пределу. Это есть трансгрессивный алгоритм, имеющий свои правила (ср. «дуэльный кодекс»). Агональность в её прямом значении (греч. *ἀγων* ‘соревнование, состязание’). В этом смысле может быть выделен антиномический, диалектический вид коммуникации – **релевантно-эристический**. Высмеять противника всегда есть наиболее эффективное средство его дискредитации. Поэтому в жанре политического демотиватора, формирующегося из меморизированных высказываний политиков,

смех выполняет две амбивалентные функции в отношениях политического класса и гражданского общества: 1) усиления конфликтности (*конфликтогенность*, *эристичность*) и 2) снижения градуса агрессивной агональности (*конфликтотидность*). Речь идет о коммуникативной – номинативной и дискурсивной – интерпретационной идиосинкразии (предубеждении) внутри политического класса и в отношении к нему гражданского общества. Предметным, номинативным воплощением идиосинкразии являются инвективные и карикатурные апеллятивы (прозвища) политиков, персональные «крылатые» паремии – *малапропризмы* (от фр. *mal à propos*) – высказывания политиков (французские лингвисты окрестили их ‘фразочками’ – *petites phrases*), неудачные, как с точки зрения логики и нормы языка, так и оценки обществом их речевой адекватности (релевантности) [Тамразова, 2020]. Прозвища политиков и так называемые «перлы» политических акторов актуальны в России, Франции, Америке и т.д., как внутри политического класса, так и в особенности в коммуникативном (медийном) пространстве гражданского общества. Наряду с «бушизмами» и «черномырдинками» в политической и массмедийной коммуникации периодически возникают обсуждения новых высказываний, которые к юмору часто отношения не имеют. Их гелотогенность и жанровый статус «мема» определяется их нерелевантностью и трансгрессией с точки зрения реципиента (аудитории) [Девкин, 2008]. Эристическая интерпретанта таких знаков становится жанрообразующей основой их фольклорной афористичности. Так, знаменитое «мочить в сортире» – эмоциональное высказывание в серьезном и трагическом контексте борьбы с терроризмом, только став мемом, сегодня кажется забавным благодаря своей эристичной внутренней форме (интерпретанте). Эта маркированная форма выражения эристической интенциональности приобрела *релевантность* как имиджевая черта политического лидера. Поэтому, говоря о гелотогенности рассматриваемого материала, следует помнить, что афористическая меморизация имеет свое жанровое измерение: её функционал – прежде всего личностная оценочная «дейктизация», прагматическая указательная функция, маркирующая *делокутивный имидж* политического персонажа.

Секция
«Речевое общение: проблемы анализа»

**ИЛЛОКУТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА:
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

В.А. Афиногенова (Москва)
ФГБУН Институт психологии РАН
viktoriyamail87@mail.ru

Фундаментальная проблема речевого взаимодействия неизменно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей (Б. Ф. Ломов, А. В. Брушлинский, М. М. Бахтин, Н. Sacks, G. Psathas, R. Wooffitt и мн. др.). В последние годы большой интерес к теме обнаруживают когнитивная лингвистика и психолингвистика (А. А. Кибрик, А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин и др.). В центре внимания – вопрос о психологических механизмах, которые объединяют реплики партнеров в единое целое и обеспечивают последовательное развертывание диалога. В изучении таких механизмов перспективным представляется подход интен-анализа [Павлова, Гребенщикова, 2017]. В проведенном нами диссертационном исследовании [Афиногенова, 2015] показано, что согласование реплик имеет интенциональные основания и отличается гибкостью. Полученные результаты побуждают к изучению иллокутивного механизма развития диалога, что и является целью настоящего исследования.

Материалом исследования послужили диалоги в ситуации повседневного детского общения. Было транскрибировано 10 разговоров (371 реплика), количество собеседников – 2-9. В разговорах приняли участие 15 детей в возрасте 4-5 лет, хорошо знакомые друг с другом.

Обнаружено, что в диалогах детей иллокутивно вынужденные реплики (n=289) преобладают над иллокутивно независимыми (n=82). Реализуется иллокутивный механизм развития диалога, который определяет необходимость высказывания определенного типа в ответ на реплику собеседника. Большинство иллокутивно

вынужденных откликов безотлагательны (84%). Случаи отсроченного отклика немногочисленны (2,8%). Случаи множественного отклика более частотны (9,2%). В отдельных случаях обнаруживается невербальный отклик на выраженную интенцию, что проявляется в предметных действиях партнера (4%).

Иллокутивно независимые реплики нарушают иллокутивный механизм развития диалога. Оказывается, что ситуация отсутствия отклика неоднородна [Афиногенова, 2015]. Роль конвенциональных факторов невелика (6%). Преобладающими являются факторы коммуникативного плана (94%). В повседневном детском дискурсе доминируют ситуации коммуникативного саботажа. В одних случаях это сопряжено с началом новой линии разговора (36,6%), в других – с возвратом к прежней линии (33%), в третьих – с включением в разговор нового партнера (23,1%). Случаи неверного понимания интенций немногочисленны (1,3%).

Иллокутивный механизм развития диалога обеспечивает последовательное согласование реплик. Его нарушение при появлении иллокутивно независимых реплик приводит к изменению структуры речевого взаимодействия. Она становится прерывистой, сохраняя при этом линейный характер. В ней обнаруживаются перебивания и постоянные смены текущей линии взаимодействия.

Перспективы исследования связаны с обогащением эмпирического материала, что предоставит возможность обнаружить специфику функционирования иллокутивного механизма развития диалога в разных видах дискурса.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Бай Сюйхаожань (Дацин)

*Южно-Уральский государственный университет
baisujxaozhan@yandex.ru*

Конечной целью изучения любого иностранного языка является коммуникация с носителями данного языка. Долгое время считалось, что для этого необходимо выучить язык, то есть лексику, грамматику, фонетику, стилистику и т.д. Однако для эффективного

взаимодействия только знания языка недостаточно, необходимо знать культурную составляющую: традиции, религию, историю, географию, обычаи и привычки, поскольку все это так или иначе отражается в образе мира народа. Эта этнокультурная специфика закрепляется в этикете и устойчивых выражениях, идиомах. Незнание культурных составляющих может стать серьезным барьером на пути к пониманию носителей разных культур и даже привести к конфликту из-за разницы в трактовке. В.Л. Бернштейн считает языковой барьер «трудными ситуациями общения, возникающими как следствие незнания основных правил и норм межличностного общения; незнания особенностей культуры страны изучаемого языка; неумения неподготовленного речепорождения на иностранном языке; неподготовленности к самому факту существования трудностей межкультурного общения» [Бернштейн, 2005, с. 49].

Китайская культура считается одной из самых древних культур в мире и относится к высококонтекстуальным (по классификации Р.Д. Льюиса), поскольку большое значение придается контексту при общении. Изучающие китайский язык сталкиваются с серьезными трудностями при понимании речи китайцев. Затруднение связано не столько с фонетикой или ограниченным словарным запасом, сколько с тем, что в речи китайцев очень большое количество устойчивых выражений, которые для носителей культуры являются понятными, а для иностранцев нет. Китайская идиома – это выражение, которое имеет глубокий смысл в национальной культуре, выраженный с помощью нескольких кратких иероглифов. Самая типичная ошибка – попытка понять китайскую идиому с опорой на свою культуру. Приведем классический пример: «三人成虎» («Три человека становятся тигром»). Значение отдельных слов и дословный перевод никак не соотносятся со смыслом этого выражения: «Сплетня, повторенная многократно, может заставить людей поверить, что это правда». Источником данной идиомы является легенда, которая гласит, что в эпоху Борющихся царств Пан Цун, министр царства Вэй, сказал правителю: «Кто-то сказал, что сейчас на улице разгуливают тигры. Вы этому верите?». Правитель ответил: «Не верю». Пан Цун снова спросил: «Теперь уже двое говорят, что на улице тигры. Вы верите?». Правитель царства Вэй высказал

некоторое сомнение. Пан Цун вновь заметил: «Уже трое говорят, что на улице тигры. Вы верите?». Правитель сказал: «Я верю». Пан Цун сказал: «На улице нет тигров. Это очевидно, однако три человека сказали, что есть, и вы поверили. Нужно быть бдительным, ибо сплетня может превратиться в правду!» [И Биньюн, 2007, с. 111].

Таким образом, мы видим, что для понимания речи носителей другой культуры недостаточно знать только язык, необходимо изучать традиции и культуру. Устойчивые выражения, как правило, опираются на прецедентные тексты и не могут быть поняты из значений составляющих их слов. Незнание культуры может быть серьезным барьером в межкультурной коммуникации.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДУЭЛЬ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М.В. Беляков (Москва)

***Московский государственный институт международных
отношений***

***(университет) МИД РФ
belmax007@hotmail.com***

О.И. Максименко (Москва)

***Московский государственный областной университет
maxbel7@yandex.ru***

Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса за последние два десятилетия претерпел заметные изменения. Устойчиво вошли в языковой оборот такие понятия как публичная дипломатия, параллельная дипломатия, парадипломатия, общественная дипломатия [Сологубова, 2019], твиттер-дипломатия, цифровая дипломатия, мультимодальная дипломатия, открытая дипломатия и др. Эту ситуацию объясняет изменившееся соотношение между дипломатической и внешнеполитической коммуникацией.

Цель исследования – описание и анализ функционирования лингвистических средств, в первую очередь эмотивных, при коммуникации в особой дипломатической среде – на заседаниях Совета Безопасности ООН (СБ ООН).

Задачи – определить особенности дипломатической коммуникации в условиях диалога конфронтирующих сторон на открытом заседании СБ ООН.

Языковая личность дипломата как *homo loquens* представляет особый интерес для исследования, т.к. для дипломата, в отличие от политика, именно язык является основным (мирным) оружием, причем использование всех доступных языковых средств, включая ранее недопустимые, такие как повышенная эмотивность, ирония и даже сарказм, характеризует выступления дипломатов на таких серьезных площадках, как заседания СБ ООН [Беляков, Максименко, 2019, с. 128]. Даная площадка может рассматриваться как пример открытой дипломатии, т.к. тексты выступлений находятся в открытом доступе в электронной библиотеке СБ ООН.

Результаты и выводы. В истории дипломатии и ранее существовало понятие симметричного ответа, но этот термин соотносился, в первую очередь, с ответными мерами как какое-либо событие (например, высылка дипломатов, изъятие дипсобственности и пр.). На вербальном (письменном) уровне это был прежде всего обмен нотами. Сейчас благодаря оцифровке выступлений у исследователей есть возможность изучать «дипломатическую дуэль», происходящую в режиме реального времени, где оппонентами реализуются все допустимые коммуникативные стратегии и тактики с целью убеждения своего рода «жюри», в качестве которого выступают члены СБ ООН. Объектом нашего исследования стали речи в форме вербального противостояния министра иностранных дел Украины П. Климкина и Постоянного представителя РФ в СБ ООН В.А. Небензи от 29.05.2018 г. по болезненным вопросам – положению дел на Украине и расследованию сбитого самолета рейса МН-17. Речи анализировались средствами автоматической обработки текста – Joshicoder-0.6.5.0 и SEO-анализа advego, что позволило получить предварительную лингвостатистическую характеристику речей.

Подведенный психолингвистический анализ на основе лексико-семантического и синтаксического анализа показал, что выступление П. Климкина формируется по модели построения пресуппозиции на использовании «запрограммированного мнения» (ракеты «Бук» доставили из-под Курска, чтобы сбить гражданский самолет; Россия финансирует международный терроризм; из-за России

пенсионеры Донбасса не могут получать украинские пенсии и т.п.), а также нагнетания негативной информации, истинность которой неважна (предъявление фото погибшей пятнадцатилетней девушки, объявление бессрочной голодовки задержанным, репрессии крымских татар и т.п.).

Постпред России В.А. Небензя выступал после П. Климкина и фактически должен был отвечать (едва ли не оправдываться) на предъявленные России обвинения и признать свою вину буквально за всё (за сбитый самолет, гибель украинских военнослужащих и пр.), хотя подобная коммуникативная стратегия не принята в СБ. В такой коммуникативной ситуации была выбрана наиболее удачная стратегия: с одной стороны, резкость заявлений с использованием нетипичной для дипломатического дискурса лексики (*дурные методы, ведра помоев, злобой пышут, уровень шизофрении на Украине зашкаливает* и пр.), а с другой стороны – приведение доказательств и жесткие формулировки (*С Россией на языке ультиматумов разговаривать никому не позволено*).

Исследование речей на заседаниях СБ ООН средствами как качественного, так и количественного анализа позволяет оценить мотивационно-прагматический уровень языковой личности дипломата в ситуации дипломатических и информационных войн, необходимый для задач дипломатической вербальной защиты страны; яркость личности дипломата позволяет реализовать эти интенции.

ЧТО ДАЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАТЕГОРИЯ СЕМИОТИЧЕСКОГО (ВОЗ)ДЕЙСТВИЯ?

***А.В. Вдовиченко (Москва)
Институт языкознания РАН
an1vdo@mail.ru***

Коммуникативная модель описания семиотических процессов вводит **условную номенклатуру действий**, совершаемых обладателем сознания. За исходный пункт рассуждений, приводящих к созданию эффективного перечня разновидностей действий, можно

принять положение, согласно которому неэксплицированные не проявленные вовне действия не могут быть верифицированы и обсуждаемы. О них нельзя судить как о некоем факте на основании каких-то признаков и симптомов. Как в психологии и психиатрии, о состоянии пациента можно судить только по поведению. Если поведения нет, или поведение не имеет достаточно определенные формы, то невозможно заключить что-то о когнитивном состоянии и внутренних целенаправленных изменениях, производимых сознанием, – то есть о внутренних действиях обладателя сознания. К таким действиям можно отнести размышление, воспоминание, оценку, составление планов, внутренние реакции, переживания и пр., для которых при этом не нашлось никаких внешних для обладателя сознания проявлений. Соответственно, такие действия (неэксплицированные, только-мыслимые) вынужденно выносятся за скобки рассуждения, считаются неопределенными. Возможность их существования нельзя отрицать, но они не могут быть наблюдаемыми. Это черный ящик, в котором сидит «кот Шредингера».

(Здесь, правда, возникает интересная коллизия. Если признать внутреннее действие, то есть способность целенаправленно совершать когнитивные операции, то необходимо признать, что «некто» совершает целенаправленные изменения своего же состояния, например, кто-то что-то обдумывает, вспоминает, пытается прийти к решению, сопоставить с ценностной схемой и пр. Этого «некто» можно технически обозначать как стоическое «владеющее», «личность», «индивид», «субъект» и пр. Если же признавать, что в сознании протекают автономные процессы, вызванные автономными факторами, тогда действие в сознании придется признать несуществующим, деятеля – безынициативным пациенсом, и само сознание – лишенным сознающей способности, возможности выбирать, оценивать, сопоставлять и пр.).

Итак, если «черный ящик» на время вынести за скобки (признавая, тем не менее, его существование), то остаются **эксплицированные (воз)действия** – перелистывание страниц, нарезание хлеба, открывание двери, привлечение внимания к объекту, демонстрация визуального образа, исполнение музыкального произведения, задавание вопроса или отдавание приказа, высказывание просьбы или утверждения и пр. и пр.

С точки зрения коммуникативной модели, представляется эффективным:

1) разделение **эксплицированных действий** на **семиотические и несемиотические** – по признаку попытки целенаправленного воздействия либо на какое-то когнитивное состояние, **«когнитивную призму»**, либо на объект, не обладающий «когнитивной призмой»;

2) разделение **несемиотических** действий на **осознанные и неосознанные**. Неосознанные являются **квази-действиями**, поскольку они не входят в компетенцию сознания, независимы от источника смыслообразования (рефлекторные, ошибочные, непреднамеренные, физиологические и пр.). Там, где нет работы сознания, нет принятого решения, выбора, цели, ценности и пр., только пассивность, а не активность (деятельность).

3) разделение **семиотических действий** на **словосодержащие и не-словосодержащие** (уступка лингвистической теории, поскольку любое семиотическое действие – осознанное, многоканальное и комплексное, направленное на когнитивную призму, которую можно видеть как объект воздействия только сознанием).

Роль сознания как смыслообразователя во всех случаях действий обязательна. Сознание остается в «черном ящике», но для констатации смысла (значения) необходимо установить **какое-то когнитивное состояние** – единственное возможное основание смысла (значения). Для интерпретатора внешние параметры действия (в том числе так называемые знаки в семиотическом действии) могут быть только «намеками» на когнитивные состояния, в поисках доступа к скрытому «смыслообразователю», сознанию. Ввиду наличия «когнитивной призмы» в любом семиотическом акте прямых тождественных свидетельств состояния «черного ящика» сознания нет и не может быть (в том числе, в так называемых «знаках» – словах, жестах, картинках и пр.).

Понимание вербального высказывания как несамостоятельной части семиотического действия иллюстрируется на примере снятия **«парадокса лжеца»**: апория возникает только в случае неправомерного рассмотрения парадокса как самозначных (всеобщих) вербальных знаков, и снимается при условии, что парадокс рассматривается как комплексное семиотическое действие (с вовлечением слов).

КОММУНИКАТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

А.В. Величко (Москва)
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
all_velychko@mail.ru

Для современной лингвистики с ее антропоцентрической направленностью особый интерес представляет фрагмент языковой картины мира (ЯКМ), отражающий представление о человеке как создателе и пользователе языка.

Человек создал язык для себя и для других членов общества, и основная функция языка – служить средством общения. Общение как сложный, комплексный когнитивно-прагматический вид речевой деятельности получает воплощение в различных средствах языка, и важная роль в формировании этого фрагмента ЯКМ принадлежит грамматическим фразеологизмам

В сообщении рассматривается один вид грамматических фразеологизмов – фразеологизированные предложения (ФП). Это нестандартные синтаксические структуры, построение и семантика которых не подчиняются действующим в языке синтаксическим связям и закономерностям. Например: *Ехать так ехать; Нет бы мне поговорить с Ириной; Вот это праздник так праздник; Как не пойти и т.п.*

ФП предназначены для выполнения в речевом общении фатической функции, которая реализуется в них как выражение различных значений субъективной модальности, т.е. выражение отношения говорящего к содержанию сообщения.

Класс ФП велик, насчитывает свыше пятидесяти единиц. Такая совокупность фразеологизированных предложений обеспечивает возможность представить все возможные интеллектуальные и эмоциональные реакции, которые возникают у человека в процессе коммуникации

Структурно-грамматическая специфика ФП заключается в том, что их образуют компоненты двух видов – постоянные и переменные, или свободные, поэтому они частично воспроизводятся, ча-

стично производятся. Например: *Тожже мне город; Тожже мне праздник; Тожже мне спортсмен*. ФП отражают мыслительный процесс, фиксируют ход мысли, модель, а не готовую мысль. Этим обусловлена характерная для большинства ФП вариативность построения.

Вариативность ФП, кроме чисто структурной, организующей, выполняет в них также смысловую роль, что расширяет, варьирует их коммуникативные возможности. Вариативность ФП связана как с постоянным, так и с переменным компонентом. Особый исследовательский интерес представляет рассмотрение их коммуникативного потенциала и, в первую очередь, вариативность в них переменного компонента.

Позицию переменного, свободного компонента во многих ФП могут заполнять знаменательные слова разных частей речи, что позволяет коммуниканту отнести выражаемое отношение к разным компонентам ситуации общения – к действию, лицу, объекту, признаку, обстоятельству. Например: *Тожже мне выступил; Тожже мне подарок; Тожже мне спортсмен; Тожже мне змея; Тожже мне красивый; Тожже мне тепло!*

Вариативность может быть обусловлена лексическим наполнением переменного компонента.

ФП типа *Какой это певец; Какой это концерт*, если используется одушевленное существительное допускают вариант, где слово *это* заменяется личным местоимением: *Какой он певец; Какой он концерт*.

В некоторых ФП свободный компонент лексически ограничен, так как их значение нацелено на определенный круг объектов. Так, в высказываниях с компонентом *Ах ты + сущ.* используются только существительные со значением негативной оценки лица. Например: *Ах ты баловник! Ах ты озорница!; Ах ты бандит!; Ах ты грубиян.*

Высказывания с компонентом *Ай да + сущ.* предназначены для выражения отношения к лицу. Например: *Ай да сестра!; Ай да помощник!*, и использование неодушевленных существительных для них нехарактерно.

Лексическое наполнение частей ФП со значением обусловленности также может варьировать его значение. В высказываниях типа *Купить-то я не купил словарь, но взял его в библиотеке; Купить-то словарь я купил, но он не очень интересный* значение противопо-

ставления реализуется как простая уступка или уступка с оттенком компенсации.

Таким образом, фразеологизированные предложения живут и действуют в языке как социально ориентированные языковые единицы, а их богатый коммуникативный потенциал обеспечивает говорящей личности необходимые условия для полноценного и эффективного общения.

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЕ МАТРИЦЫ РЕЧИ ГОРОДСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

У.У. Гасанова (Махачкала)
Дагестанский государственный университет
Uzlipat066@mail.ru

Актуальность изучения речевого общения между разноязычными коллективами и межъязыковых отношений в условиях нашего многонационального общества неоспорима. В ситуации, когда представители какой-нибудь национальности находятся в иноэтнической среде, а в практическом употреблении находятся два или несколько языков, происходит неизбежное взаимодействие языков, в котором определяющую роль играет факт двуязычия (многоязычия). Языковые навыки, приобретенные на родном, первичном, языке оказывают влияние при освоении вторичного языка (при нарушении его норм происходит интерференция). Происходит еще и обратное влияние языков, то есть нарушаются нормы первичного языка под воздействием вторичного. Речевое поведение билингва зависит как от общественной ситуации, так и от функциональной нагрузки языка.

Форма существования дагестанских языков и реализация их общественных функций показали, что для современной языковой ситуации Республики Дагестан характерно давно сформировавшееся, динамическое прогрессирующее двуязычие. Столь важная роль, которую играет язык межнационального общения в жизни носителей языков Республики Дагестан, не может не сказаться на общении даже в среде моноязычного социума: семье, коллективе и других общественных институтах.

Для наглядного представления этой разницы и показа социальных функций родных языков и русского языка языковую реальность в условиях многонационального Дагестана мы делим на лингвокоммуникативные матрицы. Под лингвокоммуникативными матрицами понимаются речевые ситуации, которые возникают в различных сферах деятельности человека, в которых проявляются социальные функции языков. Данные матрицы носят обобщающий характер и отражают современную картину речевого взаимодействия в многонациональной республике.

Речевое взаимодействие в условиях многонационального Дагестана рассмотрено нами по современной городской языковой среде.

Отметим, что возможности расширения сфер употребления русского языка резко возрастают в городской среде.

Исследование языковой жизни дагестанского города (в данном случае г.Махачкалы) проводилось по конкретным лингвокоммуникативным матрицам с учетом социального состава, современной демографической ситуации, образовательного уровня и возраста общающихся методом анкетирования и опроса.

В условиях дагестанского города социальные функции родных языков сводятся к минимуму, сферы их применения более сужены, чем, например, в сельской среде, и ограничиваются семейным общением, общением с родственниками. Общение молодого поколения происходит в основном на русском языке, реже на родном. Такая ситуация характерна всем носителям дагестанских языков, без исключения, как письменных, так и бесписьменных. Сегодня 14 языков народов Дагестана имеют письменность. На этих языках издаются художественная, учебная и научная литература, периодическая печать, еженедельно выходят телепередачи на этих языках.

В городах республики живут представители всех коренных народов Дагестана. Они проживают в городах не компактно, а смешанно, что также играет немаловажную роль. Представители одной народности при встрече не всегда общаются на родном языке. Общение на родном языке может происходить в среде старшего поколения, и то если в данной речевой ситуации нет представителя другого народа. Такая этнолингвистическая ситуация, сложившаяся в республике, определяет выбор языка с детства.

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РАМКАХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

В.В. Звягинцева (Курск)
Юго-Западный государственный университет
viktoria.zviagintseva@yandex.ru

Русский экономический дискурс с давних пор вписывается в мировые интеграционные процессы, неизбежно попадая под влияние английской и американской терминологии. Это такой тип дискурса, в ходе развертывания которого осуществляется процесс речепроизводства на основе определенных экономических идей. Участниками экономического дискурса являются ученые, занимающиеся исследованием экономических процессов, руководители предприятий, а также все те, кто интересуется экономическими сводками, новостями и т.д. [Звягинцева, 2010, с. 50]. В связи с этим знание основных характеристик, различение границ англо-американского экономического дискурса в ряду других дискурсивных практик, понимание особенностей функционирования его единиц представляют интерес для широкой аудитории русскоязычного населения, использующих иностранный язык в своей практической деятельности.

Экономический дискурс неоднороден по своей структуре: базовые коммуникативные сферы связаны с понятиями профессиональной экономической деятельности, а непрофессиональная экономическая терминология находится на периферии. Возможно выделить некоторые особенности текстов, функционирующих в рамках экономического дискурса: высокая информативность; насыщенность специальными терминами и их определениями; не всегда стандартная и последовательная манера изложения; преобладание сочетаний, ядром которых является существительное, особенно различных видов атрибутивных групп; широкое употребление фразеологизмов и метафор в диалогической речи [Ковалевская, 2020, с. 43].

Связь экономических понятий и соответствующих им терминов проявляется в том, что упорядочение экономической терминологии невозможно без глубокой научной разработки экономических понятий, точной дефиниции, сопоставительного

анализа. Более детального исследования требуют специфические особенности лексической терминологии, в том числе проблемы однозначности экономического термина, отсутствие синонимов в пределах экономической терминологии, наличия эмоционально-экспрессивной окраски (ее возможной градации), референтности словообразовательным закономерностям языка в пределах своей лексической системы, и т.д.

Разумеется, совокупность вышеперечисленных признаков, как показывает практика, принципиальна лишь для определенной группы терминов. В действительности же тот или иной признак либо отсутствует, либо существует в ослабленном состоянии. Отсюда и вытекают основные проблемы, связанные с пониманием англоязычных текстов экономического дискурса русскоговорящими пользователями.

На наш взгляд, одним из способов устранения возникающих разногласий может стать углубленный анализ словообразования английских экономических терминов, основанный на исследовании лингвокультурологических особенностей последних, выделения их уникальных грамматических и семантических признаков в рамках контекста. Кроме того, особый интерес представляют термины, транслитерационный перевод которых приводит к искажению понимания смыслового наполнения, и лексемы, различным узким областям экономики, финансов, менеджмента. Таким образом, экономический дискурс (английский и русский) во всем его многообразии, понимаемый как процесс и результат языковой деятельности, требует кропотливого исследования, основанного на сопоставительном социо- и лингвокультурном анализе.

ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНО-ИНТЕРАКТИВНАЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Г.Е. Попова (Астрахань)
Астраханский государственный технический университет
geropova@mail.ru*

В рамках речевой интеракции можно выделить две ипостаси речезыкового события: 1) номинации объекта и 2) речевого действия

– эксплицитной *транзакции* и/или имплицитного *трансфера* (инференции). Здесь можно говорить как минимум о двух типах когнитивно-коммуникативной интенциональности субъекта – установки на объект и установки на субъект.

I. Субъект-объектная *интерактивная* интенциональность, как правило, заключена внутри мыследеятельности субъекта и не предполагает обратной реакции со стороны пусть даже (интер) активного объекта (влияние свойств объекта на характеристики рецепции, концептуализацию, категоризацию и интерпретацию). Эта установка на объект рассматривается как первая стадия перехода от репрезентации адресантом «объекта» как такового к метарепрезентации – представлению об «объекте» в когнитивной системе адресата, а от нее – к коммуникации.

II. Субъект-субъектная *интеракциональная* интенциональность предполагает связь с активным коммуницирующим субъектом. В реальном речевом взаимодействии наличие предмета сообщения превращает субъект-субъектные отношения в субъект-объект-субъектные отношения, т.е. коммуникативная функция переплетается с когнитивной и интерпретативной.

Кроме того, ввиду асимметрии субъект-объект-субъектных отношений, может происходить инверсия субъекта и объекта (см. схему ниже). Адресант (S_1) может рассматривать адресат (S_2) как «объект», например, манипуляции (обман, невежливость, пренебрежение и т.д.) или как институциональную составляющую (функцию) деятельности (официант, клиент, пассажир, пациент и т.д.). И наоборот, адресант (S_1) может представляться как «объект» в институциональной – закон, установление, предписание – или манипулятивной коммуникации – объективизация мнения, обобщенность субъекта, опущение субъекта и др.

Таким образом, интеракционально-интерактивные субъект-объект-субъектные отношения в речевом обмене можно представить схематически (см. схема ниже):

– где обозначены следующие отношения: $A \leftrightarrow B$ – внешние социо-прагматические; $S_1 \leftrightarrow S_2$ – интеракционально-дискурсивные; S_1-O-S_2 – интеракционально-пропозициональные (трансфер информации об объекте); $As \leftrightarrow Bs$ – аргументативные, коммуникативно-модальные (эмоциональные, интерперсональные) и т.д.; S_1-O – интерактивные

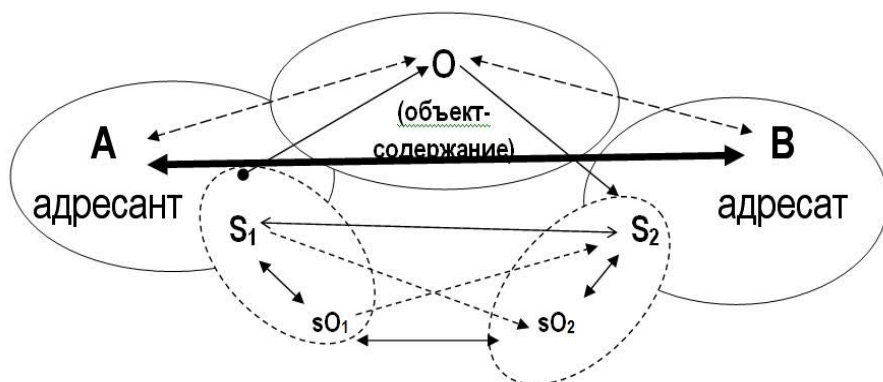

Схема. Интеракционально-интерактивные отношения в когнитивно-коммуникативном трансфере

(кодирование объекта); $O-S_2$ – интерактивные (декодирование объекта); $S_1-sO_1 / S_2-sO_2 / sO_1-sO_2$ – субъект-объектная инверсия («Я хочу, чтобы вы...» vs «Вам надлежит...» / «Дорогой наш Иван Иванович! От всего сердца поздравляем...» vs «А принеси нам, голубчик, водочки граммчиков сто!» // sO_1-sO_2 : «Понаехали тут!» и т.п.).

Таким образом, возникают одновременно две модели контекста речевого взаимодействия – **интерактивная контекстуальная модель** (субъект-объектный контекст) и **интеракциональная контекстуальная модель** (субъект-субъектный контекст).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СВЯЗНОСТИ РЕЧИ

*Г.Л. Сперанская (Минск)
Белорусский государственный университет культуры
и искусств
Flora_07@list.ru*

Необходимые и достаточные методы и процедуры изучения речевого общения обусловлены его сложной уровневой организацией. Устная речь развертывается во времени, обращена

к слушателю, протекает в конкретной ситуации общения, чем определены ее динамические и языковые характеристики. Эти характеристики взаимосвязаны и взаимообусловлены, создают общую направленность речи – на самовыражение, которое составляет монологическую направленность, или на отклик собеседников, что придает речи диалогическую направленность. Тип направленности речи влияет на тип ее связности. Теоретическим основанием анализа направленности и связности речи является субъект-субъектная парадигма в психологии.

Рассмотрение направленности речи нуждается в анализе не только языковых, но и обязательно динамических, процессуальных компонентов речи, таких как темп, громкость и паузы. Особое место в речевом анализе занимает интонация, которая оформляет смысловое единство фразы и придает речи эмоционально-волевою окраску. Рассматривая речевое общение как систему, отметим, что каждый из ее компонентов занимает в этой системе определенную позицию и соответственно характеризуется.

Изучение устного речевого общения ставит перед исследователем ряд проблем. Первой является высокий темп и необратимость речи, отчего использование непосредственного наблюдения малоэффективно, так как ускользающую речевую реальность приходится оценивать отсроченно, после окончания звучания, фактически по памяти. Второй проблемой является осмысленность восприятия, отчего оценивающий устную речь неизбежно является включенным наблюдателем и понимает воспринятое в пределах собственного опыта и индивидуальных особенностей. Поэтому наблюдатель оценивает не собственно высказывание, а свое понимание его. Кроме того, фокус внимания при восприятии речи направлен преимущественно на ее предметное содержание, а динамические характеристики, обеспечивающие процессуальную сторону общения, являются как бы «прозрачными».

Проблемы анализа устной речи преодолеваются в процессе поэтапно применяемых методов и процедур, которые соответствуют сложности и организации изучаемого явления. Так, запись речи на аудионоситель позволяет обеспечить многократность, повторяемость наблюдения. Затем при точном протоколировании высказывания преодолевается субъективность восприятия, что

позволяет точно характеризовать лексические и грамматические средства, определить, что и как именно было сказано. Предметное содержание речи и ее звучащая, процессуальная окраска составляют целостность и оцениваются в их взаимосвязи при соотнесении динамических и языковых характеристик.

Такой целостный анализ высказывания позволяет рассмотреть тип его направленности и связности, основываясь на показателях темпа и громкости речи, длительности пауз, выраженности интонации и смысловом насыщении фразы, сохранении предмета речи в высказывании, логической последовательности в разворачивании его содержания. Отметим, однако, что именно смысловое насыщение фразы – как количество в ней содержательных групп – является основанием для объективной оценки связности речи. Так, было показано, что при разных типах связности речи различие в ней количества содержательных групп статистически значимо [Сперанская, 2007].

Таким образом, анализ связной речи как целостной реальности, обращение к субъект-субъектной парадигме, применение специальных исследовательских методов и процедур позволяет раскрыть скрытую за спонтанностью и динамикой общения его сущность.

ИНФЕРЕНЦИЯ ИМПЛИКАТУР КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

*А.А. Смерчинская (Москва)
Военный университет Министерства обороны РФ
ms.smerchinskaya@mail.ru*

Антропоцентрический вектор лингвистических исследований на современном этапе обуславливает обращение к проблеме языковой личности, являющейся носителем актуализированных имплицитных смыслов – импликатур, в частности к анализу лингвопрагматических свойств высказываний диалогического дискурса.

Доклад посвящен характеристике языковой личности на основе инференции коммуникативных импликатур как способа лингвопрагматического анализа диалогического дискурса.

Выражение интенционального и иллокутивного аспектов личности может быть представлено совокупностью языковых средств на мотивационно-прагматическом уровне. Именно данный уровень позволяет раскрыть природу языковой личности в плане ее коммуникативного поведения.

Под языковой личностью понимается, вслед за Ю. Н. Карауловым, особым образом организованная коммуникативная компетенция индивидуума, представляющая структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовности производить и воспринимать речевые произведения. Языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность, являющаяся носителем культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок поведенческих реакций [Караулов, 2002, С. 245].

Особый интерес в нашем исследовании вызывают коммуникативные импликатуры, заложенные в кинофрагментах диалогического дискурса, в которых демонстрируется коммуникативное взаимодействие коммуникантов на экране. Несмотря на то, что содержание кинопроизведения отображает действительность только условно, через призму опыта и видение картины мира глазами его создателей (режиссера, актерского состава, оператора и т.д.), все же, если сравнивать его с художественным произведением, оно наиболее приближено к реальности. Применение аудиовизуальных эффектов в создании кинопроизведения позволяет наиболее ярко смоделировать картину коммуникативной действительности и раскрыть личность в современной языковой, социальной и культурной среде.

Следует отметить, что для создания кинодиалога наряду с эксплицитной информацией, передаваемой буквально, передается имплицитный смысл выражения, свойственный разговорной речи. Отсутствие видеоряда в некоторых случаях может послужить препятствием к адекватному пониманию и переводу того или иного фрагмента кинодиалога, смысл содержания которого выражен непрямым текстом. Поэтому на основе кинофрагментов проще понять и интерпретировать смысл предлагаемых импликатур диалогического дискурса, сопоставляя услышанное с увиденным на экране.

Роль коммуникативных импликатур, которые адресант реализует в кинодиалоге, основывается на лингвопрагматическом анализе предъявляемых адресату вербальных и невербальных компонентов диалогического дискурса с целью распознавания скрытых намерений адресанта. Иными словами, имплицитный смысл, заложенный в импликатуре, должен быть полностью или частично реконструирован в процессе инференции, возлагаемой на адресата как интерпретатора производимых адресантом инициативных или стимульных реплик. При этом необходимо учитывать взаимосвязь и взаимовлияние вербальных и невербальных средств выражения, обусловленных индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками языковой личности коммуникантов.

Таким образом, инференция импликатур является одним из важнейших процессов реконструкции имплицитных смыслов высказываний, который позволяет провести лингвопрагматический анализ вербальных и невербальных средств, используемых в кинофрагментах диалогического дискурса, на основе которого наиболее ярко раскрываются взаимоотношения и характер языковых личностей персонажей, образы которых отличаются глубиной и реалистичностью.

Секция
«Би-, поли-, транслингвизм:
теоретический анализ и практика»

**ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Д.Н. Акчурина (Пенза)
Пензенский государственный университет
d-akchurina@mail.ru*

На развитие языка влияют многие факторы, одним из которых является взаимодействие языков. Особенно это заметно, когда этносы живут в постоянном контакте друг с другом.

В России, особенно с XVI века, русские тесно контактировали с татарами, поскольку живут на одной территории, связаны общими проблемами, заботами, социально-экономическими условиями. При таком близком и общем развитии этносов и языков русские слова постоянно вытесняли некоторые слова в татарском языке.

А.М Селищев заметил: «С того момента, когда поволжские области — вошли в состав Русского государства, народы Поволжья испытали на себе значительное воздействие русского элемента, — воздействие, шедшее от русской администрации и от появившегося здесь русского населения» [цитируется по Абдуллину, 1990, с. 21—32]. Эти слова подтверждают такие слова в татарском языке, как *депутат, президент, сельсовет [силсавит], министр* и т.д.

В татарском языке не только «административные» слова не нашли своих эквивалентов. Соответствий нет у слов *телефон, студент, компьютер, автобус, машина*. Однако все слова подвержены грамматическим изменениям, например, множественное число в татарском языке образуется при помощи суффикса —лар-, *министры – министрлар, депутаты – депутатлар, телефоны – телефонлар, машина – машинлар*. Таким образом, в заимствованных словах действуют правила грамматики татарского языка.

Особое внимание обращают на себя слова, которые имеют эквивалент в казанском варианте татарского языка, но татары, живущие в Пензенской области, их не знают, и используют в речи русские слова.

Например, холодильник – *суыткыч* (дословный перевод с татарского языка ‘охлаждает’), но в Пензенской области говорят – холодильник. *В холодильнике еда – холодильникта аш; открой холодильник – ач холодильник/ач холодильникне*, и т.д.

Стиральная машина переводится на татарский язык как *кер юу машинасы* (дословно: кер – ‘бельё’, юу – ‘стирать’), слово машина используется в этом словосочетании. В Пензенской области *стиральная машина* обозначается следующим образом: *машина, машинка. Вещи в машинке – кер машинкада/вещи машинкада*.

Некоторые слова подвержены фонетическим изменениям, например, слово *школа* – *шкул*. *Он ходит в школу/ул ёри шкулга*. Но слово *школа* имеет эквивалент в татарском языке – *мәктәп*. Слово *сумка* в Пензенской области произносится с ударением на последний слог: *Вот сумка/Бу сумка*.

Слово *магазин* в с. Дёмино Неверкинского района Пензенской области говорят [*лафка*]. *В магазине есть продукты/Лафкада бар продукты*. Однако в русско-татарском словаре *магазин* так и переводится – *магазин*. Это является особенностью мишарского диалекта, распространённого на территории Пензенской области.

Все эти заимствования – результат долгого взаимодействия между двумя культурами. Некоторые слова подверглись фонетическим изменениям, другие сохранились в первоначальном виде. Есть слова, которые нашли эквивалент в татарском языке, другие – нет. Часть слов переводится, но многие носители татарского языка не знают о них и могут узнать об этом только из словарей.

ВЛИЯНИЕ ИНОЯЗЫКОВОЙ ТРЕВОЖНОСТИ НА СПОНТАННУЮ РЕЧЬ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В УСЛОВИЯХ ИСКУССТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА

Ю.С. Андрюшкина (Брянск)
Брянский государственный университет им. академика
И.Г. Петровского
Shakhova.07@mail.ru

Состояние эмоциональной напряженности затрагивает не только относительно простые, например сенсорные, но и более сложные интеллектуальные процессы.

Отсюда особую остроту приобретает проблема языковой тревожности (*second/foreign language anxiety*), причём более адекватным, на наш взгляд, является предлагаемый нами перевод «иноязыковая тревожность», которую в общих чертах можно определить как психологическая тревожность, связанная с изучением и использованием второго/иностранного языка. В научном обиходе также встречается термин «ксеноглоссофобия» (*xenoglossophobia*) [Андрюшкина 2019а; 2019б].

Особую ценность представляет возможность анализа изменений в состоянии человека по соответствующим сдвигам в характеристиках его речи, так как речевой канал связи, в отличие от многих других видов деятельности, доступен для наблюдения. При этом изменения в речи не случайны, а являются формой отражения некоторых общих закономерностей организации интеллектуальной деятельности в состоянии эмоционального напряжения [Носенко 1981].

Ряд авторов отмечает, что речь на иностранном языке сохраняет все характерные черты эмоциональной речи на родном языке, проявляющиеся в «концентрированном» виде, сочетая два, три и более признака в одной фразе. Аффективность речи проявляется в двух крайностях: медленная «заикающаяся», при этом говорящий неуспешно формулирует высказывание, и быстрая речь «взахлеб», характеризующаяся отсутствием логических пауз между синтаксическими и интонационными группами [Лебедева 2014; Яблокова 2011].

Ряд специалистов отмечают, что синтаксическая специфичность речи в состоянии эмоционального напряжения представляет собой искажение конструкций, характерных для нейтральной речи (Н.Е. Юдина, М.М.Суслова).

Представляют интерес данные, полученные на основе метода свободных ассоциаций при проведении экзамена по иностранному языку. Так, С.С. Галагудзе, как и Э.Л. Носенко, отмечает перестройку ситагматических и парадигматических реакций. Наблюдается резкое увеличение употребления простых ранее усвоенных стереотипных единиц, при этом для участников эксперимента с возбудимым типом поведения характерны бессмысленные реакции, а для участников с тормозным типом поведения характерно резкое снижение скорости реакции [Галагудзе 1980; Носенко 1981].

Таким образом, проведенный нами обзор литературы по вопросу изменения речи в состоянии эмоционального напряжения убедительно показывает, что феномен иноязыковой тревожности – это частный пример функциональной перестройки организма в стрессовой ситуации, происходящей на всех уровнях систем его функционирования (сенсорном, гормональном, психологическом и т.д.). Крайние случаи проявления данного явления имеют деструктивное влияние не только на порождаемую устную речь обучающегося, но и отражаются в его письменной речи и способности воспринимать информацию на слух, вплоть до полной парализации умения, затрудняя процесс обучения [MacIntyre & Gregersen 2012].

ФРАНКО-ПРОВАНСАЛЬСКИЙ БИЛИНГВИЗМ

Бестолкова Г.В. (Москва)

МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: ilfactotumdelluniversita@mail.ru

В настоящее время всё более очевидным становится факт малоизученности билингвизма в связи с изменившимися общественными функциями региональных языков.

Рассмотрим процесс формирования франко-провансальского билингвизма.

Провансальский язык распространен на юго-востоке Франции: департаменты Савойя, Верхняя Савойя, Лионне, Дофине, Бресс, Форез в регионе Рона – Альпы.

На протяжении XIX – XX веков во Франции происходило целенаправленное упразднение всех региональных языков, результатом данного процесса стало проникновение французского языка во все без исключения нефранцузские и нероманские области страны и в итоге почти все баски, фламандцы, корсиканцы и провансальцы стали двуязычными в XIX веке.

Билингвизм стал средством вытеснения провансальского языка, т.к. французский язык стремительно расширял свое присутствие в высших коммуникативных сферах, а провансальский язык замыкался в сфере бытового общения.

В конце XIX века во Франции был принят закон об обязательном образовании, благодаря которому провансальцы стали в школе изучать официальный литературный язык французского государства и пренебрегать родным языком. Во времена III Республики задача состояла в том, чтобы максимально быстро повысить уровень грамотности населения страны, а так как считалось, что региональные языки являются врагами французского языка, то чтобы хорошо владеть французским языком, от региональных языков надо обязательно отказаться. [Tuailon G., 1987, p.200 - 202] Репрессивная языковая политика государства в отношении провансальского языка на протяжении долгого времени привела к тому, что носители провансальского языка используют его все реже, а его передача из поколения в поколение значительно сокращается.

Однако учитывая тот факт, что провансальский язык является уникальным культурным и языковым наследием Франции, руководство страны признало необходимость его сохранения. Защита провансальского языка стала особенно эффективной с подписанием Францией Хартии региональных языков или языков меньшинств и ратификацией конвенции Юнеско по защите и продвижению разнообразия культурного самовыражения.

С конца XX века наблюдается официальное признание провансальского языка в общественной жизни страны, что сопровождается его изучением в школе, а также началом процесса институализации, т.е. создания разнообразных институтов этого регионального языка во французском обществе, например, Межрегиональный Центр Развития Провансальского Языка в г. Безье и Институт Провансальских Исследований в г. Биллер.

Итак, франко-провансальский билингвизм в настоящее время поддерживается следующими процессами, протекающими в жизни современного французского общества:

- 1) сохранение достаточного количества носителей провансальского языка на территории страны;
- 2) развитие движения за сохранение уникального культурно-исторического наследия страны, неотъемлемой частью которого является провансальский язык.

О СПЕЦИФИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЖИВОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНСКОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ

М.Д. Ваджибов (Махачкала)
Дагестанский государственный университет
malikvad@yandex.ru

Поликультурным социумом в современном Дагестане мы считаем прежде всего городское население, которое из года в год увеличивается по причине урбанизации. Большинство сельского монокультурного населения республики, которое в основном проживало и проживает в горной местности, переехало и переезжает в поисках работы в первую очередь в низменные населенные пункты, являющиеся многонациональными.

Естественно, переходя из одной социально-психологической среды в другую, люди начинают усваивать то специфическое, что характерно для нового поликультурного социума. С другой стороны, появившиеся недавно на новой территории горцы бессознательно навязывают местному населению что-то свое самобытное. Одним словом, происходит взаимодействие двух речевых культур. Доминирующая роль принадлежит городской речевой культуре, которая вербально реализуется посредством русского языка, уже исторически ставшего языком межнационального общения для более, чем 30 народов региона.

Живая русская речь современного поликультурного дагестанского социума является уникальной и отличается от речи других регионов нашего государства тем, что данная речь богата заимствованиями из иностранных языков, из восточных языков и из местных языков и наречий. Кроме того, в ней наличествует целый ряд жаргонизмов и их разновидностей.

В русской речи используются укоренившиеся в дагестанских языках арабизмы, персизмы, тюркизмы, ср.: сагъул или саул ‘спасибо’, салам алейкум ‘мир дому твоему’, сабур ‘терпение’, месляаьт ‘согласие, мир’, замана ‘время, эпоха’ и др. В таком перечне больше всего арабских слов, используемых в исламской религии, ср.: дуаьб или намаз ‘молитва’, рузман ‘пятничная молитва’, садакья ‘милостыня’, ураза ‘один из главных мусульманских праздников’, иман ‘вера’ и др.

Применяются в речи заимствования и варваризмы-англицизмы (или американизмы), проникшие в русский язык в конце XX – начале XXI веков, среди которых достаточно много слов, используемых как жаргонизмы, ср.: forever, life, on-line, off-line, mobile, окей, ре-спект, флешка, ноут, ава и др.

Особняком стоят регионализмы, которые постоянно используются в местной русской речи, ср.: вацок ‘братишка’, нух битлаги ‘счастливого пути’, арадеш ‘пожелание здоровья’, стха ‘брат’ и др. Благодаря словам именно из автохтонных языков в регионе формируется современный дагестанский русский жаргон, который в первую очередь реализуется в дискурсе и который близок к маргинальной речи. Регионализмы в русской речи применяются в общении между представителями разных дагестанских этносов, при обращении к культуре коренных народов, на традиционных мероприятиях горцев, в том числе на свадьбах, во время национальных и религиозных праздников и т.д.

Таким образом, в живой русской речи в современном дагестанском поликультурном социуме представлены все пласты языка государствообразующего народа. Помимо этого, дагестанцы употребляют в русском дискурсе регионализмы, среди которых можно отдельно выделить местные жаргонные слова типа жи есть ‘рассматриваем как сочетание-паразит’, вуч хъана? ‘что случилось?’, гъай-гъуй ‘возглас, шум, веселье, скандал’, ягъари ‘обрати внимание’, ахчахандроз ‘страсть к деньгам’, хъинсса ‘хорошо, пожелание здоровья’ и др. Мотив употребления данных слов психологически оправдан речевой ситуацией. При этом если одни слова уместны и обогащают живую русскую речь, то другие ее засоряют и способствуют нарушению прежде всего общепринятых орфоэпических и лексических норм.

ОБ ОДНОМ СПОСОБЕ ОЦЕНКИ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ

*А.П. Василевич (Москва)
Московский государственный областной университет
basilevich@mail.ru*

Всякий процесс обучения предполагает этап контроля полученных знаний. Это относится и к фонетическому аспекту языка. В

настоящей работе делается попытка получения количественной оценки уровня произносительных навыков. Предлагаемая в работе процедура позволяет оценить не качество произнесения отдельных слов, а уровень произносительного навыка в целом при чтении связного текста на английском языке.

Процедура состоит в следующем.

Учащемуся предлагается выразительно прочесть вслух в привычном для себя темпе небольшой фрагмент связного текста на английском языке (текст 1). При этом *фиксируется время*. Далее ему дается текст 2 ровно такого же объема, но в нем часть слов заменена на так называемые квази-слова. Это придуманные, искусственные слова; учащийся видит их в первый раз, а значит, никогда не слышал, как они произносятся (ср. *lidge, spalk, palagerial* и т.п.). Если у испытуемого произносительный навык сформирован достаточно устойчиво, он сможет прочесть такой текст без ошибок и, главное, сделать это относительно быстро. Здесь опять-таки засекается время. В конце для прочтения дается список всех квази-слов.

Таким образом, деятельность испытуемого оценивается по трем параметрам: время чтения текста 1, текста 2, а также количество фонетических ошибок, сделанных в ходе произнесения списка квази-слов. Для определения уровня сформированности фонетического навыка был разработан численный показатель $R_{\text{фон}}$. «Идеальное» чтение предполагает минимальное время чтения текста 1 (определяется по результатам опроса эталонной группы), отсутствие разницы во времени между текстами 1 и 2 и отсутствие ошибок при чтении списка квази-слов. В этом случае $R_{\text{фон}} = 100$.

В эксперименте приняли участие около 100 ии. В качестве текста 1 давался первый абзац повести *The Wizard of Oz* (объемом 500 знаков). Текст 2 имел ровно такой же объем (“When I was a moster, my famlet and I were once whoring in line to buy illectics for the wrendles”).

Для оценки валидности предложенной меры в качестве испытуемых были отобраны группы лиц, имеющих заведомо разную языковую подготовку. Для каждой группы испытуемых были получены усредненные данные показателя $R_{\text{фон}}$ (см. таблицу).

Группа испытуемых	Объем группы	$R_{\text{фон}}$
Преподаватели МГОУ	19 чел.	60,2
студенты 3-4 курсов МГОУ	57 чел.	56,8

студенты МГОУ, изучающие английский язык в качестве второго иностранного	9 чел.	37.5
--	--------	-------------

Как и следовало ожидать, наивысшие показатели оказались в группе преподавателей. Хотя их средний показатель ($R_{\text{фон}} = 60$) весьма далек от идеала, можно принять его за «точку отсчета». Заметим, что речь идет о средней величине; индивидуальный разброс, конечно, имел место (от минимального – 43,5 до максимального 91,5).

Весьма характерны и результаты группы студентов, изучающих английский язык «с нуля» (всего 2-й год обучения). Ожидать от них сформированного произносительного навыка было бы явно преждевременно (здесь зафиксирован «антирекордный» показатель – 17,7).

Одна из учебных групп по оценке преподавателя практического курса фонетики была разделена на две подгруппы студентов: наиболее «сильные» и наиболее «слабые». Подсчет среднего показателя $R_{\text{фон}}$ для каждой из подгрупп дал следующий результат:

	Оценка преподавателя	
	«сильные»	«слабые»
показатель $R_{\text{фон}}$ в среднем по группе	62.7	40.9

Представляется, что предложенная нами процедура определения показателя $R_{\text{фон}}$ достаточно проста в использовании и позволяет получать вполне разумную количественную оценку уровня сформированности произносительного навыка.

ПСИХОСЕМАНТИКА ЦВЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ ТОВАРОВ ПОВСЕДНЕВНОГО СПРОСА)

Е.Ю. Воробьева (Москва)
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
velena2007@mail.ru

Цвет является частью коммуникационной стратегии, в основе которой – его способность к созданию ассоциаций, основанных на

психозэмоциональном восприятии объектов действительности (А.П. Василевич, А. Вежбитская, В.Г. Гак, В.Г. Кульпина, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина, А. Моллар-Десфур, М. Пастуро).

В современном мире цвет приобретает новые номинативные и сигнификативные функции. Специалисты в области маркетинга и рекламы используют коннотативный потенциал цветообозначений для номинации новых товаров, создавая абстрактные образы, где отражаются мельчайшие цветовые оттенки: *soupçon de rose* (“розовое сомнение”), *gris sage* (“серый мудрый”), *glace de pêche* (“холодный персик”), *grace sauvage* (“дикая грация”) [Dulux Valentine <https://www.duluxvalentine.com>, Guerlain Catalogue produits cosmétiques <http://www.guerlain.com/fr/>].

Цветовые ассоциации зависят от фоновых знаний, находящихся в сознании человека до знакомства с новым продуктом. На основе сложившегося образа, воспоминания или впечатления возникают коннотации, ассимилирующие старую и новую информацию, в результате которых создается новый цветовой оттенок, обладающий самостоятельным значением: *rose Barby* (розовый цвет куклы Барби) [Mollard-Desfour, 2002], *coulis de framboise* (малиновое фруктовое пюре) [Dulux Valentine <https://www.duluxvalentine.com>].

Разнообразие цветовых номинаций товаров повседневного спроса объясняется богатством передаваемых с помощью цвета значений, которые зависят как от специфики языкового сознания, так и от сферы применения или предназначения товара. Так, наиболее частотными коннотациями *красного* цвета в наименованиях косметических товаров Герлен (Guerlain) являются “любовь”, “женственность”, “сексуальность”: *coup de coeur* (влюбленность), *volupté* (наслаждение), *flirt* (флиртом), *frisson* (дрожь), *scandale* (скандал), *provocation* (провокация), *défendu* (запрет). В номинации цветов краски для интерьера (Dulux Valentine) подобные коннотации отсутствуют, однако зафиксированы ассоциации с растениями, фруктами и экзотическими артефактами: *framboise* (малиновый), *rouge bois d'acajou* (красное дерево), *cerise griotte* (кислая вишня), *lanterne chinoise* (китайский фонарик), *rouge Madras* (красный женский головной убор).

Цветообозначения, созданные в коммерческих целях, не являются автономными, они зависимы от предметов, цвет которых

представляют, и не употребляются вне определенного контекста. Большая часть современных авторских цветообозначений из рекламных текстов не имеет специального обозначения в словарях. Подобные цветообозначения представляют особую трудность для понимания и перевода, так как метафорические обозначения в одном языке отличаются от метафорических образов в другом языке. В связи с этим может возникнуть затруднение в определении цветового оттенка: *souççon de rose* (“розовое сомнение”) переводится как *бледно-розовый*, *taure* (“крот”) переводится как *серо-коричневый*, *gris sage* (“серый мудрый”) – как *темно-серый*. Поэтому для адекватной передачи цвета необходимо уметь декодировать коннотации, опирающиеся на ассоциации, в основе которых лежит социально-эмоциональное осмысление реалий в контексте национальной культуры.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ МОНИТОРИНГА ЗНАНИЙ НАРОДОВ ДРУГ О ДРУГЕ И УКРЕПЛЕНИЯ ДРУЖБЫ МЕЖДУ НАРОДАМИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КИТАЯ)

Н.Н. Воропаев (Москва)
Институт языкознания РАН
voropaev@vokitai.ru

Исследования прецедентных феноменов позволяют выделять важнейшие для лингвокультурных сообществ разных стран и регионов элементы знаний и являются важными источниками данных о количестве и качестве взаимных знаний народов друг о друге.

Прецедентные имена и информация о них, связанные с ними прецедентные ситуации, тексты, высказывания и другие имена могут способствовать культурному сближению и углублению взаимопонимания народов. Например, в составленном нами для широкого круга российских читателей лингвокультурологическом словаре-справочнике «Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи» содержится информация о более, чем 180 культурных

героях китайскоязычного культурного пространства (исторические личности разных сфер деятельности и вымышленные персонажи) [Воропаев, 2018].

Представляется продуктивным мониторинг разного рода учебных пособий двух стран. Мы изучили два сборника, изданных в Китае. Первый называется «105 героев, которых обязательно должны знать ученики начальной школы». Из героев русскоязычного культурного пространства в нём представлены *Пётр Великий*, *Сталин* и *Жуков*. Им посвящены небольшие тексты объёмом в одну страницу. В заголовках эти имена предваряются следующими определениями: *Основатель Российской империи*, *Человек из стали*, *Советский символ победы* [Qiu, 2009₁, с. 149-152, 158-159].

Второй сборник под названием «105 известных исторических личностей, которых обязательно должны знать ученики начальной школы» в разделе «Корифеи литературы» знакомит китайских школьников с *Пушкиным*, *Л.Н. Толстым*, *Чеховым* и *Горьким*. В разделе «Политические лидеры» представлен один *Пётр Первый* [Qiu, 2009₂, с. 20, 130, 135, 138, 139]. Таким образом, можно заключить, что количество значимых деятелей российской истории и культуры, о которых школьники Китая узнают в школе, невелико. В России по учебникам истории китайских культурных героев изучается ещё меньше (обычно *Цинь Шихуан*, *Конфуций*), за исключением, может быть, школ с преподаванием китайского языка. Нет разнообразия по сферам деятельности и широты охвата. Такая ситуация не способствует углублению взаимопонимания и развитию отношений между странами на современном этапе.

Полагаем, что проведение соответствующей работы для обеспечения знакомства российских школьников со значимыми историческими личностями разных сфер деятельности и важными литературными персонажами китайскоязычного культурного пространства необходимо для дальнейшего развития стратегического всестороннего партнёрства между нашими государствами. Желательно нашим странам на взаимной основе начинать вводить в учебные курсы средних школ модули подробного знакомства с разнообразными культурными героями, прецедентными именами двух стран в количестве около 100, чтобы сформировать постепенно блок общих (хорошо известных в обеих странах) героев, что может

способствовать единению наших народов и в духовной сфере. Упомянутый выше словарь-справочник, полагаем, может положить начало такой работе.

И внутри Российской Федерации систематическое усиление знакомства школьников всей страны с культурными героями регионов, национальных республик, превращение некоторых региональных героев во всеобщих культурных героев всероссийского федерального уровня также может способствовать единению народов России, усилению единой российской нации.

ИСПЫТАНИЕ ДРУЖБОЙ

М. Дебрени (Новосибирск)

*Новосибирский национальный государственный университет
micheledebrenne@gmail.com*

В литературе, посвященной ассоциациям, вызванным словами, существительное «друг» занимает особое место. Действительно, его часто использовали в сравнительной перспективе, чтобы показать различия и сходства между языковыми картинами мира отдельных лингвокультур. В докладе представим, как этот образ развивался во французском языке за последние пятнадцать лет. Для этого мы анализируем данные из различных ассоциативных словарей, как прямых, так и обратных, для Франции, Бельгия, Швейцария и Канада в течение периода с 2007 по 2020 годы¹.

Первые работы, посвященные концепту ДРУГ, восходят к наблюдениям А. Вежбицкой [Wierzbicka 1997: 36], в которой утверждалось, что значение этого понятия изменилось и перешло от «установления глубоких связей» к «знакомству». Во времена бурного развития «концептологических» исследований в России ДРУГУ/ДРУЖБЕ уделялось большое значение, в основном на материале русского и/или английского языка. Для французского известны лишь две работы в сопоставительном плане (Балабас, 2010, Конопелько, 2016). В прямом ассоциативном словаре французского языка (ФАС-

¹ Исследование проводится в рамках совместного проекта РФФИ-НЦНИ №19-512-15001/19.

1, 2010) на стимул **друг** были получены 481 реакция при 6 отказах, 123 разных реакций и 76 уникальных. Наиболее частой реакцией стала *copain* (кореш, 17.46 % от совокупности ответов). Далее идут *ennemi* (враг, 11.23%), *confiance* (доверие, 4.9%), *amitié* (дружба, 3.75%), *amiour, pote* (друг, кореш, 3.33%), *fidèle* (верный, 3.12%), *proche* (близкий, 2.49%) и *vie* (жизнь, 2.8%). Общий ассоциативный образ **друга** – это человек с положительными качествами, к нему испытывают чувства (доверие, дружба, любовь), он вызывает эмоции (счастье, радость) и поддерживает нас в трудную минуту, с ним проводят время. В целом этот образ исключительно положительный. Из материала по франкофонии Бельгии, Швейцарии и Канады также вырисовывается положительный образ *друга*, хотя замечены и отрицательные нотки: так, встречаются реакции *pesant* (докучливый), *déception* (разочарование) или *trahison* (предательство) и др, особенно среди ответов канадцев. В новом ассоциативном словаре французского языка (ФАС-2, эксперимент начался в окт. 2018), образ друга существенно не изменился, хотя отмечают появление новых реакций на английском языке: *best friend* и *lover*.

В ФАС-1 **друг** оказывается на высоком месте в ядре языкового сознания, поскольку занимает 22-е место, а если объединить различные словоформы (*ami, amis, amie, amies*), оказывается, что он был процитирован как реакция 2198 раз при 175 различных стимулов, то есть на 8-м месте. В ФАС-2 он был назван 225 раз в качестве реакции на 64 слова, среди которых наиболее частых являются *inviter* (приглашать), *compagnie* (компания), *collègue* (коллега) и *famille* (семья). Данные пока не окончательные, поскольку сбор данных еще не закончился. Самое замечательное – данная реакция фигурирует теперь на шестом месте в ядре языкового сознания французов, за такими словами, как *argent* (деньги), *travail* (труд, работа), *faire* (делать), *vie* (жизнь) и *temps* (время). Можно предположить, что данное изменение и первое место глагола «приглашать» среди стимулов, вызывающих реакцию *друг*, отражает роль социальных сетей и «злоупотребление» ими этого существительного при относительно устойчивом ассоциативном образе самого понятия.

КРЕАТИВНОСТЬ. ИССЛЕДОВАНИЕ НА СЕМИНАРАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД САМОИЗОЛЯЦИИ

О.А. Каширина (Москва)
*Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана*
kashirina_olga@mail.ru

Креативность, являясь одной из базовых ценностей, определяет процесс создания нового, прогресс общества, его развитие. Она характеризуется отказом от стереотипов в мышлении и представляет собой высший мыслительный процесс. Одним из факторов, определяющих креативность, является воображение. Однако «в постсоветский период несмотря на все связанные с интернет-технологиями условия для развития потенциалов воображения, его аксиологическая значимость резко снизилась» и не соответствует ценностной ориентации постсоветской российской молодежи, что ведет к «девальвации ценности творчества» и к подрыву научных и образовательных интересов России. [Багдасарян, Сулкашин, 2012, с.217].

Исследователи креативности Ф. Баррон и Д. Харрингтон определяли креативность как «способность реагировать на необходимость новых подходов и новых продуктов». И отмечали, что «создание нового творческого продукта зависит от личности творца и силы его внутренней мотивации». Л.С. Выготский говорил о том, что творческий процесс связан прежде всего с исследованием эмоций. П. К. Анохин, О. К. Тихомиров, Ю. Э. Виноградов указывали на невозможность творческого процесса без эмоциональной активации [Ильин, 2009, с. 107]. Т.А. Барышева и Ю.А. Жигалов выделяют следующие симптомокомплексы креативности: мотивационный, эмоциональный, интеллектуальный, эстетический, коммуникативный, компетентностный [Ильин, 2009].

В проведенном автором на базе МГТУ им. Баумана эксперименте использовался весь набор симптомокомплексов: мотивационный (основные мотивы при поступлении в вуз: «соответствие профессии интересам и склонностям и ее творческие возможности» (Ильин,

2009, стр. 264)), эмоциональный (влияние представленного для исследования материала на эмоциональную сферу), интеллектуальный (представление материала путем сопряжения каналов восприятия (аудиального и визуального), что повышает процент усвоения материала), эстетический (красивое оформление материала), коммуникативный (обсуждение) и компетентностный. Созданное автором пособие получило название аудио-видео презентации и первоначально предназначалось для исследования влияния на внутреннюю мотивацию к изучению предмета на иностранном языке.

Подготовка аудио-видео презентации осуществлялась следующим образом:

1. Выбор темы: тема выбиралась исходя из специфики ВУЗа, подразумевая то, что студенты уже имеют положительный настрой на работу в данной области и она им интересна. Тема – МКС (международная космическая станция). Текст из учебника Орловской И.В., Сампсоновой Л.С., Скубриевой А.И. (по которому ведутся занятия на втором курсе).

2. Обработка текста: озвученный текст сопровождается слайдами, осуществляется точная синхронизация по времени, в конце добавлено видео. Синхронизация аудио- и видеоканалов производилась для увеличения объёма усвоения информации, согласно соотношению: $15\% + 25\% = 65\%$, где 15% материала усваивается при аудио восприятии, 25% – при зрительном восприятии, а 65% – при совмещении каналов восприятия. [Титова, 2009, стр. 61].

Исходя из определения внутренней мотивации, данного Талызиной [Талызина, 1983, стр. 70], производилось анкетирование студентов на эмоциональное воздействие и побуждение к действию, анализ данного вида презентации и сравнение с обычной презентацией, а также анкетирование студентов на тему использования данного вида презентации для дистанционного обучения.

Анкета.

Вы посмотрели аудио-видео презентацию.

- какие чувства она у вас вызвала?

- возникло ли желание расширить кругозор по предмету презентации?

Что вы сделаете:

- расскажете друзьям
- пойдете в музей
- прочтете дополнительную литературу
- еще что-то

Сравните обычную презентацию с аудио-видео презентацией – для чего больше подходит одна, для чего другая?

- изучения предмета
- запоминания слов и выражений
- самовыражения
- образного представления о предмете изучения, предмете

презентации

[Каширина, 2018, стр.129]

Оцените возможность использования аудио-видео презентации для обучения в дистанционном режиме.

Количество респондентов – 65, два факультета (2 и 3 курсы).

Отличительные особенности: исследование проводилось в период карантина при учебе в дистанционном режиме (весна, лето 2020 г.).

В результатах проведенного исследования указаны только показатели, непосредственно связанные с оценкой креативности.

Реакция	2015–2018 гг.	2020 г. (карантин, дистант)
Сильная эмоциональная	около 30%	около 10%
Положительная	около 51 %	около 80%
Нейтральная или безразличная	около 15%	около 7%
Отсутствие информации о готовности к действию	около 9%	около 3%
Готовность к действию	около 68%	около 82%
Отсутствие готовности к действию	около 22%	около 15%

Выводы: самым важным результатом проведенного исследования автор считает такой показатель, как уменьшение в 3 раза сильной положительной эмоциональной реакции – 30% в 2015-2018гг. и 10% в 2020г., что свидетельствует о снижении энергетической силы креативности, а также и способности к принятию решения [Судаков, 2009, стр. 369].

SWITCHING CODES IN FACEBOOK COMMENTS OF RUSSIAN-SPEAKING ISRAELIS

*Tali Kigel (Petah Tikva, Israel)
Bilingual educational center “Behazlaha”
kigelt@gmail.com*

In 2017, there were approximately 1,511 thousand Russian-speaking repatriates in Israel that know Hebrew in varying degrees. Separate research is devoted to the code-switching (hereinafter referred to as CS) or language alternation in their speech (Neidich, 2004), but the comments of various groups of Russian-speaking Israelis on the Facebook electronic social network (hereinafter referred to as FB) are a new niche in linguistic research. Despite that the FB comments are formally written speech, they similar very much to the colloquial speech to make the electronic media communication more democratic. This work is based on the emigrant speech thematic classification of Andrews (1999) and Zelenev (2008): code- switching is typical for professional, social, economic, cultural, educational, sports, technical (communication and high technology, finance) and household nominations., The following questions are investigated in this work: What is the percentage of CS of the total number of words in the texts? In which thematic areas CS most common in the comments of Russian-speaking Israelis on Facebook? In which cases is CS a necessity and in which cases is the participants free choice in the conversation?

To answer these questions data of 8000 words has been gathered in four Russian-speaking Israelis FB group comments and five interviews about the causes of cod-switching have been made. The groups included about 100 both men and women and the data (transliterations of the Hebrew word) have been analyzed statistically (the percent of cod-switching in the text words) and have been presented in the summary table.

Results of data analyze proved that the number of CS in the text ranged from 0.07-2% and it's percent is higher in the socio-economic groups for new repatriates. The CS has been used 100% in the exact name of the locality or address (for example, *Derekh A-Makabim St.*, *Otef Aza* - the area adjacent to Gaza), an institution or organization (for example, *Sokhnut* -Jewish Agency, *Bituach Leumi*- Ministry of Social Affairs

and Social Services). 100% CS occurs in the designation of the Israeli religious and social realities (for example, *sabra*-natives of Israel, *olim*, *mozei Shabbat*-Saturday evening sunset). Industrial, social and economic terms (for example, *halat* - unpaid leave, *avtala* - unemployment, *tofes*-form) are used in Hebrew, instead of the Russian analogue. If these terms have a Russian parallel it had a different sociocultural connotation (for example, *tahana merkazit* - Central Bus Station, *iria* - City Council, *mazkira* - secretary). In addition, the save speech effort rule acted, because the Hebrew word are shorter than Russian one (for example, *tlush mascoret* — payroll sheet, *esec patur* — a business exempted from value added tax). Both the Russian and Hebrew were used to convey clear information and to explain the phenomenon. The interviews proved using CS for emphatically highlighting and emphasizing the Israeli belonging (for example, *beseder*- OK, *behaheh* – indeed). Consequently, we can conclude that in most cases, CS is a necessity for Russian-speaking Israelis when using geographical names, addresses, names of institutions and organizations, designating religious and social Israeli realities. In other cases, the PC expressed the save speech effort, as well as emphasizing belonging to an Israelis group, evidence of Hebrew knowledge, and emotion expression in the Israeli form.

ФОРМИРОВАНИЕ БИЛИНГВАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА МИРА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Е.В. Николаева (Москва)

***Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
elena_nika@bk.ru***

Профессионально-ориентированное обучение английскому языку в нелингвистическом вузе включает в себя информационно-познавательную и исследовательскую деятельность студентов, которая может осуществляться в том числе в виде разработки проектов на английском языке по проблематике соответствующей специальности. В этом случае ключевым элементом является

когнитивная составляющая, которая тесно связана с пониманием специфики иноязычной профессиональной лингвоконцептосферы и в идеале с формированием билингвального профессионального образа мира.

В эпоху глобализации включенность в систему мировоззрения и мировосприятия другого народа, овладение иноязычной профессиональной лингвоконцептосферой и формирование билингвального профессионального образа мира приобретают особую актуальность.

Одним из главных моментов в профессионально ориентированной проектной деятельности на английском языке является не просто формирование у студентов иноязычной компетенции, связанной с англоязычной лингвоконцептосферой конкретной профессии, но осознание многообразия способов смыслового выражения и вербального оформления специальных понятий в разных культурах, семантической неэквивалентности прямого соотнесения англо- и русскоязычных профессиональных терминов, понимание лингвокультурных кодов разных уровней, которые задают правила смыслополагания не только в обыденном языке, но и в аргументации, и в научном вокабулярии той или иной специальности. По существу, освоение англоязычного тезауруса должно происходить с позиций сравнительной психо- и социолингвистики.

Незнание семантических кодов и правил «декодирования» в иной профессиональной лингвокультуре может привести к серьезному когнитивному диссонансу в процессе коммуникации. Причиной семантических искажений вплоть до полной потери смысла чаще всего оказывается неучтенная полисемическая и омонимическая неоднозначность профессиональных терминов. Омонимичность многих профессиональных терминов имеет исторический и полилингвистический характер, являющийся результатом культурно-исторических взаимодействий между системами терминов в разных национальных языках и объектами соответствующих видов профессиональной деятельности.

Для предотвращения коммуникативного сбоя важно выработать навыки адекватного использования профессиональной терминологии, учета помимо грамматической структуры высказывания также и системы вербальных значений, которые

соотносятся с социо- и этнокультурными образами мира носителей разных языков. В рамках профессиональных лингвоконцептосфер, связанных с технологиями, дизайном и искусством в качестве материала для сравнительного анализа могут использоваться информационные материалы специализированных сайтов профессиональных ассоциаций и компаний-производителей, музеев и творческих сообществ, интервью специалистов соответствующих профессиональных отраслей (например, www.nike.com, www.britishmuseum.org, www.thestylist.com и т.п.).

«Погружение» в иноязычную профессиональную среду в процессе разработки профессионально-ориентированного проекта на английском языке содействует формированию билингвального профессионального образа мира.

ЯЗЫКОВАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ КАК МОДЕЛЬ АКТИВИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ НА ИЗУЧАЕМОМ ЯЗЫКЕ

*Д.Б. Никуличева (Москва)
Институт языкознания РАН
nikoulitcheva@yandex.ru*

В докладе предлагается языковая модель активизации навыков говорения на начальной стадии изучения иностранного языка взрослыми учащимися, основанная на привлечении личностного ресурса конкретного индивида. Для этой цели используется когнитивный потенциал грамматической системы изучаемого языка как базовой модели вербального самовыражения, охватывающей разные уровни структуры личности говорящего.

Под языковой структурой личности в докладе понимается иерархическая модель представлений говорящего о самом себе как о «Я», существующем в определенном окружении, которому соответствуют ответы на вопросы *Где?* и *Когда?*; выполняющем определенные действия, отвечающие на вопрос *Что?*; действующем определенным образом, чему соответствует ответ на вопрос *Как?*; проявляющем при этом определенные качества, отвечающие на

вопрос *Какой?*; реализующем своим поведением определенные ценности, проявляющиеся в ответе на вопрос *Почему?* и представляющем собой уникальную личность, определяемую ответом на вопрос *Кто?*

Мысль о том, что местоимения в любом языке представляют собой закрытую систему элементов, позволяющих исчислить все смысловые категории языка, была высказана Н.Ю. Шведовой, которая определяла местоимения в качестве «естественных языковых категоризаторов смысла», организующих вокруг себя всю совокупность разноуровневых языковых единиц [Шведова, 1998].

В основу предлагаемой лингводидактической модели положена также идея стадиальности развития речевых навыков. Важная роль отводится эмоциональной настройке – вспоминанию и сенсбилизации состояния маленького ребенка, которому хочется рассказать о чем-то важном. Затем подключается довербальная тренировка просодических и артикуляционных структур изучаемого языка в режиме акустического речеподражания. Далее усвоенные просодические модели наполняются структурным содержанием при их множественном лексическом варьировании. Тут же вводятся диалогические модели коммуникации, отрабатываемые с ускорением темпа речи и с различной эмоциональной окраской. Коммуникация наполняется актуальным для конкретного человека содержанием за счет обсуждения типичных для него действий в типичных локусах, а также характерных для этого человека свойств, целей и ценностей. Обращается внимание на взаимосвязь определенных грамматических структур с определенными когнитивными представлениями, характерными для разных уровней вербализации личности.

Осенью 2019 – весной 2020 предлагаемая методика была протестирована полиглотом Аланом Бигуловым в его лингводидактическом эксперименте «10 языков за 1000 дней». По предложенной нами методике он изучал эсперанто, немецкий, итальянский и индонезийский языки вместе с тестовой группой из 42 волонтеров.

В докладе обсуждаются результаты указанного эксперимента.

ОБ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛАХ С МОЛДАВСКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ

С.С. Полежаева (Тирасполь)

Приднестровский государственный университет

им. Т.Г. Шевченко

svetlanapolejaeva1506@mail.ru

В данных тезисах отражена **проблематика** билингвизма в образовательной сфере многонационального государства – Приднестровской Молдавской Республике. **Цель** – отразить этнолингвокультурный аспект в учебнике по русскому языку, используемом в Приднестровье в школах с молдавским языком обучения, и обосновать эффективность его представления для формирования личности, гордящейся принадлежностью к своему народу и уважительно относящейся к другим этносам.

1. Взаимодополнение двух учебников. Русский язык (наряду с молдавским и украинским языками) функционирует в многонациональном сообществе в качестве официального языка. В учебном процессе в приднестровских школах сегодня используются параллельно два учебника: [Быстрова, Мангутова, Шабанова, 2009] и [Зелинская, Скурту, 1986]. Второй из названных учебников несмотря на давность издания эффективнее «работает» именно для носителей молдавского языка как родного при изучении ими русского языка как второго официального. Вместе с тем первый учебник [Быстрова, Мангутова, Шабанова, 2009] представляет языковой материал с современных позиций компетентностной подготовки учащихся, он содержит качественный иллюстративный материал. Целесообразное варьирование учителем материала обоих учебников делает процесс обучения русскому языку учащихся с родным для них молдавским языком более эффективным. Отразим этнолингвокультурологический аспект этого учебника [Зелинская, Скурту, 1986] (далее языковой материал приводится из этого источника).

2. Использование текстов с лингвокультурологической информацией для перевода с одного языка на другой. В учебнике насчитываются порядка двенадцати упражнений с заданием

перевести языковой материал с одного языка на другой. Например, упр. 154 стр. 54: *«Переведите, правильно употребляя вид глагола». Десеорь Пушкин плека ын степа ларгэ басарабянэ. Дин опера луй Пушкин Негруци а традус ку мултэ мэестрие поезия «Шалул негру» ши повестиря «Кыржалиул», яр ымпреунэ ку А. Донич а традус поемул «Циганий».* Задание дано по теме «Вид глагола», чтобы при переводе с молдавского языка на русский учащиеся правильно употребляли видовые формы глагола и не допускали ошибок. Для них это трудный материал, так как в молдавском языке, относящемся к романской группе, отсутствует грамматическое явление, характерное для славянских языков, – вид глагола. Учащиеся оперируют сведениями из биографии и творчества русского поэта, драматурга и прозаика А.С. Пушкина и молдавских литераторов К. Негруци и А. Донича. Материал упражнения отражает период жизни Пушкина, когда поэт находился в Бессарабии, знакомит с его творчеством, являющимся неотъемлемой частью русской культуры. Подобные упражнения помогают учащимся-билингвам избежать интерферентных ошибок.

Вывод: этнолингвокультурная информация в учебнике по русскому языку для билингвов-молдаван – важный фактор обучения в их компетентностной языковой подготовке, средство формирования толерантной личности в многонациональном обществе.

О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАНИЯ БИЛИНГВА

*Н.А. Свердлова (Иркутск)
Иркутский научный центр СО РАН
nsverdlova@yandex.ru*

Развитие когнитивной теории языка во второй половине прошлого века обеспечило окончательный переход от генеративной лингвистики к постгенеративной. Е.С. Кубрякова охарактеризовала неофункционализм (постгенеративную парадигму знания) как синтез «когнитивного и коммуникативного подходов к явлениям языка» [Кубрякова, 1995, стр. 228], для которого характерны такие

принципы представления объекта изучения, как антропоцентризм, экспланаторность, экспансионизм и функционализм [там же, с. 228].

Когнитивная теория связана прежде всего с исследованием возможностей приобретения, хранения и развития знаний об окружающей действительности, с изучением языкового общения в определенных социальных условиях. Следует отметить, что акцент на изучении речевой деятельности был уже сделан в работах некоторых американских лингвистов периода «генеративной лингвистики» (Д.Хаймс «Этнография говорения», 1962 г.; «Язык в культуре и обществе», 1964 г.; У.Лабов, «Отражение социальных процессов в языковых структурах», 1968 г.). Язык как форма социального общения и изменение языкового поведения при изменении социального положения говорящего были отражены и в работе У. Вайнрайха «Языковые контакты» (1953 г.). «Лингвистическое изучение языкового контакта должно координироваться с экстралингвистическим изучением двуязычия и связанных с ним явлений» [Вайнрайх. 1979, стр. 26], а «местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком», – уточнял лингвист [Вайнрайх, 1979, стр. 22].

Знания, используемые билингвом в процессе языкового общения, складываются, на наш взгляд, из тех же компонентов, которые могут быть рассмотрены применительно к знаниям человека, владеющего одной языковой системой: «1) языковые знания: а) знание языка (грамматики, фонетики, фонологии); б) знание об употреблении языка; в) знание принципов речевого общения; 2) внеязыковые знания: а) о контексте и ситуации, б) знания об адресате; в) общефоновые знания» [Березин, 2001, стр. 28].

Исследовательский принцип антропоцентризма позволяет чётче рассмотреть изучаемый процесс порождения и восприятия речи с точки зрения билингва, его целей и мотивов. В его сознании формируется когнитивно-коммуникативная основа для последующего вербального кодирования. Коммуникативный характер основы – «пред-общения» – создается за счёт ситуации диалога, который предшествует социально-коммуникативной деятельности. О возможности такого диалога писал Ю. Лотман и Н.Д. Арутюнова: «адресат – это не обязательно видимый участник диалогического обмена репликами, но и ментальный субъект

речи, совпадающий с адресантом речи в его физическом статусе [Лютман, 2000]»; адресат существует в качестве пресуппозиции диалогического общения и тогда существование адресата признается не после, а до адресанта, что и обуславливает появление в тексте адресанта тех или иных языковых средств, референтно соотносимых с образом адресата [Арутюнова 1981].

Для билингва ситуация формирования когнитивно-коммуникативной основы осложняется тем, что осуществляемая им метаязыковая рефлексия происходит на фоне освоения иной, «чужой» реальности и семиотизация фактов «чужой» реальности происходит параллельно с нарушением гомогенности языкового сознания говорящего [Свердлова, 2017, стр. 64].

Конфликт «старого» (имеющегося опыта) и «нового» наиболее отчетлив в сознании носителя языков (билингва). Он связан с когнитивными операциями в отношении уже имеющихся знаний, которые могут привести к нарушению идиотичности специфики языковых структур. И затрагиваться могут в этом случае все языковые подсистемы.

Все компоненты знаний билингва будут схематизированы не только и не столько опытом, связанным с родным языком и структурированным им, но и с иным языком (не родным; как правило, менее структурированным; менее сконструированным), поэтому принцип организации знаний билингва должен учесть особенности вербализированного (в рамках иного языка) упорядочивания знаний. Перед билингвом стоит задача «распаковать» обобщенные в языке части иного мира, с которым связана его практическая деятельность.

МОТИВАЦИЯ КАК ФАКТОР УСВОЕНИЯ БИЛИНГВИЗМА

***К.О. Свизева (Москва)
Институт языкознания РАН
kseniasvizeva@gmail.com***

Успешное овладение иностранным языком являет собой цель не только для человека, жизнь которого неразрывно связана с данным

языком, но и для любого, так или иначе столкнувшегося (добровольно или в силу обстоятельств) с задачей изучения иностранного языка. Однако не каждый изучающий иностранный язык формирует перед собой данное намерение в начале усвоения, и далеко не все, кто ставит перед собой такую цель, достигают ее.

Психолингвистические исследования выделяют мотивацию в качестве одного из факторов, играющих значительную роль в формировании били- или мультилингвизма [Butler, Nakuta, 2004, Cummins, 2009]. С другой стороны, является ли успешное овладение иностранным языком эквивалентным билингвизму? С нашей точки зрения, наиболее применимым для данного исследования дефиниции билингвизма является определение Батлера и Хакуты, которые говорят о билингвах как о лицах или группах лиц, «приобретающие коммуникативные навыки разного уровня в устной и/или письменной форме с целью взаимодействия с носителями одного или двух языков в данном конкретном сообществе» [Butler, Nakuta, 2004]. Следовательно, успешным овладением иностранным языком можно назвать тот уровень, при котором изучающий может изъясняться и воспринимать речь (устную и/или письменную) других людей, использующих тот же язык для общения.

Тем не менее, нередки ситуации, когда люди, изучающие иностранный язык в учебном заведении или пытающиеся использовать его в повседневной жизни, не могут использовать его на комфортном для них уровне. Среди вышеупомянутых факторов, влияющих на усвоение второго языка, также выделяют возраст усвоения языка или возраст контакта с языковой средой, время обучения на языке, частоту и функциональность использования языка, лингвистическое окружение, языковые способности, уровень владения языком и способности обработки языковой информации [Birdsong et al., 2012]. Кроме того, успешность овладения вторым языком может отличаться в зависимости от типа билингвизма: субтрактивного (замещение вторым языком первого), который также иногда различают на координативный (усвоение двух языков в двух отличных друг от друга средах или контекстах) и смешанный (одновременное усвоение двух языков в одной среде или контексте), добавочного или субординативного (усвоение второго языка посредством первого) [Weinrich, 1953, 1968]. Нужно полагать, что

при определении условий, в которых находится изучающий второй язык, можно определить мотивацию изучения второго языка. Однако будет ли мотивация определяющим фактором успешного овладения вторым языком при условии, что испытуемые будут находиться в равных условиях его усвоения?

Мотивация трудовой или учебной деятельности объясняется, в первую очередь, целью достижения материальных благ, хотя это не является основным побудителем к действию, однако она неразрывно связана с уровнем компетенции, которого человек стремится достичь [Elliot et al., 2017]. С другой стороны, даже немотивированная деятельность уже деятельность, но со скрытыми мотивами [Леонтьев, 1975]. Следовательно, если человек, изучающий второй язык, не преследует цели успешного им овладения, он, в любом случае, имеет некий мотив, который может влиять на его поведение, действия и реакции, которые, в свою очередь, могут сказаться на его успешном или неуспешном овладении билингвизма. Стоит отметить, что обратная ситуация также имеет место быть: человек, имеющий сильную мотивацию овладеть вторым языком, на разных этапах изучения может действовать по-разному, в зависимости от своего внутреннего состояния и внешних обстоятельств, и таким образом не достичь или достичь своей цели – приобретения того уровня языковой компетенции, при котором ему будет комфортно использовать данный язык в коммуникации.

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

***А.Ф. Ханова (Наб. Челны)
Набережночелнинский институт
Казанского федерального университета
ahan.85@mail.ru***

Проблема поддержки и развития языкового разнообразия в многонациональной России – это вопрос сохранения этнокультурной идентичности народов и мирового культурного наследия. Как отмечает С.А. Боргояков, главной тенденцией в ситуации с родным языком среди автохтонных народов России является уменьшение

числа тех, кто называет родным этнический язык, и увеличение числа не владеющих им. [Боргояков, 2017, с.27]. Это связано, в том числе, с необходимостью сдачи ЕГЭ на русском языке, что, безусловно, оказало негативное влияние на витальность миноритарных языков РФ. Проблемы языкового образования приобретают особую значимость в современных условиях, когда уменьшено количество часов преподавания родных (государственных) языков в национальных республиках РФ. В данной работе мы рассмотрим установки по отношению к преподаванию татарского языка в школьном образовании среди студентов высшего учебного заведения. Выбранный метод исследования – направленный ассоциативный эксперимент обусловлен целью данной работы: исследование образа национального языка в сознании его носителей.

Респонденты. В исследовании приняли участие 153 респондента, это студенты факультета татарской филологии Елабужского института КФУ. Средний возраст испытуемых – 22,4 года (М 21; SD 5). Женщин – 151 чел., мужчин 2 чел., что объясняется спецификой обучения на филологических специальностях. В качестве родного языка 147 испытуемых указали татарский язык, 4 – прочее, 2 – отказа от ответа.

Методология исследования. Направленный ассоциативный эксперимент проводился в период с ноября по декабрь 2018г. на татарском и русском языках оффлайн (на бумажных носителях). Группы респондентов-татар, отвечавшие на татарском языке, обозначены нами ТТ, на русском языке – ТР. Стимулы направленного ассоциативного эксперимента представляли собой вопросы, которые необходимо было дополнить ассоциациями, пришедшими первыми на ум. Например, *Татары всегда (Что делают?) / Татарлар һәрвакыт (Нишлиләр?)*. Все реакции каждой из групп были подсчитаны, выстроены в порядке от самых частотных к единичным, семантически тождественные слова объединены. Все реакции на стимулы были распределены по ассоциативным полям (АП). Каждое АП было представлено в виде семантических зон (СЗ) по методу семантического гештальта Ю. Н. Караулова [Караулов, 2000, с.196]. Далее для каждого ассоциата был подсчитан индекс яркости (ИЯ) по методике семантической интерпретации И.А. Стернина и А.В. Рудаковой [Стернин, Рудакова, 2011, с.101].

Результаты. В данной работе мы представим результаты исследования по стимулу *Татарский язык в школьном образовании (Какой?) / Мәктәптә татар телен (Ничек?) укыталар?* Полученные ассоциативные реакции были распределены по семантическим зонам (СЗ): «Характеристика языка как школьного предмета», «Общая характеристика языка», «Свой-чужой», «Прочее». Наиболее частотные реакции группы ТР и ТТ в СЗ «Общая характеристика языка»: *яхшы* ‘хороший’ (ТТ – 0,23; ТР – 0,12). Наряду с лексемами положительной семантики в данной СЗ представлены также реакции негативной коннотации: *авыр* ‘сложный’ (ТТ 0,02; ТР 0,04), *слабый* (ТР 0,013). Анализ реакций показывает, что татарский язык как предмет школьного образования характеризуют следующим образом: *аңлаешлы* ‘понятно’ (ТТ 0,013), *әдәби китапларны аз укыталар* ‘мало учат художественной литературе’ (ТТ - 0,006), *татар теленә басым ясамыйлар* ‘не делают упор на татарский язык’ (ТТ - 0,006), *белемне биреп бетермиләр* ‘недодают знания’ (ТТ - 0,006), *ему не придают должного значения* (ТР - 0,006), *как факультатив* (ТР - 0,006), *начальный уровень* (ТР - 0,006), *не хватает хорошей методики преподавания* (ТР - 0,006), *не хотят учить* (ТР - 0,006). Испытуемые на обоих языках сошлись во мнении, что татарского языка преподают мало: *аз* ‘мало’ (ТТ - 0,15), *аз сәгать бүлеп бирелгән* ‘выделено мало часов’ (ТТ - 0,006), *в малом количестве* (ТР - 0,021), *его мало, но он интересный* (ТР - 0,006), *объем часов в школах срезали* (ТР - 0,006), *не устраивает то, что сократили часы* (ТР - 0,006). В СЗ «Свой-чужой» язык выступает символом самоидентификации: *якын* ‘близкий’ (ТТ 0,006), *как язык данный матерью* (ТР 0,006).

Выводы. Преподавание национальных языков в системе школьного образования является важным компонентом языковой политики государства. Результаты направленного ассоциативного эксперимента актуализируют общие проблемы преподавания национальных языков РФ: существенное уменьшение количества часов, неудовлетворенность методикой преподавания, отсутствия мотивации в изучении миноритарных языков. В то же время респондентами осознается важность сохранения татарского языка в системе школьного образования: *самый важный предмет* (ТР 0,006), *кирәкле* ‘нужный’ (т.к. мы должны знать свой родной язык) (ТТ 0,006; ТР 0,04).

Эмоциональное отношение студентов-филологов определяет и стратегии ассоциирования. Подобное исследование среди татар-билингвов, обучающихся на нефилологических специальностях позволит дополнить полученные данные и смоделировать образ татарского языка в системе школьного образования.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ БИЛИНГВИЗМА

***И.Е. Черепанов (Москва)
Институт языкознания РАН
cherep_igor@mail.ru***

Корни двуязычия как явления уходят в далекое прошлое – еще в античный мир, где происходило взаимодействие языков в процессе миграции, торговли и завоеваний. Феномен билингвизма активно изучается с XIX века [Гумбольдт 1984, Соссюр 1999]. Исследования этого явления, изначально проводившиеся в рамках сравнительно-исторического языкознания [Бодуэн де Куртенэ 1963, Богородицкий 2010, Потебня 1976], постепенно находят свое место в русле различных психологических и лингвистических теорий, например, теории языковых взаимодействий, одним из основоположников которой был У. Вайнрайх [Вайнрайх 1979]. В целом методологические основы изучения билингвизма, заложенные в XX в., смогли составить объемную аналитическую базу проблематики билингвизма, что позволило перейти к его практическому изучению и применению в дидактических целях [Верещагин 2014].

Вопросами двуязычия и многоязычия в основном занимается лингвистика, так как в основе билингвизма лежит именно языковой контакт [Андреева 2009], тем не менее билингвизм как многоаспектное явление предполагает междисциплинарный подход. Явления двуязычия и языкового сознания билингвов изучаются психолингвистикой, социолингвистикой, нейролингвистикой, лингвокультурологией, теорией межкультурной коммуникации; в билингвизме лингвистический аспект переплетается с психологическим, психологический – с педагогическим,

литературно-художественный — с лингвистическим [Михайлов 1988]. В социологии билингвизм исследуется в связи с проблемами поведения двуязычного человека в обществе. Психологи, психолингвисты и социологи также изучают определенные аспекты многоязычия: например, в психолингвистике билингвизм рассматривается с точки зрения соотношения механизмов речи и текста, при этом много внимания уделяется способности человека к изучению и усвоению иностранного языка [De Groot, Kroll 2014].

В современных исследованиях [Питерская 2015, Cummins, Swain 2014] проблемы билингвизма нередко рассматриваются в психологическом ракурсе, говорится, в частности, о психологических предпосылках формирования двуязычия, о необходимости обоснования выбора методик обучения иностранному языку в связи с видом билингвизма, а также о влиянии речевого развития на родном языке на изучение иностранного и наоборот.

Социолингвистические исследования билингвизма [Смоля 2015, Knickerbocker, Altarriba 2011] посвящены изучению объема функций и сфер применения каждого языка, которым пользуется билингв. Социолингвистов интересуют проблемы распространения билингвизма среди социально-профессиональных групп, использования языков в разных сферах общественной жизни, воздействия на билингвизм экстралингвистических факторов, формирования каналов двуязычия, соотношения национального и межнационального языков и т.д.

Педагогическая наука рассматривает двуязычие в связи с проблемами активного и пассивного владения языком, а также с процессом преподавания иностранного языка в билингвальной среде [Ovando 2018, Pinter 2017].

Много исследований посвящено билингвизму в литературно-художественном ракурсе [Heredia, Altarriba, Cieslicka 2015, Titone 2015]. В данном случае внимание уделяется не только анализу художественных произведений, написанных писателями-билингвами, и особенностям восприятия такой литературы билингвальным реципиентом, но и речевым характеристикам персонажей-билингвов.

Интерес, проявляемый к билингвизму представителями различных научных направлений и свидетельствующий о

значимости данной проблематики с теоретической и практической точек зрения, может быть вызван различными причинами, главная из которых – очевидный процесс глобализации, заметно ускорившийся с середины XX века.

ПРОБЛЕМА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТИ АНГЛИЙСКИХ ФОНЕМ В УСТНОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

*Д.М. Шелехов (Москва)
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
shelekhov93@gmail.com*

Для исследования проблематики на базе Регенсбургского университета и Восточнобаварской Высшей школы технических наук (Регенсбург) был проведен социофонетический эксперимент. В нем приняли участие 20 бакалавров, магистров и аспирантов указанных учебных заведений.

Респонденты зачитали высказывания на немецком языке, в которых содержались слова-стимулы (англицизмы). Представляется интересным исследовать произношение немецкоязычными информантами согласных [T], [D], [G], [w], которые встречаются в английских словах и не имеют схожих фонем в инвентаре немецкого языка. Их реализация респондентами призвана показать степень адаптации и варианты подстановки при употреблении носителями немецкого языка англоязычных заимствований в устной речи.

Источником англицизмов послужил онлайн-корпус “Deutscher Wortschatz” Лейпцигского университета. Респондентам были представлены предложения, содержащие такие англицизмы, как, например, *father, gender, homepage, smoothie, web*.

В исследовании используется метод контрастивного анализа для определения параметров отклонения реализации англицизмов носителями немецкого языка под его влиянием.

Для анализа полученных аудиоданных использовалась программа WavePad Audio Editor by NCH Software. Данное программное

обеспечение выводит на экран ПК звуковую волну, а также позволяет производить нарезку аудиофайлов. Частотность вариантов реализации звуков рассчитывалась вручную [Abresch, 2007, с. 101-102].

Исследование произношения немецкоязычными информантами английских заимствований с присутствующими в них [T], [D], [G], [w] показало следующие результаты:

- [T] был реализован корректно в 95% случаев, в 3,75% случаев наблюдается субституция [t] и в 1,25% – [s];

- [D] был реализован корректно в 77,5% случаев, в 16,25% случаев наблюдается субституция [T], в 2,5% – [v], в 2,5% – [d] и в 1,25% – [z];

- [G] реализуется корректно в 97,5% случаев, в 2,5% случаев наблюдается субституция [g];

- [w] реализуется корректно в 75% случаев, в 25% случаев наблюдался немецкий [v].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что фрикативы [T], [D] и аффриката [G] реализуются корректно в подавляющем большинстве случаев, так как в инвентаре немецкого языка нет полных соответствий рассматриваемым звукам; соответственно, респонденты не имеют фиксированных вариантов выбора замещающих звуков. В свою очередь, английский лабиовелярный аппроксимант [w], представленный английской буквой /w/, замещается немецким лабиодентальным [v], так как немецкая буква /w/ всегда произносится как [v].

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ КАК СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ИНДИВИДА К КОЛЛЕКТИВУ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

***Юй Минчжу (Москва)
Институт языкознания РАН
yumingzhu@yandex.ru***

В современной жизни язык является основным средством социального общения человека, и разные языки включают в себя

разные картины национальных культур. По мнению А.А. Леонтьева, сознание человека всегда этнически обусловлено, и видение мира одним народом нельзя простым перекодированием перевести на язык культуры другого народа. Обращение как единица речи играет важную роль в социальном общении. В связи с различным культурным происхождением, культурные значения обращения также имеют отличительные признаки. В целях выявления разных языковых специфик путем сравнения обращения в китайском и русском языках мы, в основном, анализируем языковое сознание по отношению индивида к определенной группе, выделенное в восточной и западной культурах.

Наше исследование призвано доказать следующую гипотезу: обращение каждого определенного языка своими спецификами отражает языковое сознание его носителей по отношению индивида к определенной группе. Основная цель нашего исследования – изучить, какие сходства и различия существуют в обращениях русского и китайского языка при проявлении отношения индивида к коллективу. Для достижения поставленной цели нами были поставлены следующие задачи:

1. Собрать конкретные слова обращения из русских и китайских литературных источников по поднятой проблеме.
2. Провести сравнение и анализ полученных материалов.
3. Проанализировать соотношение между языковой формой обращения и связанным языковым сознанием по позиции индивида к коллективу.

Исследовательский объект – обращение в русском и китайском языках. Исследовательский предмет – соотношение между языковой формой обращения и связанным языковым сознанием по отношению индивида к коллективу. Данное исследование поможет нам сделать выводы о том, как использовать обращение говорящих разных национальностей в целях проявления своих позиций в группах и как различить отношения между индивидом и коллективом.

Секция
«Текст, претекст, интертекст, гипертекст:
проблемы анализа»

АКТУАЛИЗАЦИЯ СМЫСЛА ПОСЛОВИЦЫ В ДИСКУРСЕ

О.Б. Абакумова (Орёл)
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
abakumova-ob@mail.ru

Предметная область прагматики и прагмалингвистики до сих пор является объектом дискуссий, но она в любом случае включает единицы языка в их речевом функционировании и, таким образом, изучает язык в актуализованном режиме.

Когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословиц в дискурсе (далее КДМ) [Абакумова, 2014] призвана решить проблемы паремиологической прагматики, связанные с употреблением и пониманием пословиц.

Когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе (КДМ) имеет четырехчастную структуру.

Коммуникативная составляющая связана с выбором говорящим коммуникативного действия или стратегии, которые могут быть ориентированы либо на достижение взаимопонимания (собственно коммуникативное действие), либо на успех без учета интересов слушающего (стратегическое действие) [Habermas, 1987]. Мы будем указывать на эту составляющую с помощью оператора *«желая, чтобы ты...»*.

Когнитивная составляющая включает анализ пропозиции пословичного высказывания и ее реализацию в трех типах фреймов (образном, обобщенном и конкретно-ситуативном); отвечает за соотнесение элементов текста с представлениями об элементах действительности, призвана произвести их отождествление или уподобление, актуализовать форму высказывания (референциальный компонент). Оператор: *«знай»* или *«я говорю»*.

Экспрессивная составляющая отражает личные отношения и оценки говорящего, которые он хочет разделить со слушающим или навязать ему в зависимости от выбранной коммуникативной

стратегии, и включает модальный, иллокутивный и оценочный компоненты пословичного высказывания. Оператор: «я думаю, что ты понимаешь».

Регулятивная составляющая связана с инференцией слушающего, с перлокутивным эффектом высказывания, отражает взаимодействие коммуникантов, основанное на деонтических нормах социального поведения, принятых в данной культуре. Оператор: «сделай вывод».

Рассмотрим пример употребления пословицы в англо-американской культуре на материале художественного текста:

“So you’re from England”, he said. “I’ve got relations over there. Pretty big people, too. Robin Middleton. Ever heard of him?” Gerald looked up in horrified amazement. “Yeah, he’s on the Market”, the young man continued. “You know the sort of stuff. *Money talks* and so on. I’m going over to their place to stop this summer.” (A. Wilson)

Желая, чтобы ты оценил мои связи и положение в обществе;

Я говорю: Деньги говорят сами за себя и открывают все двери;

Я думаю, ты понимаешь, что я прав;

Сделай вывод: Со мной следует дружить, я могу быть полезным.

О ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ СЛОВАРЕ ПОСТУПКОВ: К ОБСУЖДЕНИЮ МИКРОСТРУКТУРЫ

Л.А. Бушуева (Нижний Новгород)
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
sebeleva@yandex.ru

Создание словарей концептов и других словарей лингвокогнитивной направленности является одной из актуальных проблем современной когнитивной лингвистики. Поскольку концепт является некой информационной структурой, играющей организующую роль по отношению к элементам языка при продуцировании текстов, структурой хранения знаний, реализующейся на уровне дискурса, а не единицей языка, представляется важным включать в словарное представление концептов историко-культурные, текстовые данные, раскрывающие

как можно более полно выражаемое словом понятийное, аксиологическое и символическое содержание.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы показать, какой может быть структура словаря поступков. С нашей точки зрения, методика сбора материала для анализа концептов, в том числе концептов сферы бытия человека, к которым относятся поступки, предполагает обращение к системно-языковым, дискурсивным и ассоциативным данным. Применение к одному и тому же эмпирическому материалу множества методов исследования (лексико-семантический, словообразовательный, синтаксико-ролевой, дискурсивный, ассоциативный виды анализа), исследование способов и характера представления репрезентируемых этим материалом знаний о поступках обеспечивает взаимную верифицируемость полученных данных и достоверность реконструируемых моделей, представляющих недоступные непосредственному наблюдению феномены.

Комплекс избранных процедур сводится к следующему:

- 1) анализ лексико-семантической системы языка на основе лексикографических источников, в результате которого выделяются лексемы, репрезентирующие тот или иной концепт поступка;
- 2) определение набора семантических ролей, выражаемых именами и глаголами со значением поступка, а также их актантами в дискурсе, выявление наиболее типичных синтаксических конструкций, в составе которых данные роли актуализируются;
- 3) исследование на материале текстов национального корпуса особенностей функционирования лексических единиц, репрезентирующих концепт поступка в речи;
- 4) изучение ассоциативных связей лексических единиц, репрезентирующих концепт в ассоциативно-вербальной сети носителей языка.

В соответствии с принятой методикой, целесообразно выделение следующих зон в структуре словарной статьи: 1) семантика ключевых лексем, репрезентирующих концепт поступка, по данным лексикографии и выделение основных элементов в структуре рассматриваемой ситуации; 2) семантические роли, которые наиболее часто эксплицированы в речевых выражениях с именами и глаголами поступков, типичные синтаксические конструкции, в которых актуализированы данные роли; 3) признаки концепта в

современном дискурсе (свод смыслов); 4) признаки концепта по данным ассоциативных экспериментов (свод смыслов), возможна дифференциация данных по возрастной шкале.

Представляется, что построенный таким образом словарь концептов поступков даст систематические сведения о концептуальных смыслах, связанных с лексикой, обозначающей поступки.

ОБЗОР ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСПРИЯТИЯ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ¹

И.В. Вашунина (Москва)
Всероссийская академия внешней торговли
Минэкономразвития РФ
Российский университет дружбы народов
vashunina@yandex.ru

В докладе представлены результаты экспериментов, проведенных в период с 2018 по 2020 годы. Целью исследования было выявление корреляций областей языкового и неязыкового сознания путем изучения восприятия креолизованных текстов. Креолизованные тексты (в нашем случае это тексты, состоящие из вербальных текстов и изображений) дают уникальную возможность выявления взаимодействия языкового и неязыкового сознания, поскольку в составе таких текстов одна составляющая «обращена» к языковому сознанию, а вторая — к неязыковому. При этом конституенты креолизованного текста воспринимаются не автономно, а системно, так как креолизованный текст является эмерджентным феноменом.

Материалом исследования являлись КТ с разными вербальными и иконическими составляющими. Исследование проводилось с использованием метода семантического дифференциала.

Было проведено две серии экспериментов. Базой материалов первой серии были четыре изображения: супрематическая

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 18-012-00652 «Креолизованный текст как средство управления языковым сознанием: теоретико-экспериментальное исследование») в Институте языкознания РАН.

композиция К. Малевича и фотография улицы в естественном освещении, окрашенная в цвета минорной гаммы (в основном оттенки синего) и в цвета мажорной гаммы (оранжево-розовый). Вербальные тексты (50–60 слов) составлялись из данных группой испытуемых описаний этих изображений. Таким образом получилось четыре креолизованных текста, в которых содержание вербальной и иконической составляющих находилось в отношениях максимально возможного перекрещивания.

Далее были подобраны художественные тексты с различной эмоциональной-смысловой доминантой (темно-печальные и светло-веселые). Путем комбинирования этих текстов с изображением улицы (в разных цветовых гаммах) были созданы креолизованные тексты.

В основе второй серии экспериментов лежали изображения природы (сезона лето–осень: «веселое» в цветах мажорной гаммы и мрачное черно-белое) и четыре вербальных текста (по два с описанием летнего и осеннего дня) с различной эмоциональной-смысловой доминантой (темно-печальные и светло-веселые). Из изображений и вербальных текстов были созданы креолизованные тексты.

В результате анализа полученных данных были выявлены параметры креолизованного текста, которые влияют на его оценку. Добавление любой иллюстрации вызывает повышение оценок по факторам «Образность», «Сила» и меняет знак оценки вербального текста по фактору «Романтичность». Соответствие цветовой гаммы содержанию изображения вызывает более высокие оценки по фактору «Естественность» у текстов с минорными иллюстрациями. (Не)Естественность цветового оформления влияет на снижение оценки по фактору «Естественность». Соответствие цветовой гаммы смысловой доминанте текста обуславливает усиление оценки по фактору «Сила». Использование мажорной цветовой гаммы повышает оценку текста по фактору «Оценка» в случае иллюстрирования текстов с отрицательной смысловой доминантой. Использование минорной цветовой гаммы приводит к снижению оценки текста по фактору «Оценка».

Оценивание текстов происходит при задействовании разных механизмов: импрессивного (основан на психофизиологическом

воздействии визуальных параметров на человека, на его органы чувств), экспрессивного (обусловлен эмоциональным восприятием параметров изображения), когнитивного (основан на оценке содержания изображения) в двух разновидностях – интеллектуальный (прямая оценка) и символический (образная оценка) – и интерсемиотического (при вербализации визуальных характеристик).

ПЕРЦЕПТИВНЫЙ СУБСТРАТ СЛОВЕСНЫХ КАРТИН ПРИРОДЫ

***Б.Н. Жантурина, А.Ю. Савельева (Москва)
Военный университет МО РФ
uvaurisi@inbox.ru, nastya-2004@yandex.ru***

Проблема текста в аспекте стратегий текстопорождения представляет интерес для лингвистов, в первую очередь, с психолингвистических и когнитивных позиций.

Словесные пейзажи в художественном прозаическом тексте являются элементом композиции, составляя пространственно-временной фон в описании человеческой деятельности при осознанном и неосознанном восприятии окружающей среды. В лирическом поэтическом тексте пейзаж сам по себе может составлять всю композицию текста, создавая мир, не тождественный реальному, отличаясь индивидуальным видением и личной значимостью для автора в рядах художественной образности, в соположении эстетических и философских сущностей, в душевных движениях и изменениях. В поэтическом пейзаже концептуализация события опирается на восприятие и концептуальные связи между объектами в пространстве и времени; по образному выражению Т.В. Черниговской, сенсорные системы – «это окна и двери, через которые мы получаем информацию».

Безусловно, в репрезентации события важнейшую роль играет познающий и переживающий субъект, что выдвигает на первый план антропоцентрическую составляющую значения.

В человеческом сознании действительность восприятия и действительность знания представлены раздельно и модульно. Перцептивное мышление, обслуживающее задачи познания на низшем досемантическом уровне, составляет невербализуемый и явно не представленный в языковом значении блок, или перцепт.

Вполне очевидно, что, помимо отдельного блока слов со значением чувственного восприятия, в языке существуют и другие указания на перцептивные системы в значении слов, неявно представленные как следы предыдущей перцепции, сопровождающей первичные процессы концептуализации и категоризации. Перцептивные метафоры на основе сенсорного восприятия, как, например, *the heft of cathedral tunes* *тяжелые / тяжкие звуки органа*, также развиваются при условии реализации сенсорного компонента значения.

Анализируя перцепты в составе концептов, на наш взгляд, целесообразно также обратить внимание и на новое качество, проявляющееся на текстовом уровне – качество креолизации текста. Очевидно, что если речь идет о перцептах визуальной модальности, то в сознании реципиентов появляется визуальный образ обозначаемого словом объекта, а перцепты слуховой модальности вызывают звуковой образ и т. д. Именно в модульности заключается особенность восприятия перцептов, сопровождающих вербализованную часть концепта. При реализации в тексте происходит синтез содержания вербального текста и образов представления и/или воспоминания другой модальности, что позволяет говорить о виртуальной креолизации в тексте.

Таким образом, в словесных пейзажах прослеживаются разные состояния сознания, отвечающие за разные способы восприятия окружающего мира, посредством разных перцептивных модулей. При эмпирическом и эйдетическом состоянии модульные перцептивные поля восприятия становятся необходимым элементом концептуального поля, отражая и воплощая реальность действительности и коррелируя с представлениями и переживаниями наблюдателя-автора и его эстетической концепцией; при этом также может проявляться качество виртуальной креолизации текста.

ИГРОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОВ В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ

*В.Е. Замальдинов (Нижний Новгород)
Нижегородская академия МВД России
zvlad-nn@yandex.ru*

В настоящее время для медийных текстов характерны такие новые тенденции, как демократизация, интеллектуализация, субъективизация, усиление креативной направленности. Поэтому важной составляющей языка СМИ является языковая игра (ЯИ). Под ней мы будем понимать творческое использование языковых единиц для создания комического эффекта.

Разновидностью ЯИ является словообразовательная игра (СИ), т. е. игра, реализующаяся в деривационных процессах. Результатом СИ являются окказиональные слова, которые возникают «по случаю» и не зафиксированы в словарях.

Так, в рамках контаминации первая часть одного слова может проникать в другое и вытеснять из этого другого слова его начало: **Бравоспектива** (заголовок). *Браво «зажгут» ГЛАВCLUB на свое 35-летие 16 и 17 ноября* («Наша версия». 06.11.18) ← (*группа*) *«Браво»* + (*пер*)*спектива*; **Банкстеры** (заголовок). *«Антиотмывочный» закон спровоцировал самоуправство банкиров* («Наша версия». 12.08.19) ← *банк* + (*ганг*)*стеры*. С помощью контаминированных новообразований журналисты передают имплицитные смыслы адресату и создают экспрессивно-оценочную тональность.

К игровым средствам можно отнести новые номинации, созданные с помощью междусловного наложения. При нем происходит соединение двух лексем в одну на основе их формального тождества: **Муниципалево** (заголовок). *Как Владимир Путин разлучал муниципалитеты с их прежней жизнью* («Коммерсантъ». 31.01.20) ← *муниципал(итеты)* + *палево*; **Вирусь**, *куда ж несешься ты* (заголовок). *Россия дождалась своего коронавируса* («Коммерсантъ». 01.02.20) ← *вирус* + *Русь*. Анализ материала показал, что для новообразований, созданных с помощью междусловного наложения, свойственна смысловая уплотненность и экспрессивность. Подобные номинации заставляют адресата остановиться на заголовке и интерпретировать новую номинацию.

Игровыми возможностями обладают окказионализмы, созданные с помощью графической гибридизации. Ее сущность заключается в графическом выделении сегмента: *Аудиторы **СРО**слись* (заголовок). *Растянувшееся более чем на три года объединение саморегулируемых организаций (СРО) на рынке аудита подошло к концу* («Коммерсантъ». 03.12.19); *Не **СПИрт*** (заголовок). *На чем «погорела» экс-замглавы Росалкогольрегулирования Ирина Голосная* («Наша версия». 20.12.19). Графические новообразования экономят речевые средства, деавтоматизируют восприятие адресата и привлекают его внимание.

В медийных текстах журналисты активно используют окказиональные слова, созданные с помощью заменительной деривации (субституции). При ней одна из частей подставляется на место другой в исходном слове: ***Штабс-хулиган*** (заголовок). *Контрактник взорвал штаб полка, чтобы офицеры серьезнее относились к службе* («Коммерсантъ». 29.08.19) – ср. исходное *штабс-капитан*; ***Топл-менеджеры*** (заголовок). *На экраны выходит фильм «Depeche Mode: Spirits In The Forest»* («Коммерсантъ». 20.11.19) – ср. исходное *топ-менеджеры*. Необходимо отметить, что подобные номинации являются средством создания иронической оценки и влияют на восприятие информации адресатом.

Таким образом, окказиональные слова в медийном тексте оказывают воздействие на сознание адресата. С помощью игровых возможностей новообразований журналисты усиливают выразительность статьи, деавтоматизируют восприятие читателя, передают дополнительные смыслы.

К ПРОБЛЕМЕ ПОДБОРА И ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА

Т.В. Карих (Иркутск)
Средняя общеобразовательная школа № 80
karikh.49@mail.ru

Текст – способ организации смысловой информации для общения. В учебном процессе в рамках нашего авторского

спецкурса «Коммуникативно-познавательная модель овладения технологией текстовой деятельности» мы обращаем внимание на подбор текста определенного содержания и прогнозирование / организацию учебных действий на его основе. При этом исходим из *коммуникативно-познавательного потенциала текста*, включающего в себя первичную информативность = объективную часть коммуникативно-познавательного потенциала, и вторичную информативность, его субъективную часть.

Исходим, прежде всего, из вторичной – прагматической – информативности текста, которая, скорее всего, станет достоянием реципиента. А для этого необходимо учесть предполагаемый общественный мотив совершения действия, познавательные и коммуникативные задачи реципиента в целях прогнозирования его текстовой деятельности / смыслового чтения.

Общественным мотивом реципиента (в самом общем плане) является поиск пути к взаимопониманию, диалогу и эффективному взаимодействию, контакту, сотрудничеству; поиск способов самоорганизации человека, воспроизводства вещества и форм социальности, т. е. человеческого общежития.

Познавательные и коммуникативные задачи реципиента диктуются интеракционным способом общения, т. е. общением путем взаимодействия общающихся на основе выполнения какой-то совместной деятельности, не только учебной, воспроизводством жизненных социокультурных систем вообще, обменом веществом, энергией и информацией между человеком и средой.

Далее мы анализируем текст с точки зрения его общественной значимости и познавательной ценности, коммуникативной целеустановки текста и коммуникативных способов ее реализации (речевых форм), характера текста, его семантико-смысловой структуры.

Общественная значимость и познавательная ценность текста определяются задачами межкультурной коммуникации, взаимопонимания, взаимодействия, диалога и контакта между людьми.

Мы подбираем тексты, порожденные представителями иной социокультурной общности, в которых отражены социально значимые действия этих представителей, что мы принимаем во

внимание, когда речь идет о межкультурном общении.

Изучение таких текстов – продуктов человеческой мысли с учетом их национальной культурно-исторической специфики помогает выявить структуру коллективного когнитивного сознания усредненной языковой личности, которая лежит в основе технологии производства этих текстов.

Содержанием текстов могут быть проблемные жизненные ситуации носителей иного лингвосоциокультурного кода – те сегменты текстовой деятельности, где проявляются общечеловеческие и национально-специфические виды семантических и прагматических пресуппозиций (предположений), а также пресуппозиций вертикального контекста, фреймовых пресуппозиций, которые являются условием осмысления выраженного в тексте.

Жизненная значимость текстов делает их насущно необходимыми для каждого человека. Текст познавательно ценен для реципиента, если он сообщает о новых для него фактах и событиях, дает интерпретацию уже известного, служит содержательной основой общения на уроке и за его пределами, содержит информацию, которая может быть использована обучаемыми в конкретных формах их учебной, учебно-профессиональной деятельности, в общественной работе.

В качестве учебных текстов можно подобрать информативно-побудительные, эмоционально-побудительные тексты, которые могут быть представлены в таких речевых формах, как сообщение, описание, рассуждение.

Следует проанализировать семантико-смысловую структуру текста – провести лингвистический анализ текста – рассмотреть текст как единицу языка.

Следующим этапом является анализ текста как иерархии коммуникативно-познавательных программ, содержательно-смысловой целостности, обладающей своей макро- и микроструктурой, текста как единицы общения.

Предлагаемый анализ раскладывает текст по предикациям. Понятие предикации в широком смысле покрывается четырьмя типами синтаксем: предикацией в узком смысле – приписыванием признака предмету; номинацией; локацией; оценкой. Такова в самых общих чертах процедура моделирования учебного текста.

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ ПЕРСОНАЖАМИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ф.И. Карташкова, Л.Е. Беляева (Иваново)
Ивановский государственный университет
belyalyubov@yandex.ru

В ситуациях экспликации ценностного компонента произведения живописи основная роль принадлежит языку. При восприятии произведения живописи у персонажа художественного текста возникает эстетическое или антиэстетическое чувство. Эстетическая оценка, как известно, субъективна: одна и та же картина может получить как положительную, так и отрицательную оценку у разных реципиентов в зависимости от степени их жизненного опыта, уровня знаний и подготовленности к восприятию.

Положительная эстетическая оценка воспринимающего произведение живописи субъекта отражает эстетическое чувство. Сильное впечатление персонажа от картины детерминирует эмоциональную окрашенность описания его восприятия данного произведения искусства. Персонажи испытывают такие эмоции, как восхищение, интерес и уважение к художникам. Анализ примеров положительной эстетической оценки произведения живописи в рассматриваемых текстах позволяет определить типичные языковые средства ее экспликации. Семантика прилагательного *new* передает новизну, недавно открытую и не существующую раньше. Семантика прилагательного *interesting* подчеркивает пробуждение любопытства или интереса, удержание или привлечение внимания. Частотно использование прилагательного *wonderful* для описания абстрактных понятий виденья и вещей, семантика которого передает восторг, удовольствие или восхищение. При описании положительной оценки авторы используют такие приемы, как сравнение, антитеза, ряды однородных членов предложения. Насыщенные эпитеты, восклицательные предложения, лексический повтор дают возможность описать восхищение картинами.

Негативная оценка произведений искусства в художественных текстах имеет место в различных ситуациях. Авторы представляют читателям сцены путешествий или прогулок, обычных посещений

мастерских или выставок, либо домашней обстановки. Реципиентов, созерцающих картину, может быть несколько. Однако писатель описывает позицию одного из героев, которая выражает либо справедливую оценку, либо противопоставлена ей. Персонаж зачастую является знатоком живописи, эмоциональной и чувствительной натурой. Однако в ряде случаев рядом с этим персонажем часто присутствует другой персонаж, несогласный с его мнением. Излагая контраст мнений, автор подчеркивает отрицательную оценку картины в художественном тексте профанов, ничего не смыслящих в искусстве, с которыми не соглашаются знатоки живописи. Дилетантское мнение противопоставлено величию и мастерству талантливых художников. Персонажи – знатоки искусства испытывают эмоции пренебрежения, отвращения, возмущения или неприятия такой трактовки произведения живописи. Текст насыщен стилистическими фигурами: эпитетами, риторическими вопросами и восклицаниями, однородными членами предложения. Он включает в себя глаголы и глагольные формы с семантикой «зрения», лексику с эмоционально-оценочным компонентом в значении. Для описания отрицательного мнения автор применяет различные стилистические приемы, такие как сравнение, антитеза, аллюзия, парцелляция, гипербола, метафоры и т.д.

Итак, в описании восприятия и оценки картин субъект оценки играет важнейшую роль. Данный факт подтверждается тем, что оценка чаще всего выражается в текстах эксплицитно. Однако исключением являются случаи, когда в описательных суждениях оценка выступает имплицитным элементом. Наличие необходимых знаний субъекта живописи влияют на его оценку того или иного произведения живописи.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЕ КАТЕГОРИИ В МЕТАТЕКСТЕ, ИНТЕРТЕКСТЕ И ГИПЕРТЕКСТЕ

*Т.Е. Литвиненко (Иркутск)
Иркутский государственный университет
litvinenko0424@gmail.com*

Отражение представлений о мире и человеке в языке, кодифицирующем всё многообразие смыслов, форм и событий,
266 Международная конференция 28–29 мая 2021 г.

неразрывно связано с системой морфологических и синтаксических единиц как репрезентантов грамматики бытия. Совпадая в своих универсальных характеристиках, касающихся категорий субъектности и объектности, номинативности и атрибутивности, предикативности, модальности, аспектуальности и пр., каждая грамматическая картина мира имеет свою специфику, правила построения и классы знаков, выражающих и описывающих ее суть и особенности в языке. При этом данная разновидность картины мира находит свое непосредственное отражение не только в текстах всех существующих жанров и типов речи, но и в своего рода текстах о текстах, то есть в лингвистических метатекстах, прежде всего, в учебниках и монографиях соответствующей направленности.

Рассмотренные с иных позиций грамматики-метатексты могут быть определены как интертексты [Литвиненко, 2006] в том случае, если они частично или полностью воспроизводят понятийно-терминологический аппарат своих претекстов и, таким образом, выстраивают концепцию, так или иначе цитируя предшественников. Примерами текстов, интегрирующих материал и выводы источников и повторяющих или оспаривающих их методологию, являются фундаментальные грамматики, издаваемые Королевской академией испанского языка (RAE) с 1771 по 2009 гг.

Анализ, проводимый в рамках интертекстуального подхода последнего коллективного труда *Nueva gramática de la lengua española*, показывает, что его авторы не только цитируют традиционный список частей речи, но и расширяют его за счет так называемых перекрестных классов (*clases transversales*). Необходимость изменения базовой номенклатуры диктуется, главным образом, размытостью границ категорий как компонентов испанской грамматической картины мира, а кроме того, полифункциональностью и спецификой значения единиц, входящих в состав традиционных частей речи. В результате этого, в частности, ряд единиц, относящихся в претекстах к категориям имя существительное, прилагательное, наречие, детерминант или местоимение, сменила свой статус в интертексте и стала, наряду с числительными, рассматриваться как элемент класса квантификаторов [Nueva, 2009, p. 1377–1381].

Кроме этого, анализ интертекста продемонстрировал изменение роли категории аспектуальности как функционального компонента

грамматической картины мира и специфики ее соотношения с категорией глагола. Подтверждением этому может служить сопоставление дефиниций данной части речи в претексте [Esbozo, 1973, p. 249] и интертексте [Nueva, 2009, p. 1673], в первой из которых глагол определяется как категория, обладающая грамматическими показателями числа, лица, времени и наклонения: «El verbo ... es aquella parte de la oración que tiene morfemas flexivos de número, ... de persona, ... de tiempo y de modo»; а во второй – числа, лица, времени, наклонения и аспектуальности: «La flexión verbal expresa en español número y persona (capítulos 16 y 33), modo (capítulo 25), y también tiempo y aspecto».

Отметим, что последний пример также свидетельствует о наличии в Nueva gramática системы многочисленных гиперссылок, становящихся активными при работе с данным текстом в сети Интернет, что позволяет квалифицировать его как гипертекст.

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ТЕКСТА

Е.М. Масленникова (Тверь)

Тверской государственный университет

e-maslennikova@inbox.ru

1. Художественные тексты, обладающие потенциальной смысловой бесконечностью, отличаются повышенной открытостью, а их понимание подразумевает возможность выхода за текстовые границы. Другим их свойством является плотность информации: они содержат кодовые комбинации, позволяющие автору задать, а читателю предугадать развитие сходных мотивно-тематических контекстов, восходящие к предшествующей литературной традиции или к сюжетной линии.

2. Благодаря новым информационным технологиям возникает внутриязыковой перевод в виде поликодового текста, построенного по принципу электронного гипертекста. Подобные виртуально-параллельные оригинал и его перевод(ы) предназначены для студентов, специализирующихся на языке и литературе древнего периода. Чтобы реализовать принцип наглядности в зависимости от

поставленных образовательных задач подбирается сопутствующий наглядный материал (иллюстрации, элементы анимации, видеоматериалы, комментарии, тезаурус, словарь, задания и т.д.), а также оформление всего сайта. Гетерогенный характер внутриязыкового перевода как поликодового текста делает его востребованным у соответствующей аудитории, которая может выбирать стратегии его чтения в зависимости от поставленных целей и имеющихся мотивов. Мультимедийность, полиководовость, полимодальность и интерактивность внутриязыковых переводов обеспечивают оригиналу «новую» жизнь в современной языковой среде.

3. Художественные тексты связаны с множеством иных текстовых Миров, т.е. устанавливается многомерная система связей, которую можно представить как «затекст « подтекст « текст « интертекст « гипертекст». Неотъемлемой чертой культурной памяти являются концепты прецедентных текстов. Интертекстуальные связи внутри диалога «текст « прототип» поддерживаются цитатами, заглавиями (цитатного типа), эпиграфами, аллюзиями, реминисценциями, ключевыми словами и т.д., являющиеся смысловобразующими элементами текста-реципиента, «символами» культуры, культурной памятью, отсылающими к прототексту и / или замещающими его в тексте. Возрастает роль комментария к тексту.

4. Оптимальное декодирование текста предполагает наличие у читателя не только фоновых знаний, но и достаточно высокого уровня интертекстуальной компетентности, поскольку текст поддерживает диалоговый режим не только со «своим» читателем, обратившимся к нему в конкретный момент как «здесь–и–сейчас». На получаемую читателем личностную проекцию текста влияет социально-семиотическая структура кодов, которыми руководствуется автор, чтобы позволить тексту «обрести» реальность. Семиотическая трансформация текста обусловлена пространственно-временной дистанцией, разделяющей автора и «его» читателя.

5. Культурная модификация текста особенно ярко проявляется в двух случаях интерпретации вербального знака: при межсемиотическом и межъязыковом переводе. В случае художественного перевода как двуязычной текстовой коммуникации переводчик вынужден «пересекать» границы семиотических пространств, пытаясь

воссоздать Мир текста и его текстовое пространство, иногда приспособлявая их к параметрам принимающей текст культуры. Перед переводчиком стоит задача определить зону пересечения двух литератур, когда в большинстве случаев средний читатель из системы переводящего языка окажется знакомым с прототекстом, элементы которого были включены в оригинал. Возможны две ситуации: 1) прототекст относится к разряду универсально-прецедентных феноменов; 2) какие-либо отдельные переводы базового прототекста стали национально-прецедентными.

ИЗУЧЕНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ОСНОВ КОММУНИКАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

М.О. Матвеев (Москва)

МГИМО

Mike-matveev@mail.ru

В настоящий момент становится все более очевидно, что коммуникация представляет из себя крайне сложный процесс, и многие ученые приходят к выводу, что «любое использование языка неизбежно является мультимодальным» [Scollon 2006: 386]. Нельзя не согласиться с мнением А.А. Кибрика, утверждающего, что «попытки принципиального отделения языка от коммуникации, мышления и поведения малопродуктивны, искусственны, обусловлены лишь логикой развитием науки, но никак не самой природой вещей...» [Kibrik, 2010], в то время как «учет несегментных и невербальных явлений дает более объемную картину и позволяет по-новому взглянуть в том числе и на традиционные лингвистические вопросы».

Говоря о коммуникации, необходимо отметить, что она представляет из себя использование не одной знаковой системы, а представляет собой специфическую форму симбиотического взаимодействия [Klemm, Michel, 2014]. В ходе коммуникации используются различные каналы восприятия: в процессе общения люди используют как вербальные, так и невербальные элементы - таким образом, можно прийти к выводу о мультимодальном характере коммуникации [Kress, 2009].

Цель данного исследования – изучение закономерностей восприятия информации, получаемой при восприятии вербальных и невербальных компонентов креолизованного текста, содержащего описание человеческих лиц, что в дальнейшем позволит также изучить невербальные основы когнитивной деятельности.

Гипотеза исследования заключается в том, что в ходе коммуникации образ собеседника строится не только за счет вербального компонента коммуникации, но и за счет ее невербальных компонентов (мимика, жесты, положение тела, тон голоса и т.д.) (Non-verbal Communication ed. M.D. Binder, N. Hirokawa, U. Windhorst, Berlin, Heidelberg: Springer, 2009. 2897–2897 p. Verbal and Non-verbal Communication ed. R.B. Burns, Dordrecht: Springer Netherlands, 1991. 223–235 p.). К сожалению, современная лингвистика не учитывает невербальные компоненты коммуникации, несмотря на то что визуальный и кинестетический каналы играют крайне важную роль (Woolcott L.A., Unwin W.R. Non-Verbal Communication Palgrave Master Series / ed. L.A. Woolcott, W.R. Unwin, London: Macmillan Education UK, 1983. 188–193 p.) Язык тела позволяет передавать сигналы, уточняющие и дополняющие вербальную часть сообщения, а именно способность воспринимать и расшифровывать невербальные сигналы позволяет людям успешно организовать совместную деятельность (Thompson N., Campling J. Non-verbal communication ed. N. Thompson, J. Campling, London: Macmillan Education UK, 1996. 93–103 p.), а также кардинально менять смысл сказанного: один и тот же текст, озвученный разными людьми, сопровождающийся разными жестами и мимикой будет восприниматься респондентами по-разному.

ВАЖНЕЙШИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ НАВЫКОВ: БЕГЛОЕ ЧТЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА

*Е.Ю. Мягкова (Тверь, Россия)
Тверской государственный университет
elenamyagkova@mail.ru*

С целью понять, какую роль овладение языком играет в когнитивном становлении человека, какие глубинные когнитивные

функции задействованы в процессах пользования языком, современное языковедение всё чаще обращается к новейшим достижениям психологии и нейропсихологии. Знание основ работы мозга и функционирования психики необходимо для понимания специфики формирования образа мира. Особую роль здесь играют особенности работы мозга при овладении чтением.

Читать и писать на родном языке учатся все дети: любая школьная программа подразумевает овладение «азами» (чтением, письмом и арифметикой – устным счетом). Однако именно на этапе «азов» нередко возникают серьезные проблемы, ведущие в дальнейшем к возникновению отрицательных эффектов функциональной неграмотности [Мягкова, 2016].

Чтение не возникает естественным образом, а навыки чтения и письма не являются врожденными. Процесс овладения чтением начинается в первые дни жизни человека, и психофизиологическая структура письма и чтения включает комплекс когнитивных функций; письмо и чтение – части единого процесса, объединяющего важнейшие интегративные когнитивные навыки: внимание, восприятие, память, мышление и др. [Безруких, 2013].

М. Вулф [Wolf, 2008] подчеркивает, что чтение основывается на базовых видах поведения, которые человек использует в повседневной жизни. Чтение генетически не «запрограммировано», поэтому на уровне нейронов и на уровне когнитивных процессов человеку приходится учиться формировать новые нейронные пути, и это должно происходить у *каждого* конкретного человека, когда он учится читать. Таким образом, овладевая чтением, человеческий мозг выходит за рамки того, что предназначено ему природой, то есть за рамки генетически запрограммированных нейронных структур. Понимание особенностей формирования новых нейронных сетей для чтения помогает осознать и тот факт, что на начальном этапе обучения чтению и письму ребенок оказывается очень уязвимым: если в силу индивидуальных особенностей или условий обучения (и воспитания) в научении происходят сбои, последствия могут оказаться необратимыми.

Это значит, что для формирования эффективных навыков чтения и письма необходимо выполнять ряд условий. У начинающего учиться читать ребенка должны быть сформированы базовые когнитивные

функции. Обучение чтению должно учитывать также особенности индивидуального развития, что должно обусловить выбор методов и методик обучения. Необходимо также использование адекватных требований и критериев оценки успешности овладения чтением, которое способствует выявлению еще одного важного фактора: возможных индивидуальных проблем, требующих использования особых мер коррекции. Например, с точки зрения критериев оценки важно понимать, что читать бегло – это значит не просто «читать быстро», а читать и при этом воспринимать и понимать, причем делать это за счет *автоматизированных* навыков распознавания графических символов, фонологических единиц и грамматических форм, а также устойчивых смысловых единиц и их связей.

Признание исключительной роли овладения чтением для поиска путей решения целого ряда проблем, в частности функциональной неграмотности, ведет к признанию необходимости перестройки сознания всех, кто занимается изучением языка и обучением языку в плане их собственной грамотности. Обязательным в этом плане должно стать знание психофизиологических оснований чтения и письма, общей теории деятельности и теории речевой деятельности, а также новейших исследований во всех этих областях.

ЧТЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ПАРАДИГМЕ

***Е.С. Никитина (Москва)
ФГБУН Институт языкознания РАН
m1253076@yandex.ru***

Деятельностному подходу противостоит натуралистический в системе методологических исследований. В натуралистическом подходе объект рассматривается как данный заранее, и с ним взаимодействует исследователь – субъект, применяющий набор исследовательских процедур и операций для получения знаний об этом объекте. Знания же, в виде шаблонов или схем, накладываются на объект, и таким образом получается его изображение. Внутри этого подхода только внешний мир имел протяжение, границы, структуру. Субъект оставался точкой в пространстве,

не имеющей собственного размера в познавательном акте, чтобы не исказить природу объекта. В деятельностном подходе акцент ставится на активную роль субъекта. Через средства, методы и формы организации деятельности субъекта задаются и определяются предметные характеристики объектного мира. «Если натуралистический подход ориентирует нас в первую очередь на материал природы, в нем непосредственно видит разрешение затруднений и парадоксов современной науки, то деятельностный подход, напротив, ориентирует нас в первую очередь на средства, методы и структуры нашей собственной МД, и в их перестройке и развитии видит он путь дальнейшего совершенствования самой науки. В этом главная идея деятельностного подхода и в этом его отличие от натуралистического подхода» [Щедровицкий, 1994].

Деятельность как предельная универсальная абстракция, выступающая в роли объяснительного принципа, в силу самой своей предельности не требует дальнейших объяснений, однако приложение ее к конкретному предмету изучения предполагает представление последнего в качестве деятельностного же образования. В московской психологической школе деятельность полагалась как исходная реальность, а психика как ее производная и неотъемлемая сторона. Психические процессы – это особые формы деятельности, утверждал А.Н. Леонтьев. Здесь же были введены представления о психологической структуре деятельности, в которых со структурным рядом: деятельность–действие–операция сопоставляется ряд: мотив–цель–условие [Леонтьев, 1977]. Именно это дало основание говорить о психологической теории деятельности. Однако не разведение схем деятельности в качестве объяснительного принципа и предмета изучения приводило порой к отрицанию самих единиц психологической реальности. Так произошло с речевой деятельностью, в которой постулировалось наличие только среднего звена – действия. Речевая деятельность как мотивированная активность и обслуживающие ее операции выпадали из исследовательского поля.

Уровень особенной деятельности характеризуется наличием мотива, или предмета потребности, того, ради чего человек производит много разных действий. Без мотива деятельности не бывает. Мотивом «деятельности чтения является смысловое

решение, умозаключение, суждение, то есть понимание текста» [Нижегородцева, Волкова, 2012]. Вращение человека в цивилизацию, в опыт накопленных поколениями знаний начинается с чтения. По словам Гёте, ему потребовалось 80 лет, чтобы научиться читать. Чтение можно отнести к «видовым способностям» человека. Наука понимать тексты только начинает развиваться в качестве самостоятельной дисциплины.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ БЛЕНДИНГ КАК СРЕДСТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

*Н.Н. Николаева (Москва)
Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана
nnn55n73@mail.ru*

В современной лингвистике уже можно считать аксиоматичным утверждение о том, что ключевой фигурой при восприятии и интерпретации любого текста является читатель/слушающий, воссоздающий смысл текста в результате взаимодействия субъекта и текста. Такой «метатекст-интерпретация» [Кузьмина, 2011, с. 114] представляет собой новый текст, в котором главенствующая роль отведена интерпретирующей деятельности субъекта, его точке зрения. При этом роль создателя текста заключается в выборе таких языковых форм, которые наиболее эффективным образом воздействуют на когнитивные процессы воспринимающего субъекта, профилируя яркие ментальные образы и ориентируя его мыслительный аппарат на поиск и нахождение наиболее подходящих когнитивных схем оценки ситуации на основе его предшествующего опыта языковых взаимодействий и адекватных им способов действий. Именно это утверждается и в известном законе Гумбольдта-Потебни [Рубакин, 1977]: слово не передает Другому готовую мысль, а способно лишь пробудить в нем его собственную, в связи с чем содержание законченного произведения развивается не в авторе, а в сознании читателя/слушателя [Потебня,

1976, с. 181–190]. Данные положения являются актуальными и релевантным для стилистической интерпретации текста и языковых единиц всех уровней.

В нашем исследовании мы используем понятие концептуального блендинга (conceptual blending), введенного Ж. Фоконье и М. Тернером [Fauconnier, 2001], под которым понимается когнитивная операция по объединению ментальных образов и идей в сети ментальных пространств, в результате которых создается новый смысл языковых единиц. Это понятие, разрабатывающееся прежде всего в контексте концептуальной метафоры и способов словообразования на синтаксической основе, может быть использовано и для целей когнитивной стилистики в целом, т. к. блендинг связан с динамической интерпретацией коммуникативной ситуации и моделированием точки зрения на объект или явление действительности. Он основан на нахождении определенных корреляций между концептуальными и языковыми структурами, за которыми стоит внутреннее богатство совмещенных ментальных пространств. Так, например, в статье Пола Кингснорфа [Kingsnorth, 2012] идет речь об отношении крупных корпораций к глобальным экологическим процессам. Журналист, комментируя идею о том, что современные инвайронменталистские концепции, по сути, содействуют капиталистической экономике, пишет, что новые формы защиты окружающей среды являются «каталитическим конвертором на серебристом внедорожнике мировой экономики» (*the catalytic converter on the silver SUV of the global economy*). Здесь мы видим конвергенцию стилистических выразительных средств (концептуальную метафору, аллюзию, эпитет, профессионализм), представляющих собой концептуальный блендинг.

На первый план выступает концептуальная метафора, в которой концепт глобальной экономики создается посредством концепта автомобиля. Однако, в соответствии с теорией блендинга метафоризация не исчерпывается проекцией из сферы-источника в сферу-мишень, а включает в себя формирование смешанных ментальных пространств, порождающих смыслы в самом процессе концептуальной интеграции. В данном случае речь идет о модели нескольких пространств (many-space model) с двумя исходными пространствами (input spaces), возникающим общим пространством

(generic space) и смешанным пространством (blended space or blend) вместо модели метафоры, состоящей из двух областей (two-domain model). В бленде «смешиваются» детали исходных пространств, в результате чего образуется качественно новая концептуальная структура, не зависящая от исходных. В рассматриваемом бленде осуществляется концептуальная интеграция двух исходных ментальных пространств, в котором структуры и функции двух сложных механизмов сопоставляются, профилируя интерпретацию глобальной экономики не с точки зрения финансовых рынков или производственных процессов, а в автомобильных терминах. Вид выбранного автомобиля (серебристый внедорожник) отсылает к предметам роскоши, образуя ментальный образ очень дорогого, мощного, элегантного автомобиля, но с большим расходом топлива, часто называемым «пожирателем бензина».

Мировая экономика концептуализируется как мощная и привлекательная сила, однако нерационально использующая ресурсы и технологии. Концептуальная эмерджентная структура, в которой экономика мыслится в терминах особенностей автомобиля, образует блендинг концептов, запускающий развитие идеи П. Кингснорта, в результате которого множественные концептуальные пространства могут пересекаться, образуя разные ассоциации, например, отсутствие корреляции между привлекательными эстетическими ценностями и инженерной обоснованностью большого потребления топлива и, соответственно, вредных для экологии выбросов, а также необходимостью перепроектирования системы управления двигателем (т. е. эквивалента ядра экономических решений) путем установки конвертера. В статье П. Кингснорта утверждается, что идея защиты экологии сегодня равносильна именно такому конвертеру: на самом деле капитализм не заинтересован в сохранении окружающей среды за счет сокращения чрезмерного использования природных ресурсов. Вместо этого фокус внимания смещается на разработку новых технологий. Роль экологических движений в пространстве блендинга концептуализируется как фальшивая и неэффективная, способствующая техническому прогрессу, а не защите окружающей среды. Как видим, несмотря на то, что первоначальная проекция носит метафорический характер, пространство блендинга обладает каузально-событийной структурой, не выводимой из пространства-источника.

По своей природе данный способ создания и интерпретации стилистической выразительности предполагает привлечение основных когнитивных и творческих способностей человека. При этом происходит активное приращение эмоциональной составляющей, которая способствует созданию большей выразительности языковой единицы и усилению воздействующего эффекта высказывания.

КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

А.А. ЛЕОНТЬЕВА И ЕЕ ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Ю.А. Панькина (Москва)
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
juliana_100@mail.ru

Интертекстуальность чаще всего рассматривается в парадигме текстоцентризма. Автор термина *интертекстуальность* Ю. Кристева исходит из концепции текста М.М. Бахтина [Кристева, 2000, с. 432], И.В. Арнольд связывает интертекстуальность с понятием контекста [Арнольд, 2002, с. 28]. По мнению Н. Пьеге-Гро, интертекстуальность является результатом впитывания и трансформации множества других текстов [Пьеге-Гро, 2008, с. 4]. В предисловии к книге Н. Пьеге-Гро «Введение в теорию интертекстуальности» Г.К. Косиков называет интертекстуальность возможным разделом поэтики, возникающим на наших глазах [Там же. С. 4]. Н.С. Болотнова утверждает, что интертекстуальность позволяет осуществлять «диалог с текстом, с другими текстами, с автором, с самим собой, с эпохой, отраженной в произведении, с культурой вообще, единицей которой текст является» [Болотнова, 2009, с. 21]. Текстоцентрическое измерение интертекстуальности также легло в основу теории перевода интертекстуальных элементов художественных произведений (см. работы М.В. Вербицкой, А.А. Гусевой и М.В. Игнатович).

Однако семиотика интертекста также подразумевает антропоцентрический подход. Антропоцентрическое измерение

интертекстуальности наиболее полно раскрывается в концепции А.А. Леонтьева [2001, с. 92–100], где он рассматривает интертекстуальность как адекватную бессознательному [Там же. С. 92], а архетип – элемент бессознательного – как ядро образа. Автор же видится проводником архетипических образов из сферы коллективного бессознательного в оформленную художественную реальность, где эти образы видоизменяются согласно контексту творчества автора [Там же. С. 92–100]. По мнению А.А. Леонтьева, интертекст можно отождествить с фигурами переноса как механизмами защиты бессознательного, поскольку и в основе интертекстуальности лежит определенная травматическая ситуация, «которую текст хочет скрыть» [Там же. С. 92–100]. Данная концепция имеет важное прикладное значение в аспекте дешифровки авторского замысла, глубинных убеждений создателя текста и реконструкции авторской модели мира.

В качестве примера реализации данной концепции интертекстуальности приведем наши результаты анализа трагедии И.В. Гёте «Фауст». Поскольку ранее мы писали об интертекстуальном начале главного героя трагедии Фауста и о том, что именно образ шекспировского Гамлета оказал основное влияние на трансформацию фольклорного персонажа Фауста в интерпретации Гёте, а также о том, что, как показывает анализ интертекстуальных элементов, фигура Фауста для Гёте в его произведении – это «его собственный Гамлет» [Панькина, 2017, с. 127–131], в рамках настоящей работы мы останавливаемся на исследовании сопутствующего Фаусту образа Маргариты.

Проанализировав коммуникативно-прагматическое содержание образа Маргариты, мы приходим к выводу, что он обладает межтекстовыми связями с архетипическим образом шекспировской Офелии.

Вхождение в сферу интерпретации вышеупомянутых межтекстовых связей предваряется песней Мефистофеля в сцене *Nacht. Straße vor Gretchens Türe* (Ночь. Улица перед домом Гретхен), которая по формату представляет собой деформированную цитату немецкого варианта перевода песни Офелии из трагедии Шекспира «Гамлет», выполненного А.-В. Шлегелем. Дальнейшая сюжетная линия, связанная с Маргаритой, идущая после данной песни

Мефистофеля, служит порождению соответствующего фрейма – сценария судьбы Офелии – применительно к судьбе Маргариты (потеря близкого родственника по вине возлюбленного (через убийство шпагой), чести и рассудка, смерть).

Таким образом, не только фигура Фауста, но и фигура Маргариты – это, прежде всего, гётевская интерпретация архетипических образов Гамлета и Офелии, обусловленная определенным «травматическим» опытом, способствующим возникновению именно этих интертекстуальных фигур переноса как механизмов защиты бессознательного Гёте, испытавшего значительное влияние творчества У. Шекспира.

СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА: САНГВИНИКИ И МЕЛАНХОЛИКИ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

*Л.А. Пиотровская (Санкт-Петербург)
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
larisa11799@yandex.ru*

Выделяют два основных фактора, определяющих специфику восприятия текста: особенности воспринимаемого текста и личностные характеристики реципиента.

В исследовании проверяется следующая гипотеза: поскольку темперамент определяет способ видения мира, степень активности нервной системы и, как следствие, степень эмоциональности личности (см., например, [Еникеев, 2006, с. 478]), люди с разным темпераментом по-разному осмысливают текст.

Выборка испытуемых была сформирована на основе психологического тестирования 135 студентов вузов Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 25 лет по опроснику Г. Айзенка как наиболее апробированному. Из релевантных анкет было отобрано по 20 анкет респондентов с преобладающим сангвиническим и меланхолическим типом темперамента. Для обеспечения

валидности эксперимента, во-первых, в каждой группе были в равном количестве представлены мужчины и женщины; во-вторых, большое внимание было уделено отбору текстов. Каждому испытуемому было предложено четыре текста, различных по функционально-коммуникативному типу и размеру: «Коммунальная квартира» М.М. Зощенко (повествование, среднего объема), «Пингвины» И.А. Бунина (рассуждение, среднего объема), «Неизвестный цветок» А.П. Платонова (описание, большого объема) и «Огоньки» В.Г. Короленко (повествование, маленького объема). Для оценки результата понимания текста использовался метод ключевых слова [Мурзин, Штерн, 1991]. При интерпретации результатов учитывались и ядро, и периферия семантического поля текста. К ядру были отнесены слова, представленные не менее, чем в половине анкет ($p \geq 0,5$). Сравнивался также коэффициент относительной частоты одних и тех же слов в анкетах двух групп испытуемых.

Наиболее ярким оказалось преимущественное использование в качестве ключевых слов, вошедших в общий набор ключевых слов, разных частей речи: в анкетах сангвиников преобладают существительные (например: *драка, ежик, поезд, обрыв, цветок, пионер, огонек, река*), тогда как меланхолики часто использовали глаголы (например: *вспыхивать, разжигать, ехать, вечереть, трудиться, жить, манить, плыть*). Это свидетельствует о том, что семантическое поле всех текстов в интерпретации сангвиников связано с названиями места действия и участников событий, в то время как в трактовке меланхоликов оно предстает как череда сменяющихся событий.

Анализ семантического поля рассказа И.А. Бунина выявил повышенное внимание сангвиников к именам собственным. Кроме того, слова, характеризующие эмоциональную атмосферу и ощущения героя (*страшно, тревожить, грустный*), в анкетах меланхоликов имеют существенно более высокий коэффициент относительной частоты.

Обобщение анализа общего набора ключевых слов по всем текстам позволяет сделать следующие предварительные выводы. Сангвиники воссоздают целостную ситуацию, монтируя ее из отдельных «кадров», на каждом из которых фиксируются место

действия и его участники; меланхолики же воссоздают ситуацию как континуум, непрерывную последовательность событий. Особое внимание к процессу способствует более сильному эмоциональному переживанию происходящего, тогда как расчленение целостной ситуации на отдельные «кадры» отодвигает эмоциональное сопереживание героям на периферию.

КАК ПЕРЕВЕСТИ НА ЯЗЫК ТО, ЧЕГО В ЭТОМ ЯЗЫКЕ НЕТ: К ВОПРОСУ О ДЕЛАКУНИЗАЦИИ

***М.Б. Раренко (Москва)
Институт научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН
Московский государственный университет им. М.В.
Ломоносова
rarenco@rambler.ru***

Художественный перевод является одним из сложнейших и наименее поддающихся формализации разделов переводоведения. Анализируя проблему адекватности и эквивалентности перевода, следует отметить, что проблема перевода лакун по-прежнему остается актуальной. В.Г. Гак дает следующее определение: «Лакуны – пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые, казалось бы, должны были бы существовать в языке, если исходить из его отражательной функции (т. е. его задачи обозначать явления объективной действительности) и из лексической системы данного языка» [Гак, 1983, с. 245]. Собственно, лакунами именуют подчас весьма разные по своей природе явления, общим для которых является то, что они отсутствуют в одном языке при сопоставлении его с другим. Как отмечают И.Ю. Марковина и Ю.А. Сорокин, «лакуны незаметны изнутри, при рассмотрении одного языка, текста или культуры, но выявляются при их сопоставлении» [Марковина, Сорокин, 2010, с. 4].

Несмотря на то, что проблемами лакунарности применительно к переводческой деятельности занимались разные исследователи,

до сих пор нет единой, общепризнанной классификации лакун. Основоположником теории лакун является Ю.А. Сорокин, большой вклад в изучение лакун и их моделей внесла его ученица И.Ю. Марковина, согласно которым лакуна определяется как сигнал наличия культурной специфики значения [Марковина, Сорокин, 2010].

При переводе происходит (должно в идеале происходить) то, что можно назвать делакунизацией, а для описания механизма делакунизации необходимо выяснить причины лексических различий между языками и культурами.

Качество перевода (адекватность и эквивалентность) находится в прямой зависимости от того, насколько точно и в полной мере в переводном произведении оказывается сохранена различного рода информация подлинника – коммуникативно-прагматическая, семантическая, функционально-стилистическая. Культурная сфера словарного запаса языка является сферой коннотации, и именно коннотативный слой значений языка является, согласно Ю.А. Сорокину, сферой, в которой возникает большинство лакун.

Несмотря на то, что единой классификации лакун до сих пор не было разработано, обычно выделяют этнографические, символные, ассоциативные и социокультурные лакуны. Возникновение этнографических лакун обусловлено присутствием R-реалий, т. е. «номинаций культурно-специфичных предметов» [Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации, 2013, с. 34]. Символьные лакуны, помимо указания на реалию, актуализируют у носителя культуры целый пласт фоновых знаний, а ассоциативные лакуны связаны с функционированием в исходном тексте разного рода включений. Социокультурные лакуны апеллируют, как правило, к фактам истории и культуры, в частности народным традициям.

Переводческий комментарий художественного текста – один из способов делакунизации, при этом объем и содержание комментария будет зависеть от типа лакуны [Бурякова, 2019].

Существует мнение о том, что, используя прием комментирования, переводчик «расписывается» в собственном бессилии, что, на наш взгляд, далеко не всегда соответствует действительности. Нельзя не согласиться с тем, что переводческий комментарий может

затруднять процесс чтения в силу того, как оказывается в нем представлена информация, но в некоторых случаях переводческий комментарий представляется единственным способом донести до читателя смысл прочитанного.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ТЕРМИНОВ «NATIONAL» И «ГРАЖДАНИН» В БРИТАНСКОМ И РУССКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ИНТЕРТЕКСТЕ

Д.М. Татаурова (Иркутск)
Иркутский государственный университет
darya.tataurova@mail.ru

Конституция как дискурс основывается на базовых понятиях, в числе которых **national** и **гражданин** репрезентируют связь человека и государства. Объектом исследования выступают данные понятия и соответствующие им термины в Конституциях Великобритании и России.

Понятие и его имя отсылают к реальному объекту, или референту, а совокупность существенных признаков понятия есть его сигнификат. В рамках прототипического подхода структура понятия разделена на кластеры, актуализирующие гипонимические значения понятия-гиперонима: ядро отсылает к прототипическому референту или эталону множества референтов, обозначаемых понятием, и характеризуется прототипическим сигнификатом; околядерная зона включает элементы с большинством признаков эталонного сигнификата, на периферии расположены члены категории с малой частью эталонных признаков [Кобозева, 2000]. В структурах изучаемых понятий ядро заполняют элементы, содержащие в сигнификате все права и обязанности как полную объективацию отношений государства и человека; околядерная зона представлена элементами с большинством обязанностей и прав; периферия вмещает членов с минимумом конституционных прав и свобод.

Современные исследования признают, что любой текст есть интертекст или система прямых и не прямых цитат, сознательно

или бессознательно воспроизводящих другие тексты [Барт, 1989]. Конституция также является интертекстом, включающим в себя моно-и полиреферентные заимствования и предстающим как продукт переосмысления базовых политико-правовых концептов и знания из предыдущих версий текста, или претекстов [Литвиненко, 2012]. Рассмотрим функционирование терминов-цитат **national** и **гражданин** и членов круга их семантической вариативности в конституционном интертексте Великобритании и России.

Понятие **гражданин** на протяжении эволюции конституционного интертекста России отличается многозначностью при одинаковой знаковой форме для гиперонима и его гипонимов, что обусловлено множеством денотативных групп, по-разному реализующих связь с государством; а также изменением сути политико-субъектных отношений. Прототипический сигнификат сократился до одной семы «избирательное право».

Термин **national**, появившийся в последнем варианте конституционного интертекста Великобритании, стал гиперонимом для отражения факта отношений между государством и человеком с гипонимами **citizen** ‘гражданин’ и **subject** ‘подданный’. Словари позиционируют гипонимы как почти полные синонимы с антонимичными семами «демократический строй» и «монархия» соответственно. **Subject** употреблялся на протяжении всего развития интертекста; будучи лакунарным до принятия Акта Парламента 1948 года, термин **citizen** амплифицировался в виде значительного количества вариаций. На данный момент указанные гипонимы отличаются семами **right to abode** ‘право проживания’ и **right to vote** ‘избирательное право’: их наличием у первого термина и отсутствием у второго.

Итак, термины **national** и **гражданин** движутся к моносемии, однако в первом случае это обусловлено нечеткостью сигнификативного состава гипонимов, во втором – уменьшением количества значений и их вариантов.

СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ И МОДАЛЬНЫХ КОГНИТИВНЫХ СИСТЕМ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

А.Г. Шипулин (Брянск)

Брянский государственный университет им. акад. И.Г.

Петровского

alx.shipulin@gmail.com

С позиций корпореального подхода процессы понимания и интерпретации осуществляются в результате перцептивного и моторного моделирования. С точки зрения субъекта эти ментальные модели принимают форму перцептивных, моторных и интроспективных образов, помещенных в контекст определенных потенциально возможных ситуаций и таким образом подготавливают субъект к ситуативно-обусловленной деятельности. Это сближает сомато-центрические модели когнитивных процессов с деятельностью подходом [Леонтьев, 1994].

Со своей стороны, теоретики и практики перевода неоднократно указывали на важность мысленных образов для понимания текста и предотвращения интерференции при переводе [Seleskovitch, Lederer, 2002].

Исследования, однако, показывают, что при порождении речи в сознании билингов, даже достаточно компетентных, активируются оба языка [Kroll et al., 2008], и девербализация не является непременным условием для создания текста перевода [Tirkkonen-Condit, 2005].

В связи с этим значимой для исследования переводческого процесса представляется теория языка и ситуативного моделирования, согласно которой в процессе когнитивной обработки информации задействованы системы двух видов – языковые и модальные. При обработке текстовой информации в первую очередь активируются ассоциативные интер- и интралингвистические связи (на основе фонетических, таксономических признаков, частотности и др.), и лишь затем, если обнаруженная в этой системе информация оказывается неадекватной выполняемой задаче, происходит ситуативное моделирование при помощи модально-специфических церебральных систем [Barsalou, 2008]. Ситуативные модели в свою

очередь вновь активируют языковые формы, и таким образом оба типа когнитивных систем взаимодействуют и сменяют друг друга в процессе интерпретации текста.

Теория языка и ситуативного моделирования также имеет много общих моментов с разрабатываемой в отечественной психолингвистике теорией «встречного моделирования», согласно которой языковые знания направляют моделирование ситуаций и их составляющих, а те, в свою очередь, подкрепляют или заставляют уточнить вовлекаемые языковые знания [Залевская, 2014, с. 63].

Двусистемная теория способна учесть индивидуальные и ситуативные различия в когнитивных стратегиях перевода. Чем больше усилий требуется для обработки языковых форм, тем меньше ресурсов остается для построения целостной модели смысловой информации. Напротив, при отсутствии значительных лингвистических трудностей переводчики располагают достаточными ресурсами для моделирования интегративной картины и, соответственно, имеют более широкую основу для интерпретаций.

Секция
«Ценности современной России в психолингвистических
исследованиях»

**ХРОНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ИССЛЕДОВАНИЮ ЦЕННОСТЕЙ**

*В.А. Ильина (Москва)
АНО ВО «Российский новый университет»
violette-viola@inbox.ru*

Хронопсихолингвистический подход к исследованию ценностей позволяет нам описывать динамику развития содержания ценностей, образующих ценностный каркас языкового сознания. Мы можем анализировать компоненты содержания ценности в определенную эпоху или определенный отрезок исторического времени [Ильина, 2019] и отслеживать, как менялось содержание ценности, находясь в прямой зависимости от влияния исторического времени на восприятие и интерпретацию образов языкового сознания носителями разных культур.

В ходе пилотажного эксперимента нами было проанализировано 100 примеров речевых произведений 18-го и 19-го веков, а также начала 20-го века. Содержание ценности *мир* в 18-м веке составляют такие компоненты, как «перемирие», «государство», «покой», «вселенная», «мироздание», «Божье творенье», «театр», «жизнь», что позволило нам выделить семантическую группу «*универсум*» («вселенная», «мироздание», «Божье творенье»), а также группу «*состояние уравновешенности*» («перемирие», «покой»).

«Божье творенье», «мировоззрение», «духовная жизнь», «другое измерение», «люди», «планета Земля», «воображаемая жизнь», «общество», «религия», «цивилизация», «творчество», «история», «перемирие», «жизнь», «покой» были определены как компоненты содержания ценности *мир* в 19-м веке. Семантическая группа «*жизнь*» («мировоззрение», «духовная жизнь», «воображаемая жизнь», «жизнь», «другое измерение»), семантическая группа «*культура*» («религия», «цивилизация», «творчество», «история», «общество», «люди») и группа «*состояние уравновешенности*» («перемирие», «покой») формируются на основе отмеченных выше сем.

В содержании ценности *мир* в начале 20-го века выделяется ряд сем («реальность вокруг», «общество», «вселенная», «природа», «цивилизация», «мироощущение», «перемирие», «согласие», «ценность», «религия», «универсум», «дом», «покой», «культура», «творчество», «театр», «власть», «другое измерение», «мироздание»), которые образуют группу «*универсум*» («вселенная», «природа», «универсум», «другое измерение», «мироздание») и группу «*состояние уравновешенности*» («перемирие», «покой»).

Если указывать на зоны пересечения семантических полей 18-го, 19-го и начала 20-го века, то обращает на себя внимание общая для всех группа «*состояние уравновешенности*». При сравнении семантических полей 18-го и 19-го веков становится очевидным наличие пересечений на уровне отдельно взятых сем, а именно: «Божье творение» и «жизнь». При сравнении семантических полей 18-го и 20-го веков есть пересечения также на уровне отдельно взятых сем («вселенная», «мироздание», «театр»), а при сравнении полей 19-го и 20-го веков общими являются семы «другое измерение», «общество», «творчество», «цивилизация».

Уникальной (неповторяющейся в других семантических полях) семой в значении ценности *мир*, выявленной на основе анализа семантического поля 18-го века, является «государство». Уникальными компонентами семантического поля 19-го века ценности *мир* являются «мировоззрение», «духовная жизнь», «люди», «планета Земля», «воображаемая жизнь», «история». Уникальными компонентами содержания значения ценности *мир* в начала 20-го века являются такие семы, как «реальность вокруг», «природа», «мироощущение», «согласие», «ценность», «религия», «универсум», «дом», «культура», «власть».

В процессе пилотажного хронопсихолингвистического исследования речевых произведений носителей языкового сознания разных эпох достаточно явно прослеживается ассоциация ценности *мир* с государством (узко-локальная оценка мира, приравненного к одному государству) в 18-м веке, с мировоззрением, духовной и воображаемой жизнью, историей, людьми и даже планетой в целом – в 19-м веке (очевидна глобализация мира, его интерпретация как бескрайнего простора духовной жизни или внешнего простора человека как жителя планеты Земля). В 20 веке мир – это реальность вокруг, природа, мироощущение, согласие, ценность, религия,

универсум, дом, культура, власть, то есть в 20-м веке мир – это природа-дом, согласие и культура, что свидетельствует о восприятии процесса глобализации в позитивном ключе, когда транслируется добро и согласие внешнему миру. Объективное время через переживание индивидом становится субъективным временем, которое выражается при помощи речи и в ней, поэтому речевой анализ является ключом к пониманию темпоральной составляющей языкового сознания.

РУССКИЕ АНТИПОСЛОВИЦЫ С ГЕНДЕРНЫМИ МАРКЕРАМИ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Н.В. Кирюхина (Орёл)

*Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
mila0870@yandex.ru*

Паремиологический фонд – это открытая система, а значит, она продолжает пополняться новыми единицами, среди которых нужно выделить так называемые «антипословицы». Со временем пословицы могут подвергаться различным модификациям, но именно в последние десятилетия многие из них претерпели такие обширные изменения, что их вторичный вариант стал популярнее своего оригинала. Именно Вольфганг Мидер предложил термин «антипословицы» для такого рода намеренных искусных переделок. Как отмечают А.Т. Литовкина и В. Мидер, «пословицы и их мудрость все так же высоко ценятся в современном обществе. Просто некоторые так называемые антипословицы стали новыми пословицами благодаря своей многогранной мудрости, актуальной на данном этапе развития общества» [T. Litovkina & Mieder, 2006: 5]. В. Мидер подчеркивает во многих своих трудах, что «такие переделки уже существующих традиционных пословиц чаще всего призывают к более критичному взгляду на устои и ценности, выраженные в оригинальных версиях» [Mieder, 1993c: 90].

Для нашего исследования мы отобрали современные русские анти-пословицы, ядром которых являются антропометрические лексемы, из словаря «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера и В.М. Мокиенко [Вальтер, Мокиенко, 2010]. В результате

нашего исследования мы выяснили, что количество женских антропометрических лексем (330) в русских антипословицах весьма превышает количество мужских (198). Такая фразеологическая активность женских антропометрических лексем говорит о гендерной асимметрии. В антипословицах с женскими антропометрическими лексемами самыми популярными признаками, конструирующими образ женщины, стали: приносящая хлопоты в жизнь мужчины (27 ед.), порочная (27 ед.), любящая деньги (14 ед.), глупая (10 ед.), красивая (10 ед.), не считающаяся человеком (8 ед.). В антипословицах с мужскими антропометрическими лексемами самыми частотными признаками стали: неотесанный и некультурный (12 ед.), пьяный (9 ед.), склонный к однополым связям (9 ед.), глупый (7 ед.), романтический (7 ед.) пошлый (6 ед.).

Наше исследование показало, что такой численный уклон в сторону антипословиц с женскими антропометрическими лексемами, свидетельствует об андроцентричности современного русского языка. Помимо этого, преобладающее количество русских антипословиц содержит негативную оценку образа женщины, что демонстрирует резко отрицательное стереотипное видение женщины в современном русском лингвосообществе. Также можно отметить негативную оценку образа мужчины (хотя и в меньшем количестве) и демократизацию однополых связей, запечатленную в рамки антипословиц с мужскими антропометрическими лексемами. Такая откровенная констатация мужской нетрадиционной ориентации является весьма непривычной и новой для русского общества.

КАК ЗРИТЕЛИ ПОНИМАЮТ ЦЕННОСТНЫЕ НАПРАВЛЕННОСТИ РОССИЙСКОГО КИНОДИСКУРСА

*Т.А. Кубрак (Москва)
Институт психологии РАН
kubrak.tina@gmail.com*

Кинодискурс, как один из видов массмедийного дискурса, во многом определяющего видение людьми окружающей действительности, может оказывать значительное воздействие на психику и поведение современного человека [Кубрак, Латынов, 2019], влиять на его ценности, установки, представления.

В результате исследования кинодискурса на материале успешных в прокате российских кинофильмов с использованием методов контент- и дискурс-анализа были определены преобладающие ценностные направленности, транслируемые современными фильмами. Это ценности «Доминирования» (*власть, влияние, авторитетность*), отражающие иерархические отношения, как в общественной, так и в личной сфере, «Духовности» (*отвага, верность, смысл жизни*), «Стабильности жизни» (*национальная безопасность, защита семьи*). В значительно меньшей степени были представлены ценности «Равенства» и «Самореализации». Кроме того, были выявлены ценности патриотической направленности (*защита интересов Родины и народа, привязанность к родной земле и традициям*).

Для определения того, насколько транслируемые ценности воспринимаются и понимаются зрителями, было проанализировано 300 текстов, представляющих собой отзывы на фильмы, рассматривавшиеся на предыдущем этапе исследования. Для обработки эмпирического материала использовались варианты контент- и дискурс-анализа. Единицей контекста был взят отдельный отзыв. Для выявления ценностных направленностей использовались шкалы опросника Шварца [Лебедева, Татарко, 2007]. Анализ проводился отдельно по каждому фильму.

Так, например, в высказываниях зрителей по поводу фильма «Время первых» наиболее часто обнаруживались такие ценности, как *отвага, обязательность, интеллект, умелость, честолюбие, верность, ответственность, достижение успеха, настоящая дружба, разнообразие жизни, мир прекрасного*. Эти ценности также выявлялись при анализе самого фильма. Не отмечались зрителями такие транслируемые им ценности, как *влияние, национальная безопасность, авторитетность*. Таким образом, оказалось, что зрители, прежде всего, видят в фильме ценности, которые относятся к такому ценностному блоку как «Самореализация», «Духовность», но не рефлексируют по поводу ценностей, включенных в «Доминирование». При этом выявленная ранее патриотическая направленность фильма в полной мере воспринималась зрителями, что также нашло отражение в их высказываниях.

В целом, было обнаружено, что российские блокбастеры

транслируют ценности «Доминирования», «Духовности», «Стабильности жизни», «Самореализации», однако в зависимости от сложности их сюжета и особенностей киноязыка, они по-разному воспринимаются и понимаются зрителями, что, видимо, в дальнейшем оказывает различное влияние и на формируемые у зрителей ценности. Так, в фильмах «Экипаж» и «Время первых», имеющих достаточно простой сюжет, повествующий о смелости и отваге персонажей фильма, их героических поступках, зрители, прежде всего, видят ценности «Самореализации», но не отмечают ценности «Доминирования», однако в целом восприятие зрителей соответствует основному авторскому замыслу. В то же время при обращении к более сложному по сюжету и жанровому воплощению фильму, такому как «Притяжение», обнаруживается другая зрительская реакция, а транслируемые в нем ценности не всегда считаются зрителем, или их реализация вызывает противоположный эффект.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ЦЕННОСТЯМ КАК КУЛЬТУРНЫМ УНИВЕРСАЛИЯМ¹

***М.А. Кузьмина (Новосибирск)
Институт филологии СО РАН
mash_room@mail.ru***

Являясь культурной универсалией, ценности служат отправным моментом, основанием любой культуры – тем смыслом, который «держит» культуру и в то же время является её частью.

Характерной чертой гуманитарных исследований последних лет становится стремление к заимствованию методов, подходов и, в целом, научных позиций из смежных дисциплин, что влечёт за собой возрастание степени единства знания. Синтез знания

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

происходит на основе методологического изоморфизма. К одним из наиболее «заимствуемых» теоретических моделей относятся когнитивные. Как известно, когнитивные науки пошли по пути «сильного» искусственного интеллекта, который претендует на то, чтобы по возможности максимально приблизиться к мышлению человека. Выводы об алгоритмических закономерностях мышления экстраполируются на смыслообразующую функцию сознания, тогда как способность творить смыслы – это то, что отличает человека от прочего животного мира, с одной стороны, и от компьютера, с другой. Ценности-смыслы формируют культуру и требуют междисциплинарного изучения, которое становится возможным благодаря ряду свойств ценностей как объекта разных дисциплин: 1) бессознательная актуализация ценностных смыслов; 2) значимость ценностей для индивида, которая распространяется на макроуровень – общество; 3) способность ценностей являться одновременно способами организации и воплощенными в культурных явлениях элементами этой организации [Кузьмина, 2020]. Ассоциации являются теми связями, которые не поддаются алгоритмизации, поэтому их можно считать важным материалом для изучения культурных явлений – ценностных смысловых структур. Для интерпретации данных ассоциативных экспериментов привлекаются подходы разных наук, таким образом, мы имеем дело с междисциплинарным анализом, учитывающим ряд положений:

1) В **психологии** ценности как установки (смысловые мотивы) находятся *вне* личности, и только тогда мы можем говорить о ценностном измерении предмета исследования;

2) В **лингвистике** ценности понимаются «холистически» как «фактор, который управляет построением видения действительности через опытный... и концептуализирующий субъект», так что в результате ценности «определяют культурную и общественную тождественность носителей языка» [Бартминьский, 2011, с. 55].

3) В **философии** целесообразно обращение к деонтологическому подходу, трактующий моральное удовлетворение не как объективную ценность, а как производную от неё, как «*симптом* реализации ценности сверхличной» [Левицкий, URL], в отличие от аксиологического релятивизма, который признаётся нерелевантным при анализе ценностей. Философско-аксиологический подход связывает ценности и оценку, задавая, таким образом, психолингвистическому материалу

– ассоциативным базам данных – дополнительное измерение, когда ассоциации видятся как «симптоматические моменты ценности» [Лосский, 1931, с. 79].

4) В **социологии** ключевыми понятиями для анализа ценностей являются интенциональность (эта характеристика субъекта конструирует его как *смысловую структуру* и помещает в центр междисциплинарных исследований), коммуникация (в ходе коммуникации производится обмен *смыслами*, т.е. ценностями, а не информацией) и константный смысл (его наличие определяется той философской позицией, которая трактует ценности деонтологически, а не релятивистски).

Ценностные смыслы как выражение идеи целеполагания лежат на пересечении сфер субъективного и объективного, соединение которых в рамках одного исследования представляется методологически достаточно сложным. Происходящие между средой и человеком процессы кристаллизуются в смыслах, которые являются также и предметом изучения психолингвистики: именно движение смыслов, их динамичную структуру можно проследить в ассоциативных словарях [Шапошникова, 2020].

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕАЛИЙ РОССИИ КАК ЧАСТИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В.Г. Кульпина (Москва)
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
vgrkulpina@mail.ru

В докладе освещается ценностный пласт, который содержится в окружающей человека в России природной среде. Ценности-природные реалии находят свое выражение в художественном творчестве, прежде всего поэтическом (наиболее знаково-символическом). В восприятии россиянином природной среды имеется значительная этнолингвистическая и лингвокультурная специфика по сравнению с другими языковыми ареалами, которую планируется проследить путем сопоставления русской

лингвокультуры с другими славянскими лингвокультурами – болгарской, польской, словацкой и чешской.

Особенности восприятия природы России и интериоризации ее реалий позволяют выделить ряд отдельных блоков, в том числе: 1. Ландшафтные реалии. Природную среду в языковой картине мира россиянина составляют такие типы ландшафтных реалий, как поля (ср. *пшеничное поле*), луга, степи, леса (*березовая роща*, *сосновый бор* и др.), реки, озера, ряд ономастических реалий (*Волга*, *Байкал*, *Енисей*), а также обобщенные обозначения пространств (*приволье*, *раздолье*, *ширь* и др.), поскольку человек в России ценит пространство «само по себе» [Шмелев, 2012, с. 24–31; Кульпина, 2019а, с. 305–368], и это часть его понимания свободы. Творчество любимых в народе поэтов – это как лакмус, «проявитель» этих ценностей.

2. Древесный пантеон россиянина составляют прежде всего береза, рябина, осина. Любимые деревья предстают как родные и как друзья, постоянно присутствующие в жизни россиянина, с которыми можно поделиться своими радостями и печалью. Между деревьями в нашем языковом сознании имеются родственные, дружеские и другие отношения (ср. *березки-сестрички*, *березки-подружки*, а также «*Как бы мне, рябине, к дубу перебраться*»).

3. Полевые цветы в их нежном цветочном разнообразии (*разноцветье*, *разноцвет*) и прежде всего – *ромашка*, *василек*, *колокольчик*, *незабудка*. Их цвет – это также этнокультурная ценность России [Василевич и др., 2005; Кульпина, 2019б]. В других странах – другие цветы, нередко более эффектные и совсем не полевые, не дикорастущие.

4. Частью языковой картины природы россиянина являются животные и более всего – птицы, овеянные романтикой полета, прежде всего близкие нам птицы средней полосы. Они «оживляют» и «озвучивают» окружающую человека природную среду и получают в русском языке свои ониматопоэтические имитации: воробьи чирикают, вороны каркают, синицы тенькают, а голуби воркут.

В пользу мнения, что именно эти представленные выше реалии (и некоторые другие) являются частью языковой картины мира россиянина, говорят поэтические свидетельства, в том числе материал песенной поэзии. В докладе будет детально рассмотрен

лексикографический материал – толковых, лингвострановедческих и этнолингвистических словарей с точки зрения отражения в них языковой картины природных реалий мира россиянина. Ценности природной среды современной России обращены к истокам, к народной культуре, «вызревая» веками, они осмысливались в художественном творчестве [Лихачев, 2006]. Они устойчивы, изменения в них неспешны и не масштабны (вопреки тому, как могло бы подуматься).

**«ПОЛИТИКА» – «ВОЙНА»:
МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ИНТЕРНЕТ-
ПРОСТРАНСТВЕ**

Т.Д. Магомадова (Грозный)
Грозненский государственный нефтяной технический
университет
им. акад. М.Д. Миллионищикова
tay666@mail.ru

В быстро меняющемся современном мире под влиянием процессов глобализации и тотальной информатизации жизни социума всё большее внимание исследователей привлекает политическая медиакommunikация в Интернете [Wilcox, 2004; Zheltukhina et al., 2018a; б]. Так как политическая коммуникация является, прежде всего, агональной коммуникацией, то она концептуально пересекается с семантическим полем войны [Баранов, Караулов, 1994; Москвин, 1997; Доброниченко и др., 2012]. Корреляция политической и военной сфер фиксируется на разных уровнях политического медиаязыка, в т. ч. и на лексико-семантическом уровне. Всеобщая метафоризация сознания отражается в метафоризации коммуникации, поэтому в данной работе установим возможность вербального метафорического моделирования политической коммуникации в Интернете на материале английского и русского языков. В докладе описываются основные Интернет-модели военной метафоры в политической сфере человеческой деятельности, основанные на семантической

корреляции основных политических и военных составляющих жизнедеятельности человека. В результате анализа фактического материала, отобранного с использованием приема сплошной выборки были выявлены следующие метафорические модели в направлении метафорического онлайн-моделирования «ПОЛИТИКА – «ВОЙНА» в английском и русском медиадискурсе: 1) события; 2) действие, сценарий и его элементы; 3) средства, результат их действия; 4) участники действий; 5) место действий; 6) атрибуты и символы. Выделение описанных в работе метафорических онлайн-моделей базируется на агональности политической медиакommunikации, а также на метафоризации сознания и типизированности восприятия окружающей действительности представителями английской и русской лингвокультур в существующей бинарной оппозиции «война – мир». Преобладающими в приведенных метафорических онлайн-моделях в рамках метафорического моделирования «ПОЛИТИКА» – «ВОЙНА» в английском и русском политическом интернет-дискурсе являются переосмысления военных событий (6,3 / 6,2%), военных действий (6 / 6%), применяемого оружия (5,5 / 5,1%), участников военных действий (5,1 / 5,4%) в политической сфере. Метафорические онлайн-модели «место политических действий» – «место военных действий» (3,1 / 3%) и «политические атрибуты и символы» – «военные атрибуты и символы» (2,1 / 2,3%) менее частотны.

АССОЦИАТИВНЫЕ, ЭМОТИВНО-ЧУВСТВЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «ХОРОШО–ПЛОХО» КАК БАЗОВЫЙ ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ КРАСНОЯРСКА

*Т.М. Низамутинова (Красноярск)
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева
nizamutinovatm@bk.ru*

В статье анализируются результаты свободного ассоциативного эксперимента среди школьников 5–11 классов МБОУ СШ № 18

298 Международная конференция 28–29 мая 2021 г.

и 156 г. Красноярска. Цель исследования: выявить особенности психолингвистического восприятия экспрессивных словоформ «хорошо–плохо» учащимися трех возрастных групп средних общеобразовательных школ Красноярска на материале ассоциативных полей «от стимула к реакции», зафиксированных в «Ассоциативном словаре школьника Красноярска».

Наше исследование посвящено анализу семиотической оппозиции «хорошо–плохо» в языковом сознании школьников на материале «Ассоциативного словаря школьников 5–11 классов Красноярска» (АСШК), который был создан в результате обработки данных свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). Ассоциативный эксперимент был проведен в 2019–2020 гг. в школах № 18 и 156 г. Красноярска, в нем приняли участие 478 школьников 5–11-х классов, носители русского языка в возрасте 11–18 лет, из них 258 респондентов женского пола и 220 – мужского. Эксперимент проводился в устно-письменной форме. Во время САЭ обучающимся был предложен список стимулов, одинаковых для всех участников эксперимента, который был представлен 95 общелитературными словами, содержащими базовые эстетические, этические ценностные концепты.

Первую позицию в ассоциативном поле ХОРОШО занимает реакция *плохо*. Она характерна для учащихся трех возрастных групп, причем больше ассоциаций парадигматических координаторных, представленных антонимами, наблюдаем у учащихся 5–6 классов: идентифицирующая реакция «Что такое хорошо?» – *плохо* (5–6-е классы – 28,3 %; 7–8-е классы – 21,32%; 9–11-е классы – 16,7%). В понятийно-тематическом блоке «ценностный аспект языкового сознания», представленного ассоциативными полями ХОРОШО и ПЛОХО, наблюдается зеркальное отражение оценок положительного и отрицательного характера.

Возрастная динамика ценностных представлений в языковом сознании школьников отражена следующим образом: в ценностной картине мира школьников младшей группы отмечается готовность помогать старшим (учителям, родителям), о чем свидетельствуют реакции *делать что-то приятное, делать, помогать*.

У школьников средней группы отмечаем резкие колебания в оценках, представленные реакциями *отлично, добро, хорошо* с

одной стороны, и резко негативными – *ужасно, ненависть* – с другой.

В младшей группе наблюдается как бы отождествление себя с добром: Я – *добро*, у школьников средней группы – отождествление себя со злом: Я – *зло*. Старшая и младшая группы испытуемых отвечают на стимул ХОРОШО реакцией *учиться*, а у учащихся средней группы преобладает реакция *жить*.

Младшая группа испытуемых демонстрирует следующие различные чувства и эмоции у человека – *ай-ай-ай, слезы, самочувствие*. В средней группе подростки 7–8 класса отождествляют себя со словом *плохо*. Старшая группа выдает реакции *грабеж, вредные привычки, убивать*, оценивая не только негативные явления (*вредные привычки*), но и преступные действия (*грабеж, убивать*).

На стимул ХОРОШО школьники всех возрастов дают реакцию *добро*, у школьников средней группы эта реакция на 3,04% встречается чаще, чем у учащихся младшей группы, и на 3,86% чаще, чем у старшей.

В диссертационной работе модель языкового сознания школьников 5 – 11

классов г. Красноярска представлена полностью.

КУЛЬТУРЫ СТЫДА И КУЛЬТУРЫ ВИНЫ: АКТУАЛЬНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ

А.Д. Палкин (Москва)

Московский государственный лингвистический университет

p-alexis@yandex.ru

Американская исследовательница Р. Бенедикт в середине XX в. ввела разграничение культур на культуры стыда и культуры вины. К первым она относил восточные культуры, ко вторым – западные. Так как Бенедикт исследовала главным образом японскую культуру, образцом культуры стыда она считала японскую культуру, а образцом культуры вины – родную ей американскую культуру.

Согласно концепции Р. Бенедикт, центральным мотиватором поведения, доминирующим в культурах вины, является переживание

представителями таких культур вины за совершенные ошибки. Такая стратегия характерна для индивидуалистских культур, где во главу угла ставится индивидуальная оценка человеком своих действий. При этом в ходе субъективного оценивания совершенных действий важную роль играет чувство совести. Угрызения совести становятся наказанием за неверное с точки зрения индивида поведение, то есть задействуется нравственная сторона личности. Появляется желание исправить совершенную ошибку, восстановить пошатнувшуюся самооценку. Все это происходит на основе личных нравственных установок, а общественное мнение оказывается второстепенным. Способом искупления вины, с одной стороны, и сдерживающим фактором, с другой стороны, является наличие наказаний. Осознание возможности наказания является фактором, предупреждающим девиантное поведение.

Согласно той же концепции, центральным мотиватором поведения, доминирующим в культурах стыда, является забота о собственной репутации. Такая стратегия характерна для коллективистских культур, где во главу угла ставится оценка действий человека той группой, к которой он принадлежит. Такое положение дел подразумевает существование строгих ритуалов, которые должны выполняться всеми носителями соответствующей культуры. Результатом становится сильная оценочная зависимость человека от того общества, в котором он находится. Интересы группы в такого рода культурах всегда приоритетнее интересов отдельно взятого их представителя. Соответственно нормы морали нацелены не столько на искупление греха, сколько на его избегание. Наказанием за совершенный проступок становится порицание, презрение со стороны других членов группы либо общества. Таким образом, человек во многом становится заложником принятых в обществе норм.

Как нередко случается с новомодными концепциями, поначалу данная классификация была принята с энтузиазмом. Различные ученые стали применять ее в своих исследованиях. Однако со временем к предложенной классификации стали относиться критически. Высказывались справедливые замечания о том, что далеко не во всех культурах наблюдается доминирование фактора стыда либо вины; что чувства стыда и вины взаимосвязаны, поэтому

граница между ними является крайне нечеткой; что в западном обществе роль стыда, возможно, не менее важна, чем роль вины в качестве механизма регуляции поведения; что, наконец, мировые культуры далеко не исчерпываются стыдом и виной.

Все эти доводы поставили под серьезное сомнение всю концепцию, предложенную Р. Бенедикт. Российские ученые также ощущали неполноценность данной классификации, что побудило их искать варианты иного обозначения для русской культуры. Так, в частности, В.В. Столяров, Н.Д. Арутюнова, М.И. Надеева предлагают классифицировать русскую культуру как культуру совести. С ними выражает солидарность и автор доклада, подкрепляя умозрительные доводы результатами ассоциативных экспериментов.

Между тем такого рода определение русской культуры сталкивается с теми же претензиями, которые были адресованы классификации Бенедикт. Как некогда сообщил в личной беседе автору этих строк А.А. Леонтьев, одной из первоначальных ошибок последнего было желание всё классифицировать. А.А. Леонтьев рекомендовал избегать классификаций ради классификаций. Ис с этим замечанием хочется согласиться. Разделение культур на культуры вины, стыда или совести следует воспринимать с известной долей условности и не стремиться к чрезмерным обобщениям.

ОЦЕНОЧНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Л.Г. Смирнова (Смоленск)
Смоленский государственный университет
naksemit@gmail.com*

Значимой характеристикой национальной лингвокультуры является исторически сложившаяся аксиологическая иерархия. С точки зрения ее экспликации, весьма информативной является система оценочно маркированных номинаций, причем оценочный компонент значения лексемы во многом обусловлен ценностным статусом обозначаемого ею понятия, явления, предмета. Особый интерес в этом плане вызывают слова с амбивалентной оценкой.

В лингвистике 20-го в. терминологическое значение обрело понятие *амбивалентности*, введенное швейцарским психиатром и психологом Э. Блейлером. Оценку, входящую в семантику лексемы и способную реализовывать в разных контекстах знаки «плюс» или «минус», мы понимаем как *амбивалентную*. Слова с амбивалентной оценкой могут обозначать понятия, воспринимаемых как «хорошие» или «плохие» разными носителями языка в зависимости от принадлежности к определенной группе социума, от морально-этических установок или от психоэмоциональных особенностей личности (*аскетизм, бессребреничество, расчетливость, рассудочность, практичность, практицизм, предприимчивость, бескомпромиссность* и т. д.).

Соответствующие аксиологические установки могут быть поддержаны авторитетными текстами: «*Что же мне делать, певцу и первенцу, / <...> С этой безмерностью / В мире мер?!*» (М.И. Цветаева. Поэты)

Оценочная амбивалентность лексем опосредованно отражает аксиологическую конфликтогенность современного общества. Идеологическое размежевание обуславливается сегодня не столько приверженностью к тем или иным традиционным идеологическим постулатам, сколько отношением к актуальным проблемам: пандемии, глобализации, принятым формам демократии, рыночной экономике и т. д. Общество распадается на отдельные корпоративные группы, объединенные экономическими интересами, аксиологическими доминантами, в том числе и языком, в связи с чем появляется большое количество дискурсивных практик: медийный, политический, рекламный, гламурный, сетевой, игровой и другие дискурсы. Знаковые лексемы в текстах маркируют ценностные установки их авторов. Нейтральные в системе языка лексемы с квазиоценкой (*демократия, глобализм, толерантность, социализм, рынок, бизнесмен, диссидент, успешность, креативность* и т. п.) в текстах могут выступать как яркие прагматические сигналы, реализующие оценки с противоположными знаками. При этом характер оценки (пейоративная или мелиоративная) идентифицирует принадлежность автора текста к определенной идеологии или точке зрения. В современном обществе расширяется пространство политического диалога в рамках сетевой коммуникации. Такая

форма общения предполагает постоянное обновление текстов, включение практически каждого читателя в полемику по поводу значимых социокультурных событий, появление комментария как нового жанра сетевой коммуникации.

В сфере оценочной лексики (в группу значимых лексем с мелиоративной оценкой) попадают некоторые номинации, связанные с миром вещей (в частности, бренды: *Ролекс, Монтана, Диор, Валентино* и др.). Подобное явление демонстрирует определенный сдвиг в сознании некоторых групп носителей языка (прежде всего молодежи), поскольку в традиционной картине мира оппозиция *духовное – материальное* коррелирует с признаками *значимое – незначимое*. Таким образом, амбивалентная оценка, присущая лексемам в современных контекстах, обусловлена во многом ценностными конфликтами.

ОБРАЗ ГЕРОЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЦЕННОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ВИДЕОРОЛИКОВ)

Ян Цзинь (Хэ Ган, КНР)

Южно-Уральский государственный университет

1114348807@qq.com

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в эпоху глобализации появляется большое количество псевдогероев, которые замещают настоящих. Целью нашей работы является выявление этнокультурной специфики образа героя в языковом сознании носителей разных культур. К сожалению, современная российская культура, в частности детская и молодежная, характеризуется отсутствием четкого образа героя, результатом чего становится снижение уровня требований к «героизму». В свою очередь, образ «героя» способен сформировать у молодого поколения четкие ценностные приоритеты и нравственные установки.

В докладе предполагается сделать обзор видеохостинга «YouTube» с целью определения образа героя как показателя ценностей современного общества. В качестве примера рассмотрим два видеоролика. Первый под названием «Кто такие герои и что такое

подвиг?» [YouTube, 2015] представляет собой интервью, где детям задают вопросы на обозначенную в названии тему. Опрос показывает, что в настоящее время в российском обществе прослеживается процесс вестернизации, который вытесняет ценности национальной культуры образами массовой культуры и американским образом жизни. Именно поэтому героями для респондентов становятся «люди, которые спасли мир», «те, у кого есть пистолеты», «человек-паук», «бэтмэн, зеленый фонарь, халк», «человек, которого нельзя победить», «человек, который спасает другого» и т.д.

На вопрос «что такое подвиг?» дети отвечали, что «подвиг – это когда люди не задумываются о себе», что опять же навязано западной культурой, где каждый герой готов пожертвовать собой ради общего блага, что является групповым стереотипом. Другим ответом на этот вопрос стал: «Это когда ты делаешь что-то хорошее и тебя награждают медалью». Опять же, массовая культура рисует образ героев так, что он обязательно должен получить какую-то награду «за спасение мира» и мировую славу. Никто из респондентов не упомянул традиционные характеристики национального героя: скромность, благопристойность, любовь к родине и готовность ее защищать. Для молодежи герой – это мускулистый супергерой в латексном костюме.

Второе видео называется «Героизм глазами детей», в нем представлены рисунки на тему «Герои Советского Союза и Российской Федерации». Военные, космонавты и летчики составляют подавляющее количество рисунков, однако примечательно, что среди них есть и русские богатыри, такие как Кузьма Минин, Александр Невский, что показывает интерес к истории и культуре [YouTube, 2015]. Герой Советского Союза сразу транслирует базовые характеристики героя: не так важна мускулатура, мировая слава и всё то, что в настоящее время пропагандируется массовой культурой. Настоящий герой – это тот человек, который, несмотря ни на что, готов прийти на помощь нуждающемуся, своей семье, друзьям и родине.

Исходя из анализа видеоматериалов можно сделать вывод, что ценности современной молодежи размыты массовой культурой, которая активно распространяется через мультфильмы, комиксы и кинофильмы. Молодое поколение ориентируется на западных

героев и их ценности, которых знает по именам, национальные герои уходят на второй план. Типичными характеристиками навязываемого СМИ образа героя является хорошая физическая подготовка и идея «спасения мира каждый день», в результате чего он должен получить мировую славу и награды. Однако для воспитания современного поколения гораздо важнее прививать традиционные ценности, именно поэтому необходимо изучать этнокультурную специфику образа героя.

Круглый стол
«Междисциплинарная парадигма в изучении детской речи:
норма и отклонения»

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ
РЕЧЕЯЗЫКОВОГО ДИЗОНТОГЕНЕЗА

А.А. Алмазова (Москва)
Московский педагогический государственный университет
aa.almazova@mpgu.su

Современная система обучения языку нацелена на формирование языковой компетентности обучающегося и, шире, его языковой личности, способной реализовать себя в различных социально-коммуникативных условиях, что в ситуации дизонтогенеза выводит на первый план антропоцентрический подход к изучению нарушений развития.

Уровень развития языковой личности определяется через совокупность параметров, характеризующих готовность человека создавать и интерпретировать тексты, что является результатом обучения вне однозначной зависимости от возраста [Богин, 1984].

Антропоцентрическое описание речезыкового дизонтогенеза позволяет рассмотреть проявления несформированности параметров, определяющих становление языковой личности [Алмазова, 2019].

Формирование языковой личности обеспечивается приобретением речевого опыта и формированием системы знаний о языке, расширением кругозора и коммуникативного потенциала и т.д. Периодизация развития языковой личности является достаточно подвижной, границы уровней определяются возможностью эффективного продуцирования и восприятия текстов, мотивацией и способностью к рефлексивной деятельности.

В условиях нарушенного речезыкового развития продуктивным является наблюдение и анализ изменений (совершенствования или ухудшения) возможности оперирования разными видами текстов в разных обстоятельствах, «поскольку патология разлагает и упрощает то, что предстает в норме как слитое и усложненное» [Богин, 1984, с. 10].

Наличие нарушений устной и/или письменной речи напрямую или опосредованно связывается с дефицитарностью речевого опыта, ограниченностью знаниевого лингвистического компонента, снижением коммуникативной мотивации. [Алмазова, Орлова, 2014]

Проведенный анализ исследовательских данных показал, что для характеристики в педагогических целях специфики речезыкового дизонтогенеза, можно использовать оценку следующих параметров: развитие языковой способности, освоение и использование языковых средств, формирование метаязыковой деятельности, владение различными видами речевой деятельности, становление мотивационных и рефлексивных компонентов коммуникации.

Таким образом, антропоцентрический подход определяет перспективу типологизации нарушений речезыкового развития на разных возрастных этапах, что, в свою очередь, обеспечивает дифференцированный подход к разработке специальных программ обучения языку.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ УЧАЩИМИСЯ С НАРУШЕНИЕМ ЧТЕНИЯ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ФОРМАТ ИЗУЧЕНИЯ

Г. В. Бабина (Москва)

*Московский педагогический государственный университет
galinav@inbox.ru*

Природа реконструкции текстовых смыслов сложна и индивидуальна. Как показывает анализ литературы, успешность обработки воспринимаемой информации зависит от способности читающего восстанавливать/реконструировать имплицитные смыслы. Автором текста осуществляется первичное означивание (семиозис) образа какого-либо фрагмента действительности, а читателю необходимо реконструировать образ этого фрагмента в своем сознании.

Чтение как активный процесс предполагает взаимодействие нескольких детерминант, определяющих возможность интерпретации текстового смысла: 1) удержание извлеченной информации

(ретенция); 2) привлечение читающим собственных знаний/опыта (протенция); 3) смысловое проецирование, простраивание событий (дивинация). Актуальное совмещение указанных составляющих текстовой деятельности позволяет осуществлять реконструкцию имплицитного смысла текста, отсутствие такого совмещения вызывает когнитивный консонанс, ведет к непониманию или недостаточному пониманию воспринимаемой информации.

Нами было проведено исследование, ориентированное на изучение возможностей реконструкции текстовой информации младшими школьниками с нарушением смысловой стороны чтения. При его разработке и реализации мы использовали метод вторичной текстовой деятельности в различных его модификациях, а также предложенный А. И. Новиковым и развиваемый в работах его последователей (Н. П. Пешкова и др.) метод «встречного текста» как набора последовательных высказываний адресата, отражаемых по ходу восприятия текста (его единиц).

В данном сообщении остановимся на результатах анализа реакций учащихся с нарушением чтения (в виде прогностических высказываний, «встречного текста», восстановленных элементов текста), полученных в ходе чтения «с остановками» адаптированного текста «Веселые фломастеры» (А. Сен-Сеньков).

При рассмотрении реакций учеников мы исходили из концептуальных подходов А. И. Новикова, Н. П. Пешковой и учитывали характер реакций (содержательные / релятивные), применяемые стратегии (извлечения / приписывания) и механизмы обработки имплицитной информации (интеграция, дополнение, трансформация).

В ходе высказывания своих суждений школьники с нарушением чтения давали преимущественно содержательные реакции, отражающие фактуальную информацию и ориентированные на актуализацию стратегии извлечения. В своих комментариях, дополнениях ученики использовали лексику, содержащуюся в тексте, и редко прибегали к стратегии приписывания.

Обращение к анализу механизмов реконструкции имплицитных смыслов в речевых реакциях учеников, позволило отметить целый ряд особенностей. Так, установлено, что школьники исследуемой категории активно привлекают механизм интеграции информации.

Это проявляется в реакциях иллюстрирующего типа, в которых вербализуются наглядные образы фрагментов действительности, имеющиеся в картине мира детей и соотносящиеся с фактуальной информацией текста. Отмечена тенденция к ограниченному и/или парциальному использованию механизмов трансформации и дополнения. Зафиксированы реакции перефразирования и реакции прецедентного типа (содержательный план), практически отсутствуют реакции генерализации, вывода, инфиксации (смысловой план).

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРИФРАЗ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ С ДИСЛЕКСИЕЙ

Е. Д. Бабина (Москва)

*Московский педагогический государственный университет
elenab198@gmail.com*

Обучение взаимодействию с текстом – одна из ведущих проблем в работе со школьниками с дислексией. Любой текст имеет коммуникативную направленность, а художественный текст является особой формой опосредованной литературной коммуникации. Взаимодействие с ним требует расшифровки художественных приемов, извлечения подтекстовой информации, выявления скрытых смыслов. Коммуникативная задача усложняется, контекст ее решения расширяется.

Процесс понимания художественного текста связан с установлением смысловых вех, расставляемых автором. К таким вехам относят заглавие, ключевые слова, повторы и, в их числе, перифразы. Названные маркеры направляют процесс понимания текста, но они не могут обеспечить положительный результат для каждого читающего, поскольку когнитивные возможности носителей языка не равны.

Осмысление перифразы как художественного приёма обеспечивается работой механизма концептуальной интеграции. Данный механизм позволяет создать новое мыслительное

пространство на основе двух исходных, при этом характеристики исходных пространств берутся не в готовом виде, они изменяются, часть из них отфильтровывается, а другая часть выдвигается на передний план. Если это происходит, то читающий верно раскрывает значение/смысл перифразы в составе текста. В комплексе с названным механизмом концептуальной интеграции работают механизмы идентификации, ассоциирования, профилирования, сравнения, фильтрации и инференции.

Безошибочная интерпретация смысла перифразы «драгоценная ноша» из отрывка «Мама-кенгуру бережно положила детёныша в сумку и поспешила переместиться на безопасное расстояние от людей. Она очень переживала за свою драгоценную ношу...» требует включенности всех перечисленных когнитивных механизмов.

Учащемуся необходимо выделить и соотнести два взаимосвязанных имени «детёныш в сумке» и «драгоценная ноша» - работает механизм идентификации, далее - выстроить ассоциативное поле каждого имени – включается механизм ассоциирования. Затем школьник должен выбрать основание для сравнения, подключив механизм сравнения, выдвинуть на первый план актуальные признаки каждого объекта и убрать на периферию незначимые в данном случае признаки, что происходит благодаря действию механизмов профилирования и фильтрации. Осмысление того, что детёныш для любой мамы является огромной ценностью, становится возможным при участии механизма инференции. И наконец, соединив два концепта с нужными признаками (концептуальная интеграция), учащийся расшифровывает значение перифразы «драгоценная ноша», которая обозначает детёныша, сидящего в сумке у мамы-кенгуру.

В случае дефицитарного функционирования одного или нескольких названных механизмов, их неслаженной работы, непоследовательного включения у учащихся с дислексией происходит коммуникативный сбой. В одних случаях школьники не распознают перифразу как вторичную единицу, воспринимают ее в прямом значении (не видят ее связи с первичным именем и не соотносят с соответствующим образом). В других случаях перифраза верно идентифицируется как «новое» имя объекта, но при этом не расшифровывается ее двойная соотнесенность с образом

объекта, что приводит к потере его значимых признаков. Разные варианты затруднений в установлении значений перифрастических наименований отражаются на взаимодействии школьников с текстом, оно становится неполноценным.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ РЕЧИ КАК ПСИХОБИОЛОГИЧЕСКОМУ ФЕНОМЕНУ¹

Л.И. Белякова (Москва)

Ю.О. Филатова (Москва)

*Московский педагогический государственный университет
yuo.filatova@mpgu.su*

Для рассмотрения речи как психобиологического феномена нами разрабатывается функциональная система речедвигательного акта [Белякова, Филатова, 2016, с. 31; Belyakova, Filatova, 2019, p. 141], где наряду с психологическими механизмами, значительное внимание уделяется ее биологическим основам.

Врожденный психобиологический базис развития речи связан с реализацией генетической речевой памяти. Известно, что у ребенка, рожденного без нарушений ЦНС, демонстрация голосовой функции проявляется в крике, имеющем стандартную звуковую частотную характеристику. Крик представляет собой первичные реакции, свидетельствующие о наличии генетических основ развития речи. Следующим этапом разворачивания генетической речевой памяти является гуление в виде вокализаций четырех «фонетических корней» (нейтральный гласный; губной, переднеязычный, заднеязычный согласный), универсальных для речевых систем всех национальностей [Бельтюков, 2003, с. 54]. Затем появляется лепет, который фонетически проявляется в виде сочетаний гласных с заднеязычными и губными согласными. Только при наличии речевого окружения после 6 месяцев жизни врожденные звуки начинают обогащаться звуками родного языка, т. е. начинается переход от биологических признаков генетической речевой памяти

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ (проект № 20-013-00613)

к запуску онтогенетической речевой памяти. После 8 месяцев звуки, не входящие в систему родного языка, постепенно угасают наряду с обогащением моторной программы лепета звуками родного языка. Вслед за этим формируются артикуляторные и голосовые программы псевдослов, обозначающих объект, находящийся в поле зрения ребенка. В это же время проявляется и начинает интенсивно созревать символический уровень развивающегося языка, который сочетается с появлением указательного жеста [Томаселло, 2011, с. 124].

Тесное взаимодействие кинетических, кинестетических, звуковых, зрительных, вегетативных (дыхание, кровоснабжение и проч.) афферентаций при многократном повторении ребенком псевдослов приводит к ритмической консолидации афферентного синтеза, что позволяет в процессе онтогенеза созревать функциональной системе речи, состоящей из множества компонентов. На современном этапе развития науки некоторые из этих компонентов могут быть изучены инструментально, что позволит получить объективные данные для доказательного понимания значения биологических составляющих функциональной системы речи.

МОДЕЛЬ КОРРЕКЦИИ УСТОЙЧИВЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ДИСГРАФИИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

О.Б. Иншакова (Москва)

***Московский педагогический государственный университет
olgainsh@mail.ru***

Анализ формирования навыка письма у младших школьников с дисграфией с позиции теории функциональных систем поведенческого акта [Анохин, 1968] свидетельствует о наличии у них признаков нарушения базовых компонентов, входящих в функциональную систему письма на стадии афферентного синтеза и препятствующих его формированию.

Согласно нашим представлениям, системообразующим фактором становления навыка фонематического письма (результат действия)

является нормативное письмо, которое формируется у младшего школьника поэтапно (буква, слог, слово) при активном включении ВПФ, слуха, зрения, артикуляционных движений, движений руки (зрительных, кинестетических и кинетических ощущений) и др. [Иншакова, 2009, с. 2]. Многократное повторение действий благодаря обратным афферентациям вызывает стереотипное возбуждение центральных механизмов письма, что позволяет сформировать и автоматизировать письменный навык.

Лонгитюдное изучение школьников с устойчивой дисграфией, имеющей вариативные (стационарное проявление и прогрессивную динамику) проявления, указывает на наличие у них патологических сдвигов базовых компонентов функциональной системы письма разного характера, что определяет стратегию и тактику коррекционного воздействия и требует создания новой педагогической модели коррекции дисграфии [Иншакова, 2010, с. 51].

Манифестация стационарного проявления дисграфии (СПД) происходит в конце первого года обучения, на что указывает достоверно большее число ошибок звукового анализа и синтеза, незрелость умения проговаривания вслух записываемой информации, незавершенность формирования компонентов устной речи, недоразвитие ряда ВПФ, обусловленных ранним органическим нарушением ЦНС, особенности здоровья, влияющие на состояние ВПФ.

Специфической особенностью прогрессивной динамики дисграфии (ПДД) является возрастание моторных ошибок к концу 2 класса и сохранение их количества на всем периоде начального обучения, наличие диспрактических проявлений в широком круге моторных умений (преимущественно неречевых), обусловленных врожденными органическими нарушениями ЦНС.

Разработанная инновационная педагогическая модель коррекции устойчивой дисграфии подразумевает пролонгацию традиционной логопедической работы за счет включения вариативных методик для преодоления стационарной и прогрессивной динамик дисграфии, в которых используются новые способы предъявления педагогических заданий и программы участия в коррекционной работе психологов, врачей, родителей.

Все компоненты созданной модели взаимодействуют между собой, несут конкретную смысловую нагрузку и работают на итоговый результат формирования нормативного фонематического навыка письма.

Модель позволяет рассмотреть процесс коррекции устойчивой дисграфии целостно, объединяет все входящие в неё блоки: концептуальный, целевой, содержательный, процессуальный и диагностико-результативный, а также выступает средством организации комплексных практических действий различных специалистов.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС И ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИТАРНОГО ДИСКУРСА КАК ПРОБЛЕМА НАУЧНОГО ПЕРЕВОДА В ЛОГОПЕДИИ

И.В. Новицкая (Москва)

*Московский педагогический государственный университет
talmida@mail.ru*

Проблема научного перевода в контексте гуманитарного дискурса получает сегодня новое звучание в связи с глобальными трансформациями информационного пространства, необходимостью актуализации процесса синтеза научного знания и неизбежностью изменения облика современной науки [Зыкова, 2018, с. 80-81]. Анализ меняющейся парадигмы научного исследования в логопедии, а также осязаемое методологическое влияние смежных отраслей знания и необходимость интегрировать их достижения в свое поле ставят эффективность исследовательской деятельности в прямую зависимость от применения принципиально новых подходов [Алмазова, 2018, с. 27] и неизбежно выявляют потребность в унификации профессионального словаря на русском и английском языках, что во многом определяет потенциал развития логопедии как современной области научного знания.

Качественное ведение коррекционно-педагогической и научно-исследовательской деятельности в широком контексте научных направлений, а также разработка принципиально

новых подходов к подготовке специалистов способных к осмыслению исследовательских парадигм в международном пространстве вступают сегодня в прямую корреляцию с уровнем сформированности у учителя-логопеда профессиональной лингвистической компетенции не только на русском, но и на английском языке.

Трудности научного перевода в логопедии продиктованы, с одной стороны, наличием принципиальных отличий в подходах к определению речезыковых нарушений, их классификации [Белякова, Филатова, 2007, с. 5] и коррекции в России и за рубежом, а с другой стороны, рядом специфических особенностей, характерных для профессионального тезауруса отечественной логопедии, в частности семантической неоднозначностью отдельных терминов, которая приводит к разночтениям дефиниций, стоящих за ними, и существенно влияет на качество научного перевода [Новицкая, 2019, с. 304].

ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ МЕТАЯЗЫКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

М.И. Саввиди (Москва)

Московский педагогический государственный университет

На сегодняшний день внимание различных специалистов в области изучения детской речи привлекают проблемы метаязыковой деятельности.

Данным термином оперируют в своих работах отечественные и зарубежные учёные. В отечественных исследованиях проблемы метаязыковой деятельности (в другом аспекте – способности) рассматривали: Т. А. Воробьева [Воробьёва, 2016, с. 391]; А. М. Шахнарович [Шахнарович, 1991. с. 193] и др.

В зарубежных исследованиях способность думать и размышлять о природе и функциях языка определяется как: метаязыковая осведомленность (metalinguistic awareness) [Gombert, 1992, p. 56].

Опираясь на различные толкования, мы определяем

метаязыковую деятельность как процесс взаимодействия человека с языком, который включает в себя приобретение знаний о языке, формирование умения оперировать ими и использовать их в целях восприятия, воспроизведения, созданий высказываний в устной и письменной формах. Эта деятельность предполагает осознанное, рациональное отношение к языку и речи.

Основу нашего экспериментального исследования составили исследования отечественных и зарубежных специалистов. Экспериментальное исследование проводилось на базе МБОУ Средняя школа №7, СОШ № 15 Предгорного района станицы Ессентукской, ГБОУ Школа №158 г. Москвы. Нами были определены участники констатирующего эксперимента – учащиеся 3-их классов, обучающиеся по основной и адаптированной (вариант 5.2, дети с тяжёлыми нарушениями речи) образовательной программ. Констатирующий эксперимент проводился в свободное от уроков время.

Нами была сформирована диагностическая программа изучения метаязыковой деятельности у младших школьников. В программу включены диагностические задания, направленные на изучение фонологического, морфологического и синтаксического компонентов метаязыковой деятельности. В рамках обследования изучаются возможности анализа, синтеза, обобщения, идентификации языковых единиц, относящихся к указанным компонентам.

Предварительный анализ результатов даёт возможность определить уровень сформированности метаязыковой деятельности у младших школьников, обучающихся по основной и адаптированной образовательным программ. Нами отмечено, что вне зависимости от состояния устной и письменной речи трудности у младших школьников вызывают задания, связанные с операциями обобщения и идентификации языковых единиц.

Дальнейшая обработка, анализ и обобщение результатов позволяют выявить дифференциальные признаки, характеризующие состояние метаязыковой деятельности младших школьников в ситуации речевого онто- и дизонтогенеза.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ НАРУШЕНИЙ ПЛАВНОСТИ РЕЧИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛОГОПЕДИИ¹

*Ю. О. Филатова, А. О. Аксенова (Москва)
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный
университет»
yuo.filatova@mpgu.su
tropina.ao@yandex.ru*

Устное высказывание, помимо точности смыслового содержания, включает целый ряд технических параметров реализуемой речи, которые способствуют пониманию сообщения собеседником. Выделенный относительно недавно в отечественной и зарубежной логопедии новый параметр устной речи – плавность – является свидетельством отсутствия в ней признаков неоправданной прерывистости при передаче звукового сообщения [Белякова, Филатова, 2008; Starkweather, 2002]. В отечественных публикациях дается описание различных показателей, относящихся к характеристике понятия «плавность/неплавность речи», в которых особое внимание уделяется участию речевого дыхания в оформлении этого феномена. Изучение возрастных этапов становления речи у детей свидетельствует о том, что показатели неплавности речи в виде дыхательных итераций, повторов звуков/слов, повторов слов, пролонгаций, пауз, пересмотров имеют сходные характеристики как в онтогенезе, так и при разных речевых нарушениях у детей [Филатова, 2012].

Наряду с вышеперечисленными показателями неплавности речи, у части детей эпизодически могут наблюдаться сокращения речевых мышц судорожного характера в момент устного высказывания. В этих случаях показатели неплавности речи связываются специалистами с заиканием. В зарубежной литературе [Conture, 2001; Yairi, 1997 и др.] показатели неплавности речи принято разделять на две группы – «физиологические» и «патологические». Если физиологические неплавности речи локализуются между словами и представлены повторами фраз, эмболами, пересмотрами, то «патологические»

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ (проект № 20-013-00613)

регистрируются внутри слов и проявляются в виде повторов звуков/слогов, повторов односложных слов, пролонгаций звуков и судорожных запинок [Conture, 2001]. Судорожные запинки также связываются экспертами с заиканием.

Для дифференциальной диагностики нормального и отклоняющегося речевого развития при заикании перспективным представляется использование критерия «плавность речи» на основе объективного анализа двух групп неплавностей речи.

В Европе, Великобритании и США существует целый ряд методик объективной оценки неплавности речи, некоторые из которых переведены и адаптированы на русский язык [Филатова, 2012, С. 87–89 (Rustin et al., 1997)]. Наиболее часто применяемой в зарубежной логопедической практике является методика Stuttering Severity Instrument for Children and Adults [Riley, 2009]. В наших работах последних лет также делается попытка оценки физиологических и патологических типов неплавности речи с помощью технологии Вандебилдта.

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В.И. Яшина (Москва)

***Московский педагогический государственный университет
yashina.vi@mail.ru***

В годы Великой Отечественной войны проводятся педагогические исследования, положившие начало накоплению экспериментальной базы дошкольной лингводидактики. Под руководством С. Л. Рубинштейна в 1941 году А. М. Леушиной изучаются особенности и психолого-педагогические условия развития ситуативной и контекстной речи детей дошкольного возраста. В кандидатской диссертации «Влияние народной сказки на творчество старшего дошкольника» (1941) М. М. Кониной убедительно показано влияние различных типов народных сказок на разные виды творчества дошкольников, охарактеризованы особенности собственных детских сочинений под влиянием сказки. Научное исследование Е. И. Радиной

«О развитии фонетической стороны речи дошкольников» (1944) было направлено на разработку методики развития фонетической стороны речи дошкольников. На его основе в программу детского сада был включен новый раздел «Воспитание звуковой культуры речи» (1947).

Особенности обучения детей связной речи изучаются Л.А. Пеньевской. Ею определены педагогические условия обучения детей разным видам монологов: из личного опыта, творческих сочинений с применением разнообразных приемов обучения. В них нашла отражение и военная тематика. Сохранились записи рассказов детей старшей группы 11 мая 1945 года из опыта на тему «Как я узнал, что война кончилась». Эти рассказы передают восприятие детьми Победы, их опыт, атмосферу того времени.

В отдельном ряду стоят научные публикации, основанные на наблюдениях и дневниковых записях речевого поведения детей. Известна работа Н. А. Менчинской «Дети – дошкольники и Отечественная война», впервые опубликованная в журнале «Дошкольное воспитание» в 1943 году.

Огромный интерес представляет книга «Опаленные блокадой» М. М. Кольцовой, известного специалиста в области физиологии детской речи. В годы начала войны и первой блокадной зимы 1941-1942 гг. она работала врачом детской больницы, а затем все последующие годы вела исследования возникновения и развития второй сигнальной системы у детей. В книге опубликованы записи детских высказываний в годы блокады, толкование значений многих слов, которые отражали суровую действительность, в которой жили дети, приводятся примеры наиболее часто встречавшихся слов и выражений в речи детей и их понимание в то время. На конкретных примерах автор показала, как некоторые слова у детей приобретали новый, «военный» смысл, а обыденный их смысл утрачивался. Большой интерес представляет сравнение ответов дошкольников на те же вопросы, толкование ими тех же слов в 1951 году, в мирное время, характеристика образности речи детей.

Записи детской речи – ценнейшие исторические документы, воссоздающие живой образ ребенка периода Отечественной войны.

Круглый стол
«Языковое сознание жителей Крыма»
Руководитель: Уфимцева Н.В.

**СОВЕТСКИЕ СИМВОЛЫ В АССОЦИАТИВНЫХ
РЕАКЦИЯХ (НА ПРИМЕРЕ АББРЕВИАТУРЫ КГБ)¹**

О.В. Балясникова
Институт языкознания РАН
o.balyasnikova@iling-ran.ru

Ниже представлен ассоциативный гештальт, построенный на материале ассоциативных полей стимула КГБ по материалам двух ассоциативных словарях (частотность более 0,6%).

С учетом возраста наших респондентов, очевидно, что знание о реалии конструируется с опорой на исторические данные текстов. Иногда подобного не происходит, судя по тому, что в ответах испытуемых реализуется стратегия реагирования на форму стимула: *буквы, набор букв, словосочетание, что?, словарный запас, термины, что, ЭКГ* и т.д.

Ассоциативное поле слова-стимула КГБ

Семантические зоны	Ассоциаты	
	КРАС	ЕВРАС
Организация	служба 22 власть 9 орган власти 2 закон 2 организация 8 орган 7 структура 5 партия 3 спецслужба 3 комитет 2 учреждение 2 контора 2	служба 24; организация 16; группа 14; власть 6 партия 6 спецслужба 5 органы 4 структура 4 музыкальная группа 3 орган 3 закон 2 комитет 2
	21,3%	22,5%
Государственный орган	СССР 52 Россия 4 России 2 страна 2 в СССР 2 государство 2	<i>СССР 17;</i> государство 3 система 3 страна 2
	20,3%	6,3%

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

Соотношения	ФСБ 42 полиция 10 МВД 5 ФБР 2 ЦРУ 2	ФСБ 70; <i>милиция</i> 25 ЦРУ 11, ФБР 8, НКВД 7
	19,4%	30,6%
Функции	безопасность 16 разведка 9 защита 5 слежка 4 охрана 3 управление 3 следить 2 работа 2	<i>разведка</i> 18 безопасность 13, защита 4 охрана 3 порядок 2 рулит 2 следить 2 следит 2 слежка 2
	13,9%	12,2%
Характеристика	страх 5 зло 3 жестокость 2 страшно 2 опасно 2 неизвестность 2 насилие 2 пытки 2 репрессии 2	страх 6 зло 4 опасно 3 репрессии 3 тюрьма 3 ужас 3 жуть 2
	7,0%	7,3%
Персоналии	Путин 17 Сталин 5 агент 2 чекист 2	Путин 13 агент 3 Сталин 3 чекисты 3 чекист 2 шпион 3 шпионы 2 мусора 2
	8,3%	7,8%
Условия деятельности	секретность 4 тайна 3 осторожность 2 секрет 2	секрет 9 тайна 8 секретность 4
	3,5%	5,3%
Рефлексия	аббревиатура 4 не знаю 3 что это? 2	аббревиатура 3 буквы 2
	2,9%	1,3%
Время	прошлое 4	было 2
	1,3%	0,5%
Прочие	2,1%	6,2%
Всего	315	395
	100%	

Форма стимула очевидно оказывает влияние на характер ассоциаций: это выражается, во-первых, в реализации стратегии расшифровки аббревиатуры, преимущественно за счет воспроизведения ее компонента, а во-вторых, в появлении реакций-аббревиатур. Количественное и – в меньшей степени – качественное различие между ассоциативным значением слова в обоих словарях заметно по второй и третьей семантической зонах: так, СССР поминается в КрАС в 17,1% случаев, в то время как в ЕВРАС – в 4,3%. КГБ ассоциируется с Россией более у жителей Крыма.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ МОЛОДЫХ КРЫМЧАН¹

Р.Н. Гусейнова (Симферополь)

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
analsur@yandex.ru*

С 2016 года Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского совместно с Институтом языкознания РАН проводит ассоциативный эксперимент, направленный на изучение языкового сознания крымчан. На сегодняшний день уже обработана 4451 анкета. Мы задались вопросом, изменилось ли что-то в языковом восприятии молодежи Крыма за последние годы.

Первые изменения, бросающиеся в глаза, касаются этноидентичности. В 2016 году у многих студентов отсутствовало понимание национальности как явления либо представление о ней было ошибочным. Скорее всего, именно это и вызвало сложности при заполнении информационной строки анкеты у значительной части опрошенных.

На начальном этапе анкетирования отдельные респонденты вместо номинации своей национальности относили себя к группе родственных этносов (восточный славянин), к представителям мировых религий (*мусульманин*) либо к их направлениям (*православная*). Часть респондентов заменяла национальность этнохоронимом: крымчанин / крымчанка либо политонимом: россиянин / россиянка. У некоторых было понимание определения национальности, но не было уверенности в собственной идентичности, что привело к фиксации ими своего этноса перечнем ряда национальностей: украинка, еврейка, русская; 50% татарка + 50% турчанка; болгарин, еврей; русская, татарка и др. Часть опрошенных продемонстрировала нежелание определяться с собственным этносом: никакая, хотелось бы быть итальянцем, гражданин мира [Гусейнова, 2019, с. 133-138].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

Кроме того, среди анкетированных оказалось большое количество респондентов, записавших свою национальность как «татарин», по количеству число было соотносимо с национальностью «крымский татарин». Впоследствии выяснилось, что часть крымских татар, проходивших анкетирование, не посчитала нужным записать «крымский», им казалось, что это и так понятно. Отметим, что согласно последней переписи населения количество татар в Крыму увеличилось с 0,57% (2001 год) до 2,05% (2014 год), в то время как количество крымских татар почти не изменилось – 10,26% (2001) и 10,57 (2014) [Федеральная служба государственной статистики, электронный ресурс]. Осторожно выскажем предположение, что часть крымских татар, как и в случае с анкетированием, не посчитала нужным записать во время переписи населения «крымский», поскольку, по их мнению, все и так понятно.

В 2020-2021 годах ситуация с определением собственного этноса среди крымских студентов изменилась. Не было ни одной из вышеперечисленных записей национальности в информационной строке анкеты. Кроме того, увеличилось количество крымскотатарских респондентов. Сегодня мы не наблюдаем непонимания либо заминки в определении собственного этноса среди крымчан, участвующих в анкетировании.

В заключение хочется отметить, что в этнически смешанной социальной среде необходимо проводить грамотную национальную политику, направленную не на вытеснение из сознания собственной этнической принадлежности, а на укрепление национального самосознания в рамках единого народа большой страны.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ГЕШТАЛЬТА УПРАВЛЯТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ)¹

Е.А. Коновалова (Симферополь)
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
lkon55@list.ru

В данном исследовании сопоставлены одноименные ассоциативные поля, что позволило описать фрагменты регионального языкового сознания. Ассоциативное поле составляют реакции на слово-стимул управлять в региональных ассоциативных словарях, составленных на основе проведенных экспериментов в Европейской части России (ЕВРАС), Сибири и Дальнего Востока (СИБАС), Крыму (КрымАС).

По степени частотности использованных реакций во всех словарных базах совпало распределение четырех зон: Объект, Субъект, Действие, Эго.

Таблица 1. Распределение ассоциатов по зонам гештальта управлять

ЗОНА	ЕВРАС	СИБАС	КрымАС
ОБЪЕКТ	67,1%	67,1%	57,8%
СУБЪЕКТ	16,2%	16,4%	29,6%
ДЕЙСТВИЕ	11,3%	10,6%	5,4%
ЭГО	5,4%	5,8%	7,2%

Зона «Объект» представлена наибольшим количеством ассоциатов, которые подразделяются на несколько семантических групп. Управлять можно транспортом (машиной, автомобилем, самолетом, мотоциклом, кораблем), различными организациями (страной, *государством, предприятием, фирмой, компанией, организацией*, банком, бизнесом; домом, хозяйством), абстрактными понятиями (миром, мечтой, жизнью, *судьбой, ситуацией*,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

делом), эмоциональной и интеллектуальной сферой (эмоциями, гневом, мыслями, разумом, *телом*). Понятие управлять связано с ответственностью, манипуляцией, силой, контролем и властью. В языковом сознании жителей трех регионов гештальт управлять в первую очередь ассоциируется с машиной (ЕВРАС — 9,1%, СИБАС — 10,3%, КрымАС — 5,8%) и страной (ЕВРАС — 6,1%, СИБАС — 8,4%, КрымАС — 9,9%).

В данном гештальте СУБЪЕКТ представлен обобщенными номинациями (людьми, люди, человеком), названиями общностей (народом, коллективом, обществом, группой, *персоналом*), номинациями по социальным характеристикам (директор, президент, начальник, руководитель, менеджер, командир, босс, водитель, *руководство*). Во всех словарях ассоциат управлять людьми упоминается чаще всего (ЕВРАС — 6,9%, СИБАС — 6,4%, КрымАС — 15,7%).

Сравнивая зоны ОБЪЕКТ и СУБЪЕКТ, мы видим отличие языкового сознания крымчан от представителей других регионов. Гештальт управлять представлен тремя первыми ассоциатами: КрымАС — людьми (15,7%), страной (9,9%), властью (6,3%); ЕВРАС — машиной (9,1%), людьми (7%), страной (6,1%); СИБАС — машиной (10,3%), страной (8,4%), людьми (6,4%). В языковом сознании крымчан управление страной и людьми является наиболее ценным общественным явлением, чем управлением личным транспортом.

Зону ДЕЙСТВИЕ можно рассматривать как синонимический ряд: руководить, командовать, властвовать, править, решать, контролировать, указывать, стоять во главе, манипулировать, рулить, вести, владеть, влиять. В регионах по-разному представлена идея о том, что управление связано с манипуляцией: манипуляция (0,7%) — ЕВРАС, манипулировать — СИБАС (0,8%) и КрымАС (0,9%).

Зона ЭГО совпадает в трех регионах: собой, всем. Местоимение кем-то упоминается только в КрымАС.

В данном гештальте не представлены зоны ЛОКУС, ВРЕМЯ, ХАРАКТЕРИСТИКА и УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ.

В толковых словарях управлять имеет значения: 1) стоять во главе государства; 2) руководить, направлять деятельность кого-, чего-либо; 3) пользуясь какими-либо средствами, направлять движение, работу чего-либо. Однако по данным ассоциативных словарей

наиболее сильным в содержании ассоциативного поля оказалось третье значение в ЕВРАС и СИБАС и первое лексическое значение в КрымАС.

ТЮРКИЗМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗВИЩАХ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Т.З. Матиив (Симферополь)

*Институт филологии (структурное подразделение)
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
matijiv62@mail.ru*

Л.С. Абсемиева (Симферополь)

*Институт филологии (структурное подразделение)
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
leniyar.absemieva@mail.ru*

Благодаря наличию богатой лингвокультурологической информации функциональные возможности неофициальных антропонимов представляют живой интерес для ономастов. Следствием особого внимания к этой категории онимов стало полное исследование функциональной специфики прозвищ [Родина 2014, с. 254; Тюрина 2006, с. 291-293]. Отечественными учеными успешно решен целый ряд вопросов, связанных с анализом онимов в данном аспекте.

Функциональный анализ прозвищ важен как для понимания их значения, так и для определения других собственных наименований, возникших на их базе.

Антропонимы, являясь средством коммуникации, служат для идентификации человека, его национальной идентичности. Особую заинтересованность вызывают современные прозвища жителей Крыма с тюркскими основами, отображающими полилингвокультурность полуострова, их функциональные особенности, что и обуславливает актуальность исследования.

Целью данного исследования является функциональный анализ современных прозвищ жителей Крыма с тюркскими основами.

На основе фактического материала мы выделили две основные функции: характеризующую и социальную. Рассмотрим более подробно каждую из них.

1. Характеризующая функция представлена такими номинациями:

– внешний вид: прозвища Чипче с крымскотатарского языка (далее – кртат. яз.) как ‘цыплёнок’, Сычан (кртат. яз. сычан ‘мышь’) дают характеристику именуемым по ассоциациям, они напоминают этих животных выражением лица; именуемая Папий Аяк переваливается с ноги на ногу, как утка (кртат. яз. папий ‘утка’, кртат. яз. аяк ‘нога’). Функционируют наименования среди взрослого населения, выделяя тем самым специфические черты именуемых в социальной группе. Аювлар – прозвища трех братьев, они одинакового роста, плотного телосложения, их сравнивают с медведями (кртат. яз. аюв ‘медведь’, лар- аффикс множественного числа). Филлер – прозвища трех братьев, которые очень большого роста, крупного телосложения и имеют большие носы (кртат. яз. филь ‘слон’, лер- аффикс множественного числа). Полного человека, похожего на бочку, прозвали **Чапчак Ремзи** (кртат. яз. чапчак ‘бочка’); с большим и мясистым носом называют **Долма Бурун** (кртат. яз. долма ‘фаршированный перец’ + бурун ‘нос’). Женщину невысокого роста именуют Кичкине (кртат. яз. кичкине ‘маленькая’); **именуемый Торгай тоже** невысокий (кртат. яз. торгай ‘воробей’); худого мужчину высокого роста прозвали Сопа (кртат. яз. сопа ‘палка’). Данные наименования характерны как для мужского, так и для женского взрослого населения. Необходимо отметить, что прозвища Аювлар (Медвежата), Филлер (*Слонята*) параллельно употребляются и на русском языке. Возможно, чтобы данные прозвища были понятны и для представителей других национальностей;

– речь: именуемые быстро говорят, эти прозвища имеют звукоподражательный характер, например: Дырдыр (кртат. яз. Дырдыр), Тыртыр (кртат. яз. Тыртыр), Дырылдай (кртат. яз. Дырылдай), Дырылдавук (кртат. яз. Дырылдавук); референт Мими говорит медленно;

– поведение, черты характера: злость, несдержанность представлена наименованиями Кашкыр (кртат. яз. къашкыр ‘волк’), Хораз (кртат. яз. хораз ‘петух’); влюбчивого мужчину именуют

Карт Пардош (кртат. яз. къарт ‘старый’ + пардош ‘кот’); хитрость, сообразительность прослеживается в прозвище Тильки (кртат.яз. тильки ‘лиса’). Функционируют наименования среди мужского взрослого населения.

2. Социальная функция представлена такими номинациями:

– возраст: пожилого мужчину называют Къартмышыкъ (кртат. яз. къарт ‘старый’ + мышыкъ ‘кошка’), молодого мужчину именуют Ешил (кртат. яз. ешил ‘зеленый’).

– положение в обществе: именуемый Урьмет уважаемый в социуме человек. (кртат. яз. урьмет ‘уважаемый, почитаемый’).

– профессия или род деятельности: референт Тавук занимался продажей кур (кртат. яз. тавук ‘курица’); продавца яиц на рынке Асана именуют **Йымырта Асан** (кртат. яз. йымырта ‘яйцо’); торговца по имени Алим, который продает мясо, именуют **Касап Алим** (кртат. яз. къасап ‘мясник’); водителя такси прозвали **Арабаджи**, с крымскотатарского языка арабаджи ‘водитель’; **Балджи** занимается пчеловодством (кртат. яз. балджи ‘пчеловод’). Наименования функционируют среди взрослого мужского населения.

Итак, современные прозвища жителей Крыма с тюркскими основами представлены характеризующей и социальной функциями. Подавляющее большинство наименований дано мужчинам, прозвища женщин представлены единично.

ОБРАЗ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА¹

*А.Г. Полянская (Москва)
Институт языкознания РАН
polyanskaya@iling-ran.ru*

В данной работе представлены результаты анализа гендерных пар **мужчина – женщина, парень – девушка, мальчик – девочка**,

Выполнено при поддержке гранта РФФИ No 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)»

муж – жена, папа – мама, отец – мать, сын – дочь, брат – сестра, дедушка – бабушка, дядя – тетя. В качестве материала используются данные массового ассоциативного эксперимента, проведенного в республике Крым, и данные ЕВРАС. Ниже отражены наиболее яркие различия между ассоциативным значением слов в Крыму и европейской части России.

Результаты качественного анализа ассоциативных реакций, представленных в ЕВРАС и крымском ассоциативном словаре, показывают наиболее сильные отличия в отношении понятий **мужчина, женщина, девочка, девушка, муж, брат и бабушка.**

Мужчина и в Крыму, и в европейской части России прежде всего ассоциируется с силой, качествами защитника и семейными ролевыми моделями. В числе внешних особенностей наиболее часто отмечается красота и наличие бороды, в ЕВРАС также подчеркиваются возрастные отличия (*взрослый 7; зрелый 4; в расвете сил, возраст, дед, пожилой, старик 2*), представленные в крымском словаре лишь редкими единичными реакциями. Можно предположить, что для жителей Крыма возрастные особенности лица мужского пола являются менее значимыми.

Образ **женщины** в крымском ассоциативном словаре более возвышенный (*прекрасна 4; богиня, мудрость, очаг, цветок 3; судьба 2*), в то время как в ЕВРАС мы видим большее количество сниженных и «телесных» реакций, не представленных в числе частотных в Крыму (*секс 6; голая, грудь 4; ведьма, толстая 3; продажная, проститутка, тело 2*). Также сексуальный аспект в европейской части России проявляется более ярко и в отношении **девочки** и **девушки**. Так, в отношении **девочки** в ЕВРАС встречается 2,75% реакций, связанных с сексуальностью, а в крымском словаре 1,96%, а в отношении девушки – 2,2% в ЕВРАС и 0,97% в Крыму. Также стоит отметить, что в европейской части прослеживается более сниженный образ девушки: *сучка, телка 2; безнравственность, глупая, девица, доступная, зло, корова, куропатка, легкого поведения, не человек, проститутка, телочка, толстая, упрямая*. Сравним с негативными ассоциациями в крымском словаре: *сплетни, боль, гиена, глупость, глупые, животное, зло, избегать, куртизанка, невеняемая, недопонимание, несчастная, с побегом*.

Для жителей Крыма более характерны представления о **муже**

как о человеке, страдающем алкогольной зависимостью (*алкаш, перегар, пьет, пьяница*), а для жителей европейской части России – как о человеке деспотичном и связанном с противозаконной деятельностью (*бьет, деспот, заключенный, злой, тюрьма, жесткий*). Более негативное значение, чем в европейской части России, имеет **брат**. Это отражается в реакциях как прямого крымского словаря, так и обратного [Полянская, 2021].

По данным прямых словарей, для стимула **бабушка** в Крыму отсутствуют реакции, связанные с беспокойством о здоровье (*болеет, болезнь, болеть*), а также в процентном соотношении в 2 раза меньше «возрастных» и почти в 3 раза больше реакций, связанных с угощением, что в целом создает более молодой, активный и привлекательный образ бабушки.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В.И. Теркулов (Донецк)
Донецкий национальный университет
terkulov@rambler.ru

Целью доклада является описание основных характеристик региональной языковой личности на примере языковой личности жителя г. Донецка.

Как известно, основными параметрами, определяющими языковую личность, являются лексикон, тезаурус и прагматикон. Языковая личность выступает в качестве единственного конкретного естественного субъекта языка, концептосферы и языковой картины мира. Понятия «язык», «концептосфера» и «языковая картина мира» в том смысле, в котором мы их обычно используем, то есть национальный язык, национальные концептосфера и языковая картина мира, – это, в сущности, некоторые обобщения, представляющие собой совмещение инвариантной составляющей языковой личности с констатируемой возможностью варьирования лексикона, тезауруса и прагматикона.

Варьирование зависит от многих характеристик языковой личности: возраста, образования, профессиональной принадлежности и т.д. Однако наиболее важным источником варьирования является региональная принадлежность личности.

Идиолекты языковых личностей одного региона формируют региолект, под которым мы понимаем совокупность идиомов одного региона, имеющих общие регионально маркированные черты. Мы различаем два типа региолектов: а) с диалектной базой, б) диффузные. Первые возникают на исконных территориях и имеют в качестве языковой основы местные говоры, вторые реализуются на территориях позднего заселения и представляют собой «диффузию» идиомов мигрантов. Если для первых путь формирования представлен схемой «говор → городское просторечие/жаргоны → литературный язык», то во вторых он чаще всего имеет вид «сельская речь ← городское просторечие/жаргоны → литературный язык». При этом в настоящее время наиболее значимой формой существования обоих видов региолекта становится городское просторечие, что обусловлено активным перемещением социальной жизни общества из села в город.

Моделирование региональной языковой личности предполагает, следовательно, определение содержания инвариантной и вариативной зон ее лексикона, тезауруса и прагматикона. Инвариантные черты проявляются в первую очередь у носителей литературного языка, а наибольшее количество вариантных черт реализуется у просторечной языковой личности.

Наши исследования показали, что «уникальность региолектов создается, скорее, не за счет уникальности конкретных языковых фактов, а за счет их “системного калейдоскопа”, особой регионально маркированной организации языка. Региональное и общее формируют единую систему, в которой общее во многом определяется региональным» [Донецкий региолект, 2018, с. 21].

В связи с этим изучение региональной языковой личности предполагает определение: на уровне лексикона – инвариантных и вариантных региональных языковых черт и их соотношения с общеязыковыми, на уровне тезауруса – инвариантной концептосферы и ее связи с региональным и общеязыковым лексиконом, представленными в региолекте, на уровне прагматикона

– инвариантной языковой картины мира и ее обусловленности региональной и общенациональной концептосферами.

Донецкая речь – это региональная разновидность русского языка. Она формирует региональное русское мышление.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ГЕШТАЛТ ‘СВОБОДА’ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЫХ КРЫМЧАН¹

***Е.Я. Титаренко (Симферополь)
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского
elenatit@mail.ru***

Концепты ‘свобода’ и ‘воля’ традиционно относят к числу ключевых для русской культуры. Есть мнение, что свобода воспринимается носителями русского языка как ‘возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию’, а значение ‘отсутствие ограничений, запрещений в политической области’, которое в толковых словарях идет вторым, по данным социолингвистического опроса (проведенного более 15 лет назад), заняло предпоследнее место, из чего был сделан вывод, что элементы политической свободы в сознании россиян не первичны [Солохина, 2004].

По данным ассоциативного эксперимента, проведенного Н.М. Петровых, свобода в русском языковом сознании ассоциируется с деньгами, законом, равенством, братством, творчеством, демократией и включает такие смыслы, как ‘независимость’, ‘выбор’, ‘ответственность’, ‘право человека’, а воля у русских людей ассоциируется с небом, полетом, простором, ветром, птицей, пространством, светом, счастьем, жизнью, стихией, раздольем [Петровых, 2002]. Однако результаты нашего свободного ассоциативного эксперимента подтверждают эти утверждения лишь частично.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

В языковом сознании молодых крымчан семантический гештальт ‘свобода’ включает зоны ФЕ (55%), ОБЪЕКТ (33%), ЛОКУС (7%) СУБЪЕКТ (5%). Самой частотной реакцией является ассоциат слова (свобода слова) – 30,3%, на втором месте – выбора (свобода выбора) – 7,8%. Независимость (2,8%) также есть в числе реакций. По данным обратного словаря, свобода является наиболее частотной реакцией крымчан на стимул демократия (9,34%), хотя реакция демократия на стимул свобода единична. Таким образом, политический компонент гештальта ‘свобода’, на наш взгляд, в сознании молодых крымчан очевиден. Следует отметить, что это характерно и для российской молодежи в целом (см. таблицу):

КРЫМ	ЕВРАС	СИБАС
слова 30,3%	слова 26,1%	слова 20,1%
выбора 7,8%	выбора ; жизнь 6%	воля, жизнь 7,9%
жизнь 5,6%	воля 4,8%	выбора 5,4%
полет, воля 4,1%	счастье 3,8	счастье 4,8%
выбор 3,1%	независимость 3,6	независимость 4,2%

Ассоциаты равенство (1,56%), деньги (0,6%) занимают весьма скромное место в семантическом гештальте ‘свобода’, братство, творчество, *закон* не встретились вовсе. Зато ассоциации жизнь, полет, воля/воли, птица, по данным нашего ассоциативного эксперимента, получены именно в реакциях на стимул ‘свобода’ (стимул ‘воля’ не был представлен в эксперименте).

Таким образом, ‘свобода’ воспринимается современными молодыми крымчанами прежде всего как свобода слова, свобода выбора, что не является, на наш взгляд, равнозначным ‘возможности делать, что хочешь, поступать по своему желанию’; и свидетельствует об их политизированности. Свобода – это жизнь, полет, воля, а также (в меньшей мере) независимость и счастье.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТОВ ПОЛИЯЗЫЧНЫХ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ С УЧЕТОМ ВАРИАТИВНОСТИ ПЕРЕВОДА

*Ю.Н. Филиппович, К.П. Захаркина (Москва)
Московский политехнический университет
y_philippovich@mail.ru, ksuy.nevil@mail.ru*

Различные технологии проведения вербальных ассоциативных экспериментов в настоящее время являются наиболее часто используемым инструментарием психолингвистических исследований. Лексикографическая форма представления их результатов является самой распространенной. В первую очередь это словари и тезаурусы, представленные как в печатном виде, так и в виде компьютерных баз данных, информационных систем различного типа.

Мы представляем информационную технологию анализа данных ассоциативного эксперимента с носителями русского, татарского и башкирского языков. Исходными данными ассоциативных экспериментов являлись:

– Материалы по русскому и татарскому языку для исследования были взяты из информационно-справочной системы «Ассоциативный пилотажный эксперимент в республиках Коми и Татарстане» http://persons.it-claim.ru/assoc_quest/words.php на странице «Статистика (объединенная)». Использовались фильтры: Возраст: *от 17 до 25 лет*; Язык текста: *русский/татарский*; Пол: *все*; Тип анализа: *прямой*; *Только проверенные анкеты*.

– Результаты ассоциативного эксперимента на башкирском языке, проведенные в рамках выпускной квалификационной работы в 2018 г. Н.К. Байгужиной. В эксперименте участвовало 210 студентов (60 мужчин и 150 женщин) из более чем 12 вузов. Опрос проводился по 105 словам-стимулам.

Технология представляет собой комплекс: (1) базы данных русско-татарско-башкирского ассоциативного словаря (БД АРТБ); (2) информационную систему создания и ведения БД АРТБ, включая методику формирования запросов; (3) программный комплекс

расчета аналитических показателей; (4) конструктор сценариев проведения анализа словарных статей АРТБ.

Особенностью БД АРТБ является наличие вариативности перевода на русский слов-реакций респондентов, представленных на татарском и башкирском языках. Для наполнения баз данных использовались электронные словари: русско-башкирский <https://ufa-all.ru/> и русско-татарский <https://translate.tatar/>. В базе представлены до трех вариантов перевода, что позволяет исследователю сформировать «вариативный перевод» слов-реакций ассоциативной дефиниции слова-стимула, т.е. в диалоговом режиме выбрать один из вариантов.

Основной задачей анализа является выявление меры сходства (близости) между словарными статьями на русском, башкирском и татарском языках. Фактически сравниваются статья на русском языке и соответствующие ей переводы на русский с татарского и башкирского. Учитываются нормализованные частотные характеристики первых 10 слов-реакций, составляющих больше половины от их общего количества. Мера сходства представляет собой долю совпадающих реакций от общего количества реакций:

$$W = \sum_{i=1}^k [(f_{i1}/N_1 + f_{i2}/N_2 - |f_{i1}/N_1 - f_{i2}/N_2|)/2],$$

где: k – сумма различных ассоциаций в обеих группах; f_i – частоты i -той ассоциации в обеих группах; N – число выборок в обеих группах.

Было проведено тестирование программного обеспечения и баз данных. В качестве примера рассматривался сценарий анализа ареала СЕМЬЯ, который был представлен шестью словами-стимулами (*бабушка, брат, любовь, мать, отец, ребенок*). В диалоговом режиме формировались словарные статьи «вариативного перевода» слов реакций с татарского и башкирского языков на русский, далее осуществлялось программное попарное сравнение словарных статей и расчет меры сходства. Результаты экспортировались в таблицы Excel.

По средним значениям показателя сходства по стимулам связь является сильной для *брат, отец, ребенок*. По анализу средних значений сходства для различных пар языков сильная связь существует между реакциями на башкирском и татарском языках по всем стимулам, которые исследовались.

ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОСУДАРСТВЕ И ВЛАСТИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ В КРЫМУ¹

А.Ю. Филиппович, Г.А. Черкасова (Москва)
МГТУ им. Н.Э. Баумана
annafil@bk.ru, gacherk@mail.ru

В докладе рассматриваются ассоциативные связи между властью и деньги как стимулами, так и реакциями по базам данных «Крым» и ЕВРАС.

Ассоциативный опрос проводится в Крыму в настоящее время и сделан на 40%, поэтому на каждый стимул в БД введено от 202 до 215 реакций испытуемых. В европейской части России опрос проводился с 2008 по 2012 гг., и ответов на стимулы около 550, поэтому сравнивать будем на просто частоты реакций, а доли или процент ответивших.

Прямые и обратные статьи для Крыма сформированы с помощью Информационно-справочной системы, размещенной по адресу <http://assoc.iling-ran.ru/research>. База данных ЕВРАС пока не размещена в Интернете.

Сравним статьи прямых словарей (см. ниже). В Крыму на первой позиции стимула **власть** стоит реакция *деньги* (6.2), в статье **деньги** – *власть* (11); только семь ответов повторились в двух статьях. В ЕВРАС последовательности реакций иные: **власть** – это *сила* (8.28), а потом *деньги* (7.72), хотя доля этого ассоциата даже выше, чем в Крыму; **деньги** – это *зло* (8.3), *много* (6.27) и, наконец, *власть* (5.35); 17 реакций повторились в двух статьях. Анализ показывает сильную связь исследуемых понятий в прямых словарях в обоих опросах, хотя и доля отвечавших *власть* на *деньги* для ЕВРАС вдвое меньше.

Сопоставляя статьи обратного словаря, отметим, что для опроса в Крыму 95 стимулов породили реакцию *власть* и 209 – *деньги*, при этом 42 вызвали обе реакции. В ЕВРАС *власть* ассоциировали 109, *деньги* – 249, а 40 даны в двух статьях.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)».

Приведем начальные фрагменты статей прямых ассоциативных словарей (ограничившись долей >0.5 и указав абсолютные значения частот) и обратных до анализируемых понятий или 2.4.:

ВЛАСТЬ

Крым: *деньги* 13 (6.22); *президент* 9 (4.31); *коррупция*, *народа* 8 (3.83); *народ* 7 (3.35); *государство*, *народу*, *политика* 6 (2.87); *Путин* 5 (2.39); *жестокость*, *король*, *короля*, *корона*, *ответственность*, *правительство*, *сила* 3 (1.44); *богатство*, *в руках*, *денег*, *диктатура*, *закон*, *зло*, *контроль*, *мир*, *над всеми*, *над людьми*, *народная*, *плохая*, *полномочия*, *править*, *силы* 2 (0.96); ... и *деньги*... 1 (0.5); 209+121+1+90

← *правительство* 13.46; *правление* 11.16; *деньги* 11.; *империя* 10.19; *король* 7.77; *президент* 7.14; *царь* 6.67; *влияние*, *чиновники* 6.16; *бюрократия* 6.10; *сила* 5.71; *коррупция* 5.63; *беззаконие* 4.74; *государство* 4.72; *политик* 4.22; *демократия* 3.76; *управлять* 2.89; *авторитет* 2.84; *тщеславие* 2.43; *народ* 2.4; *богатство* 2.39; ... 393+95

ЕВРАС: *сила* 45 (8.27); *деньги* 42 (7.72); *президент* 29 (5.33); *народа* 24 (4.41); *народу* 15 (2.76); *политика* 13 (2.39); *народ* 11 (2.02); *закон*, *правительство* 10 (1.84); *государство* 9 (1.65); *король* 7 (1.29); *демократия*, *зло*, *коррупция*, *Путин*, *царь* 6 (1.1); *над миром* 5 (0.92); *абсолютная*, *богатство*, *влияние*, *денег*, *короля*, *монарха*, *президента* 4 (0.74); *в руках*, *возможность*, *закона*, *имущих*, *ложь*, *Медведев*, *могущество*, *монархия*, *огня*, *ответственность*, *получить*, *царя* 3 (0.55);... и *деньги*... 1 (0.18); 544+235+2+170

← *правление* 11.07; *коррупция* 7.54; *влияние*, *империя* 5.97; *правительство* 5.85; *демократия* 5.63; *деньги* 5.35; *чиновники* 4.89; *монополия* 4.24; *государство* 4.05; *управлять* 3.78; *король* 3.77; *сила* 3.51; *царь* 3.34; *президент* 3.; *бюрократия* 2.96; *политик* 2.6; ...704+209

ДЕНЬГИ

Крым: *власть* 23 (11.0); *зло* 13 (6.22); *бумага*, *много* 11 (5.26); *возможность* 9 (4.31); *работа* 6 (2.87); *нужны* 5 (2.39); *богатство*, *валюта*, *счастье*, *тратить* 4 (1.91); *доллары*, *достаток*, *на ветер*, *слава*, *средство* 3 (1.44); *банк*, *бизнес*, *в займы*, *время*, *выбор*, *грязные*, *доллар*, *зарплата*, *кошелек*, *мало*, *мелочь*, *не главное*, *не пахнут*, *нет*, *рубль* 2 (0.96); ... *решают всё*, *рубли*... 1 (0.5); 209+101+0+69

← тратить 55.61; расходы 29.05; считать 25.12; бизнес 25.12; нефть 25.; платить 22.17; достаток 21.05; богач 20.95; долг 20.1; копейка 18.27; рубль 18.1; богатство 16.75; работа 16.11; экономика 16.1; штраф 15.46; воровать 14.83; коррупция 14.08; стоять 12.98; требовать 11.48; карман 11.06; задолженность 11; получить 10.53; отнять 10.48; счет 9.57; время 9.35; давать, материальный 8.65; богатый, роскошь 8.13; отдать 8.1; взять 7.58; монополия 7.18; скряга 6.67; экономный 6.64; бюрократия 6.57; власть, иметь 6.22 ... 1674+209

ЕВРАС: зло 45 (8.30); много 34 (6.27); власть 29 (5.35); богатство 22 (4.06); бумага 16 (2.95); большие 13 (2.4); не пахнут 11 (2.03); рубли 10 (1.85); валюта, кошелек, на ветер, рубль 9 (1.66); монеты, работа 8 (1.48); грязь, доллары, зеленые, мало 7 (1.29); время, грязные, достаток, евро, зарабатывать 6 (1.11); монета, нужны, сила, тратить, хорошо 5 (0.92); бабло, доллар, зарплата, золото, крупные, мусор, средство 4 (0.73); банк, бумажные, легкие, надо, пахнут, покупка, покупки, средства 3 (0.55); ... хочу много денег.. 1 (0.18); 542+194+3+130

← тратить 59.70; платить 29.93; считать 25.79; рубль 24.25; достаток 23.76; расходы 23.61; богатство 21.87; бизнес 21.75; копейка 18.23; время 17.35; воровать 16.85; долг 16.64; штраф 15.02; нефть 14.96; получить 14.1; богач 13.89; задолженность 12.62; стоять 12.15; экономика 11.63; капуста 11.05; богатый 9.65; работа 9.58; карман, материальный 9.43; требовать 9.06; коррупция 9.; нуждаться 8.6; отобрать 8.04; брать 7.75; терять 7.73; власть 7.72 ... 4242+249

Круглый стол
«Лингвистическая идентичность:
междисциплинарные исследования»
Руководитель: Хорошилов Д.А.

КРОССКУЛЬТУРНОЕ СРАВНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ¹

И.В. Блинникова, М.Д. Рабесон (Москва)
Российский государственный гуманитарный университет
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
blinnikova-iv@yandex.ru

Представления человека о том, что такое профессионализм, в чём его сущность и специфика, в каких ситуациях и как он может проявляться, какова его роль в трудовой деятельности, тесно связаны с его представлением о самом себе и его профессиональной самоидентификацией [Evetts, 2013]. Одной из интересных концепций профессионализма последнего времени является модель Э.Фрейдсона, в которой постулируется, что данная характеристика работающего человека определяется характером деятельности (поведением) и отношением к труду. Это включает не только способность справляться с работой, но и стремление учиться, развиваться в профессиональном плане, способность к совместной работе, уважение к коллегам [Freidson, 2001]. Можно предположить, что представления о профессионализме различаются в разных культурах, поскольку существуют отличия в традиционных способах организации трудовой деятельности и отношения к ней.

Цель данного исследования – выявить роль культурного контекста в представлениях о профессионализме. В нем приняло участие 90 респондентов, принадлежавших к культурам России, Азербайджана и Великобритании. Группы были эквивалентны по количеству участников, возрасту, полу, уровню образования. Исследование было выполнено в два этапа. На первом – представители разных культур на своих родных языках давали описания понятий «профессионализм» и «профессионал». Анализ

сделанных описаний позволил выделить наиболее частотные варианты сочетаемости данных концептов с другими понятийными конструктами. На втором этапе концепт «профессионализм» и конструкты, встречающиеся в ответах представителей всех трех культур, соотносились и оценивались респондентами с помощью метода триадического сравнения. Была проанализирована разница в оценках представителей разных культур. Кроме этого, на основе сделанных оценок были построены матрицы сходства, которые подверглись обработке методом многомерного шкалирования (ММШ). В итоге были построены и проанализированы «концептуальные карты», отражающие связи между понятиями в каждой культуре.

Обработка с помощью ММШ продемонстрировала для всех трех культур двумерное расположение оцениваемых понятийных конструктов. При этом в одно измерение было общим для всех, на его полюсах находились такие конструкты как «образование» и «умение зарабатывать деньги», скорее всего это связано с противопоставлением теоретического и практического знания. В азербайджанской и английской выборке второе измерение задавалось «знанием дела» на одном полюсе и «развитием и совершенствованием личностного потенциала» – на другом. Здесь, по всей видимости, мы сталкиваемся с противопоставлением ориентации либо на дело, либо на личность работающего человека. При этом концепт «профессионализма» смещается в заданном пространстве к ориентации на дело и уровню образования. Интересно, что в российской выборке «знание дела» противопоставляется «достижению успеха», примерно так, как работа противопоставляется удаче.

Во всех трех культурах наиболее тесные связи «профессионализм» образует с концептом «знание дела». При этом в российской выборке он также приближен к конструкту «развитие и совершенствование личностного потенциала», в азербайджанской выборке – к конструкту «образование», а в английской – к конструкту «достижение успеха». Таким образом, был выявлен как универсальный, так и культурно специфический компоненты представлений о «профессионализме».

ПО ТУ СТОРОНУ ДИСКУРСА: КАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПОСЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И АФФЕКТИВНОГО ПОВОРОТОВ

Н.П. Бусыгина (Москва)

*Московский государственный психолого-педагогический
университет
boussyguina@yandex.ru*

Лингвистический поворот, или поворот к языку – термин, описывающий ситуацию, характерную для психологии и социальных наук второй половины XX века. Основная интуиция, с которой связано явление лингвистического поворота, состояла в том, что понимание социального мира и сознания возможно лишь путем анализа языка.

В психологии поворот к языку привел к появлению таких новых теоретико-методологических направлений, как дискурсивная и нарративная психологии, а также к достаточно широкому распространению лингвоориентированных методов и методологий – дискурс-анализа, нарративного анализа, анализа разговоров (conversation analysis). Их применение в области исследований переживаний позволяет ответить на вопросы, как конструируется то или иное переживание в языке, какие интерпретативные репертуары, дискурсы, сценарии, скрипты, нарративные конструкции используются для форматирования некоторого опыта.

Происходящий в последние два десятилетия аффективный поворот – это своеобразный ответ на лингвистический поворот, точнее, на его перегибы. Редукция психологических реалий к языку, приоритет социолингвистических методов в исследованиях переживания и опыта – все это становится отправной точкой для приверженцев аффективного поворота развернуть свою критику и свою исследовательскую программу. Есть нечто в переживании, не вписывающееся в логику языкового конструирования и, возможно, вообще не принадлежащее области языка. Для сторонников аффективного поворота это аффект, определяемый как доязыковая, досимволическая реальность, эксцесс, всегда как бы остающийся по ту сторону дискурса. Таким образом, в переживании можно

обнаружить досимволическую часть как непосредственный ответ на что-то и часть уже собственно символическую – результат интерпретации, подчиненной правилам языка, дискурса и, в конечном счете, социальным процессам.

Аффективный поворот поставил под вопрос достаточность применения известных лингвоориентированных методологий для исследования переживания. Вместе с тем разработка новых подходов невозможна без учета тех представлений и приемов анализа «толщи» языка, которые были предложены их сторонниками. На наш взгляд, для исследования переживания эвристичным выглядит соединение ряда идей культурно-исторической психологии о природе смысла и психоаналитических представлений о «защищающемся субъекте» и организации смысловой динамики вокруг травмы [Бернет, 2017; Hollway, Jefferson, 2000].

Согласно Ф. Гонсалесу Рею [González Rey, 2019], развивающему свою теорию на основе ряда идей Л.С. Выготского, единицами субъективности выступают субъективные смыслы – динамические образования, представляющие собой единство символического (языкового) и эмоционального (аффективного). Неким отложением, седиментацией текучих, привязанных к ситуации смыслов является субъективная конфигурация, которая и придает первым ту или иную форму и оттенок. Вводимое Ф.Е. Василюком [2005] представление о переживании как работе (по преодолению ситуации невозможности) позволяет описывать процесс отношений между «чувственной тканью», смыслами и смысловыми конфигурациями. Это представление может быть дополнено психоаналитической идеей речи как обращения с пустотой – дырой в Символическом, в терминах Ж. Лакана. В качественных исследованиях помимо анализа того, как конструируется переживание в языке, какие при этом используются дискурсы и как именно они «работают» в конкретной коммуникации (методы дискурсивного и нарративного анализа), необходимо понять, почему история рассказана именно так, как она рассказана, каковы психологические функции используемого дискурсивного ресурса, какую нехватку в субъекте заполняет речь (приемы психоаналитической интерпретации).

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ С ПОЗИЦИИ ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА

*О.Т. Мельникова, У.С. Кустова (Москва)
Московский государственный университет им. М.В.
Ломоносова
melnikova-o@yandex.ru , ukus199@gmail.com*

Развитие технологий привело к образованию нового цифрового пространства человеческой коммуникации, которое обладает своими особенностями и феноменами. В цифровых медиа, глобальном Интернет-пространстве происходят изменения в способах идентификации и самопрезентации, меняются также и сами основания идентичности (Лисенкова, 2016). Возникает понятие цифровой идентичности, создаваемой в виртуальном сетевом Интернет пространстве (Соловьева, 2018).

Социальная идентичность, по определению Гергена, – результат самоповествования в социальной среде, где основным и базовым является коммуникация (Gergen, 2009). В современных исследованиях идентичность выводится за рамки черт и личностных проблем (Hammack, 2008), она непрерывно меняется в ходе коммуникации и самопрезентации. Формирование идентичности в дискурсивном подходе всегда обусловлено культурным, ситуативным контекстом, на базе того опыта коммуникации, который есть у индивида. Это означает, что идентичность человека может быть гибкой, меняющейся, постоянно переструктурирующейся в зависимости от обстоятельств взаимодействия (Мельникова, Кутковая, 2014). В своей работе мы ориентировались на понимание цифровой идентичности как проекта или серии различных проектов. Такой подход близок к идее персонального брендинга, уверенному конструированию себя, созданию определенного бренда из своей личности, к мнению которой прислушиваются, ценят и уважают (Кадырова, Немцева, Тульчинский, 2013). Основной особенностью проектной идентичности является ориентация на аудиторию, ее внимание и признание. В рамках уже сложившегося бренда цифровая идентичность может быть очень подвижной и гибкой, реагируя на происходящие события окружающего мира и выбирая

различные стратегии самопрезентации в рамках уже сложившегося личного бренда.

Основной целью нашего исследования являлось изучение способов конструирования цифровой идентичности посредством дискурс-анализа и выделения интерпретативных репертуаров в традиции Дж. Поттера и М. Уэзерелл. Также был использован тематический анализ в целях поддержки и большей структурированности текстовых данных и для лучшего схватывания имплицитных смыслов. Мы анализировали публикации популярных пользователей Интернета с большой сетевой аудиторией (более 60 тыс. подписчиков). Чтобы выделить некоторое единое пространство для самопрезентации, отбирались и анализировались те публикации, которые связаны с реакцией, мнением, оценкой актуальных событий в связи с пандемией коронавируса, введением карантинного режима и самоизоляции. Предполагается, что эти события являются примером широкомасштабных социальных изменений, которые активно осмысляются и оцениваются людьми в коммуникативных практиках. Так как отобранные нами блогеры активно следят за актуальным контекстом этих событий, они активно обсуждаются в СМИ, у каждого/каждой удалось обнаружить пост, так или иначе посвященный данной тематике.

По итогам анализа были охарактеризованы и обобщены две основные стратегии конструирования самопозиционирования - идентичность преодолевающая и идентичность критикующая, которые исходят из принципиально разных ядерных установок на осмысление реальности и своего места в ней: с одной стороны - принятие, стремление «ужиться» с переменами в социуме, с другой - неприятие изменений, их отрицание, критика или обесценивание с опорой на собственное мнение и авторитет. Выделенные нами способы конструирования идентичности согласуются с актуальным контекстом ситуации и событий и являются наиболее яркими среди популярных пользователей российского Интернета. Функциональная сторона данных стратегий является предметом дальнейших дискуссий, однако рассмотрение цифровой идентичности с точки зрения личного проекта становится очень актуально, в особенности среди пользователей, ориентированных на социальный успех и признание в сети.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ НАРРАТИВЫ

*Е.С. Ощепкова (Москва)
Институт языкознания РАН, РГГУ
Oshchepkova_es@iling-ran.ru*

Томаселло в «Истоках человеческого общения» показал, что **интенциональные жесты** у животных появляются тогда, когда простое выяснение места в иерархии через реальное противодействие становится слишком опасным и приносит слишком серьезные последствия вплоть до летального исхода. Т.е. уже у животных мы видим возможность противоборства через коммуникацию.

Мы предполагаем, что это наблюдение можно перенести и на идеологическое и политическое противодействие, когда последствия и издержки реальной войны становятся слишком разрушительными, появляется другой способ противоборства, развитый в период холодной войны между двумя основными идеологиями: «буржуазно-демократической» и «советской». Таким бескровным способом победить соперника и навязать свою идеологию стали нарративы государства. Соответственно, мы можем выделить так называемые «демократический» и «советский» нарративы. И тот, и другой нарративы ставили целью формировать правильные образы языкового сознания граждан как своей страны, так и людей и стран из противоположного лагеря. И тот, и другой нарративы обладали определенной структурой и транслировались максимально широко. В СССР нарративы о «дружбе народов», «загнивающем Западе», «Эх, хорошо в стране советской жить!» транслировался через СМИ, политическую рекламу, песни, фильмы и т.п. Советский нарратив вступал в противоречие с нарративом западным. И проигрывал ему. На наш взгляд, вопрос о том, почему так случилось, и какие именно особенности построения западного нарратива позволили выиграть холодную войну, так и не получил пока целостного анализа и оценки. На наш взгляд, это весьма актуальная проблема, поскольку в последнее время мы видим, что несмотря на очевидную фантастичность западных нарративов (пробирка с «химическим оружием», якобы найденным в Ираке,

которой Колин Пауэлл тряс в ООН; постановочные репортажи из Косово, формирующие образ зверств сербов и несчастий албанцев; образ двух неуловимых российских шпионов Баширова и Петрова, виноватых в разрушении общественного порядка ряда стран) они транслируются официальными западными СМИ и оказывают непосредственное влияние на формирование образа России у западных обывателей.

В настоящее время мы замечаем формирование собственных нарративов у всех социальных групп. Получив универсальный инструмент в виде социальных сетей, они транслируют отдельные образы сознания, из которых складывается собственно групповая идентичность. При этом важно отметить, что идеи Розы Брайдотти о *номадической идентичности* получают реальное воплощение в групповых нарративах, которые присваивает субъект в тот или иной момент времени, переходя из одного сообщества в другое в данной социальной сети. С другой стороны, сами социальные сети активно подключаются к максимальной трансляции «правильных» нарративов и препятствуют нарративам, чуждым для владельцев данной социальной сети.

Активные нарративы сейчас развиваются в гендерных сообществах, особенно среди маргинальных групп, трансгендеров, квир-персон. Не напрасно члены этих групп так чувствительны к терминологии и любое слово, идущее вразрез с официальным нарративом данной группы воспринимают крайне болезненно. В таких нарративах мы видим не только формирование собственно гендерной идентичности, но и новый образ мира, поскольку специальные терины «цис-женщина», «цис-мужчина», «цис-гендер» сами по себе свидетельствуют о том, что в данной группе женщина, у которой биологический пол совпадает с гендером, становится феноменом, требующим отдельного обозначения.

Таким образом, проблематика строения, функций, трансляции и возможностей нарративов приобретает в последнее время огромное значение и требует осмысления и анализа.

ОБЫДЕННИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ВИРТУАЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИК¹ (НА ПРИМЕРЕ КОММЕНТАРИЕВ К ИНТЕРНЕТ- МАТЕРИАЛАМ О ДЖО БАЙДЕНЕ)

*И.В. Савельева (Кемерово)
Кемеровский государственный университет
saviren1973@mail.ru*

Медиатизация дискурса и общедоступность виртуальных площадок для обсуждения политических проблем повлияли на систему означающих, выработанных в институциональной сфере политической коммуникации [Русакова, Курильченко, 2019]. Речевые практики рядовых носителей языка, порождаемые в социальных сетях и в лентах для обсуждения медиапубликаций, получили настолько широкое распространение, что неуклонно трансформируют риторику профессионалов. В результате названных процессов происходит «перетекание некогда фиксированных и воспроизводимых в одном предметно-речевом поле означающих в иные дискурсивные формации» [Ширяева, 2012]. В непрофессиональной среде восприятие речи политиков отражается не только на уровне означающих, но способствует вербализации в политическом дискурсе категорий обыденного сознания.

Явление обыденнизации политики прослеживается при анализе интернет-комментариев к новостям. Например, в связи с приходом на пост президента Соединенных Штатов демократа Джо Байдена в сети ежедневно появляются публикации о нем, которые становятся стимулом для обсуждения в виртуальном пространстве. Политическая карьера Джо Байдена получает вариативную интерпретацию, однако доминирующим признаком в восприятии образа политической фигуры является его возраст. Тема возраста преломляется в обыденном сознании рядовых читателей и получает развитие в дихотомии «Байден-президент – Байден-пожилой человек», согласно которой организована система означающих и означаемых дискурса комментариев. Причем противопоставление политического и повседневного рефлексировается самими авторами комментариев и получает следующее речевое оформление:

*Скажем так, не нормально, но случается. А вообще, весь стеб относительно **Байдена президента**, а не **Байдена пожилого человека*** [«Полнейший конфуз»..., 2021: РИА. Новости. 26 марта 2021 года. URL: <https://ria.ru/20210326/biden-1602984496.html>].

Развитие семантической доминанты «Байден – пожилой человек» актуализирует такие категории, как «возраст», «болезнь», «искусственный разум», «смерть». Пожилой возраст в сознании рядового носителя языка ассоциируется с проблемами с памятью, которые объясняют неудачи в профессии. Тема болезни неизбежно отражается в речи комментаторов, получая репрезентацию в речевых единицах *глубоко больной, дряхлый, старческая деменция, иди лечись, с одышкой*:

*Это не конфуз. Просто у кого **старческая деменция**, это нормально в **таком возрасте**.*

*Ты вспомни про своего горячо любимого Брежнева и как он с огромным трудом **с одышкой** читал то, что ему печатали на бумажке его помощники! Прежде чем искать соринки в чужом глазу обрати на брёвна в своём глазу!*

*Америка, ты сходишь с ума вместе со своим **глубоко больным президентом!***

*Байден **иди лечись!*** [Там же].

Непосредственным следствием болезни являются важные для публичного человека, коим является президент, качества, например, его речь и умение держаться. Эти признаки также объективируются в речевых практиках непрофессионалов. В следующих примерах Байдена сравнивают (причем не в пользу последнего) с российским актером более почтенного возраста, создавая контраст с помощью противопоставления следующих единиц: *103 года – 78 лет, выступал – еле-еле рот открывает, внятно говорил – не может повторить*. Более того, объект комментирования получает прозвище *Бидон*, которое усиливает фамильярный тон и «неполитический» характер беседы: *Вспомните актёров, например, Зельдина он **в 103 года выступал на сцене театра и внятно говорил**. И таких людей не мало. А Бидону 78 лет а он еле еле рот открывает даже не может повторить что ему в наушник говорят* [Там же].

Поступательный характер развития темы пожилого возраста завершается номинацией Д. Байдена как «политического трупа».

Тенденция к естественному разделению мира в профанном сознании читателей на «черное» и «белое» приводит к актуализации оппозиции *старый (дряхлый) – молодой (сильный)*, в связи с чем возникает сравнение с одним из латиноамериканских лидеров прошлого: *Обайден для них - глубоко чуждый им представитель враждебного клана. Им нужен лишь молодой и сильный лидер - такой как Эрнесто Че Гевара де ла Серна - чтобы повести на штурм этого дряхлого вашингтонского болота, возглавляемого политическим трупом* [Там же].

Альтернативой смерти является замена человеческих органов и сознания на искусственные аналоги, поэтому еще одной кульминацией развития актуальных смыслов повседневности в комментариях является идея о замене президента роботом американского производства, чье имя - отсылка к устаревшему образцу: *С таким же успехом могли американского «робота Фёдора» на пресс конференцию выкатить на вопросы журналистов отвечать* [Там же].

РАБОТА Л.Я. ГИНЗБУРГ «О ЛИТЕРАТУРНОМ ГЕРОЕ» В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Д.А. Хорошилов (Москва)

*Российский Государственный Гуманитарный Университет
d.khoroshilov@gmail.com*

Литературоведческие работы и знаменитые записки Лидии Яковлевны Гинзбург давно вышли за дисциплинарные пределы филологической науки и рассматриваются сегодня в оптиках интеллектуальной истории XX столетия [Ван Баскирк, 2020; Зорин, 2005]. На протяжении всей жизни Гинзбург весьма серьезно интересовалась психологией. В ее поздней книге «*О литературном герое*» (1979) обнаруживается плеяда ссылок на зарубежных и отечественных психологов, среди которых упоминаются, в частности, У. Джеймс, Дж. Мид, Э. Шпрангер, К.Г. Юнг, К. Левин, А.Ф. Лазурский, И.П. Павлов, Д.Н. Узнадзе, А.А. Леонтьев,

Л.С. Выготский. Гинзбург отмечает особые заслуги советской психологии, акцентировавшей социальные факторы детерминации характера, мотивации и поведения личности, а рассуждения самой же Лидии Яковлевны оказываются близки современной культурно-исторической парадигме.

Одна из ключевых функций художественной литературы, по Гинзбург, заключается в символическом обобщении действительности и моделировании образа человека. Личность приобщается к социальным ценностям через язык и слово, утверждая при этом через них собственную автоценность. Литература становится исследованием словесного моделирования человека, т.е. способа самоутверждения и творческой самореализации в определенных исторических обстоятельствах. В этом пункте социальная, психологическая и литературная типологии характеров сближаются: *«Герои Толстого, Достоевского, Пруста совсем не подходят под понятие литературного типа, но они соотносятся с типологией человека, и научной, и той житейской типологией, без которой невозможно общение и взаимное понимание людей».*

Необходимым условием общения читателя и литературного персонажа выступает категоризация и индивидуализация, уточнение образа последнего в социальном контексте, с которым соотносится художественное произведение. Литературный персонаж отсылает внимательного читателя к представлениям о человеке, выступающим в двух планах: социальном – как роли и собственно психологическом – как типы или характеры.

«Модель осознавшего себя исторического характера является в то же время своего рода психологической ролью, которую личность разыгрывает на сцене жизни. Но выражает эта роль не личный характер (личный характер ее только модифицирует), а те цели и ценности, из которых для определенной эпохи, для определенной социальной среды складывается эталон поведения человека». На материале художественной и мемуарной литературы Гинзбург наполняет понятие социальной роли конкретным историческим содержанием, усвоение которого становится основным механизмом формирования личного характера как результата интериоризации общих социальных ценностей.

Сказанное позволяет позиционировать Гинзбург как психолога

[Zorin, 2012], размышляющего о проблеме личности и общества, индивидуального и социального в имплицитно подразумеваемой логике культурно-исторической парадигмы. Социальная психология – отмечает Л.С. Выготский в записных книжках – является разделом дифференциальной психологии, т.е. учением о типах личности, и отводит важное место искусству в их классификации (та же идея звучит в начале «Психологии искусства», на которую ссылается Гинзбург и в интересующей нас книге). Изучение характера человека в истории, законов построения автоконцепции (идентичности) через приобщение к сверхличным ценностям, утверждаемым (объективируемым) в языке и слове, можно считать лейтмотивом всего творческого пути Гинзбург.

Научное и мемуарное наследие Лидии Яковлевны Гинзбург требует, на мой взгляд, пристального психологического прочтения и интерпретации, что позволит нам продвинуться в понимании междисциплинарных путей развития культурно-исторического подхода в современной психологии.

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

О.Ю. Черных (Москва)
Московский городской университет МГПУ
chernykh@mail.ru

На рубеже 20-21 века с развитием антропоцентризма возникло новое понимание категории **пол**, которая раньше считалась исключительно биологически детерминированной. В рамках новой постнеклассической эпистемы гендер был признан социальным феноменом, который конструируется обществом и индивидом в соответствии с нормами данной культуры на данном историческом этапе. Основой для изучения гендера является теория социального конструктивизма. Отсюда гендер также интерпретируется как конструкт, создаваемый обществом в процессе социализации, в семье, в школе, посредством разделения труда, при помощи средств массовой информации.

В социальном конструировании гендера основным методологическим принципом является признание процессов ритуализации (rituals) и институционализации пола (institutional reflexivity).

Однако в настоящее время происходит изменение модели человека. И гендерный параметр наиболее ярко показывает эти изменения. Фундаментальные нормы и правила подвергаются сомнению. Меняется *ритуализация* пола.

1. Стиль одежды. Традиционно полагалось, что мужчины и женщины носят разную одежду, которая сигнализирует об их половой принадлежности. Однако тот факт, что в начале 20в женщины стали носить брюки, стал отправной точкой начала размывания ритуализированных стилей в одежде. Размывание границ между женским и мужским стилем в одежде продолжилось на западе в 1960-е годы с возникновением стиля унисекс. И вот в настоящее время мы наблюдаем новую тенденцию: все дольше мужчин облачают в традиционно женскую одежду (в частности, юбки и платья).

2. Прическа. Ритуализации гендера через прическу также подвергается сомнению, ее границы активно размываются. Этому способствуют представители не только шоу бизнеса, но и звезды спорта.

Институционализация заключается во вписывании гендера в функционирование социальных институтов, где в процессе общения у индивида возникают представления о нормативном поведении для представителей различных полов.

Огромную роль в институционализации гендерного параметра индивида играет государство. Именно оно формирует социальный заказ на то, какая модель человека будет доминировать на данном историческом этапе. На сегодняшний момент большинство европейских стран, США и Канада признают гендерную мультиполярность или гендерный плюрализм. Иными словами дихотомия маскулинность и фемининность признается устаревшей моделью человека. Официально заявляется о множественности гендерной репрезентации индивида.

Свидетельствами официального признания плюрализма гендера на государственном уровне является:

1. Легализация однополых браков.
2. Возможность усыновления детей нетрадиционными семейными парами.
3. Предоставление возможности выбора гендера при заполнении официальных документов.
4. Предоставление возможности лицам с альтернативным гендером представлять страну на международных конкурсах, например Евровидение.

Важнейшим средством институционализации гендерных репрезентаций является кинематографический дискурс. Здесь можно отметить следующие особенности: фильмы, которые имеют целевую аудиторию 16+, отражают плюралистическую модель гендера и представлены довольно широко.

В настоящее время важнейшим средством социализации индивида являются социальные сети. Невероятная популярность социальных сетей, форумов и блогов сделала их основными площадками для обмена мнениями по любым вопросам, в том числе вопросам гендерной репрезентации. Являясь мощнейшим инструментом коммуникации, социальные сети способны донести информацию до огромной аудитории.

Известные личности с нетрадиционным гендерным самовыражением имеют впечатляющее количество подписчиков. Так, например, Майли Сайрус, американская певица и актриса, которая в 2015 года призналась в своей бисексуальности, а чуть позже заявила о своей пансексуальности, имеет 90! миллионов подписчиков. Ее пример может стать предметом для подражания, мощнейшим орудием формирования гендерной идентичности человека, особенно подростка.

Таким образом, происходит дискурсивное перемещение особенностей сексуального поведения индивидов из категории девиации в категорию нормы.

Материалом для анализа послужили тексты англоязычных СМИ, блогов и форумов.

Круглый стол
«Речь и переработка слуховой информации
в норме и патологии»

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕРАБОТКИ
СЛУХОРЕЧЕВОЙ ИНФОРМАЦИИ У ДЕТЕЙ

Т.В. Ахутина, А.А. Корнеев, Е.Ю. Матвеева (Москва)
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
akhutina@mail.ru

В сообщении будут рассмотрены часто используемые нейropsychологами и логопедами пробы для оценки состояния процессов переработки слухоречевой информации у детей.

Основными целями таких исследований является оценка 1) фонематического слуха, 2) словаря, 3) слухоречевой памяти. Фонематический слух, владение словарем и память входят практически во все задания, поэтому их разделение по целям достаточно условно.

Формирование фонематического слуха в дошкольном возрасте позволяет неосознанное его использование в различении слов при понимании речи и говорении. При обучении грамоте владение фонематическим слухом становится произвольным (Богомазов, 2005; Dehaene et al., 2015). Учитывая это, экологически валидным заданием для дошкольников является **повторение слов**. Его инструкция наиболее проста, что позволяет использовать пробу с 4-х лет. Включение в задание слов паронимов («соперников»), когда одно слово тестовое, а другое в фоне, делает эту пробу достаточно чувствительной к развитию фонематического слуха. Сенсibilизация пробы достигается при увеличении количества слов для повторения, однако увеличение нагрузки требует у детей дополнительных усилий, т.е. подключения III и I блоков мозга. В батарее «Методов нейropsychологического обследования детей 6-9 лет» (2016, далее МНО) в пробу на слухоречевую память входит повторение 2 групп по 3 слова, где включены пары – «соперники»: холод – голод, рама – рана, клин – клен). Продуктивность первого

повторения у дошкольников 5.36 слов, третьего – 5.55 слов, у остальных детей она выше: первого - от 5.73 до 5.82, а третьего от 5.77 до 5.86. Из 410 детей 6-9 лет доля детей, повторяющих слова с пропусками или ошибками, составляет 0.45. Их нейropsychологический профиль отличается от профиля детей с верным повторением при значимости различий $p < 0.001$ худшим состоянием переработки слуховой информации, левополушарных и правополушарных функций. Наиболее частой ошибкой является замена/пропуск 1 согласного (в среднем, 1.01 ошибки у дошкольников, 0.73, 0.43 и 0.40 ошибок в 1, 2 и 3 классах), реже встречаются искажения (0.36, 0.13, 0.15, 0.12) и еще реже замены 1 гласного (0.08, 0.06, 0.03, нет). Механизм ошибок неодинаков, что видно из нейropsychологических профилей детей с ошибками. Хотя у всех детей снижена переработка слухоречевой информации, к этому прибавляется слабость программирования и контроля у детей с пропуском согласных и гласных, слабость переработки кинестетической информации при искажениях и пропусках гласных. При заменах гласного и искажениях страдают и лево- и правополушарные функции, при замене согласного – больше левополушарные функции.

Проба на **показ картинок по слову-наименованию** доступна для детей с 4-5 лет. Она может быть усложнена при включении слов-«соперников»: близких по звучанию - для оценки фонематического слуха, и близких по значению – для оценки словаря. Увеличение числа предъявляемых за один раз слов также увеличивает сложность пробы. Существует традиционный и компьютерный варианты этой пробы. При компьютерном предъявлении близких по звучанию слов продуктивность показа растет с возрастом. Доля детей 6-9 лет ($N=410$), делающих близкие замены составляет 0.55, близкие замены и дублирования – 0.72, вплетения – 0.19. Нейropsychологические профили детей без ошибок и детей, делающих близкие замены, статистически отличаются по функциям переработки слуховой информации, правополушарным и левополушарным функциям, делающих близкие замены и дублирования – по тем же функциям плюс функции программирования и контроля, вплетения – по функциям программирования и контроля, переработки слуховой информации и левополушарным функциям.

Для оценки словаря информативна проба на **называние**. Обычно материал варьируют по частотности и трудности произнесения требуемых слов (Фотекова, Ахутина, 2007). Данные по частотности высоко коррелируют с возрастом приобретения слов (Ахутина, 1977, 2014; Bates et al., 2003). В батарее МНО дети называют картинки при предъявлении проб на зрительный гнозис. Вербальные ошибки в этих пробах могут служить для оценки трудностей называния. Нейропсихологический профиль детей с вербальными ошибками отличается от профиля детей без таких ошибок статистически значимым снижением функций переработки слуховой информации и левополушарных функций.

В практике часто используются пробы на **запоминание групп слов**. Это может быть запоминание 5, 8, 10 слов. Чем больше объем, тем больше требуется подключение функций программирования и контроля. Включение слов с «соперниками» повышает чувствительность пробы к состоянию фонематического слуха (ошибки по типу замен «игла» - игра или икра). Наиболее информативна проба, но одновременно и более сложная – это проба на повторение двух групп слов по три слова (батарея МНО). Процедура пробы позволяет анализировать и произвольную память (1 воспроизведение без предварительного задания на запоминание), и произвольную память и отсроченное воспроизведение. Включение слов «соперников», повторение их «на следах» делает пробу чувствительной к фонематическому слуху. Проба доступна старшим дошкольникам и школьникам. Продуктивность воспроизведения наиболее низкая у дошкольников (2.12; 4.20 и 3.63 слова в первом, третьем и отсроченном воспроизведении). У школьников в среднем по 1, 2 и 3 классам от 2.76 до 3.10 слов в первом воспроизведении, от 5.03 до 5.42 – в третьем и от 4.27 до 4.92 слов в отсроченном. Динамику продуктивности запоминания от 1 к 3 воспроизведению проводят с помощью анализа профиля запоминания. Падение продуктивности (например, 343) характерно для детей со слабостью переработки слуховой информации, плоские профили с отсутствием разницы между 1 и 2 воспроизведением чаще встречаются у детей со слабостью программирования и контроля и функций энергетического блока. У детей с низким началом и резким ростом продуктивности часто наблюдается слабость правополушарных функций (Корнеев,

Жижи́на, Аху́тина, 2020). Информативен и анализ ошибок, их в воспроизведении больше, чем в повторении. Чаще всего встречаются замены/пропуск 1 согласного (в среднем 0.68 у дошкольников, 0.77, 0.37 и 0.45 в 1, 2 и 3 классах), за ними следуют искажения (0.54, 0.08, 0.29, 0.12) и ошибки с гласными (0.26, 0.11, 0.11, 0.04). При наличии замены/пропуска 1 согласного у детей выражена слабость переработки слуховой информации, лево-полушарных функций, а также функций программирования и контроля по сравнению с детьми без таких ошибок. Замены 1 гласного встречаются при слабости переработки слуховой информации и правополушарных функций, а искажения - при слабости программирования и контроля, переработки слуховой информации, право- и лево-полушарных функций. Замены слов, близких по звучанию, больше связаны со слабостью левого полушария, а по значению – слабостью правого полушария и 1 блока.

Проведенный анализ нейропсихологических проб на переработку слуховой информации позволил уточнить их функциональную и возрастную направленность.

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ У ШКОЛЬНИКОВ С ТРУДНОСТЯМИ В ОБУЧЕНИИ

О.А. Величенкова (Москва)

Институт специального образования и психологии

ГАОУ ВО МГПУ

velichenkova@mail.ru

В.Г. Гусева (Москва)

Центр диагностики и поддержки детей с трудностями

в обучении

gvictory13@gmail.com

Специфические трудности в овладении письмом и чтением у детей могут быть связаны с дефицитом переработки слухоречевой информации [Ахутина, 2018, с. 76]. Разработка технологии оценки фонологической обработки у младших школьников

требует возрастной валидизации проб и выделения возрастных критериев их выполнения. Можно думать, что использование в тестах повторения [Руль, 2018, с. 121; Дорофеева, 2018, с. 331] и списывания [Григорьева, 2018, с. 93] псевдослов вместо слов приводит к увеличению вклада фонологической рабочей памяти. Создание новых процедур подразумевает анализ их согласованности с традиционными слухоречевыми пробами.

Ниже представлены результаты выполнения школьниками 3 слухоречевых проб: запоминание 10 слов, повторение серии слогов с оппозиционными согласными, повторение псевдослов. Все дети прошли онлайн-обследование в 2020-21 году у логопеда и/или нейропсихолога в связи с трудностями в овладении письмом и чтением (1 класс - 23 ребенка, 2 – 62, 3 – 66, 4 – 72, 5 – 48, 6 – 23, 7 – 13, 8 – 8, 9 – 2). Все 3 пробы предъявлялись не всем детям. Данные по количеству случаев (N) представлены для каждой пробы и параметра.

Средняя продуктивность (P) запоминании 10 слов (N=196) в первом-пятом и отсроченном воспроизведениях: P1=4,5 (SD=1,6); P2=6,7 (SD=1,7); P3=7,6 (SD=1,7); P4=8,1 (SD=1,7); P5=8,3 (SD=1,6); Ротср=8,1 (SD=1,9). Среднее количество литеральных ошибок (L) – 1 (SD=1,5), вербальных (V) – 0,9 (SD=1,6), вплетений (Vp) – 0,5 (SD=1,1).

Для воспроизведения предъявлялись 8 серий слогов с оппозиционными звуками и 4 серии **слогов-дистракторов**: **ло-по-ло**, **ва-ва-фа**, **та-тя-та**, **па-па-ба**, **са-за-са**, **хо-со-хо**, **шу-шу-су**, **ми-ви-ми**, **ко-го-го**, **чу-цу-чу**, **ни-пи-ни**, **то-то-до**, **щу-сю-щу**. Среднее количество ошибок при воспроизведении (N=213) – 3,97 (SD=2,5).

Для повторения давались 9 псевдослов: **бутОсна**, **падмОфу**, **казОжну**, **вмушОга**, **мялЯмка**, **саласЯк**, **ралОлта**, **цанчАс**, **тичимАрь**. Среднее количество ошибок при повторении псевдослов (N=288) – 2,46 (SD=1,8).

Анализ согласованности проб представлен в таблице (* $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$).

Наиболее значимые результаты: впервые представлены данные онлайн-обследования переработки слухоречевой информации для сравнения с показателями очной диагностики; показана значимая связь успешности повторения псевдослов и слогов, успешности

	Коэффициент корреляции	Повторение 10 слов					Ошибки в слогах
		P1	Pотср	L	V	Vp	
Ошибки в псевдословах	Pearson's r	- 0.155	- 0.203*	0.051	0.023	0.017	0.395** *
	Spearman's rho	- 0.182* (N=154)	- 0.234** (N=154)	0.062 (N=154)	- 0.014 (N=154)	0.037 (N=154)	0.338** * (N=213)
Ошибки в слогах	Pearson's r	- 0.170	- 0.407** *	0.214	0.140	0.184	-
	Spearman's rho	- 0.193 (N=79)	- 0.333** (N=79)	0.189 (N=79)	0.026 (N=79)	0.118 (N=79)	-

повторения псевдослов и продуктивности повторения 10 слов (на уровне тенденции в первом воспроизведении и значимой обратной корреляции при отсроченном воспроизведении).

ИЗМЕНЕНИЯ В РЕЧЕВОМ СТАТУСЕ У ДЕТЕЙ С ИДИОПАТИЧЕСКОЙ ГЕНЕРАЛИЗОВАННОЙ ЭПИЛЕПСИЕЙ, ПОЛУЧАЮЩИХ ПРОТИВОЭПИЛЕПТИЧЕСКУЮ ТЕРАПИЮ¹

Р.Г. Гамирова, Е.А. Горобец

Казанский федеральный университет

elena_gorobets@mail.ru

Т.В. Ахутина (Москва)

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова

Р.Г. Есин (Казань)

*Казанский федеральный университет, Казанская
государственная медицинская академия*

Введение. Дети и подростки с эпилепсией, получающие противоэпилептическую терапию, составляют группу риска по

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-29-09096

когнитивному снижению и задержке развития высших психических функций. Результаты исследований показывают, что когнитивные нарушения в качестве побочного эффекта фиксируются достаточно часто (Hommet 2006; Moavero et al. 2017; Veroniki 2017; Cohen et al., 2019 и др.), однако описания изменений в речевом статусе носят разрозненный характер. Авторами разработана схема контроля развития когнитивных функций у детей и подростков, получающих противоэпилептическую терапию, с ранжированием по возрастным группам (Горобец, Ахутина и др. 2018, 2019, 2020).

Материалы и методы. С января 2019 года по февраль 2021 года было обследовано 72 ребенка и подростка (возрастной диапазон от 4 до 18 лет), из них 42 – с идиопатической генерализованной эпилепсией, получающие монотерапию различными ПЭС, которые составили группу исследования. Группу контроля (30 человек) – неврологически здоровые дети (ранжирование по возрасту на пять групп) с типичным когнитивным развитием. Периодичность обследований: до начала терапии, через 3, 6, 9, 12, 18, 24 и 30 месяцев. Изменения в параметрах у детей из группы исследования и группы контроля сравнивались количественно. Показатели относительного риска для неблагоприятных исходов и их 95% доверительного интервала рассчитывались с использованием Revman 5.3.

Результаты и обсуждение. В результате исследования получены новые данные об изменениях в речевом статусе детей, получающих противоэпилептическую терапию:

1. Изменения в продуктивности вербального мышления, связанного с восприятием единиц, имеющих переносный план высказывания, у детей и подростков, находящихся на монотерапии вальпроевой кислотой. Статистически значимые различия в верной интерпретации смысла фразеологических единиц в группе контроля по сравнению с группой исследования была зарегистрирована через 18 месяцев после начала терапии.

2. Изменения в продуктивности вербального мышления, связанного с категориальными обобщениями, у детей и подростков, находящихся на монотерапии вальпроевой кислотой. Статистически значимое снижение продуктивности вербального мышления, связанного с категориальными обобщениями, было зафиксировано после 18 месяцев приема препарата.

3. Развитие дисграфии как побочного эффекта приема ПЭС у детей и подростков, находящихся на монотерапии вальпроевой кислотой. Статистически значимая разница в группе контроля по сравнению с группой исследования была зарегистрирована через 12 месяцев после начала лечения с очевидным ростом после 18 месяцев.

4. Снижение объема слухоречевой памяти у детей и подростков, находящихся на монотерапии разными ПЭС, которое проявляется в легкой форме после полутора лет приема ПЭС, однако является достаточно устойчивым.

Получены также новые данные об изменениях функций энергетического блока мозга, которые объясняют наиболее частые жалобы детей и их родителей (вялое, сонное состояние, трудности сосредоточения, заторможенность и т.д.). Статистически значимое нарастание утомляемости и инертности было зафиксировано через 9 и 12 месяцев соответственно, снижение темпа – через 9 месяцев, нарастание гиперактивности – через 3 месяца после начала терапии с постепенным усугублением; импульсивность – через 9 месяцев лечения.

НАРУШЕНИЯ ИМПРЕССИВНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ: ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ

*Р.Г. Гамирова, Е.А. Горобец, Н.О. Бударина (Казань)
Казанский федеральный университет
elena_gorobets@mail.ru*

Причины количественного роста и качественных изменений речевых патологий у детей до конца не изучены, и в настоящее время приходится констатировать тот факт, что в XXI веке расстройства импрессивной речи у детей (сенсорная алалия, сенсомоторная алалия) стали диагностироваться в среднем в десять раз чаще, чем это происходило во второй половине XX века. Неврологи, логопеды, психологи, психиатры ежедневно сталкиваются с детьми, не понимающими или практически не понимающими обращенную речь.

На сегодняшний день сенсорная алалия является наименее

изученным (и наиболее тяжелым) видом речевых расстройств у детей. Если моторная алалия исследована достаточно детально, то природа сенсорной алалии и конкретные механизмы ее преодоления на данном этапе изучены в меньшей степени по сравнению с другими видами речевых расстройств. Принципы диагностики речевых расстройств у детей, в особенности раннего возраста, и диагностические материалы регионально специфичны, варьируются в зависимости от научных школ и подходов, качество проводимых обследований в высокой степени зависит от личного опыта специалиста. Терминология, принятая в России, не коррелирует с зарубежными исследованиями в области изучения речевых расстройств у детей, что затрудняет универсализацию диагностики и коррекции нарушений развития импрессивной речи.

Сенсорная (импрессивная) алалия выражается в нарушениях понимания речи вследствие поражения либо задержки развития вторичных и третичных полей слуховой коры. Ребенок не членит поток речи на сегменты либо обрабатывает речь с трудом, распознавая только единичные, наиболее часто повторяемые единицы. Речь воспринимается преимущественно как шумы и фон. Важно, что отсутствие декодирования звуков речи и членения речевого потока на сегменты при сенсорной алалии распространяется именно на звуки речи (для обозначения данного состояния используется также термин «речевая слуховая агнозия»). Сенсорная алалия может быть как изолированной (ребенок в целом развит типично, однако затруднены либо недоступны виды деятельности, для которых требуется вербальная обработка), так и носить сочетанный характер (сопрягаться с задержками развития, поведенческими нарушениями, нарушениями коммуникации). Все это порождает сложности дифференциальной диагностики, в особенности если речь идет не об органических поражениях, а о дисфункциональных расстройствах. Алалия, которая обусловлена поражением мозга (выявляемым с помощью методов нейровизуализации и функциональной диагностики – МРТ, видео-ЭЭГ-мониторинг) исследована в большей степени (хотя и недостаточно, в особенности в области изучения особенностей развития импрессивной речи у детей с когнитивной эпилептиформной дезинтеграцией). Однако наиболее часто в последние десятилетия встречаются дети с сенсорной

алалией в грубейшей форме (ребенок даже не догадывается о том, что речь человека в принципе содержит какие-то коды, которые необходимо расшифровывать для получения информации) – при этом нейровизуализация, функциональная диагностика и неврологический осмотр не дают данных, объясняющих эту патологию.

В докладе освещаются вопросы дифференциальной диагностики: а) сенсорной алалии и нарушений слуха; б) сенсорной алалии и задержки психоречевого развития; в) сенсорной алалии и умственной отсталости; г) сенсорной алалии и расстройств аутистического спектра.

Актуальность данной проблемы, количественное увеличение и качественные изменения расстройств импрессивной речи у детей обуславливают необходимость создания единого алгоритма дифференциальной диагностики речевых расстройств, сопровождающихся нарушениями восприятия речи, единого банка данных диагностических материалов и тестов, созданных совместно специалистами разных профилей (лингвистами, логопедами-дефектологами, нейропсихологами), прошедших валидацию в норме (среди типично развивающихся детей), нацеленных на детальный анализ обработки речи у детей в возрасте от 1,5 до 4 лет (наиболее частый период обращения родителей к специалистам с проблемой отсутствия понимания речи).

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАБОТКИ РЕЧИ У ДЕТЕЙ 4-12 ЛЕТ В БАТАРЕЕ НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕСТОВ BVL_RU

***Е.А. Горобец, Р.Г. Гамирова, Т.П. Мустакова (Казань)
Казанский федеральный университет
elena_gorobets@mail.ru***

В Казанском федеральном университете осуществляется лингвистическая валидация и стандартизация русскоязычной версии [Marini 2017, Ruhl 2020] международного инструмента оценки речи (BVL_RU) – Батарей нейролингвистических тестов для детей 4-12 лет *Batteria per la Valutazione del Linguaggio in Bambini dai 4 ai 12 anni*, разработанной итальянскими учеными в 2015 году [Marini

364 Международная конференция 28–29 мая 2021 г.

2015]. Это инновационный стандартизированный диагностический инструмент первого уровня. Батарея переведена на шесть языков и активно используется в международных исследованиях. Субтесты батареи подразделяются по возрасту (4-6 лет, 7-12 лет) и объединены в три группы: 1. Производство речи. 2. Восприятие речи. 3. Повторение.

Субтесты, нацеленные на анализ обработки речи: *фонематический слух, проверка устной дифференциации, оценка правильности построения высказываний, понимание идиом, понимание лингвистической просодии, понимание эмотивной просодии*. Субтесты третьей группы, которые также дают информацию для оценки декодирования речи: *повторение слов, повторение псевдослов, повторение предложений*.

Фонематический слух. Субтест позволяет оценить способность ребенка различать фонологически идентичные слова и дискриминировать минимальные пары, отличающиеся одним звуком. Таким образом, оценивается основополагающая метафонологическая компетенция.

Проверка устной дифференциации. Данный субтест разделяется по возрасту: для дошкольников и для школьников. Он нацелен на оценку сформированности лексической компетенции, состоит из слов-стимулов разной частотности. Наряду с картинкой, репрезентирующей слово-стимул, знание которого проверяется конкретной пробой (таргет-стимул), на используемых изображениях помещаются три дополнительных, отвлекающих, картинки (стимулы-дистракторы). Дистракторы подобраны таким образом, что один из них репрезентирует слово, фонетически схожее с таргет-стимулом, второй представляет собой семантический дистрактор (близкое по смыслу слово), третий – собственно дистрактор – ни в плане выражения, ни в плане содержания никак не связан с таргет-стимулом. Использование данной методики позволяет определить причины, по которым ребенок не может правильно указать на картинку, репрезентирующую таргет-стимул.

Оценка правильности построения высказываний (в оригинале – *Грамматические суждения*). Субтест направлен на оценку способности ребенка выносить суждения относительно грамматической приемлемости предложений различной длины и

синтаксической сложности. Низкие баллы, набранные в этом тесте, могут указывать на проблемы в развитии метаграмматических способностей ребенка. Источником трудностей могут быть расстройства каналов восприятия, сложности в обработке морфологической и синтаксической информации, закодированной в словах, входящих в состав предложений, и последующего корректного восстановления грамматической структуры прослушанного.

Понимание идиом. Субтест направлен на оценивание способности ребенка понимать значение фразеологизмов. Задача ребенка состоит в выборе одного – корректного – объяснения переносного значения идиомы из трех представленных вариантов.

Понимание лингвистической просодии. Субтест оценивает способность ребенка к восприятию и интерпретации лингвистической просодии посредством определения цели высказывания: вопросительной, побудительной, повествовательной.

Понимание эмотивной просодии. Анализируется способность ребенка воспринимать и интерпретировать эмотивную просодию посредством определения эмоциональной окраски, с которой было произнесено высказывание (веселой, грустной, агрессивной).

Субтест «*Повторение слов*» выявляет уровень способности ребенка воспринимать и корректно повторять простые слова русского языка.

Субтест «*Повторение псевдослов*» оценивает способность воспринимать и корректно повторять последовательности звуков, которые не представляют собой реально существующих слов в русском языке, однако не нарушают его основных акустических и артикуляционных законов, воспринимаются носителями языка как потенциально возможные.

Субтест «*Повторение предложений*» содержит разные по сложности стимульные материалы для дошкольников и школьников. Оценивается способность воспринимать и корректно повторять серию из 20 усложняющихся высказываний различной синтаксической структуры. Низкие баллы, набранные в этом тесте, указывают на наличие трудностей восприятия (например, проблем декодирования звучащей речи), интерпретации лексических и/или грамматических значений слов или сбоя в функционировании рабочей памяти.

ОЦЕНКА СЛУХОРЕЧЕВЫХ ФУНКЦИЙ У ДЕТЕЙ 6-9 ЛЕТ¹

*О.Г. Жижина, А.А. Корнеев, Т.В. Ахутина (Москва)
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
korneeff@gmail.com*

Исследование функций переработки слухоречевой информации у детей дошкольного и младшего школьного возраста – важный вопрос как с точки зрения теоретического понимания развития речевых функций в онтогенезе, так и с точки зрения практической работы с детьми в случае дефицита развития речи. Отдельная задача – формирование и оценка эффективности диагностических процедур, позволяющих оценить состояние слухоречевых функций. В нашей работе мы проводим анализ проб для оценки переработки слухоречевой информации, используемых в нейропсихологическом обследовании [Ахутина и др., 2017]. Это (1) проба на слухоречевую память (трехкратное повторение и воспроизведение двух групп по три слова); (2) компьютерная версия теста на понимание слов, близких по звучанию; (3) вербальные ошибки в назывании предметов в пробах на зрительный гнозис.

В исследовании участвовало 488 детей от 6 до 9 лет. С помощью кластерного анализа интегральных нейропсихологических показателей [Жижина и др., 2021] они были поделены на следующие группы – с хорошим развитием высших психических функций (114 детей, далее группа N), с относительной слабостью функций программирования и контроля (90 детей), с низким уровнем развития функций переработки слуховой информации (85 детей, далее группа AU), с низким уровнем развития функций переработки зрительно пространственной информации (110 детей) и дети с комплексной слабостью по всем этим функциям (49 детей). В рамках данной работы мы сравниваем только две группы – с N и AU.

Для сравнения групп использовался однофакторный дисперсионный анализ, по всей выборке целиком и отдельно по

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-013-00668

возрастам – дошкольники, учащиеся 1, 2 и 3 класса. Он показал, что в целом в пробе на слухоречевую память группы различаются по продуктивности повторения и воспроизведения слов ($p \leq 0,002$ для всех серий). При этом при повторении различия значимы только у дошкольников ($p \leq 0,005$) и первоклассников ($p \leq 0,022$), а старшие дети из двух групп не отличаются. При повторении дети из группы AU допускали значимо больше ошибок по типу изменений согласного ($p < 0,001$), что происходило в основном у дошкольников и первоклассников ($p \leq 0,023$), и искажений ($p = 0,028$), ошибки по типу замены гласного были одинаково редкими. При оценке продуктивности воспроизведения по всей выборке обнаружены значимые отличия между группами во всех случаях ($p \leq 0,002$). Анализ по классам показал значимые различия продуктивности прежде всего 3-го воспроизведения ($p \leq 0,023$). Также в этом задании дети из группы AU в целом допускают больше ошибок по типу изменения как согласных ($p < 0,001$) так и гласных ($p < 0,001$). Ошибки искажения при воспроизведении, ошибки замены слов, а также вставки лишних слов и нарушений порядка в двух группах различаются незначимо.

Также обнаружено, что группы различаются по продуктивности в понимании слов, близких по звучанию ($p = 0,039$), а также по количеству вербальных ошибок при назывании предметов ($p < 0,001$) – во всех случаях дети из группы N справляются лучше сверстников из группы AU.

В целом, полученные результаты указывают на чувствительность методики на слухоречевую память, при этом повторение более показательно в младшем возрасте, а воспроизведение – на всем анализируемом возрастном диапазоне. Показательны данные о числе вербальных ошибок при назывании предметов в задаче на зрительный гнозис. Понимание близких по звучанию слов оказывается наименее показательным, выявление причин этого требует дополнительных исследований.

ИЗУЧЕНИЕ ПАССИВНОГО СЛОВАРНОГО ЗАПАСА ДЕТЕЙ В МОСКВЕ И ЯКУТСКЕ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДИКИ РРVT: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ¹

*Е.С. Ощепкова (Москва)
Институт языкознания РАН;
МГУ имени М.В. Ломоносова
oshchepkova_es@iling-ran.ru
Д.А. Бухаленкова (Москва)
МГУ имени М.В. Ломоносова
Н.А. Картушина (Осло)
Университет Осло*

Тест на пассивный словарь «Peabody picture vocabulary test» (1997) является одним из наиболее распространенных и широко используемых в мировой науке и практике тестов для оценки речевого развития от двух с половиной лет до взрослого возраста. Основным достоинством данного теста является быстрота и легкость проведения, а также простота для испытуемых.

Данная методика состоит в том, что ребенку предъявляется одновременно набор из четырех картинок и говорится слово, называющее одну из этих картинок. Ребенок должен выбрать ту картинку, которая соответствует слову. Тем самым оценивается знание ребенком данной лексики. В тесте присутствуют как предметы, так и обозначения признаков и действий.

В тесте 228 наборов, сгруппированные в 19 серий. На первом этапе предъявляются тренировочные задания, затем – стартовая серия в зависимости от возраста тестируемого (например, для возраста 4 года – это 2-я серия, 5 лет – 4-я и т.д.). Тестирование проводится, пока ребенок не достигнет предельной серии, т.е. серии, в которой он сделает 8 и более ошибок.

Оценка результатов предполагает три аспекта: 1) предельное задание, до которого дошел ребенок; 2) количество ошибок во всех сериях, которые допустил ребенок; 3) полученный итоговый балл

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФН в рамках научного проекта №21-18-00581

(сумма правильных ответов ребенка; за каждый правильный ответ начисляется 1 балл).

Тест PPVT используется во многих странах и переведен на разные языки. В настоящее время введена уже четвертая версия этого теста – PPVT-4 (Dunn, Dunn, 2007). Именно эта серия в настоящее время адаптируется для использования на материале русского языка.

При переводе и адаптации на русский язык у нас возникли определенные трудности. В частности, английские прилагательные и причастия не имеют категории рода, а на картинках изображены и женщины, и мужчины. Соответственно, род прилагательного или причастия будет дополнительной подсказкой, отсутствующей в английском. Чаще нам удавалось избегать этого с помощью глаголов в настоящем времени или неопределенной форме.

Для адаптации и стандартизации опросника предполагались такие регионы, как Москва, Республика Татарстан и Республика Саха – Якутия. На настоящий момент нам удалось собрать данные в Якутии у 328 детей, в Москве – у 213 детей, воспитанников подготовительный групп детских садов (средний возраст – 81 месяц).

При анализе значимости различий в успешности выполнения данного теста между якутскими и московскими детьми мы обнаружили, что по всем трем показателям теста Пибоди якутские дошкольники значимо хуже справились, чем московские (t -критерий для независимых выборок, $p < 0,001$). В частности, среднее предельное задание, до которого доходили московские дети – 165, якутские – 141. Сумма баллов по всем заданиям у московских детей оказалась в среднем – 124,81, а у якутских – 106,33. Правда, московские дети сделали больше ошибок (40 по сравнению с 34 у якутов), однако учитывая, что они выполнили намного больше заданий, этот факт получает свое объяснение.

Пока у нас нет достаточно данных, чтобы делать выводы о причинах такой разницы. Однако можно предположить, что выявленные различия связаны с разницей в возрасте детей: московские дети были в среднем на 2 месяца старше, чем якутские (82,95 и 80,42 месяцев соответственно). Однако наиболее вероятным объяснением нам кажется то, что якутские дети растут в билингвальной среде, а это может оказывать влияние на объем словарного запаса на каждом

языке. Однако более обоснованные выводы мы сможем сделать, когда к нашей выборке добавятся дети из Республики Татарстан, и у нас будет больше данных по разным возрастам.

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И НЕЙРОВИЗУАЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ФУНКЦИЙ У ПАЦИЕНТОВ С ШИЗОФРЕНИЕЙ

***Я.Р. Паникратова, Р.М. Власова, И.С. Лебедева,
Д.В. Тихонов, В.Г. Каледа, Т.В. Ахутина (Москва)
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья»
panikratova@mail.ru***

Исследование проводилось с целью определения особенностей программирования, регуляции и контроля речи, а также переработки слухоречевой информации у пациентов с шизофренией в целом и выявления специфических особенностей данных процессов у пациентов с вербальными галлюцинациями (ВГ) в анамнезе на основе использования нейропсихологических методик и функциональной нейровизуализации.

Методы. В исследовании приняли участие 50 больных эндогенными заболеваниями шизофренического спектра в рамках F20, F25 по МКБ-10 (все мужчины, ср. возраст 29.9 ± 11.7 лет, ср. длительность заболевания 9 ± 10.2 лет) и 40 здоровых испытуемых (все мужчины, ср. возраст 30.5 ± 9.5 лет). Пациенты были поделены на группы больных с ВГ в анамнезе ($N=34$) и без ВГ в анамнезе ($N=16$). Группы испытуемых статистически значимо не различались по возрасту, полу, длительности заболевания и выраженности иных клинических симптомов, помимо ВГ (шкала PANSS).

Нейропсихологическое обследование включало вербальные ассоциации (Ахутина и др., 2015, 2016; Delis et al., 2001); составление рассказа по серии картинок, пересказ рассказа (Ахутина и др., 2015, 2016); рассказ на заданную тему; повторение цифровых рядов в прямом и обратном порядке (тест Векслера; Филимоненко, Тимофеев, 1995); компьютеризированный тест «Понимание близких по звучанию слов» (Корнеев и др., 2019). При статистической обработке

нейропсихологических данных применялись дискриминантный анализ и критерий Краскала-Уоллиса.

Во время обследования методом фМРТ покоя испытуемые лежали неподвижно с открытыми глазами, фиксируя взгляд на белом кресте в центре серого поля монитора в течение 5 мин и стараясь избегать любой систематической мыслительной деятельности. Анализировались различия больных шизофренией с ВГ в анамнезе, без ВГ в анамнезе и здоровых испытуемых по функциональной связанности (ФС) каждого из основных компонентов речевой сети (в височных отделах билатерально и нижней лобной извилине левого полушария) с другими зонами головного мозга (программное обеспечение CONN-fMRI toolbox 17.b, анализ *ROI-to-voxel*, *1-way ANCOVA*).

Результаты. У всех пациентов с шизофренией, по сравнению со здоровыми испытуемыми, отмечалось снижение продуктивности вербальных ассоциаций (фонологических, семантических, с переключением между категориями, свободных), снижение длины и синтаксической сложности рассказа, большее количество ошибок по типу дефицита передних и задних отделов левого полушария при составлении рассказов, снижение продуктивности понимания близких по звучанию слов и повторения цифровых рядов в прямом порядке. По данным фМРТ покоя – ослабление ФС между верхними височными извилинами билатерально и передней поясной извилиной, а также между верхней височной извилиной левого полушария и кластером в центральной оперкулярной коре, извилине Гешля и островковой коре левого полушария.

Пациенты с шизофренией с ВГ в анамнезе, по сравнению с пациентами без ВГ и здоровыми испытуемыми, хуже выполняли пробу семантических вербальных ассоциаций, строили более короткие фразы в рассказе, обнаруживали снижение объема вербальной памяти (худшую продуктивность повторения цифровых рядов в обратном порядке, по сравнению с прямым), меньшую смысловую полноту пересказа и большее количество ошибок по типу дефицита правого полушария в рассказах (нереалистичность, соскальзывания на побочные темы). По данным фМРТ покоя – ослабление ФС между нижней лобной извилиной в левом полушарии и передней поясной корой.

Подписано к печати 26.05.2021
Сдано в набор 27.05.2021
Формат бумаги А5 – 60х90 1/16
Тип гарнитуры “Таймз Нью Роман”
Объем 23,3 усл.печ.л.
Тираж 300 экз.